

ВЕСТНИК ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

№ 1 (100) 2022

Учредитель: Федеральное государственное казенное образовательное
учреждение высшего образования
«Восточно-Сибирский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

ПИ № ФС77-64854 от 10.02.2016.

Издание входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых
должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук,
рекомендованных ВАК Минобрнауки Российской Федерации

Подписной индекс по объединённому каталогу «Пресса России» 38836

Издаётся с июня 1997 г.

Выходит четыре раза в год

Адрес редакции, издателя: ул. Лермонтова, 110, Иркутск, 664074

Адрес типографии: ул. Гончарова, 30, Иркутск, 664017

тел.(3952) 410-989, 410-215, факс (3952) 411-953

Телетайп: 231-333 «Дельта»

e-mail ИМТС: esiirk@mvd.ru

e-mail Интернет: esiirk-vestnik@mvd.gov.ru

© Восточно-Сибирский институт МВД России, 2022

Редакционная коллегия

Главный редактор журнала:

П. А. Капустюк, канд. экон. наук, начальник
Восточно-Сибирского института МВД России

Заместитель главного редактора журнала:

О. П. Грибунов, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры
криминалистики Восточно-Сибирского института
МВД России

Члены редакционной коллегии:

О. А. Авдеева, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры
уголовного права и криминологии Восточно-Си-
бирского института МВД России

А. В. Варданян, заслуженный деятель науки Рос-
сийской Федерации, д-р юрид. наук, проф., началь-
ник кафедры криминалистики и оперативно-разыс-
ской деятельности Ростовского юридического ин-
ститута МВД России

Б. Я. Гаврилов, заслуженный юрист Российской
Федерации, заслуженный деятель науки Российской
Федерации, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры
управления органами расследования преступлений
Академии управления МВД России

А. Ю. Головин, д-р юрид. наук, уполномоченный
по защите прав предпринимателей в Тульской области

А. Г. Елагин, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры
управления деятельностью подразделений обеспе-
чения охраны общественного порядка центра ко-
мандно-штабных учений Академии управления
МВД России

В. С. Ишигеев, д-р юрид. наук, проф., проф. ка-
федры уголовного права и криминологии Байкаль-
ского государственного университета

Д. А. Липинский, д-р юрид. наук, проф., проф. ка-
федры конституционного и административного
права института права Тольяттинского государ-
ственного университета

И. В. Минникес, д-р юрид. наук, проф., гл. научный
сотрудник Института правовых исследований
Байкальского государственного университета

И. А. Минникес, д-р юрид. наук, доц., зав. отделом
теории права и сравнительного правоведения Ин-
ститута правовых исследований Байкальского гос-
ударственного университета

В. В. Николюк, заслуженный деятель науки Россий-
ской Федерации, д-р юрид. наук, проф., гл. научный
сотрудник отдела проблем уголовного судопроизвод-
ства Российского государственного университета
правосудия

С. Л. Нудель, д-р юрид. наук, доц., зав. центром уголов-
ного, уголовно-процессуального законодательства и су-
дебной практики Института законодательства и срав-
нительного правоведения при Правительстве Российской
Федерации

С. В. Пархоменко, д-р юрид. наук, проф., проф. кафе-
дры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юриди-
ческого института (филиал) Академии Генеральной
прокуратуры Российской Федерации

А. Л. Репецкая, заслуженный юрист Российской Феде-
рации, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уголовно-
го права и криминологии Восточно-Сибирского инсти-
тута МВД России

Е. В. Рогова, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры уго-
ловно-правовых дисциплин Иркутского юридического
института (филиала) Академии Генеральной прокура-
туры Российской Федерации

И. В. Смолькова, заслуженный юрист Российской
Федерации, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уго-
ловного процесса Восточно-Сибирского института
МВД России

Д. А. Степаненко, д-р юрид. наук, проф., проф. кафе-
дры криминалистики, судебных экспертиз и юридиче-
ской психологии Байкальского государственного
университета

З. С. Токубаев, д-р юрид. наук, профессор, первый про-
ректор, проректор по науке и стратегическому разви-
тию Центрально-Казахстанской академии

Н. Н. Цуканов, д-р юрид. наук, доц., зам. начальника
Сибирского юридического института МВД России
(по научной работе)

В. В. Чуксина, д-р юрид. наук, доц., заведующий ка-
федрой правового обеспечения национальной безо-
пасности Байкальского государственного университета

А. В. Шахматов, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры
оперативно-розыскной деятельности органов внутрен-
них дел Санкт-Петербургского университета
МВД России

В. А. Юсупов, д-р юрид. наук, проф., ректор Волгоград-
ского института экономики, социологии и права

Публикуемые материалы отражают точку зрения автора, которая может не совпадать с мнением редколлегии. Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях. Любые нарушения авторских прав преследуются по закону.

Перепечатка материалов журнала допускается только по согласованию с редакцией.

Плата с авторов за публикацию рукописей не взимается. Рукописи не возвращаются.

Подписано в печать 28 марта 2022 г. Дата выхода в свет 31 марта 2022 г.

Цена свободная

Формат 60 × 84/8. Усл. печ. л. 33,75.

Тираж 1000 экз.

Первый завод 75 экз. Заказ № 17

Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел

VESTNIK OF THE EAST SIBERIAN INSTITUTE OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION

No. 1 (100) 2022

The founder of the journal is Federal State Budgetary Educational Institute of Higher Education
"East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation".

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

Registered with the Federal service
for supervision of communications, information technology and mass communications
(Roskomnadzor)

PI No. FS 77-64854 dated 10 February, 2016

The publication is included in the list of peer-reviewed scientific publications, in which the main results
of the thesis for the degree of candidate of sciences should be published, for the degree of doctor of science
recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science
of the Russian Federation.

Since June 1997

The journal is issued four times a year

664074, Irkutsk, Lermontov St. 110
Tel. (3952) 410-989, 410-215,
fax: (3952) 411-953,
Teletype: 231-333 «Дельта»
e-mail ИМТС: esiirk@mvd.ru
e-mail: esiirk-vestnik@mvd.gov.ru

© East Siberian Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, 2022

Editors

Chief Editor

P. A. Kapustuk, Candidate of Economics, Chief East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Deputy Chief Editor

O. P. Gribunov, Doctor of Law, Professor, professor of the Department of Criminology East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Editorial team

O. A. Avdeeva, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

A. V. Vardanyan, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Head of the Criminalistics Department of the Rostov Law Institute of the MIA of the Russian Federation

B. Y. Gavrilov, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Department of the Management of Crime Investigation Units, Academy of Management of the MIA of the Russian Federation

A. Yu. Golovin, Doctor of Law, the Commissioner for the Protection of the Rights of Entrepreneurs in the Tula Region

A. G. Elagin, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Management of the Activities of the Units of Ensuring the Public Order of the Center for Command and Staff Exercises of the Academy of Management of the MIA of the Russian Federation

V. S. Ishigeev, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Baikal State University

D. A. Lipinsky, Doctor of Law, Professor, Professor of the Constitutional and Administrative Law Department of the Law Institute of the Togliatti State University

I. V. Minikes, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Institute of Legal Research, Baikal State University

I. A. Minikes, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory of Law and Comparative Law of the Institute of Legal Research, Baikal State University

V. V. Nikolyuk, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Criminal Justice Department of the Russian State University of Justice

S. L. Nudel, Doctor of Law, Associate Professor, head of the center of the Department of Criminal, Criminal Procedure Law; Judicial Proceedings of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

S. V. Parkhomenko, Doctor of Law, Professor, Professor of the Criminal Law Disciplines Department of the Law Institute (branch) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation

A. L. Repetskaya, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E. V. Rogova, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Criminal Law Disciplines Department of the Law Institute (branch) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation

I. V. Smolkova, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Criminal Proceedings Department of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

D. A. Stepanenko, Doctor of Law, Professor, Professor of the Criminalistics Department of the Baikal State University

Z. S. Tokubaev, Doctor of Law, Professor, First Vice-Rector, Vice-Rector for Science and Strategic Development of The Central Kazakhstan Academy

N. N. Tsukanov, Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head for scientific affairs of the Law Siberian Institute of the MIA of the Russian Federation

V. V. Chuksina, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of National Security Legal Support of the Baikal State University

A. V. Shakhmatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Operative-Investigative Activity of Internal Affairs of the St. Petersburg University of the MIA of the Russian Federation

V. A. Yusupov, Doctor of Law, Professor, Rector of the Volgograd Institute of Economics, Sociology and Law

Authors are responsible for publications contents and facts reliability.

Citation of reference sources is obligatory in case of reprint or reproduction by any means. Copyright violation is prosecuted.

The republication is allowed after the Editorial board permission only.

Publication is for free. Manuscripts are not returned.

Passed for printing on 28 th March 2022. Publication date 31 th March 2022.

Price: free

Format 60 × 84/8

Conventional printed sheets 33,75. Issue 1000 copies

Fist issue 75 copies. Order No 17

Research and Editorial-Publishing Department

СОДЕРЖАНИЕ

Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

Авдеева О. А., Авдеев В. А. Стратегические направления правового воздействия в контексте реализации концепции устойчивого развития современного общества	9
Грошев С. Н. Воздействие древнерусского церковного и светского права на юридический статус лиц мужского пола	20
Кнаус О. А. Деятельность общественных организаций в обеспечении общественного порядка и раскрытии преступлений на территории Иркутской области в 1960-х — 1980-х гг.	29
Пономарева В. В., Чугаев В. В. Теологическая теория в английской политико-правовой мысли XVIII века.....	47

Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право

Антонов Я. А. Основания, условия и процедуры введения чрезвычайного положения: проблемы, тенденции изменений, перспективы	58
Никитина А. Е. Органы государственной власти как субъект, участвующий в гарантировании права на свободу совести в Российской Федерации	68
Шастина А. Р. Генезис отечественного института правовой защиты прав и свобод личности	78

Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Бердников В. Л. Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 303 УК РФ.....	87
Кашуба Ю. А., Хван Т. С. Зарубежный опыт преодоления языкового барьера в местах заключения.....	98
Квасников Е. С. Эволюция уголовно-правовой охраны безопасного труда: предпосылки, этапы развития, пути совершенствования	108
Мурсалимов А. Т. Цифровое рейдерство — новый способ мошенничества в сфере кредитования.....	119
Сидорова Е. З. О некоторых способах и механизмах решения проблем безопасности образовательной среды	128
Унжакова С. В., Забавко Р. А. Особенности квалификации уничтожения или повреждения лесных насаждений (ст. 261 УК РФ)	140

Уголовный процесс

Замуруева Е. Ю. Справедливость как требование к решению о применении мер пресечения	152
Фадеева Ю. Р. Формирование следственных действий негласного характера в уголовно-процессуальном законодательстве России	163
Яценко И. И. Понятие, признаки и функции электронного документа в российском законодательстве, науке и уголовно-процессуальной деятельности	174

Судебная деятельность, прокурорская деятельность; правозащитная и правоохранительная деятельность

Матюхин О. И. Категория безопасность как основа правоотношений на объектах воздушного транспорта	187
Саетгараев В. Ф. Политика содействия гражданского общества в деятельности полиции США	197

Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

Малик В. И. Некоторые аспекты проведения оперативно-розыскных мероприятий при документировании преступлений о незаконном обороте наркотиков, совершенных бесконтактным способом, и оценка их результатов.....	214
Попова Е. И. Тактическое преимущество: понятие, сущность, взаимосвязь со смежными криминалистическими категориями	226

Административное право; административный процесс

Баранова С. А., Культемирова Л. Т. Организационные основы участия граждан в охране общественного порядка: опыт России и Казахстана.....	238
Сысоев А. А. Особые правовые режимы в интерпретации региональных правительств Восточной Сибири во время пандемии коронавируса COVID-19	253
Информация для авторов	264

CONTENTS

Theory and history of law and state; history of law and state doctrines

Avdeeva O. A., Avdeev V. A. Strategic directions of legal impact in the context of implementation of the concept of sustainable development of modern society	9
Groshev S. N. The impact of old Russian ecclesiastical and secular law on the legal status of male persons	20
Knaus O. A. Activities of public organizations in ensuring public order and solving crimes in the Irkutsk region in 1960-1980.....	29
Ponomareva V. V., Chugaev V. V. Theological theory in english political and legal thought of the xviii century	47

Constitutional law; constitutional judicial process; municipal law

Antonov Ya. A. Grounds, conditions and procedures for the introduction of a state of emergency: problems, trends, prospects.....	58
Nikitina A. E. The bodies of state powers as a subject of security and protection of the constitutional and legal guarantees of the right to freedom of conscience in the Russian Federation	68
Shastina A. R. The genesis of the domestic institution of legal protection of individual rights and freedoms.....	78

Criminal law and criminology; criminal executive law

Berdnikov V. L. The subjective side of the crime under article 303 of the criminal code of the Russian Federation.....	87
Kashuba Yu. A., Khvan T. S. Foreign experience of overcoming the language barrier in prisons	98
Kvasnikov. E. S. The evolution of criminal law protection of safe labor: prerequisites, stages of development, ways of improvement.....	108
Mursalimov A. T. Digital raiding — a new way of fraud in the field of lending	119
Sidorova E. Z. About some methods and mechanisms for solving problems of security of the educational environment	128
Unzhakova S. V., Zabavko R. A. Features of Qualification of destruction or damage of forest plantations (art. 261 of the russian criminal code).....	140

Criminal proceeding

Zamurueva E. Yu. Fairness as a requirement to the decision on the application of precautionary measures	152
Fadeeva Ju. R. Formation of undercover investigative actions In the criminal procedure legislation of Russia.....	163

Yashchenko I. I. The concept, features and functions of an electronic document in russian legislation, science and criminal procedure.....	174
--	-----

**Judicial activity; prosecutorial activities;
human rights and law enforcement**

Matyukhin O. I. Category security as the basis of legal relations at air transport facilities.....	187
Saetgaraev V. F. Civil society assistance policy in the activities of the us police	197

Criminalistics; forensic expertise; operatively-search activity

Malik V. I. Aspects of conducting operational-search measures when documenting crimes of illegal trafficking in drugs done in a contactless method, and assessment of their results	214
Popova E. I. Tactical advantage: concept, essence, relationship with related forensic categories.....	226

Administrative law; administrative process

Baranova S. A., Kultemirova L. T. Organizational basis of the participation of citizens in the protection of public order: experience of Russia and Kazakhstan	238
Sysoyev A. A. Special legal regimes in the interpretation of regional governments of eastern Siberia during the covid-19 coronavirus pandemic	253
Information for authors	264

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 1 (100). С. 9—19.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022.
Vol. no.1 (100). P. 9—19.

**12.00.01. Теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве**

Научная статья

УДК 340.1

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.63.67.001

**СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ
В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ
УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА**

Ольга Анатольевна Авдеева¹, Вадим Авдеевич Авдеев²

¹Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия,
Avdeeva_O_A@mail.ru

²Югорский государственный университет, Ханты-Мансийск, Россия,
vadim.avdeevich@mail.ru

Введение: статья посвящена раскрытию актуальных направлений реализации правовой политики Российской Федерации с учетом стратегических приоритетов, целей и задач, обозначенных международным сообществом для обеспечения прогрессивного устойчивого развития общества ввиду возникновения в условиях глобализации новых угроз и вызовов. В рамках современной правовой политики существенная роль отводится предупреждению правонарушающего поведения, развитию правовой культуры и нейтрализации факторов, детерминирующих правовой нигилизм, посредством совершенствования методов и средств правового воздействия, повышения роли социокультурной и информационно-ценностной функций права.

Материалы и методы: определение ключевых направлений реализации на национальном уровне правовой политики по совершенствованию форм и средств правового воздействия базируется на исследовании положений, обозначенных международным сообществом в Концепции устойчивого развития общества на период до 2030 г., юридической доктрины и материалов официальной статистики, основывающемся на использовании совокупности общенаучных, частнонаучных и специальных методов, включая формально-юридический, сравнительно-правовой, кибернетический и иные методы юридического познания.

Результаты исследования: обозначены социально-негативные последствия глобализации на внутригосударственном и международном уровне, связанные с возникновением новых угроз; определена роль государства, органов правоохранительной системы, негосударственных учреждений и институтов гражданского общества в повышении качества регулятивно-охранительной, компенсационно-восстановительной, социокуль-

турной, информационно-ориентированной направленности правового воздействия на общественные отношения в целях обеспечения безопасности человека, общества и государства.

Выводы и заключения: для достижения на национальном уровне целей и задач, обозначенных мировым сообществом в Концепции устойчивого развития общества в контексте совершенствования мер правового воздействия, требуется консолидация административных и иных ресурсов субъектов реализации как юридических, так и обще-социальных функций права, способствующая проведению системных, последовательных и согласованных законотворческих и организационно-практических мер, направленных на повышение эффективности правотворческой и правоприменительной деятельности путем внедрения «опережающего метода» в механизм правового регулирования в сфере экономического, социального и политико-правового развития человека, общества и государства.

Ключевые слова: право, правовая политика, правовое воздействие, правовое регулирование, национальная безопасность, предупреждение правонарушающего поведения.

Для цитирования: Авдеева О. А., Андреев В. А. Стратегические направления правового воздействия в контексте реализации концепции устойчивого развития современного общества / О. А. Авдеева, В. А. Авдеев // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2022. — № 1 (100). — С. 9—19.

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.63.67.001

12.00.01. Theory and history of law and state; history of the doctrines of law and the state

Original article

STRATEGIC DIRECTIONS OF LEGAL IMPACT IN THE CONTEXT OF IMPLEMENTATION OF THE CONCEPT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF MODERN SOCIETY

Olga A. Avdeeva¹, Vadim A. Avdeev²

¹ East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation, Avdeeva_O_A@mail.ru

²Yugra State University Khanty-Mansiysk, Russia, vadim.avdeevich@mail.ru

Introduction: the article is devoted to the disclosure of the current directions for the implementation of the legal policy of the Russian Federation, taking into account the strategic priorities, goals and objectives identified by the international community to ensure the progressive sustainable development of society in view of the emergence of new threats and challenges in the context of globalization. Within the framework of modern legal policy, a significant role is given to the prevention of delinquent behavior, the development of legal culture and the neutralization of the factors that determine legal nihilism, by improving the methods and means of legal influence, increasing the role of the socio-cultural and information-value functions of law.

Materials and methods: the identification of key areas for the implementation at the national level of legal policy to improve the forms and means of legal influence is based on the study of the provisions identified by the international community in the Concept of sustainable development of society for the period up to 2030, the legal doctrine and materials of official statistics, based on the use sets of general scientific, private scientific and special methods, including formal legal, comparative legal, cybernetic and other methods of legal knowledge.

The results of the study: identified the social and negative consequences of globalization at the domestic and international levels, associated with the emergence of new threats; the role of the state, law enforcement agencies, non-governmental institutions and civil society institutions in improving the quality of the regulatory and protective, compensatory and restorative, sociocultural, information-oriented direction of legal influence on public relations in order to ensure the security of man, society and the state is determined.

Findings and conclusions: Conclusions and conclusion: in order to achieve at the national level the goals and objectives outlined by the world community in the Concept of sustainable development of society in the context of improving measures of legal influence, it is necessary to consolidate the administrative and other resources of the subjects of implementation of both legal and general social functions of law, contributing to the implementation of systematic, consistent and coordinated legislative and organizational and practical measures aimed at improving the efficiency of law-making and law enforcement activities by introducing a “leading method” into the mechanism of legal regulation in the field of economic, social and political and legal development of a person, society and the state.

Keywords: law, legal policy, legal impact, legal regulation, national security, prevention of delinquent behavior.

For citation: Avdeeva O. A., Andreev V. A. Strategicheskie napravlenija pravovogo vozdejstvija v kontekste realizacii koncepcii ustojchivogo razvitija sovremennogo obshhestva [Strategic directions of legal influence in the context of the implementation of the concept of sustainable development of modern society]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022, vol. no, 1 (100), pp. 9—19 (in Russ.)

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.63.67.001

В современный период развития правовой государственности и оптимизации правовой политики Российской Федерации в сфере обеспечения правового воздействия, формирования правовой культуры и нейтрализации факторов, детерминирующих правовой нигилизм, на правотворческом, доктринальном и правоприменительном уровнях наметились качественно новые подходы к оценке сущности и содержания предупредительного воздействия права в контексте реализации правовой политики по предупреждению правонарушающего поведения. В этой связи повышенный интерес среди ученых и практиков вызывают вопросы, связанные как с углублением доктринально-методологических основ предупредительного воздействия, так и с совершенствованием практико-ориентированных методов и средств, содействующих предупреждению правонарушающего поведения [1, с. 47—48].

Стоит отметить, что на сегодняшний день процесс глобализации международной жизни обусловил появление на внутригосударственном, межгосударственном и между-

народном уровнях качественно новых угроз и рисков, препятствующих устойчивому развитию современного общества и правовой государственности.

Так, согласно данным официальной статистики, в 2019—2020 гг. в России имела место тенденция роста абсолютных показателей преступности на 1,6 % и 1,0 % соответственно. В 2021 г. значительный прирост показателей наметился таких противоправных посягательств, как: преступления экстремистской направленности — на 26,9 %; неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей — на 25,7 %; организация незаконной миграции — на 25,6 %; заведомо ложные сообщения об акте терроризма — на 25,5 %; преступления коррупционной направленности — на 13,8 %; преступления экономической направленности — на 11,6 %, из них налоговые преступления — на 13,8%; вымогательство — на 8,2 %; преступления, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, — на 1,4 %; мошенничество — на 1,2 %.

Закономерно в этой связи возникает вопрос относительно детерминант правонарушающего, в том числе преступного поведения. Примечательно, что в рамках проводимых социологических исследований одними из ключевых направлений респонденты подчеркивают повышение качества и эффективности правоохранительной деятельности, а также уровня профессионализма сотрудников правоохранительной системы. Действительно, данные аспекты заслуживают пристального внимания на законодательном и правоприменительном уровнях [2, с. 124—140]. Однако является ли решение данных аспектов достаточным для повышения качества правового воздействия и обеспечения личной, общественной и государственной безопасности?

В этой связи хотелось бы обратить внимание на позицию мирового сообщества. Учитывая, что указанная тенденция роста характерна для показателей международной преступности, проблема противодействия правонарушающему поведению стала предметом обсуждения на 70-й юбилейной сессии Генеральной ассамблеи ООН, состоявшейся в сентябре 2015 г. в Нью-Йорке. К числу масштабных проблем, препятствующих устойчивому развитию общества, отнесены: негативные тенденции в ходе создания инклюзивной экономики; нарастающие темпы социальной интеграции; обеспечение экологической безопасности; охрана окружающей среды; низкий уровень качества жизни, в том числе многодетных семей; гендерное равноправие, независимость и профессиональный уровень женщин; низкий правовой статус «женщины как матери»; доступность различных категорий населения к образовательному процессу и информационной инфраструктуре; направленность современной идеологии, пропагандирующей «подрыв устоев стабильного развития общества», и т. д.

Результатом работы участников стало принятие Концепции устойчивого развития общества на период до 2030 г. (далее также — Концепция). В целях обеспечения «стабильной и фактической реализации общесоциальных и правовых благ» в Концепции, исходя из анализа современных потребностей и интересов, обозначены приоритеты и поставлены для их реализации 17 целей и 169 задач. Анализ определяемых Концепцией устойчивого развития общества на период до 2030 г. приоритетов, целей и задач позволил сделать вывод о том, что стратегическое значение на современном этапе имеет повышение на внутригосударственном уровне эффективности правового воздействия на все сферы общественных отношений. Определяя приоритеты, достижение которых

призвано содействовать обеспечению поступательного развития мирового сообщества, мировое сообщество в Концепции первостепенное значение отводит действию национальных правовых систем на основе принципов и норм международного права. Вследствие этого подчеркивается значимость консолидации политико-правовых, административных и технико-юридических ресурсов с учетом появления новых угроз и вызовов и назревшей необходимости дальнейшей оптимизации методов и средств правового воздействия.

Отмечая значимость правовых гарантий устойчивого развития общества, мировое сообщество ориентирует в Концепции национальное законодательство на совершенствование экономической сферы жизнедеятельности общества, направленное на принятие мер, способствующих росту экономического потенциала и повышению производительности труда.

В целях обеспечения прогрессивного развития и благополучия общества в Концепции акцентируется внимание на создании «общества знаний». Задача государств на уровне национальных правовых систем состоит в создании условий для всеобщей безопасности, осуществления прав человека, использования потенциала знания для экономического роста и роста производительного труда. Определяя приоритетные направления реализации государственной политики на пути к «обществу знаний», мировое сообщество отмечает роль государства по сокращению уровня бедности и повышению качества жизни наиболее уязвимых категорий населения, в том числе многодетных семей. При этом актуализируется решение задач по оптимизации средств и методов правового воздействия в сфере здравоохранения и социальной защиты.

В качестве ключевых направлений деятельности государств на пути к формированию «общества знаний» в образовательной сфере признаются: увеличение инвестиций в образование и предоставление гражданам равных возможностей для его получения; установление приоритетности бюджетного финансирования как образовательного процесса, так и научных исследований; обеспечение профессионального роста женщин путем расширения доступа женщин на службу в государственных организациях национального и международного уровня, а также предприятиях частного сектора.

Целесообразным признается повышение качества образовательного процесса и воспитательной работы в образовательных учреждениях и создание благоприятных условий для осуществления родителями воспитательной функции. В этой связи государственно-правовые меры в системе образования должны разрабатываться с учетом сложившихся социально-экономических реалий и политико-правовых факторов. Так, в сфере высшего образования государственно-правовая политика предусматривает как сохранение «собственной самоидентификации», так и адаптацию, исходя из назревших современных потребностей общества и государства. Актуальной задачей является повышение качества образовательной деятельности путем разработки образовательных программ, которые будут учитывать как перспективы развития общества, запросы и интересы его членов, так и потребности государства. Стоит обратить внимание на то, что развитие мирового сообщества на пути формирования общества знаний на внутригосударственном и глобальном уровнях предполагает в системе высшего образования повышение качества воспитательной деятельности образовательных учреждений.

Определяя парадигму устойчивого развития современного общества, мировое сообщество в Концепции акцентирует внимание на повышении роли в механизме правового воздействия социальных ценностей и социальной ответственности. Назревшие проблемы требуют формирования устойчивой системы нравственных ценностей независимо от государственной принадлежности и способствующей развитию гражданского общества, мира и согласия. Вследствие этого в качестве «миссии современного общества на пути к обществу знаний» в Концепции предусматривается реализация мер правового воздействия, содействующих снижению уровня социальной конфликтности в обществе. Учитывая «глобальные формы» отдельных видов преступности экстремистской и террористической направленности, подчеркивается роль «ценностного образования», ориентированного на формирование личности, отличающейся наличием устойчивых социальных ценностей, способствующих прогрессивному развитию общества.

Международное сообщество, ориентируя национальное законодательство на обеспечение устойчивого поступательного развития личности, институтов гражданского общества и государств, подчеркивает особую актуальность решения задач, направленных на правовое обеспечение общественной безопасности как приоритетного направления в ходе реализации целей Концепции устойчивого развития общества 2015 г. и улучшение качества технико-юридических средств, способствующих унифицированному подходу к пониманию социально-негативных явлений.

Реализация целей и задач, промульгируемых международным сообществом в Концепции, на национальном уровне предопределила повышенный интерес со стороны органов государства, в том числе законодательных органов федерального и регионального уровня, сотрудников правоохранительной системы, органов местного самоуправления, ученых и представителей общественности [3, с. 35—37]. Так, обозначенные проблемы реализации правоохранительной деятельности в Российской Федерации нашли отражение в Стратегии национальной безопасности 2021 г. (Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400), ориентирующей ученых и практиков на консолидацию ресурсов по разработке эффективных мер, направленных на обеспечение личной, общественной и государственной безопасности, на охрану незыблемых правовых ценностей, в том числе права на жизнь, личную свободу и личную неприкосновенность.

Резюмируя основные положения Концепции устойчивого развития общества, полагаем необходимым отметить, что поступательное развитие международного сообщества, независимо от специфики национальных правовых систем и уровня демократизации политической системы государства, предусматривает на современном этапе проведение последовательных преобразований в целях обеспечения личной, общественной и государственной безопасности, что, в свою очередь, предполагает решение задач, направленных на построение «общества знаний», в условиях которого экономический рост и качество жизни каждого человека предопределены социально-экономическим прогрессом, обусловленным доступностью и качеством образовательного процесса, отвечающего потребностям общества и сопряженного с осуществлением воспитательной деятельности для формирования личности на основе идеологии нетерпимости социальной конфликтности и утверждения мира и согласия с учетом социально-правовых идеалов справедливости, законности, равенства и свободы.

Вместе с тем реализация вышеуказанных приоритетов, целей и задач устойчивого развития на международном и внутригосударственном уровнях требует понимания значимости эффективного правового воздействия [4, с. 375—377]. Представляется, что в первую очередь следует исходить из согласованности доктринально-методологических и практико-ориентированных основ правового воздействия, позволяющей на международном и национальном уровнях для «стабильной и фактической реализации общесоциальных и правовых благ» осуществить унификацию методов и средств правовой политики с учетом общесоциальной и юридической ценности права как универсального социорегулятора.

В частности, на международном уровне в свете происходящих социально-экономических и политико-правовых преобразований требуется проведение правовой политики, обеспечивающей активизацию деятельности правительственных структур по принятию взаимных соглашений с целью укрепления солидарности между государствами по противодействию новым вызовам и угрозам. В целях противостояния современным угрозам и вызовам, создающим опасность для жизни и здоровья человека, требуется консолидировать усилия органов правоохранительной системы. Транснациональный характер данных угроз предусматривает взаимообусловленную деятельность международных неправительственных организаций. Интенсификации заслуживает совместная деятельность по осмыслению негативных тенденций, создающих угрозу поступательному развитию общества, и выявлению причин и условий, способствующих их возникновению и развитию. В этой связи немалое значение имеет консолидация ресурсов международных организаций и развития между ними партнерских связей.

На внутригосударственном уровне эффективное правовое обеспечение личной, общественной и государственной безопасности должно быть признано приоритетным направлением реализации Концепции устойчивого развития общества. Государственно-правовая политика должна осуществляться путем прогнозирования и установления приоритетов, порождаемых долгосрочными потребностями общества. Регламентируя на внутригосударственном уровне механизм реализации приоритетов, целей и задач, необходимых для устойчивого развития общества, законодатель должен в целях надлежащего обеспечения «стабильной и фактической реализации общесоциальных и правовых благ» определить субъекты их реализации. Так, в качестве одного из основных направлений повышения качества правового воздействия признается консолидация ресурсов органов государства, образующих национальную правоохранительную систему. Вместе с тем требуется на законодательном уровне установить предметы и пределы действия по достижению рассмотренных приоритетов, целей и задач государственных органов власти субъектов, образующих государство, и органов местного самоуправления. В качестве субъектов реализации приоритетов, целей и задач должны быть признаны как институты гражданского общества, так и каждый член общества.

При этом меры, проводимые на межрегиональном, региональном и муниципальном уровнях, должны отличаться согласованностью и последовательностью. Активизация взаимодействия между органами государственной власти в регионах должна быть сопряжена с развитием «цифрового побратимства» между муниципалитетами. Согласованными должны быть также меры, осуществляемые предприятиями, организациями и учреждениями государственного, муниципального и частного сектора.

Осуществление государством координационной деятельности по согласованию осуществляемых мер должно исходить из многоаспектности социальной и юридической ценности правового воздействия в реализации регулятивной, охранительной, компенсационной и восстановительной функций. Правовое воздействие как доктринально-методологическая конструкция представляет собой совокупность сущностно-содержательных, нормативно-институциональных, функциональных и субъективно-деятельностных признаков, свойств, методов и средств. Социальная ценность правового воздействия состоит в создании условий для стабильной и фактической реализации в обществе как общесоциальных, так и правовых благ, подлежащих регламентации в целях обеспечения приоритета прав и свобод человека и поступательного развития институтов гражданского общества.

Роль правового воздействия состоит в формировании правовых основ для создания в общественных отношениях порядка в интересах всех членов общества на основе приоритета принципов равенства, свободы и справедливости. Статико-регулятивная роль правового воздействия предполагает нормативное закрепление правовых категорий, регламентирующих меру дозволенного в целях охраны и защиты интересов иных участников общественных отношений. Охранительная направленность правового воздействия, исходящая из установления правовых запретов, содержащих перечень социально-значимых интересов, взятых под охрану государством под угрозой применения мер государственного принуждения, выступает стимулом при избрании социально-полезного поведения. При этом социальная ответственность, реализуемая в форме юридической ответственности, предполагает сочетание методов убеждения и принуждения, которые базируются на таких принципах, как законность, справедливость, неотвратимость, соразмерность и гуманизм. Компенсационная направленность правового воздействия предусматривает формирование правовых основ для восстановления прав, нарушенных в результате совершения правонарушения, и исполнения правонарушителем обязанностей, обусловленных характером наступивших в результате совершенного противоправного деяния негативных последствий, выражающихся в ущемлении, изменении, нарушении, разрушении действующих общественных отношений, и сопряженных с возмещением причиненного ущерба или вреда.

Для обеспечения поступательного развития общества существенную роль играет общесоциальная направленность правового воздействия [5, с. 614—616]. Стоит выделить информационно-ориентирующее значение правового воздействия, заключающееся в сочетании общесоциальных и юридических ресурсов для информирования участников общественных отношений о негативных последствиях, связанных с совершением противоправного деяния [6, с. 95—96]. Техничко-юридический подход к реализации информационного правового воздействия предусматривает своевременное доведение до участников общественных отношений достоверной информации о вариантах поведения, подлежащих одобрению или порицанию государством и обществом на законодательном уровне, и способствует формированию линии поведения, позитивированной обществом и государством. Ориентационная направленность правового воздействия предполагает формирование в ходе информирования установки к целесообразности соблюдения правовых предписаний, установленных государством [7, с. 62—64]. Большое значение имеет направленность правового воздействия на реализацию социального контроля, который со-

действует приобретению устойчивой отрицательной установки в отношении правонарушающего поведения, осознанию социально-полезных стимулов правомерного поведения, что в совокупности оказывает сдерживающее воздействие от совершения правонарушения.

Исходя из значимости общесоциального аспекта правового воздействия, существенное значение имеет культурно-историческая ценность права, заключающаяся в аккумуляровании общепризнанных ценностей нравственно-моральной направленности, способствующих формированию социально-полезных установок, ориентирующих индивида на правомерное поведение, правовое сознание и правовое просвещение, а также постулировании в качестве правовых идеалов основ позитивируемой обществом идеологии и мировоззрения, содействующих консолидации общества независимо от национальной, расовой, религиозной принадлежности.

Необходимо подчеркнуть особую значимость в построении «общества знаний» качества основного, среднего и высшего профессионального образования. Поступательному развитию современного общества будет содействовать создание профессиональной системы оценки уровня воспитательного процесса. Вследствие этого необходимо разработать измерительные инструменты, позволяющие создать статистический инструментарий для измерения уровня воспитательного процесса и накопления нравственных ценностей. Качественное и количественное улучшение статистических возможностей предполагает разработку новых индикаторов и технологий.

Таким образом, для достижения целей, обозначенных в Концепции устойчивого развития общества, актуализируется необходимость расширения взаимодействия вышеуказанных субъектов реализации юридических и общесоциальных функций права, которое должно способствовать как консолидации административных, юридических и иных ресурсов, так и проведению согласованных, системных, целенаправленных организационно-практических мер, направленных на развитие правового просвещения, повышение уровня правовой культуры, преодоление правового нигилизма, следовательно, обеспечивать достижение социально-правовых идеалов, таких как социальной справедливости, правопорядка, законности и гуманизма.

Учитывая динамику развития политических и социально-экономических процессов, на уровне национальных государственно-правовых систем в целях опережающего правового регулирования требуется активизация проведения исследований, позволяющих своевременно: определять негативные тенденции, препятствующие устойчивому развитию общества, и выявлять факторы, их детерминирующие; устанавливать условия возникновения данных негативных явлений в обществе; применять меры правового воздействия, подлежащие законодательной регламентации на уровне внутригосударственных, межгосударственных и международных отношений; обозначать перспективы реализации правовых мер противодействия негативным социальным явлениям; устанавливать роль государства по обеспечению безопасности человека, общества и государства, мира и человечества; раскрывать роль личности и институтов гражданского общества, призванных содействовать прогрессивному поступательному развитию.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Авдеева О. А. Аксиоматические принципы правового регулирования делинквентности / О. А. Авдеева, В. А. Авдеев // Юридический мир. — 2018. — № 3. — С. 47—51.
2. Лопашенко Н. А. Общественная опасность преступления: понятие и критерии верификации / Н. А. Лопашенко, А. В. Голикова, Е. В. Кобзева, Д. А. Ковлагина, М. М. Лапунин, К. М. Хутов // Law Enforcement Review. — 2020. — Vol. 4. — Pp. 124—140.
3. Антонов М. В. Методы теоретического правоведения в контексте глобализации / М. В. Антонов // Труды Института государства и права РАН. — 2017. — Т. 12. — № 4. — С. 35—57.
4. Трофимов В. В. Правовой интерес и правовая идея в структуре правообразовательного процесса современного российского общества / В. В. Трофимов // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. — 2012. — Вып. 9 (113). — С. 375—381.
5. Червонюк В. И. Правообразование, правообразующие интересы, законодательные технологии и техника: проблема взаимосвязей в контексте современной социогуманитарной концепции права / В. И. Червонюк // Юридическая техника. — 2012. — № 6. — С. 614—631.
6. Кондуров В. Е. Правовые институты и нормы: проблема действительности и действительности права в юридическом институционализме / В. Е. Кондуров, А. А. Краевский // Труды Института государства и права РАН. — 2019. — Т. 14. — № 6. — С. 95—144.
7. Мушинский М. А. О соотношении доктрин правового и социального государства и их реализации в российской политико-правовой практике в контексте современных социальных и политических перемен / М. А. Мушинский // Теория государства и права. — 2019. — № 1 (13). — С. 62—70.

REFERENCES

1. Avdeeva O. A., Avdeev V. A. Axiomatic principles of legal regulation of delinquency [Axiomatic principles of legal regulation of delinquency]. *Juridicheskij mir — Legal world*. 2018, no. 3, pp. 47—51.
2. Lopashenko N. A. Obshhestvennaja opasnost' prestuplenija: ponjatie i kriterii verifikacii [Social danger of crime: concept and verification criteria]. *Law Enforcement Review*. 2020, Vol. 4., pp. 124—140.
3. Antonov M. V. Metody teoreticheskogo pravovedenija v kontekste globalizacii [Methods of theoretical jurisprudence in the context of globalization]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN — Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. 2017, Vol. 120, no. 4., pp. 35—57.
4. Trofimov V. V. Pravovoj interes i pravovaja ideja v strukture pravoobrazovatel'nogo processa so-vremennogo rossijskogo obshhestva [Legal interest and legal idea in the structure of the law-formation process of modern Russian society]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki. — Vestnik of the Tambov University. Series: Humanities*. 2012, Vol. 9 (113), pp. 375—381.
5. Chervonyuk V. I. Pravoobrazovanie, pravoobrazujushhie interesy, zakonodatel'nye tehnologii i tehnika: problema vzaimosvjazej v kontekste sovremennoj sociogumanitarnoj koncepcii prava [Law formation, law-forming interests, legislative technologies and technology: the problem of relationships in the context of the modern socio-humanitarian concept of law]. *Juridicheskaja tehnika — Legal Technique*. 2012, no. 6, pp. 614—631.
6. Kondurov V. E. Pravovye instituty i normy: problema dejstvitel'nosti i dejstvennosti prava v juridicheskom institucionalizme [Legal institutions and norms: the problem of the validity and effectiveness of law in legal institutionalism]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN — Pro-*

ceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2019, Vol. 14, no. 6, pp. 95—144.

7. Mushinsky M. A. O sootnoshenii doktrin pravovogo i social'nogo gosudarstva i ih realizacii v rossijskoj politiko-pravovoj praktike v kontekste sovremennyh social'nyh i politicheskikh peremen [On the relationship between the doctrines of the legal and social state and their implementation in Russian political and legal practice in the context of modern social and political changes]. *Teoriya gosudarstva i prava — Theory of State and Law*. 2019, no. 1 (13), pp. 62—70.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Авдеева Ольга Анатольевна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин. Восточно-Сибирской институт МВД России.

664028, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.

ORCID: 0000-0002-5771-4237

Авдеев Вадим Авдеевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса Юридического института. Югорский государственный университет.

828012, Россия, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, д. 16.

ORCID: 0000-0002-8614-6996

INFORMATION ON AUTHORS

Avdeeva Olga Anatolyevna, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of State and Legal Disciplines. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

664028, Russia, Irkutsk, st. Lermontova, d. 110.

ORCID: 0000-0002-5771-4237

Avdeev Vadim Avdeevich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of the Law Institute. Yugra State University.

828012, Russia, Khanty-Mansiysk, st. Chekhov, 16.

ORCID: 0000-0002-8614-6996

Статья поступила в редакцию 08.11.2021; одобрена после рецензирования 15.11.2021; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted 08.11.2021; approved after reviewing 18.11.2021; accepted for publication 25.02.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 1 (100). С. 20—28.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022.
Vol. no. 1 (100). P. 20—28

**12.00.01. Теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве**

Научная статья

УДК 34.03

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.22.15.002

**ВОЗДЕЙСТВИЕ ДРЕВНЕРУССКОГО
ЦЕРКОВНОГО И СВЕТСКОГО ПРАВА
НА ЮРИДИЧЕСКИЙ СТАТУС ЛИЦ МУЖСКОГО ПОЛА**

Сергей Николаевич Грошев

Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Российская Федерация,
groshov_sergej@mail.ru

Введение: правовое регулирование, затрагивающее правовой статус лиц мужского пола, достаточно неизученное явление, в связи с тем, что ни в исторической ретроспективе, ни в современной правовой реальности законодатель не склонен разграничивать правовую регуляцию в зависимости от гендерного аспекта. Автор статьи обращает внимание на то, что в древнейшие периоды истории отечественного государства и права субъект правотворчества часто смешивал права и обязанности человека с правами и обязанностями мужчин, прежде всего, по причине дискриминации женщин, устраняя их из правового поля как равноправных субъектов правоотношений.

Материалы и методы: материалом исследования выступают историко-правовые источники, которые позволили в достаточной степени проанализировать правовой статус гендерных групп в Древней Руси. Методологическую основу исследования составили общепринятые методы научного познания явлений и общественных отношений в их взаимосвязи и взаимообусловленности. Методологическую базу образует историко-правовой метод, а также метод индукции, которые позволили обозначить проблему целей и задач воздействия древнерусского церковного и светского права на правовое положение мужчин, а также иные частнонаучные методы научного познания.

Результаты исследования: обозначена проблема слабого влияния женщин на политическую сферу общества в Древней Руси, параллельно с достаточно высокой правоспособность женщин в жизни древнерусской общины.

Выводы и заключения: традиционный взгляд на правовой статус мужчин в Древней Руси требует определенной корректировки и существенного анализа по причине того, что, обладая относительно высоким правовым статусом в сравнении со статусом лиц женского пола, мужчина в большей степени был вовлечен в политическую деятельность государства в связи с особыми свойствами исторического периода, которые предпола-

Ключевые слова: Русская Правда, Древняя Русь, гендерная дискриминация, христианство, дееспособность, правовой статус мужчин, брак, вергельд, примак.

Для цитирования: Грошев С. Н. Воздействие древнерусского церковного и светского права на юридический статус лиц мужского пола // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2022. № 1 (100). — С. 20—28.

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.22.15.002

12.00.01. Theory and history of law and state; history of doctrines about law and state

Original article

THE IMPACT OF OLD RUSSIAN ECCLESIASTICAL AND SECULAR LAW ON THE LEGAL STATUS OF MALE PERSONS

Sergey N. Groshev

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation, groshev_serzej@mail.ru

Introduction: legal regulation affecting the legal status of male persons is a rather unexplored phenomenon, due to the fact that neither in historical retrospect nor in modern legal reality, the legislator is not inclined to distinguish legal regulation depending on the gender aspect. The author of the article draws attention to the fact that in the most ancient periods of the history of the national state and law, the subject of law-making often mixed the rights and duties of a person with the rights and duties of men, primarily because of discrimination against women, eliminating them from the legal field as equal subjects of legal relations.

Materials and methods: the material of the study is historical and legal sources that allowed us to sufficiently analyze the legal status of gender groups in Ancient Russia. The methodological basis of the research is the generally accepted methods of scientific cognition of phenomena and social relations in their interrelation and interdependence. The methodological basis is formed by the historical and legal method, as well as the method of induction, which allowed us to identify the problem of the goals and objectives of the impact of Old Russian church and secular law on the legal status of men, as well as other private scientific methods of scientific cognition.

The result of the study: the problem of the weak influence of women on the political sphere of society in Ancient Russia is identified, in parallel with the rather high legal capacity of women in the life of the ancient Russian community.

Findings and conclusions: the traditional view of the legal status of men in Ancient Russia requires a certain adjustment and significant analysis due to the fact that, having a relatively high legal status in comparison with the status of women, a man was more involved in the political activities of the state due to the special properties of the historical period, which assumed the active conduct of wars.

Keywords: Russian Truth, Ancient Russia, gender discrimination, Christianity, legal capacity, legal status of men, marriage, vergeld, primak.

For citation: Groshev S. N. Vozdejstvie drevnerusskogo cerkovnogo i svetskogo prava na juridicheskij status lic muzhskogo pola [The impact of old russian ecclesiastical and secular law on the legal status of male persons]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Ros-sii. — Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, vol. no, 1 (100), pp. 20—28 (in Russ.).
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.22.15.002

Правовое регулирование, затрагивающее правовой статус лиц мужского пола, — достаточно неизученное явление, в связи с тем, что ни в исторической ретроспективе, ни в современной правовой реальности законодатель не склонен разграничивать правовую регуляцию в нормативных предписаниях в зависимости от гендерного статуса субъекта правоотношений. Безусловно, обычаи делового оборота нередко предписывают жесткие поведенческие клише гендерным группам, однако различия правового статуса гендерных групп выступают явлением внеправовым и укорененным скорее в осознании полярной физиологии и степени развития культурных традиции того или иного социума, за исключением некоторых частных аспектов жизнедеятельности общества и государства.

В древнейшие периоды истории отечественного государства и права субъект правотворчества часто смешивал права и обязанности человека с правами и обязанностями мужчин, прежде всего по причине физиологических особенностей женщин, устраняя их как равноправных субъектов правоотношений из некоторых специфических сфер общественной жизни. В современный же период российский законодатель, провозгласив гендерное равенство, регулирует общественные отношения в основном без учета гендерных характеристик субъекта, либо отдает предпочтения женщинам в виде правовых преференций в тех сферах, где возможны дискриминационные тенденции в отношении женской гендерной группы, в связи с физиологическими и психофизическими особенностями женского организма. В частности, таким свойством обладают пенсионные правоотношения, сфера военной службы по призыву и ряд других отраслей. На уровне отечественного правоприменения также можно наблюдать значительный гендерный дисбаланс, когда права женщин защищаются значительно активней как государством, так и гражданским обществом. Такие тенденции проявляется, прежде всего, в брачно-семейных и трудовых правоотношениях. Тем не менее современное состояние отечественного правового регулирования в зависимости от принадлежности к гендерной группе не входит в предмет настоящего исследования, обладающего сугубо ретроспективными свойствами.

При возникновении дискуссии о генезисе правового статуса мужчин особый интерес вызывает правовое регулирование некоторых общественных отношений в Древней Руси. Актуальность указанной проблематики тесно коррелируется с особенностями сложившейся системы правовой регуляции в указанный период отечественной истории. В научной среде достаточно распространено мнение о том, что, если в архаический период правового развития женщина была дискриминирована по признаку пола, то и аспект прав и обязанностей мужчин исследовать считается излишним, т. к. правовое положение мужской гендерной группы прямо коррелируется с правовым статусом личности. Однако, думается, уже в древнейший период существования отечественного права и государства правовой статус мужчин не являлся тождественным правовому положе-

нию личности, т. к. правовая регуляция в Древней Руси уже тогда четко разграничивала два субъекта правоотношений — мужчину и женщину, наделяя их правовой статус различным объемом прав и обязанностей, при этом в некоторых гражданско-правовых вопросах женщина обладала даже некоторым приоритетом перед мужчиной. Указанная разница правового положения гендерных групп в древнейший период истории России проявлялась, прежде всего, в политико-правовой области и в некоторых нюансах брачно-семейных отношений, параллельно с некоторыми отличиями в уголовно-исполнительной сфере.

Право и государство Древней Руси, как известно, сформировалось на территории Восточной Европы и с одной стороны обладало особыми специфическими свойствами, но с другой — подвергалось серьезному воздействию церковного права Византии. Мало того, на правовую систему Древнерусского государства серьезное влияние оказывали и экономико-политические факторы, в частности торговые пути «из варяг в греки» и «из варяг в хазары», которые значительным образом трансформировали не только внешнюю политику государства, но и правовой статус купечества, а также лиц, задействованных в обеспечении торговых функций Древней Руси.

Самым первым писаным правовым регулятором продемонстрировавшем специфику правового статуса мужчин и женщин в Древней Руси являются договоры Руси с Византией, которые были заключены в 907 (факт заключения договора подвергается сомнению), 911, 944 гг.

Русско-византийский договор 907 г., если, конечно, считать его подлинным, не содержит специфических норм, затрагивающих статус мужчин, однако из контекста этого памятника права можно увидеть, что купеческое ремесло на Руси всецело являлось прерогативой лиц мужского пола. Мало того, указания на вооружение купцов говорили о том, что эта экономическая сфера была крайне опасной, и дискриминация женщин в купеческой отрасли проистекала из физической невозможности для женщин заниматься указанным бизнесом [1; 2].

Договор Руси с Византией 911 г., провозглашая мирное сосуществование Византии и Руси, регулировал:

- процедуру выкупа военнопленных; порядок уголовных наказаний за преступления, совершенные ромейскими и русскими купцами на территории Византии;
- упорядочивал судебный процесс;
- регламентировал процедуру наследования;
- существенным образом изменил береговое право в сторону его гуманизации.

Правовой статус мужчин указанный международный договор затрагивает в аспекте защиты прав и свобод личности, однако гендерный аспект здесь подчеркивается исключительно через доминирование мужчин в политико-правовом поле, так как подписали его с русской стороны исключительно лица мужского пола: Карлы, Инегелдь, Фарлофъ, Веремудъ, Рулавъ, Гуды, Руалдь, Карнъ, Фрелавъ, Рюаръ, Актеву, Труанъ, Лидуль, Фость, Стемирь [3].

Можно предположить, что внешнеполитические функции Руси в исследуемый период осуществляли исключительно мужчины, по причине сопряжения направлений государственного воздействия с военной службой и укоренившейся традицией престолонаследования.

Следующий договор Руси с Византией, заключенный в 944 г., ввел некоторые новации в договор 911 г., стоит заметить, что не в пользу Руси, и, что примечательно, под-

писывался с русской стороны уже частично и представителями от женской правящей элиты, в частности княгини Ольги, влиятельной в политическом плане фигурой и крайне состоятельным в финансовом аспекте субъектом (по некоторым данным, у нее в собственности находился целый город). Мало того, указанный договор утвердил право женщины оставить себе часть совместного с мужем имущества даже тогда, когда он совершил убийство и должен понести имущественную ответственность перед законом [4, с. 34—39; с. 231—236].

Стоит отметить, что древнерусское право в некоторых аспектах отдавало приоритет мужчинам, т. к. любое субъективное право в архаический период своего развития базировалось на высокой степени личной ответственности и императивных обязанностях субъекта. Ряд субъективных прав женщина не всегда могла использовать, по причине особенностей своей физиологии. Простыми словами, древнерусский законодатель возлагал ряд обязанностей на субъекта правоотношений, которые тесно коррелировались с физической силой. В качестве примера можно привести тот факт, что до эпохи христианизации любое поведение человека, которое несло вред социальным связям, рассматривалось исключительно с точки зрения частного права. Эта тенденция проявлялась в том, что обязанность покарать правонарушителя лежала не на государстве, а на члене пострадавшего родового коллектива. Именно из этих предпосылок и складывалась некоторая правовая дискриминация женщин в Древней Руси, поскольку любое субъективное право было сопряжено с обязанностью, которую по причине технологической отсталости общества женщина в полной мере нести не могла. В частности, обычай кровной мести предполагал безусловное долженствование лица отомстить субъекту, причинившему смерть его кровному родственнику. Обязанным лицом здесь выступал именно мужчина, но, что характерно, кровную месть могла осуществить и женщина, однако это было не ее обязанностью, а правом [5, с. 141].

Ведя речь об архаичном периоде развития древнерусского права, автор полагает необходимым заострить внимание на том, что до эпохи христианизации Руси правовой статус мужчин в брачно-семейной сфере отмечен некоторыми доминирующими тенденциями. В частности, в эпоху, предшествующую приходу христианства, русское брачно-семейное право предусматривало похищение невесты, ее покупку, широко практиковалось многожёнство. Указанная форма неравноправного брака давала мужчине дополнительные права в сфере семейного имущества, однако базировалось оно не на дискриминации женщин по половому признаку, а на факте того, что супруга не внесла достаточный вклад в семейное имущество по причине малого размера или полного отсутствия приданого. Схожим статусом с бесприданницей обладал и так называемый примак — мужчина, принятый в семью жены, в связи со своей бедностью или иными обстоятельствами, обязанный трудиться в домохозяйстве супруги.

В русле настоящего исследования на институте примачества необходимо остановиться подробнее. В Древней Руси существовал ряд причин, в связи с которыми мужчина уходил в домохозяйство родителей супруги. Одной из предпосылок примачества было то, что в Древнерусском государстве издревле существовал обычай, который предусматривал обязанность младшего сына оставаться в семье в целях ухода за своими престарелыми родителями. В том случае, если сына не имелось, то муж дочери переходил жить и работать в домохозяйство тестя или тещи, когда она оказывалась в статусе вдовы. Иные обстоятельства также могли вынудить мужчину стать примакком, в частности — неравный брак, при котором имущество мужа было по объему меньше имущества жены.

Часто процедура примачества сопровождалась заключением договора. При обычном браке с приданным жена приходила в домохозяство супруга, которым часто владел еще живой муж отца или его мать, и ее муж не мог ни при каких обстоятельствах претендовать на имущество ее родителей, а она сама теряла право на собственность своей семьи. Если же брак был сопряжен с примачеством, то мужчина-примак приобретал право на семейную собственность своей супруги. В этом случае семья супруги скрупулезно оговаривала с мужчиной-примаком существенные обстоятельства вхождения в семью супруги. Причиной такого детализированного подхода к договорам о вхождении примака в семью нередко являлось то обстоятельство, что крестьянские домохозяства часто были обременены большим числом членов семьи. Под одной крышей могли жить и двоюродные братья, мужья дочерей, сестер и племянниц, и даже не связанные кровным родством или свойством с семьей люди.

В договоре о примачестве оговаривался объем имущества, которое примак приносил в домохозяство принимающей семьи, спектр обязанностей, которые должен был нести примак и т. д. В некоторых случаях родители жены примака обязывались оказывать протекцию примаку от притеснений со стороны его собственных детей, и в случае, если родные сыновья отбирали у своего отца-примака имущество, то на них возлагалась обязанность заплатить за каждый отработанный в домохозястве год крупную сумму. Нередко в таком договоре фигурировала и обязанность мужчины-примака содержать родителей своей супруги, пока они не скончаются, и лишь после их смерти вместе с дочерью наследовать все их имущество. Стоит отметить, что подобные договоры позднее будут находить в виде письменных актов на Русском Севере, в Новгороде и Пскове.

Если мужчина-примак приходил в семью вдовы с маленькими детьми, то между ним и женщиной также нередко заключался договор, в котором фигурировала его обязанность заботиться о детях женщины, а в случае ее кончины осуществить имущественный выдел каждому ребенку.

Примечательно, что после полной христианизации Руси договор примачества считался нерасторжимым, т. е. разводы попадали под полный запрет.

Как можно увидеть, мужчина в Древней Руси в сфере брачно-семейных правоотношений не всегда занимал доминирующие позиции, как и женщина. Основой указанного неравноправия служил не гендерный признак, а имущественное положение брачующейся стороны.

В целом сложно оценить, насколько гендерная дискриминация в Древней Руси ущемляла права женщин и расширяла правовой статус мужчин. В частности, многожёнство нельзя трактовать как ущемление прав женщин, не проанализировав бытовых обязанностей женской гендерной группы. Тем не менее тот факт, что зачастую женщина в брачно-семейной сфере в дохристианской Руси выступала, скорее, объектом правоотношения, не вызывает сомнений.

С постепенным доминированием христианства на территории Руси негативный гендерный дисбаланс в правовом регулировании стал сглаживаться. Такие тенденции стали хорошо видны на примере становления новых принципов семейного права. В христианской Руси активно внедрялась моногамия, а разводы стали довольно затруднительным явлением. С другой стороны, христианство повлекло и нарушение прав внебрачных детей, параллельно с ужесточением наказаний за женский промискуитет.

С увеличением политического влияния церкви на Руси менялась и парадигма развития правового статуса мужчин и женщин.

В частности, Церковный устав Ярослава Мудрого поставил моногамную семью под защиту церкви, которая становилась серьезной политической силой в русском государстве. Нарастали тенденции существенного покровительства женщин со стороны церкви, а права мужчин в брачно-семейной сфере существенно купировались. Церковный брак объявлялся единственным законным союзом мужчины и женщины, вместе с принципом его нерасторжимости, что, безусловно, защищало имущественные права женщин, как более слабых в экономическом аспекте субъектов. Еще одним позитивным фактором, по мнению автора настоящей статьи, защищавшем как права мужчин, так и права женщин, было введение свободы воли вступления в брак. Мало того, устанавливалась юридическая ответственность в отношении родителей (прежде всего отца) за принуждение дочери вступить в брак без ее согласия.

В целом без детального анализа правового статуса женщин в Древней Руси уяснить имманентную сущность прав и обязанностей мужчин не представляется возможным.

Стоит отметить, что древнерусский род, хотя и обладал патриархальными свойствами, но жизнь женщины охранял вергельдом, хотя и вдвое меньшим, чем жизнь мужчины. В древнерусском праве женщина могла быть обладателем собственности в виде приданого и добрачных подарков мужа. Женщина могла получать имущество по завещанию, а ее личное имущество подлежало правовой охране. Примечательно, что Церковное уложение Ярослава Мудрого предусматривало ответственность мужа за кражу личного имущества супруги [6].

Русская Правда существенно расширила права вдов, где вдова, повторно не вышедшая замуж, наделялась статусом главы семьи. Положение женщины в Древней Руси вообще выгодно отличалось от правового статуса римской матроны или свободной германской женщины. Если в Древнем Риме женщина всегда должна была иметь опекуна, то в Киевской Руси даже замужняя женщина имела право обладать личным имуществом [7, с. 146]. Женщины в Древней Руси были достаточно активными субъектами экономической деятельности, занимались ремеслом, ростовщицеством и даже могли выступать собственниками земельных участков [8, с. 22—25].

Анализ статьи 106 Русской Правды демонстрирует также и тот примечательный факт, что право наследования мужа после смерти супруги ограничивался лишь пожизненным узупруктом. Указанная статья также показывает неограниченную женскую завещательную дееспособность [9, с. 378].

Уяснить сущность и объем имущественной дееспособности женщин в Древней Руси способствует анализ норм Русской Правды, которые регулируют наследование собственности детьми от общего отца и разных матерей, где отпрыски двух жен разделяют в равных долях имущество общего отца, но собственность матерей делится лишь между ее собственными детьми. Примечательно, что указанная процедура была итогом рецепции Эклоги и характеризует правоспособность женщин в Древней Руси как очень развитую.

В качестве вывода можно отметить, что традиционный взгляд на правовой статус мужчин в Древней Руси требует определенной корректировки и существенного анализа по причине того, что, обладая относительно высоким правовым статусом в сравнении со статусом лиц женского пола, мужчина в большей степени был вовлечен во политическую деятельность государства в связи с особыми свойствами исторического периода, которые предполагали активное ведение войн. С силовой парадигмой развития государ-

ства в архаический период связано и некоторое, можно сказать, незначительное доминирование мужчины в брачно-семейной и гражданско-правовой сфере, берущее основу в наличии определенного объема имущества. Необходимо подчеркнуть, что традиционно отечественное правовое регулирование обладало повышенной ответственностью к проблеме защиты лиц женского пола, выгодно отличаясь от правовых регуляторов стран Западной Европы. Указанная тенденция сохраняется и в настоящее время в некоторых отраслях российского законодательства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Успенский Ф. История Византийской империи XI—XV вв. Восточный вопрос. — М.: Мысль, 1997. — 804 с.
2. Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. / Я. Н. Щапов. — М.: Наука, 1976. — 240 с.
3. Кильдюшева А. А. Статус женщины в экономической сфере древних обществ // ОНВ. — 2006. — № 8 (44). — С. 22—25.
4. Melnikova E. A. The Cultural Assimilation of the Varangians in Eastern Europe from the Point of View of Language and Literacy in Runica — Germ. — Mediavaliala (heiz./n.) Rga-e 37, 2003. — Pp. 454—465.
5. Рахманин А. И. Правовые нормы древней Руси IX—XIII вв. // Аналитика культурологии. — 2008. — № 3 (12). — С. 141—144.
6. Повесть временных лет. Части 1—2. / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. — М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. — 404 с.
7. Повесть временных лет / Подгот. текста Д. С. Лихачева; Пер. Д. С. Лихачева и Б. А. Романова. Под ред. чл.-кор. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Акад. наук СССР. Ч. 1—2. — 1-е изд. Часть 1. Текст и перевод. — М.: Изд-во и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1950. — 407 с.
8. Памятники русского права: Памятники права Киевского государства, X—XII вв. Вып. 1 / Сост.: А. А. Зимин; Под ред. С. В. Юшков. — М.: Госюриздат, 1952. — 287 с.
9. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. — М.: Изд. дом «Территория будущего», 2005. — 800 с.

REFERENCES

1. Uspensky F. Istorija Vizantijskoj imperii XI—XV vv. Vostochnyj vopros. [History of the Byzantine Empire of the XI-XV centuries. The Eastern question]. Moscow: Mysl, 1997. 804 p.
2. Shchapov Ya. N. Drevnerusskie knjazheskie ustavy XI—XV vv. [Old Russian princely statutes of the XI—XV centuries]. Moscow, Nauka, 1976. 240 p.
3. Kildyusheva A. A. Status zhenshhiny v jekonomicheskoy sfere drevnih obshhestv [The status of women in the economic sphere of ancient societies]. ONV, 2006, no. 8 (44), pp. 22—25.
4. Melnikova E. A. The Cultural Assimilation of the Varangians in Eastern Europe from the Point of View of Language and Literacy in Runica — Germ. — Mediavaliala (heiz./n.) Rga-e 37, 2003, pp. 454—465.

5. Rakhmanin A. I. Pravovye normy drevnej Rusi IX—XIII vv. [Legal norms of ancient Russia of the IX—XIII centuries]. Analytics of cultural studies — Analitika kulturologii. 2008, no. 3 (12), pp. 141—144.

6. Adrianova-Peretz V. P. (Ed.) Povest' vremennyh let. Chasti 1—2. [The tale of bygone years. Parts 1—2]. Moscow, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1950, 404 p.

7. Likhachev D. S., Romanov B. A., Adrianova-Peretz V. P. of the Academy of Sciences of the USSR (Ed.). Povest' vremennyh let. [The tale of bygone years]. Text and translation. Moscow, Publishing house and 1st type. Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1950, 407 p.

8. Zimin A. A., Yushkov S. V. (Ed.) Pamjatniki russkogo prava: Pamjatniki prava Kievskogo gosudarstva, X—XII vv. Vyp. 1 [Monuments of Russian law: Monuments of the law of the Kiev state, X—XII centuries. Issue 1]. Moscow, Gosyurizdat, 1952, 287 p.

9. Vladimirsky-Budanov M. F. Obzor istorii russkogo prava [Review of the history of Russian law]. Moscow: Publishing house “Territory of the Future”, 2005, 800 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Грошев Сергей Николаевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин. Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.
ORCID: 0000-0002-4268-8451

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Groshev Sergey Nikolaevich, Candidate of Law, associate professor of Department of State and Legal Disciplines. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia. 110, Lermontov St., Irkutsk, Russia. 664074.
ORCID: 0000-0002-4268-8451

Статья поступила в редакцию 02.06.2021; одобрена после рецензирования 09.06.2021; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted 02.06.2021; approved after reviewing 09.06.2021; accepted for publication 25.02.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 1 (100). С.29 —46.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022.
Vol. no. 1 (100). P. 29—46.

**12.00.01 Теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве**

Научная статья

УДК 351.741

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.70.62.003

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ОБЕСПЕЧЕНИИ
ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА И РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
НА ТЕРРИТОРИИ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ В 1960-х — 1980-х гг.**

Олег Андреевич Кнаус

Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Российская Федерация,
knaus.oleg@yandex.ru

Введение: в статье рассматривается организация деятельности Управления внутренних дел Иркутского облисполкома в части взаимодействия с населением и общественными организациями по охране общественного порядка и раскрытию преступлений в 1965—1985 годах. Исследуются отдельные категории лиц и организаций, задействованных к обеспечению данной деятельности. Изучаются нормативные правовые акты МВД СССР (РСФСР) и УВД (УООП) Иркутского облисполкома, направленные на совершенствование данной деятельности в исследуемом регионе.

Материалы и методы: материалами исследования послужили статьи ученых, нормы законодательства СССР и РСФСР, ведомственные акты МВД — МООП СССР (РСФСР), архивные документы. Методологическую основу исследования составляет комплекс общенаучных методов, таких как анализ, синтез, сравнение, и специальных методов: историко-правовой, системно-структурный, сравнительно-правовой.

Результаты исследования позволили раскрыть процесс организации взаимодействия с населением в СССР в 1965—1985 гг., уточнить порядок привлечения отдельных граждан и организаций к решению задач по охране порядка и раскрытию преступлений, осветить отдельные организационные и практические аспекты деятельности подразделений УВД (УООП) Иркутского облисполкома в части реализации функций советского государства в рассматриваемой сфере, ввести в научный оборот ранее не опубликованные архивные документы рассматриваемого периода.

Выводы и заключения: проанализированные материалы позволили раскрыть специфику форм и методов, применяемых правоохранительными органами СССР в целом и в Иркутской области в частности, направленные на снижение уровня преступности, а также позволили оценить её эффективность.

Ключевые слова: преступность, участие граждан в охране правопорядка, добровольные народные дружины, бригады содействия милиции, комсомольские оперативные отряды, внештатные сотрудники милиции, Министерство охраны общественного порядка, Министерство внутренних дел, СССР, РСФСР, Иркутская область.

Для цитирования: Кнаус О. А. Деятельность общественных организаций в обеспечении общественного порядка и раскрытии преступлений на территории Иркутской области в 1960-х — 1980-х гг. // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2022. — № 1 (100). — С. 29—46.

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.70.62.003

12.00.01. Theory and history of law and state; history of doctrines about law and state

Original article

ACTIVITIES OF PUBLIC ORGANIZATIONS IN ENSURING PUBLIC ORDER AND SOLVING CRIMES IN THE IRKUTSK REGION IN 1960-1980

Oleg A. Knaus

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation, knaus.oleg@yandex.ru

Introduction: the article discusses the organization of the activities of the Irkutsk Regional Executive Committee's Department of Internal Affairs in terms of interaction with the population and public organizations for the protection of public order and the detection of crimes in 1965—1985. Separate categories of persons and organizations are involved in the provision of this activity are investigated. Regulatory legal acts of the Ministry of Internal Affairs (MOO) are being studied USSR(RSFSR) and ATC (UOP) Irkutsk Regional Executive Committee aimed at improving this activity in the studied region.

Materials and methods: the research materials were articles by scientists, the norms of the legislation of the USSR and the RSFSR, departmental acts of the Ministry of Internal Affairs-the Ministry of Internal Affairs of the USSR (RSFSR), archival documents. The methodological basis of the research is a complex of general scientific methods, such as analysis, synthesis, comparison, and special methods: historical-legal, system-structural, comparative-legal.

The results of the study: allowed us to reveal the process of organizing interaction with the population in the USSR in 1965—1985, to clarify the procedure for involving individual citizens and organizations in solving problems of policing and solving crimes, to highlight certain organizational and practical aspects of the activities of ATC units Irkutsk Regional Executive Committee in terms of the implementation of the function of the Soviet state in the field under consideration, to introduce previously unpublished archival documents of the period under consideration into scientific circulation.

Findings and conclusions: the analyzed materials allowed to reveal the specifics of the forms and methods used by the law enforcement agencies of the USSR in general and in the

Irkutsk region in particular, aimed at reducing the crime rate, and also allowed to evaluate its effectiveness.

Keywords: crime, participation of citizens in law enforcement, voluntary people's squads, police assistance brigades, Komsomol operational detachments, freelance police officers, Ministry of Public Order Protection, Ministry of Internal Affairs, USSR, RSFSR, Irkutsk region.

For citation: Knaus O. A. Dejatel'nost' obshhestvennykh organizacij v obespechenii obshhestvennogo porjadka i raskrytii prestuplenij na territorii Irkutskoj oblasti v 1960-h — 1980-h gg. [Activities of public organizations in ensuring public order and solving crimes in the Irkutsk region in 1960—1980]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022, vol. no, 1 (100), pp. 29 —46. (in Russ.)

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.70.62.003

При реализации своих функций правоохранительные органы активно используют потенциал гласного и негласного содействия граждан, а также общественных объединений правоохранительной направленности.

В этом ключе опыт Министерства внутренних дел СССР (далее — МВД СССР) содержит немало положительных примеров, которые, в соответствии с современными условиями, могут быть полезными в организации деятельности и современных правоохранительных органов, в том числе в сфере взаимодействия с населением при решении возложенных на них задач по охране общественного порядка, безопасности, раскрытии преступлений и розыска лиц.

Исторические исследования в области участия населения в обеспечении правопорядка в СССР рассматривали в своих трудах такие авторы, как М. В. Каракулин [1], И. В. Говоров и С. В. Ремнева [2], С. Ю. Горынцев [3], А. С. Домченко [4], О. Н. Щербаков и В. Ю. Диянич [5], А. В. Кудряшёв [6]. Однако предметные вопросы в данной области, как правило, рассматриваются в рамках исследования более широкой проблематики либо применительно к узким составляющим этой деятельности в СССР. Деятельность общественных организаций в рассматриваемой сфере в 1960-х — 1980-х гг. в Иркутской области затрагиваются В. И. Огородниковым [7] и Д. А. Колосовским [8] в части лишь конкретных организаций. Система и формы участия граждан в обеспечении правопорядка на территории Иркутской области в рассматриваемый период в полном объёме не раскрыта в виду закрытости архивных фондов МВД и основана на документах, находящихся в открытом доступе. Указанные выше обстоятельства и повлияли на выбор темы настоящей статьи. Материалы, использованные в данной работе, позволяют дать оценку рассматриваемой деятельности, что называется «изнутри».

Основа деятельности системы участия граждан в обеспечении правопорядка была заложена еще в 1930 г. с создания обществ содействия милиции (Осодмил), которые находились в подчинении исполкомов местных Советов¹. В последующем,

¹ Об обществах содействия органам милиции и уголовного розыска: постановление Совета нар. комиссаров РСФСР от 25 мая 1930 г. [Электронный ресурс]. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 08.11.2021).

с целью повышения эффективности их деятельности, в 1932 г. Совет народных комиссаров РСФСР принял постановление об их реорганизации в бригады содействия милиции (Бригадмил), — общественной организации, оказывающей помощь милиции в охране общественного порядка и борьбе с уголовной преступностью, которые создавались при отделениях милиции. В бригады содействия милиции принимались граждане СССР, достигшие 18 лет, по рекомендации партийных, комсомольских, профсоюзных, других общественных организаций¹.

2 марта 1959 г., основываясь на опыте работы Бригадмила, ЦК КПСС и Совет министров СССР приняли постановление № 218 «Об участии трудящихся в охране общественного порядка в стране». Это постановление стало основным нормативно-правовым документом, определившим задачи, полномочия и формы организации добровольных народных дружин (далее также — ДНД) вплоть до середины 1970-х г.

20 мая 1974 г. ЦК КПСС и Совет министров СССР приняли постановление «О дальнейшем совершенствовании деятельности добровольных народных дружин по охране общественного порядка», в соответствии с которым расширили полномочия членов ДНД.

Так, народный дружинник стал иметь право: составлять протоколы в отсутствие работников милиции, требовать от нарушителей общественного порядка предъявления паспорта или других документов, удостоверяющих личность, доставлять их в милицию или в штаб добровольной народной дружины, входить в клубы, на стадионы, в кинотеатры и другие общественные места для выполнения обязанностей по обеспечению общественного порядка. При исполнении обязанностей по охране общественного порядка дружинники пользовались правом бесплатного проезда на городском пассажирском транспорте по специальным проездным билетам, а в случаях, не терпящих отлагательства, использовать транспортные средства независимо от прав собственности. За участие в ДНД предусматривались льготы в виде путевок в санатории, внеочередного получения жилья и т. п. Применение насилия или покушение на жизнь дружинника каралось в соответствии с уголовным законодательством вплоть до смертной казни².

В рассматриваемый период деятельность населения по оказанию помощи правоохранительным органам имела следующие организационные формы.

Внештатные сотрудники

Рассматривая организацию института внештатных сотрудников милиции необходимо отметить, что, в отличие от содействия, т. е. помощи правоохранительным органам, сотрудничество определяет совместное участие в общем деле. При этом ука-

¹ О реорганизации обществ содействия милиции в бригады содействия милиции: постановление Совета нар. комиссаров РСФСР от 29 апр. 1932 г. [Электронный ресурс]. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 08.11.2021).

² Об усилении ответственности за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции и народных дружинников: указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1962 г. [Электронный ресурс]. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 08.11.2021).

занные отношения предполагают принадлежность конкретного представителя к категории «сотрудник» [4, с. 10].

В 1959 г., с принятием постановления ЦК КПСС, Совмина СССР «Об участии трудящихся в охране общественного порядка в стране» наиболее подготовленные бригадмилыцы получили статус внештатников. Порядок привлечения к сотрудничеству соответствовал принципам, аналогичным в Бригадмиле. Руководство их деятельностью осуществлял орган внутренних дел.

Приказом МВД СССР № 260 от 10 ноября 1971 г. и изданным в его развитие приказом № 333 от 31 декабря 1976 г. «О введении в действие Инструкции об организации работы с внештатными сотрудниками милиции» был определен статус и полномочия указанных категорий граждан. Внештатные сотрудники подбирались на добровольных началах, как правило, из числа народных дружинников, пенсионеров — бывших работников органов внутренних дел (далее — ОВД) и военнослужащих, проживающих на территории, обслуживаемой соответствующим ОВД. Зачисление внештатных сотрудников производилось приказом начальника управления внутренних дел Иркутского областного совета депутатов трудящихся (далее — УВД ИО), в котором указывалась специализация внештатного сотрудника и то, за каким конкретным работником данного органа он закреплялся. После зачисления внештатному сотруднику выдавалось удостоверение установленного образца, и он представлялся личному составу соответствующего подразделения.

Непосредственную работу с внештатными сотрудниками осуществляли руководители и начальствующий состав подразделений УР, БЭП, ГАИ, ЭКЦ, следствия, а также участковые инспекторы милиции, которые имели право использовать помощь внештатных сотрудников в соответствии со складывающейся обстановкой и необходимостью их привлечения для выполнения отдельных мероприятий, давать внештатным сотрудникам только конкретные поручения.

Так, внештатные сотрудники детской комнаты милиции Петрова Тамара Александровна и Черемисина Анна Филипповна работали в Тулунском ГОВД с 1963 г. Они являлись членами совета общественности детской комнаты, возглавляли работу детской комнаты на общественных началах при ЛДК, постоянно выявляли неблагополучные семьи, трудновоспитуемых подростков, проводили профилактическую работу, оформляли материалы на комиссию по делам несовершеннолетних, принимали активное участие в правовой пропаганде. Только за 1971 г. Петровой и Черемисиной было прочитано 12 лекций и 14 бесед, проведено 8 тематических вечеров на правовые темы. По устранению причин и условий, способствующих совершению правонарушений, преступлений в организации и предприятия района за 1971 г. они подготовили материалы по 10-ти представлениям¹.

При работе с внештатными сотрудниками милиции запрещалось поручать последним самостоятельное производство процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий, составляющих исключительную компетенцию работников милиции, а также привлекать их к участию в мероприятиях, заведомо связанных

¹ О поощрении внештатных сотрудников детской комнаты милиции Тулунского ГОВД Петровой Тамары Александровны и Черемисиной Анны Филипповны: приказ начальника УВД ИО от 1 февр. 1972 г. № 91 // Архив главного управления МВД России по Иркутской области.

с риском для их личной безопасности. Тем не менее в истории иркутской милиции имеется множество примеров не только раскрытия преступлений внештатными сотрудниками милиции, но и проявления мужества при задержании опасных преступников. Например, Казаков Иван Андреевич, работая внештатным сотрудником УР Тайшетского ГОВД с 1959 г., 26 марта 1973 г. в пос. Мирном самостоятельно задержал Бухарина, подозреваемого в убийстве гр-на Струкова, 25 ноября 1973 г. личным сыском установил и задержал Каверзина, который изнасиловал, а затем убил гражданку Яковлеву, самостоятельно раскрыл 2 квартирные кражи в пос. Мирный и 2 кражи мотоцикла и мотороллера¹.

В своей деятельности внештатные сотрудники пользовались определенной свободой действия, самостоятельно принимая решения. Так, внештатный сотрудник милиции Бодайбинского ГОВД Шумский Анатолий Алексеевич 24 июля 1976 г., ночью, совместно с членом оперативно-комсомольского отряда Шаталовым по своей личной инициативе организовал в пос. Мамакан дежурство с целью установления лиц, причастных к кражам из гаражей граждан. Во время дежурства Шумский вместе с Шаталовым задержали с поличным четверых подростков, совершивших кражу мотоцикла с коляской из гаража. При расследовании было установлено, что участники этой группы на территории Бодайбинского и Мамско-Чуйского районов совершили 5 краж лодок «Казанка», и лодочных моторов «Вихрь». Также, 5 августа 1976 г. Шумский получил сообщение о краже кур из птицефермы пос. Мамакан, совместно с внештатным сотрудником Болдиным в течение часа разыскал похищенное и установил виновных, которые были привлечены к уголовной ответственности².

Таким же образом внештатный инспектор ОУР Бодайбинского ГОВД Яндюк Леонид Иванович самостоятельно выследил и преследовал преступника который 4 июля 1977 г. в пос. Артемовском путем взлома запоров из гаража похитил мотоцикл «ИЖ-Планета-2», задержал и доставил его в отделение милиции³.

Для более эффективного осуществления деятельности внештатных сотрудников до них доводилась оперативная обстановка на территории обслуживания, необходимые ориентировки и иная значимая информация, получив которую, они могли действовать самостоятельно. Так, внештатный участковый инспектор Чунского РОВД Шуринов Василий Сильвестрович работал в Новочунском ЛПХ Чунского района Иркутской области с 1974 г. бригадиром механиков. В августе 1978 г. Шуринов, получив

¹ О поощрении внештатного сотрудника милиции по линии уголовного розыска Тайшетского ГОВД Казакова И. А.: приказ начальника УВД ИО от 24 дек. 1973 г. № 1108 // Архив главного управления МВД России по Иркутской области.

² О поощрении внештатного сотрудника милиции Бодайбинского ГОВД Шумского А. А.: приказ начальника УВД ИО от 30 авг. 1976 г. № 774 // Там же.

³ О поощрении внештатного инспектора ОУР Бодайбинского ГОВД т. Яндюка Л. И.: приказ начальника УВД ИО от 31 июля 1977 г. № 688 // Там же.

информацию о побеге условно-осуждённых Ефремова и Кундрова, лично задержал последних и доставил в Чунский ОВД¹.

В определенных обстоятельствах внештатные сотрудники, получив оперативную информацию самостоятельно проводили в том числе и оперативно-розыскные мероприятия. Так, 7 февраля 1978 г. в маршрутном автобусе № 3 неизвестными преступниками был убит гражданин Валиев А. Х. О совершенном преступлении был ориентирован весь личный состав и внештатные инспекторы ГОВД. 14 февраля 1978 г. внештатный инспектор уголовного розыска старший осмотрщик вагонного депо ст. Зима Маслаков Алексей Николаевич, находясь в магазине «Маяк», услышал разговор об убийстве и имя убийцы. Проявив настойчивость и инициативу, Маслаков установил фамилию, местожительство преступника, которые и сообщил в милицию. В этот же день преступник был задержан².

При использовании внештатных сотрудников учитывались в том числе их профессиональные или любительские навыки. Так, с апреля по сентябрь 1979 г. в городе Иркутске действовала специализированная оперативно-поисковая группа УУР и ГАИ УВД по борьбе с угонами и кражами автотранспорта. Во время проведения профилактических и оперативно-розыскных мероприятий по установлению и задержанию лиц, совершающих кражи и угоны автотранспорта, оперативно-поисковая группа периодически использовала внештатных инспекторов уголовного розыска Куйбышевского РОВД, имеющих скоростные (на то время) мотоциклы «Ява-350». Внештатные инспекторы милиции Бутаков Геннадий Федорович, Карпович Николай Николаевич, Ловцов Евгений Васильевич и Толстиков Андрей Павлович, работали в основном в вечернее и ночное время, не считаясь с личным временем и денежными расходами на приобретение бензина для заправки мотоциклов, проявили высокое мастерство в раскрытии преступлений. В течение 6 месяцев 1979 г. указанные внештатные инспекторы уголовного розыска способствовали раскрытию 20 преступлений³.

При организациях

Наиболее массовыми объединениями правоохранительной направленности в СССР являлись ДНД, создаваемые при организациях, предприятиях, ЖЭКах и других учреждениях. Приоритетной задачей этих дружин являлась обеспечение правопорядка на территории самих учреждений, городков и микрорайонов.

В работе органов внутренних дел Иркутской области было немало примеров активной помощи со стороны администраций указанных учреждений. Так, Бакиров Мират Самикович, работая директором Усольского химкомбината, на протяжении ряда лет своей деятельности большое внимание уделял охране общественного порядка,

¹ О поощрении внештатного сотрудника милиции Чунского отдела внутренних дел Шуринова В. С.: приказ начальника УВД ИО от 26 авг. 1978 г. № 770 // Архив главного управления МВД России по Иркутской области.

² О поощрении внештатного инспектора УР Зиминского ГОВД Маслакова А. Н.: приказ начальника УВД ИО от 7 марта 1978 г. № 226 // Там же.

³ О поощрении внештатных инспекторов уголовного розыска Куйбышевского РОВД: приказ начальника УВД ИО от 25 окт. 1979 г. № 898 // Там же.

укреплению трудовой и государственной дисциплины. Придавая большое значение укреплению правопорядка в г. Усолье-Сибирском на химкомбинате была создана действующая комиссия по борьбе с нарушителями общественного порядка, пьянством и алкоголизмом. На химкомбинате был открыт наркологический кабинет, где проходили лечение злостные алкоголики. По инициативе комиссии и с согласия директора комбината на предприятии было введено Положение о коллективной ответственности за нарушение трудовой государственной дисциплины. Администрация химкомбината постоянно поддерживала деловую связь с городским ОВД. Обо всех нарушениях общественного порядка администрация комбината информировалась ОВД, а горотдел, в свою очередь, получал информацию о реагировании и принятых мерах к нарушителям общественного порядка администрацией и общественными организациями. В результате проводимых комплексных мер администрацией и общественными организациями по борьбе с нарушителями общественного порядка на комбинате заметно улучшилась трудовая дисциплина¹.

Местом дислокации ДНД, как правило, являлись пункты охраны общественного порядка. В 1974 г. с принятием постановления «О дальнейшем совершенствовании деятельности добровольных народных дружин по охране общественного порядка» опорные пункты имели следующие названия: «Опорные пункты милиции», «Опорные пункты милиции и общественности», «Опорные пункты общественности и милиции». Основная роль в создании опорных пунктов, в конечном итоге получивших наименование «Общественные пункты охраны порядка», была возложена на исполкомы, депутатские группы местных Советов народных депутатов, общественные формирования.

В 1980 г. деятельность опорных пунктов была закреплена указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 25 июня 1980 г., определившим Положение об общественных пунктах охраны порядка (далее — ОПОП) в РСФСР. Согласно данному положению, ОПОП создавались исполнительными комитетами городских, районных, поселковых и сельских Советов народных депутатов по предложению общественных организаций, органов общественной самодеятельности и трудовых коллективов. ОПОП создавались в городах, в границах территорий жилищно-эксплуатационных контор (домоуправлений), а в сельской местности — в границах территорий поселковых, сельских советов народных депутатов либо отдельных населенных пунктов. Для координации деятельности общественных организаций, трудовых коллективов и органов милиции, представленных в ОПОП, создавался совет ОПОП. Расходы на содержание опорных пунктов возлагались на исполкомы Советов народных депутатов.

Так, ОПОП № 5 г. Ангарска на протяжении нескольких лет проделал значительную работу по профилактике правонарушений среди населения микрорайона. Общественность опорного пункта во взаимодействии с работниками милиции активно и систематически осуществляли мероприятия, направленные на проведение инди-

¹ О награждении нагрудным знаком «Отличник милиции» героя социалистического труда тов. Бакирова М. С. — директора Усольского химкомбината: приказ начальника УВД ИО от 22 мая 1975 г. № 479 // Архив главного управления МВД России по Иркутской области.

видуальной-воспитательной работы среди лиц склонных к правонарушениям, что сказалось на укреплении правопорядка на обслуживаемой территории. В связи с этим за достигнутые показатели в работе по обеспечению правопорядка в микрорайоне приказом министра внутренних дел СССР № 81 от 15 апреля 1977 г. ОПОП № 5 г. Ангарска был награжден почетным дипломом¹.

ДНД вносили значимый вклад в дело охраны общественного порядка. Основной задачей дружинников являлась патрулирование общественных мест и пресечение правонарушений. Зачастую дружинники самостоятельно задерживали преступников по «горячим следам», иногда с риском для жизни. Так 12 октября 1971 г. в 21 час около корпуса «Д» политехнического института дружинники студенты механического факультета политехнического института г. Иркутска Князев Андрей Андреевич, Федосеев Валентин Семенович, Худяков Павел Федорович и Бурчак Анатолий Анатольевич услышали крик о помощи. Дружинники поспешили на зов и обнаружили, что неизвестный пытается вырвать дамскую сумку из рук женщины. При задержании преступник оказал сопротивление и пытался скрыться, но благодаря действиям дружинников был задержан и доставлен в Свердловский ОВД. Преступником оказался Каракулов Н. Б. без определенного места жительства и работы².

В деятельности иркутских ДНД имеется множество примеров раскрытия квалифицированных преступлений, в том числе тяжких и особо тяжких. Например, командир дружины Тайшетского районного узла связи Малышенко Петр Николаевич в 1968 г. вступил в члены добровольной народной дружины и за это время неоднократно оказывал помощь работникам милиции в раскрытии преступлений и задержании преступников. Так, в сентябре 1977 г. из кассы было похищено 10 тыс. рублей. Малышенко с тремя дружинниками организовал группу заслона на станции Алзамай. При осмотре граждан на станции он обратил внимание на двух мужчин, которые вели себя подозрительно. При их досмотре последние оказали сопротивление, но были доставлены в отделение милиции. При обыске в отделении у доставленных была обнаружена инкассаторская сумка с похищенными деньгами. Член этой же ДНД с 1950 г. Семенов Андрей Моисеевич в 1978 г. самостоятельно задержал и доставил в отдел внутренних дел Тайшетского горисполкома особо опасного преступника, который совершил два убийства в городах Тайшете и Бирюсинске³.

Таким же образом 24 июня 1981 г. патрульная группа Мельниковского завода ЖБИ в составе Асташкина Николая Федоровича и Водолеева Андрея Анатольевича в микрорайоне «Первомайский» обратила внимание на молодого мужчину, несущего

¹ О поощрении милиции Ангарского ГОВД и общественность опорного пункта охраны правопорядка №5 г. Ангарска Приказ начальника УВД ИО от 3 мая 1977 г. № 492 // Архив главного управления МВД России по Иркутской области.

² О поощрении дружинников политехнического института Князева А. А., Федосеева В. С., Худяка П. Ф. и Бурчака А. А.: приказ начальника УВД ИО от 5 янв. 1972 г. № 8 // Там же.

³ О награждении членов добровольной народной дружины отделения спецсвязи районного узла связи г. Тайшета тов. Малышенко Петра Николаевича и Семенова Андрея Моисеевича Приказ начальника УВД ИО от 22 дек. 1978 г. № 1173 // Там же.

на плече палас. На требование дружинников остановиться мужчина пытался скрыться, но дружинниками был задержан. При проведении расследования было установлено, что задержанным оказался Шевелев, который совершил квартирную кражу на сумму 300 рублей.

Определенный вклад ДНД вносили в дело розыска преступников и без вести пропавших. Так, 8 июля 1981 г. патрульная группа дружинников комитета по телевидению и радиовещанию в количестве четырех человек — Виноградова Яна Васильевича, Шульги Бориса Григорьевича, Теплоухова Александра Александровича, Гаврилова Владимира Николаевича, — осуществляя патрулирование по охране общественного порядка по маршруту улица Тимирязева — Центральный рынок, у магазина «Гастроном» задержала и передала экипажу медвытрезвителя пятерых граждан для выяснения личности, т. к. последние не имели при себе документов, удостоверяющих личность. При проверке по адресному бюро было установлено, что один из проверяемых, а им оказался гр-н Новопашин, находился во всесоюзном розыске за Шелеховским ГОВД¹.

Члены ДНД обеспечивали правопорядок не только в официально предоставленное для этого время, но и в повседневной своей деятельности. Так, 11 июня 1981 г. в 17 ч 30 мин. дружинница Вокина Е. А. возвращалась с работы домой. Проходя по скверу у кинотеатра «Луч», она услышала крик о помощи. Подбежав к месту происшествия, увидела, как двое неизвестных избивают гражданина, требуя у него деньги. Смело вмешавшись, дружинница задержала одного нарушителя, второго помог задержать неизвестный прохожий. Следовавший на развод экипаж вневедомственной охраны доставил задержанного в отдел внутренних дел. В ходе следствия задержанные Попов (дважды судим) и Черепанов (трижды судим) были привлечены к уголовной ответственности по ст. 146 ч. 2 УК РСФСР (разбой). За проявленную смелость при задержании особо опасных преступников дружинницу Вокину Евгению Андреевну наградили радиоприемником «Альпинист»².

Группы действия

Кроме рассматриваемых категорий объединений правоохранительной направленности в рассматриваемый период существовали также самостоятельные группы, создаваемые общественно-активными гражданами и внештатными сотрудниками милиции. Подобные объединения создавались в небольших поселениях и имели узкие направления деятельности.

Так, в ноябре 1973 г. в дер. Кулиш Веселовского сельского Совета Чунского района была создана группа действия, которую возглавил Харинчук Василий Иванович, рабочий Баяндаевского ЛПХ, который совместно с членами группы проводил

¹ О поощрении членов добровольных народных дружин Кировского и Куйбышевского районов Асташкина Н. Ф., Водолеева А. А., Виноградова Я. В., Шульги Б. Г., Теплоухова А. А., Гаврилова В. Н.: приказ начальника УВД ИО от 20 июля 1981 г. № 699 // Архив главного управления МВД России по Иркутской области.

² О поощрении члена добровольной народной дружины Ленинского района г. Иркутска Вокиной Е. А.: приказ начальника УВД ИО от 13 авг. 1981 г. №797 // Там же.

большую профилактическую работу с лицами, склонными к совершению правонарушений. Например, 27 февраля 1974 г. лично им было изъято у браконьеров Хафизова и Горева мясо лося, отстреленного без соответствующего разрешения, а также 2 нарезных и 6 гладкоствольных стволов оружия. Последние были привлечены к уголовной ответственности¹.

В октябре 1973 г. в пос. Усть-Када Куйтунского района была организована аналогичная группа действия, которую возглавил председатель сельского совета внештатный сотрудник милиции Маценко Илья Дмитриевич. Лично Маценко И. Д. раскрыл 2 серьезных преступления. Так, 28 февраля 1974 г. неизвестным преступником со склада зерносовхоза была совершена кража зерна. Узнав о краже, Маценко выехал на место происшествия, организовал его охрану и ориентировал членов группы действия на розыск преступников. До прибытия оперативной группы Маценко И. Д. установил преступника, которым оказался рабочий совхоза, и задержал его².

Оперативные комсомольские отряды

Наиболее эффективной и мотивированной частью движения граждан в обеспечении правопорядка являлись оперативные отряды дружинников, как правило — молодёжные или комсомольские.

Отправной точкой создания молодежных и комсомольских отрядов по оказанию содействия милиции можно считать постановление ЦК ВЛКСМ от 25 июня 1954 г. «О борьбе комсомольских организаций с проявлениями хулиганства среди молодежи. В этот период они влились в ряды Бригады, а в 1959 г., соответственно, в ДНД. К концу 1963 г. почти все комсомольские формирования, в том или ином виде участвовавшие в охране общественного порядка, приняли единую организационно-правовую форму и получили названия «оперативные комсомольские отряды добровольных народных дружин» или «комсомольские оперативные отряды дружинников (КООД)». Такая форма работы больше всего устраивала комсомольцев, которые оперативно подчинялись отделениям милиции, а формально входили в ДНД, сохраняя все права и льготы дружинников [9, с 17]. Оперативные комсомольские отряды дружинников (далее — ОКОД) обычно создавались при высших учебных заведениях и состояли из общественно активных студентов-комсомольцев. Организация такими отрядами возлагалась на районные и городские органы ВЛКСМ.

В отличие от ДНД, создаваемых при учреждениях и ЖЭКах, члены ОКОДов Иркутской области не только обеспечивали общественный порядок на территориях учебных заведений и общежитий, но и раскрывали преступления как совместно с сотрудниками уголовного розыска, так и самостоятельно. Так, 20 октября 1969 г. дружинники Кировского района ВЛКСМ г. Иркутска Шкуратов Сергей Венедиктович

¹ О поощрении командира группы действия Чунского РОВД Харинчука Василия Ивановича: приказ начальника УВД ИО от 28 мая 1974 г. № 473 // Архив главного управления МВД России по Иркутской области.

² О поощрении внештатного сотрудника милиции, старшего группы действия Куйтунского РОВД Маценко Ильи Дмитриевича: приказ начальника УВД ИО от 4 мая 1974 г. № 497 // Там же.

и Медведев Александр Харламович на остановке 6-й Советской увидели, как «карманник» ворует у гражданки кошелек. Шкуратовым и Медведевым преступник был задержан с поличным. Задержанным оказался опасный карманный вор Кайдалов, который на протяжении ряда лет занимался карманными кражами, однако к уголовной ответственности не привлекался, т. к. всегда успевал уничтожить доказательства. Деньги у преступника были изъяты и возвращены потерпевшей, преступник был изобличен и привлечён к уголовной ответственности. За задержание опасного преступника дружинников наградили почетной грамотой Иркутского облисполкома и направили благодарность в партком завода имени Куйбышева по месту работы Шкуратова и в деканат биолого-почвенного факультета ИГУ по месту учебы Медведева¹. В последствии Шкуратов С. В. связал свою жизнь со службой в уголовном розыске и стал легендарным специалистом по поимке карманных воров.

Члены оперативно-комсомольского отряда при Кировском РК ВЛКСМ Москвитин Валерий Владимирович и Биктимиров Рамиль Равильевич много сил и времени отдавали работе по охране общественного порядка и предупреждению правонарушений, участвовали в рейдах, патрулированиях, помогали оперативным работникам Кировского РОВД в раскрытии преступлений. Так, только за май-июнь 1972 г. совместно с другими работниками милиции Москвитин и Биктимиров раскрыли 6 краж личной собственности граждан, 2 грабежа и 3 хулиганства, проявив при этом личную инициативу². По окончании вузов оба связали свою жизнь с работой в органах внутренних дел.

Необходимо отметить, что действующие штатные сотрудники милиции (комсомольцы) также могли входить в состав ОКОДов в качестве руководителей или рядовых членов.

Так, в 1973 г., за достигнутые успехи в профилактике преступности среди молодежи в Иркутской области были отмечены комсомольско-оперативные отряды г. Усть-Кута — командир Шерман Арнольд Израилович, инспектор УР Усть-Кутского ГОВД; г. Братска — командир Денисов Юрий Павлович, студент филиала ИПИ; а также члены комсомольско-оперативного отряда Кировского р-на г. Иркутска: студенты ИГУ Бойко Владимир Васильевич, Захарчук Анатолий Васильевич, Васильева Наталья Васильевна; член комсомольско-оперативного отряда Октябрьского р-на г. Иркутска — Шайдулин Александр Александрович, инспектор УР Октябрьского РОВД; командир Боевого полка «Дзержинец» Шараевская Светлана Николаевна, ст. методист Ангарского Дворца пионеров; член комсомольско-оперативного отряда г. Братска Титов Владислав Петрович, анодчик электролизного цеха БРАЗа Титов Вла-

¹ О награждении дружинников Кировского райкома ВЛКСМ Шкуратова С. В. и Медведева А. Х.: приказ начальника УВД ИО от 20 нояб. 1969 г. № 1058 // Архив главного управления МВД России по Иркутской области.

² О поощрении членов оперативно-комсомольского отряда при Кировском РК ВЛКСМ Москвитина В. В. и Биктимирова Р. Р.: приказ начальника УВД ИО от 14 июля 1972 г. № 691 // Там же.

димир; Овешникова Нина Владимировна, работница слюдяной фабрики города Иркутска¹.

Первоочередной задачей ОКОДов в начальный период из деятельности было оказание помощи ОВД в работе по предупреждению безнадзорности и преступности среди несовершеннолетних. ОКОДы выявляли и ставили на учет неблагополучные семьи, проводили патрулирования, осуществляли шефскую работу над трудными подростками. Так, в середине 1970-х г. оперативные отряды занимались оперативной отработкой микрорайонов города Иркутска по выявлению мест сбора групп несовершеннолетних, склонных к совершению правонарушений. Была осуществлена оперативная отработка Кировского района, посёлка ГЭС, микрорайона Юбилейный, Студгородка, Академгородка. Материалы, представляющие оперативный интерес, полученные в ходе такой отработки, передавались в отделы внутренних дел.

К концу 70-х годов сфера деятельности ОКОДов расширилась. В 1977 г. По заданию УУР УВД ИО ими была проведена значительная работа по разложению групп молодежи в районе гостиницы «Ангара», которые приставали к иностранным гражданам, вымогали различные вещи. В этот период организацию работы по профилактике безнадзорности, пьянства и преступности среди несовершеннолетних и молодежи осуществлял командир оперативного комсомольского отряда инженер Союзной сети магистральных связей, член КПСС Романов Антон Васильевич и комиссар студент юридического факультета ИГУ член ВЛКСМ Огородников Виктор Иннокентьевич².

Неоднократно члены ОКОДов при осуществлении своей деятельности проявляли мужество. Так, 28 сентября 1973 г. члены оперативного комсомольского отряда Усолья-Сибирского ГК ВЛКСМ Высотин Анатолий Петрович, Бодягин Александр Федорович и Кирпиченко Анатолий Петрович несли дежурство в Доме культуры завода Горного оборудования. В конце дежурства они услышали от подростков, что у кого-то из присутствующих на танцах имеется обрез. Установив, что обрез имеет при себе ранее неоднократно судимый несовершеннолетний Сергиевский Е. И. 1967 г. р., который, находясь в нетрезвом состоянии на улице напротив клуба, наставлял обрез на прохожих, члены оперативного комсомольского отряда, несмотря на риск для жизни, смело вступили в схватку с разбушевавшимся хулиганом и, обезоружив его, доставили в отделение милиции вместе с обрезом³.

¹ О награждении членов оперативно-комсомольских отрядов Иркутской области: приказ начальника УВД ИО от 23 мая 1973 г. № 439 // Архив главного управления МВД России по Иркутской области.

² О награждении членов оперативно-комсомольского отряда при Иркутском ГК ВЛКСМ: приказ начальника УВД ИО от 14 марта 1978 г. № 233 // Там же.

³ О поощрении членов оперативного комсомольского отряда г. Усолье-Сибирское Высотина А. П., Бодягина А. Ф. и Кирпиченко А. П.: приказ начальника УВД ИО от 27 нояб. 1973 г. № 1036 // Там же.

Специализированные ОКОД

В конце 70-х начале 80-х гг. наметилась специализация ОКОДов по узким направлениям деятельности. Так, в 1981 г. члены специализированного оперативно-комсомольского отряда (далее — СГОКО) ГК ВЛКСМ при УУР УВД ИО Кириллова Елена Петровна, Юдин Юрий Леонидович, Михно Юрий Владимирович и Стахерский Сергей Эдуардович под руководством внештатных сотрудников УУР командира Табукашвили Юрия Харебовича и комиссара Ключева Михаила Юрьевича оказывали активное содействие в проведении мероприятий, направленных на обеспечение личной и имущественной безопасности иностранных туристов, находящихся в городе Иркутске, а также по охране общественного порядка при проведении VII Фестиваля Дружбы молодежи СССР — МНР. В ходе работы на вещевом рынке города Иркутска члены СГОКО оказали помощь в выявлении и изобличении спекулянтов, в отношении которых было возбуждено 4 уголовных дела, принимали участие в проведении и организации специальных рейдов и дежурств при гостинице «Интурист», в результате чего ими задержано более 200 граждан, допустивших правонарушения (фарцовщики, хулиганы)¹.

В 1982 г. выполняя поручения и задания УВД, членами отряда была проделана большая работа по охране общественного порядка в местах отдыха и проживания иностранных туристов, была проведена профилактическая работа среди несовершеннолетних. Также, членами СГОКО под руководством спецотделения, был осуществлен ряд мероприятий по предупреждению правонарушений со стороны иностранных учащихся и в отношении них. Комсомольцами отряда, внештатными корреспондентами газеты «Советская молодёжь», в 1982 г. была подготовлена статья в газете по профилактике правонарушений в отношении иностранцев. В общей сложности за летний период 1982 г. отрядом было задержано более 300 правонарушителей, пресечен ряд хулиганских действий².

В 1983 г. члены СГОКО оказывали активное содействие в проведении мероприятий, направленных на обеспечение личной и имущественной безопасности иностранных туристов, находящихся в городе Иркутске, а также по охране общественного порядка на проходившей в сентябре «Японской выставке», принимали участие в проведении и организации специальных рейдов и дежурств при гостинице «Интурист», в результате чего ими задержано более 300 граждан, допустивших правонарушения (спекулянтов)³.

¹ О награждении внештатных сотрудников милиции Табукашвили Ю. Х., Ключева М. Ю. и членов специализированного оперативно-комсомольского отряда при УУР УВД ИО Кириллову Е. П., Юдина Ю. Л., Михно Ю. В. и Стахерского С. Э.: приказ начальника УВД ИО от 9 дек. 1981 г. №1131 // Архив главного управления МВД России по Иркутской области.

² О награждении внештатных сотрудников милиции и членов СГОКО т. Соколова, Юдина, Долгопятенко, Ключевой, Куровской: приказ начальника УВД ИО от 1 дек. 1982 г. № 1058 // Там же.

³ О награждении внештатных сотрудников милиции Юдина Ю. Л., Стахерского С. Э. и членов специализированного городского оперативно-комсомольского отряда при УУР УВД ИО Пуртова А. С., Буренко Е. В., Ильина А. А., Мурашева Д. Б., Корешкова П. Г., Мушинского М. А., Кольвах И. Н.: приказ начальника УВД ИО от 23 дек. 1983 г. № 1125 // Там же.

Таким образом, ОКОДы формально являющиеся составной частью ДНД, трансформировались в фактически самостоятельные организации правоохранительной направленности, при этом являясь «кузницей кадров» милиции.

Детские организации

Особая роль во взаимодействии с правоохранительными органами тех лет отводилась детским и подростковым организациям.

В конце 1950-х гг. в СССР активизировалось детское движение, сложились благоприятные общественно-политические и социально-психологические условия возникновения инициатив «снизу». В это время происходил своеобразный «ребрендинг» — переосмысление идей А. П. Гайдара о тимуровском движении. В «Пионерской правде» и других периодических изданиях появились публикации о новых последователях Тимура — участников разнообразных пионерских патрулей — «правоохранительных» подростковых подразделениях [6, с. 156].

В 1969 г. ЦК ВЛКСМ выступил с инициативой по всей стране при содействии районных и городских отделов внутренних дел создавать кружки и отряды юных друзей милиции (далее — ЮДМ). Предполагалось, что члены этих отрядов по окончании школы не изменят выбранному пути и поступят в соответствующие учебные учреждения. Отряды ЮДМ создавались по инициативе и под контролем МВД из числа пионеров в возрасте 12—14 лет для взаимодействия с комсомольскими оперативными отрядами [3]. К середине 1970 г. система ЮДМ имела уже разветвленную вертикально выстроенную структуру, аналогичную воинской. Так, Иркутская городская организация «Юный Дзержинец» в сентябре 1975 г. ввиду значительного количества членов получила статус дивизии. Членами дивизии было проделана большая работа по предупреждению правонарушений среди несовершеннолетних. Кроме того, члены ЮДМ непосредственно участвовали в задержании преступников. Так, 7 апреля 1981 г. члены отряда «Юный Дзержинец», ученики школы № 62 Докукин Александр, Скрыпник Андрей, Шмидт Александр и Бабаев Вадим во время дежурства в автобусе № 3 обнаружили, задержали и доставили в отдел внутренних дел Бойко Сергея, который разыскивался Свердловским РОВД за угон автотранспорта и кражу личной собственности. За проявленную смелость и решительность при задержании преступника школьников наградили наручными часами «Ракета»¹.

Результаты

В марте 1984 г. исполнилось 25 лет со дня создания ДНД. За эти годы ДНД сформировалась в важнейшую систему по охране общественного порядка. Только в Куйбышевском районе города Иркутска к 1984 г. функционировало 140 дружин общей численностью 5 тыс. 170 человек. За 1983 г. дружинниками района было задержано 54 преступника, 554 мелких хулигана, 434 нарушителя общественного по-

¹ О поощрении членов отряда «Юный Дзержинец»: приказ начальника УВД ИО от 17 апр. 1981 г. № 414 // Архив главного управления МВД России по Иркутской области.

рядка, 1 тыс. 40 человек доставлены в медицинский вытрезвитель¹. Однако, несмотря на принимаемые организационные и практические меры по привлечению граждан к охране правопорядка, на территории Иркутской области в указанный период не удалось решить главную задачу — снизить уровень преступности. За 20 лет — с 1965 г. по 1985 г. количество преступлений на территории Иркутской области увеличилось с 10 тыс. 34 до 28 тыс. 540².

Резюмируя изложенное, автор полагает необходимым отметить, что в 1965—1985 гг. в Иркутской области система участия граждан в профилактике и противодействии преступности имела различные организационные формы. Организующая роль в указанной деятельности возлагалась на различные государственные, партийные и хозяйствующие органы. Наиболее эффективными объединениями правоохранительной направленности являлись комсомольские оперативные отряды.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Каракулин М. В. Добровольные народные дружины (народные дружины) как форма участия граждан в деятельности по борьбе с преступностью и охране правопорядка // Общество: политика, экономика, право. — 2008. — № 2 [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dobrovolnye-narodnye-druzhiny-narodnye-druzhiny-kak-forma-uchastiya-grazhdan-v-deyatelnosti-po-borbe-s-prestupnostyu-i-ohrane> (дата обращения: 12.11.2021).
2. Говоров И. В. Из истории развития общественных формирований по содействию органам милиции в СССР в 20-80-е годы / И. В. Говоров, С. В. Ремнева // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2007. — № 4 (36). — С. 25—31.
3. Горынцев Д. Милиционеры доверяли дзержинцам серьезные дела / Д. Горынцев // Вечерний Котлас. — 2009. — 13 нояб. — С. 39.
4. Домченко А. С. Сравнительное исследование административных актов, посвященных вопросам организации работы с внештатными сотрудниками российских органов внутренних дел / А. С. Домченко // Правопорядок: история, теория, практика. — 2018. — № 3 (18). — С. 70—75.
5. Щербаков О. Н. Сущностная характеристика внештатного сотрудничества с полицией как формы участия граждан в охране общественного порядка / О. Н. Щербаков, В. Ю. Диянич // Полицейская деятельность. — 2019. — № 3. — С. 9—19.
6. Кудряшев А. В. «Правоохранительные подразделения» советской пионерии конца 1950-х — 1980-х гг. (по материалам газеты «Пионерская правда») / А. В. Кудряшев // Проблемы и перспективы развития современного образования в контексте его историко-педагогической интерпретации: сб. науч. тр. междунар. науч.-практ. конф. — XXXIII сессии Научного совета по проблемам истории образования и педагогической науки при отделении философии образования и теоретической педагогики Российской академии образования, Санкт-Петербург, 29—30 окт. 2020 г. — СПб: Редакционно-издательский центр ГАУ ДПО ВГАПО, 2020. — С. 156—159.
7. Огородников В. И. Комсомольский оперативный: документы, воспоминания / В. И. Огородников. — Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2018. — 336 с.

¹ О поощрении членов добровольных народных дружин Куйбышевского района г. Иркутска: приказ начальника УВД ИО от 13 марта 1984 г. № 206 // Архив главного управления МВД России по Иркутской области.

² Статистические сведения о состоянии преступности в Иркутской области // Архив ИЦ ГУ МВД России по Иркутской области. Ф. 14, Оп. 1. Д. 222—246

8. Колосовский Д. А. Деятельность органов внутренних дел Иркутской области по охране общественного порядка в конце 1950-х — начале 1960-х гг. / Д. А. Колосовский // Сибирский юридический вестник. — 2015. — № 4 (71). — С. 3—12.

9. Решмет Д. А. Создание и развитие оперативных комсомольских отрядов дружинников в СССР (1954—1991 гг.): специальность 07.00.02 «Отечественная история»: дис. ... канд. ист. наук / Решмет Дмитрий Александрович. — Краснодар, 2016. — 246 с.

10. Архив ИЦ ГУ МВД России по Иркутской области. Ф. 8, 14.

REFERENCES

1. Karakulin M. V. *Dobrovol'nye narodnye druzhiny (narodnye druzhiny) kak forma uchastiya grazhdan v deyatel'nosti po bor'be s prestupnost'yu i ohrane pravoporyadka // Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo* [Voluntary people's teams (people's teams) as a form of citizens' participation in the fight against crime and law enforcement // Society: politics, economics, law]. 2008. no. 2. Available at: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dobrovolnye-narodnye-druzhiny-narodnye-druzhiny-kak-forma-uchastiya-grazhdan-v-deyatelnosti-po-borbe-s-prestupnostyu-i-ohrane> (date of application: 12.11.2021). — Access mode: free. — Text: electronic.

2. Govorov I. V. Iz istorii razvitiya obshchestvennykh formirovaniy po sodejstviyu organam milicii v SSSR v 20-80-e gody [Iz istorii razvitiya obshchestvennykh formirovaniy po sodejstviyu organam milicii v SSSR v 20—80-e gody]. *Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia — Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. 2007, no. 4(36), pp. 25—31.

3. Goryncev D. Milicionery doveryali dzerzhincam ser'eznye dela [The policemen trusted Dzerzhinsk residents with serious matters]. *Vechernij Kotlas*, 2009, 13 november, 39 p.

4. Domchenko A. S. Sravnitel'noe issledovanie administrativnykh aktov, posvyashchennykh voprosam organizatsii raboty s vneshtatnymi sotrudnikami rossijskikh organov vnutrennih del [Comparative study of administrative acts on the organization of work with non-staff employees of the Russian internal affairs bodies]. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika — Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika*. 2018, no. 3(18), pp. 70—75.

5. Shcherbakov O. N. Sushchnostnaya harakteristika vneshtatnogo sotrudnichestva s politsiej kak formy uchastiya grazhdan v ohrane obshchestvennogo poryadka [The essential characteristic of freelance cooperation with the police as a form of participation of citizens in the protection of public order]. *Policejskaya deyatel'nost' — Police activity*. 2019, no. 3, pp. 9—19.

6. Kudryashev A. V. ["Law enforcement units" of the Soviet pioneers of the late 1950s — 1980s. (according to the materials of the newspaper "Pionerskaya Pravda")]. *Problemy i perspektivy razvitiya sovremennogo obrazovaniya v kontekste ego istoriko-pedagogicheskoy interpretatsii: sb. nauch. tr. mezhdunar. nauch.-prakt. konf. — XXVIII sessii Nauchnogo soveta po problemam istorii obrazovaniya i pedagogicheskoy nauki pri otdelenii filosofii obrazovaniya i teoreticheskoy pedagogiki Rossijskoj akademii obrazovaniya, Sankt-Peterburg, 29—30 okt. 2020 g.* [Problems and prospects of development of modern education in the context of its historical and pedagogical interpretation: Collection of scientific papers of the International Scientific and Practical Conference — XXXIII session of the Scientific Council on the History of Education and Pedagogical Science at the Department of Philosophy of Education and Theoretical Pedagogy of the Russian Academy of Educa-

tion, St. Petersburg, October 29—30, 2020]. St. Petersburg, Editorial and Publishing Center of GAU DPO VGAP, 2020, pp. 156—159.

7. Ogorodnikov V. I. Komsomol'skij operativnyj: dokumenty, vospominaniya [Komsomol operational: documents, memoirs]. Irkutsk, publishing house "Ottisk", 2018, 336 p.

8. Kolosovskij D. A. Deyatel'nost' organov vnutrennih del Irkutskoj oblasti po ohrane obshchestvennogo porjadka v konce 1950-h — nachale 1960-h gg. [The activities of the internal affairs bodies of the Irkutsk region in the protection of public order in the late 1950s — early 1960 s.]. *Sibirskij juridicheskij vestnik — Siberian Legal Bulletin*. 2015, no. 4(71), pp. 3—12.

9. Reshmet D. A. *Sozdanie i razvitie operativnykh komsomol'skih otryadov družinnikov v SSSR (1954—1991 gg.)*: [Creation and development of operational Komsomol detachments of combatants in the USSR (1954—1991): specialty 07.00.02 "National history": dis. ... cand. ist. Sciences]. Krasnodar, 2016, 246 p.

10. Archive of the information center of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Irkutsk region F. 8, 14.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кнаус Олег Андреевич, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники в органах внутренних дел.
Восточно-Сибирский институт МВД России,
664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Knaus Oleg Andreevich, associate Professor of the Department of Operational and Investigative Activities and Special Equipment in the Internal Affairs Bodies. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia. 110, Lermontov St, Irkutsk, Russia, 664074.

Статья поступила в редакцию 08.11.2021; одобрена после рецензирования 15.11.2021; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted 08.11.2021; approved after reviewing 15.11.2021; accepted for publication 25.02.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 1 (100). С. 47 — 57.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, vol. no, pp. 47—57.

**12.00.01. Теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве**

Научная статья

УДК 93, 342

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.52.32.004

**ТЕОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ В АНГЛИЙСКОЙ
ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ XVIII века**

Валерия Владимировна Пономарева¹, Валерий Валерьевич Чугаев²

¹Сибирский юридический институт МВД России, г. Красноярск, Российская Федерация, valery_e378he@mail.ru

²Арбитражный суд Красноярского края, г. Красноярск, Российская Федерация, wigi7@mail.ru

Введение: статья посвящена исследованию содержания и места теологической теории в английской политико-правовой мысли XVIII века. Эволюция теологических воззрений на природу королевской власти в XVIII веке исследуется поэтапно в неразрывной взаимосвязи с закономерными изменениями в идеологическом климате английского общества.

Материалы и методы: основу исследования составляют теоретические разработки английских авторов на природу королевской власти, а также художественно-поэтические произведения, изданные в рамках исследуемого периода. Методологической основой исследования послужил комплекс общенаучных (анализ, синтез, дедукция, индукция, системный, функциональный и др.) и частнонаучных (сравнительно-правовой, формально-юридический, аксиологический и др.) методов познания.

Результаты исследования позволили сместить ракурс исследования политико-правовых учений XVIII века, являющихся своеобразной лакмусовой бумажкой изменений, происходящих в английском обществе в исследуемый период.

Выводы и заключения: исследованные идеологические характеристики английского общества позволили по-новому представить содержание теологической теории, проявившей себя в обществе, эволюционно шагнувшем за пределы религиозного восприятия мира.

Ключевые слова: теологическая теория, монархия, патриархализм, разделение властей, конституционная монархия.

Для цитирования: Чугаев В. В., Пономарева В. В. Теологическая теория в английской политико-правовой мысли XVIII века // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2022. — № 1(100) — С. 47—57.

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.52.32.004

© Пономарева В. В., Чугаев В. В., 2022

**12.00.01. Theory and history of law and state;
history of the doctrines of law and the state**

Original article

**THEOLOGICAL THEORY IN ENGLISH POLITICAL AND LEGAL
THOUGHT OF THE XVIII CENTURY**

Valeria V. Ponomareva¹, Valery V. Chugaev²

¹Siberian law institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation, Krasnoyarsk, Russian Federation, valery_e378he@mail.ru

²Arbitration Court of the Krasnoyarsk territory, Krasnoyarsk, Russian Federation, wigi7@mail.ru

Introduction: article is devoted to the study of the content and place of theological theory in the English political and legal thought of the 18th century. The evolution of theological views on the nature of royal power in the 18th century is studied in stages in an inextricable relationship with natural changes in the ideological climate of English society.

Materials and methods: the study is based on theoretical developments by English authors on the nature of royalty, as well as works of art and poetry published during the period under study. The methodological basis of the study was a complex of general scientific (analysis, synthesis, deduction, induction, systemic, functional, etc.) and specific scientific (comparative legal, formal legal, axiological, etc.) methods of cognition.

The result of the study allowed to shift the perspective of the study of political and legal doctrines of the 18th century, which are a kind of litmus test of the changes taking place in English society during the period under study.

Findings and conclusions: the studied ideological characteristics of English society made it possible to present the content of the theological theory in a new way, which manifested itself in a society that has evolved beyond the limits of the religious perception of the world.

Keywords: theological theory, monarchy, patriarchalism, separation of powers, constitutional monarchy.

For citation: Chugaev V. V., Ponomareva V. V. Teologicheskaja teorija v anglijskoj politiko-pravovoj mysli XVIII veka [Theological theory in english political and legal thought of the XVIII century]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022, vol. no, 1 (100) pp. 47—57. (in Russ.)

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.52.32.004

Несмотря на наличие достаточного количества фактологического материала, большинство авторов, исследовавших особенности политико-правовой мысли в Великобритании XVIII века, сходятся во мнении о том, что краеугольным камнем в вопросе происхождения и сущности государственной власти, являлось учение об общественном договоре. Основным аргументом последнего выступало то, что теологическая теория, содержащая элементы патриархализма, оправдывала феодальное общественное устрой-

ство, в то время как теория общественного договора, отвечавшая интересам господствующих классов [1, с. 102], была ориентирована на отношения буржуазного типа.

Целью данной статьи является определение содержания и места теологической теории в Великобритании XVIII века. Игнорирование роли и места теологических воззрений на природу королевской власти придает исследованию указанного периода фрагментарный характер и может привести к неверным выводам относительно характеристики идеологического климата британского общества.

Эволюцию теологических воззрений на природу королевской власти в XVIII веке следует условно разделить на два этапа. В качестве таковых можно выделить первую и вторую половины XVIII века. Воззрения первой половины XVIII века были связаны с движением якобитов и теми, кто по воле случая оказались их сторонниками.

На достаточно высоком уровне теологическая теория происхождения королевской власти с элементами патриархализма была изложена роялистом Р. Фильмером в трактате «Патриарх, или естественная власть королей». Работа была написана в годы революции 1642 года, но свет увидел ее лишь в 1680 году после смерти автора, а в 1696 году трактат был переиздан. Обосновывая неограниченный характер власти короны над подданными, Фильмер сравнивал ее с властью отца над членами семьи, которая должна быть неограниченной и сопровождаться беспрекословным подчинением детей отцу. Для более сильного подкрепления теории абсолютизма королевской власти Фильмер ссылаясь на божественное происхождение последней и, пользуясь текстами «священного писания», приходил к выводу о том, что наследственная абсолютная монархия является богоугодной формой правления. По его мнению, она является непосредственной преемницей власти, представленной «нашему прародителю Адаму» [2, с. 63]. Патриархальная теория Фильмера легла в основу идеологии торийской политической группировки в период Реставрации Стюартов, а в последующие годы активно поддерживалась якобитскими кругами.

Теория Фильмера была подвергнута серьезному осуждению. Критики пытались доказать необоснованность соотнесения Фильмером королевской власти и власти отца над детьми. В частности, Дж. Локк заявлял, что эти две власти «совершенно различны, существуют для совершенно различных целей и покоятся на совершенно различных основаниях». «Власть отца является его обязанностью для благоприятного воспитания своего потомства и часто не распространяется на имущество, приобретенное детьми, королевская же власть вверяется правителю народом в основном для сохранения его имущества». Локк четко отграничивал власть отца от власти короны, утверждая, что «отцовская власть существует только там, где младенчество делает ребенка не способным распоряжаться своей собственностью; политическая же власть там, где люди имеют в своем распоряжении собственность» [1, с. 364].

С осуждением теологической теории выступал епископ С. Ходли. В одном из памфлетов, датированном 1709 годом (время правления королевы Анны), он писал: «Если отцовское право дается Богом как основание для гражданской власти, тогда либо назначение божье малообязательно, либо невозможно, чтобы конституция даровала право на гражданское правление женщине. Опасаюсь, что наследование короны — это не что иное как узурпация власти» [3, с. 219]. Тем самым пытаясь оградить от нападок правомерность наследования престола Анной, С. Ходли показывал, каким образом теологическая теория могла привести к выводам об узурпированном характере власти короны.

Р. Стил, являясь приверженцем теории общественного договора, тем не менее позаимствовал отдельные положения теории Филмера. Сравнивая власть короны над подданными с властью отца над семьей, он пришел к выводу о том, что «семья является своего рода небольшим королевством, а королевство большой семьей» [4, с. 129]. По мнению Р. Стиля, монарх как «отец нации» должен относиться к подданным с той же заботой и вниманием, с каким относился к домочадцам отец семейства [5, с. 100].

Приверженность теории Р. Филмера проявлял и У. Темпл, также являвшийся сторонником теории общественного договора. Высказывание «семья подобна маленькому королевству, а королевство является подобием большой семьи» Темплу явно импонировало. По его мнению, отец семейства, как и любой правитель, в соответствии с нормами естественного права является главой своего маленького государства, т. е. семьи. Если же отец проживет долгую жизнь и будет иметь многочисленное потомство, то он становится во главе нации. По мнению У. Темпла, например, во Франции обращение к королю «сир» означало не что иное как «отец» [6, с. 41, 43].

Интересен тот факт, что даже знаменитый физик И. Ньютон, который был явно далек от политики, выступил в 1694 году с небольшим памфлетом «Происхождение монархии», в котором поддержал патриархальную теорию. По его мнению, первоначально постоянного королевства не существовало, и поэтому каждый отец семейства являлся суверенным правителем на протяжении всей жизни, в результате вся земля была заселена многочисленными семьями, подчиненными только своим собственным главам — отцам [5, с. 101]. И. Ньютон говорил, что «каждый отец обладал законодательной и юридической властью» [3, с. 215], которая и была передана совету старейшин, когда несколько семей объединилось в целях создания большого политического объединения. В подтверждении своих доводов Ньютон приводит исторические примеры древнегреческого государственного устройства, в котором при первоначальном заселении «каждый отец делил территорию среди всех своих сыновей, пока не осталось места для раздела» [3, с. 216].

Таким образом, несмотря на то, что теологические воззрения о происхождении королевской власти не имели первостепенного значения в английской политической идеологии первой половины XVIII века, отдельные их положения вызывали бурные споры в речах мыслителей. Следует также заметить, что в большинстве своем критиками теологической теории оспаривалась не божественная составляющая происхождения королевской власти, а ее патриархальный элемент, который, по своей сути, угрожал финансовой независимости заинтересованных лиц. Данное обстоятельство, полагаем, свидетельствует о той распространенности теологических теорий, которая способна была повлиять на идеологический климат и на сохранение природы института королевской власти.

Второй этап (вторая половина XVIII века) в основном связан с обсуждением в кругу духовных лиц проблемы подчинения и повиновения королевской власти. Наиболее ярко развитие теологической мысли прослеживается в период конфликта между метрополией и английскими колониями в Северной Америке. Лица, причисляющие себя к категории «виг» или «нонконформист», видели в интонации речей англиканских проповедников угрожающие авторитарные ноты. Одним из критериев возрождения авторитаризма в понимании политиков XVIII века являлось утверждение о единодушной под-

держке короны духовенством. Э. Берк удачно выразил эту позицию. Выражая опасения о возможности объединения тори вокруг своего «естественного главы» — короны, Э. Берк утверждал, что тори будут «воодушевлены своим духовенством», для них не будет ничего невозможного [7, с. 156].

В 11-ти крупных и средних избирательных местечках, которые отправили адреса и петиции короне, можно выделить подписи 61 англиканского проповедника. Из них 58 подписались в поддержку провоенных адресов и только 3 подписи были поставлены под петицией «О перемирии». Например, в Бристоле 17 юристов подписались в адресе в пользу насильственных действий и только один подписал петицию «О перемирии», похожие примеры можно обнаружить в Ньюкасле и Ливерпуле.

Инициатива поддержания общественного порядка исходила не от верховной власти. В адресе короне епископы, архиепископы и духовенство провинции Кэнтерборо отмечали «сильную распущенность» английских подданных, проявившую себя в «неуважении к вышестоящим и неуважении к законной власти», и они обещали на будущее противостоять «этому злу силой воздействия религиозных принципов» [8, с. 423]. Проповеди осуждали неблагодарных подданных за сопротивление законной и справедливой власти короны, и, несмотря на то, что присутствовали некоторые вариации в интонациях и акцентах этих проповедей, единообразие их политической ориентации было впечатляющим.

В проповеди в 1776 года Г. Стеббинг, являвшийся лейб-капелланом, утверждал, что «христианский проповедник был ограничен своей профессией и службой рекомендовать повиновение гражданским властям и использовать религию так же, как и гражданское повиновение для своего долга» [9, с. 131—134]. Любое политическое восстание, как и восстание колонистов в Северной Америке, ввиду его греховной природы для англиканского духовенства, являлось грехом мятежной сущности против Бога.

«Восстание» само по себе сильное слово, но язык не знал границ у англиканских проповедников. Например, американская революция была «бессмысленным мятежом», надменным, вопиющим, отвратительным. Гражданские аспекты революции, как правило, связывались с религиозным фанатизмом и выставлялись в одном ряду с «республиканским неистовством», «фанатичной злобностью», «политическим и восторженным фуорором» или «своевольным рвением вспыльчивых фанатиков». Настроения большинства духовенства точно переданы в словах К. Мурдина в проповеди 1778 года: «...легкомысленные колонисты оказались уже готовы к мятежу и неподчинению священной английской Короне, перейдя от своего естественного буйства к ничем не спровоцированному бунту» [8, с. 273]. Библейским текстом проповеди, прочитанной в день начала поста М. Купером в Оксфорде в 1776 году, стал псалом 7:9: «Позвольте излиться злобе согрешившего, но восстановите справедливость» [9, с. 184]. По его мнению, неподчинение власти короны являлось проявлением высшей степени несправедливости и беззакония.

Следует отметить, что то духовенство, которое превозносило монархию в ее безупречном и юридически обоснованном смысле, являлось меньшинством. В проповедях перед Палатой общин роялистские речи проповедников относительно короны и ее власти зачастую смягчались или затушевывались. Например, проповедь Т. Новелла, прочитанная перед членами Палаты общин 30 января 1772 года, оказалась слишком симпатизирующей Стюартам, и Палата общин постановила вычеркнуть из журнала свою перво-

начальную благодарность Т. Новеллу. Против проповеди Т. Новелла выступил министр-диссентер Дж. Тауэрс, который позднее достаточно активно опровергал политическое учение Д. Такера, настоятеля собора в Глочестере.

В проповеди в Оксфорде М. Купер предостерегал о «неподходящем милосердии правительства к народному возмущению» [9, с. 202], которое вылилось в восстание. Купер был уверен, что политическая власть происходила не от народа, он упоминал об отсутствии общественного договора и поддельных естественных правах и взамен восхвалял ценности королевского правительства. Эта проповедь вызвала анонимный ответ от защитника принципов виггизма, автор которого нападал на проповедь, охарактеризовав ее как деспотический догмат. В заключении анонимной заметки автор отметил, что «некоторые личности, которые причисляют себя к так называемым умеренным людям, недавно пытались распространить мнение о том, что принципиальная разница между тори и вигами теперь исчезла ..., но любой, кто слушал вашу проповедь, должен быть убежден в обманчивости таких аргументов. Старая доктрина пассивного повиновения здесь возродилась в самых трагических терминах и без малейшего усовершенствования. Вы утверждаете безоговорочно, что трудно найти любые доводы, которые оправдают восстание подданных против суверенной власти» [9, с. 209].

В. Маркхам, обращаясь к Вильгельму III как к избавителю, критиковал обращение мятежников к короне минуя Палату общин. Однако в той же проповеди Маркхам с симпатией упоминает о создании епископов в Новом Свете и введении церковной десятины для колонистов и настаивает на том, что Америка должна стать зависимой от короны вновь [9, с. 212]. Это вызвало жесткий отклик Ф. Масереса, утверждавшего, что, «несмотря на то, что проповедь была прочитана спокойным и умеющим внушать доверие языком, она содержит множество самых худших утверждений» [9, с. 221]. Масерес был убежден, что, несмотря на то что для В. Маркхама британское правительство в некоторых отношениях ограничено, оно, «по сути, и в принципе является монархическим». Ф. Масерес справедливо отличал акценты, поставленные на королевской прерогативе и роялистском тоне всей проповеди. Следует заметить, что во второй половине XVIII века проповеди англиканского духовенства относительно власти короны зачастую либо толковались неоднозначно, либо сами авторы намеренно вносили в них определенную двусмысленность.

В одной из самых блестящих перебранок революционного периода К. Эванс, баптистский священник из Бристоля, написал несколько откликов на памфлеты Дж. Флетчера. Известность, которая неизбежно пришла к этим публичным высказываниям в части возвышения суверена над остальными ветвями власти означала, что большинство англикан, которые придерживаются подобных убеждений, в силу ряда причин просто не желают это афишировать. Примером последнего являются воззрения Дж. Хорна. Умеренность тона проповедей Дж. Хорна перед Палатой общин в 1780 году и в Оксфорде в 1781 году явно вводила в заблуждение. Хорн разделял убеждения высоких тори о короне, однако оттенок его истинных взглядов никак не прослеживался в его речах.

Проповедники, естественно, были склонны принять патриархальную теорию в период революции. После всего взгляды этих служителей церкви в период революционного устройства не склонялись к поддержке неоспоримого наследственного права Стюартов, «целью было скорее обескураживающие обращения к населению того сорта,

которые могли угрожать религии и собственности» [9, с. 237]. Однако политическое учение Дж. Кольриджа, викария из Оттери, было вполне патриархальным. В проповеди, озаглавленной «Правительство не происходило изначально из общественного организма, а является божественным институтом», он проводил божественное право правления к Адаму и утверждал, что «Бог создал монархическое правление без малейшей консультации любого конгресса или собрания». Кольридж одобрял божественное право короны и отчетливо подчеркивал священный характер королевской власти. В его поддержку Дж. Дарвалл, приходской священник в Валсалле, обращался к английскому монарху как к «помазаннику божьему, нашему отцу детей», и требовал подчинения его воле, поскольку Библия сама требовала готовности подчинения наместнику славы божьей [9, с. 253]. Фактически для Дарвалла утверждение «голос народа — голос божий» трансформировалось в «голос народа — голос дьявола».

Другую группу священников следует охарактеризовать как группу пассивного восхваления, которая мало что говорила о теории божественного происхождения королевской власти, хотя отчетливо желала увидеть усиление последней. Бесчисленные проповеди повторяли текст из Послания Петра 1:17: «...бойтесь Бога, царя чтите». Дж. Такер, декан из Глочестера, беспокоился об угрозе придинок, поскольку это означало подрыв основ правительства, которое «мы обязаны почитать». Правительство, по его мнению, распоряжается, будучи подчиненным высшим властям. Относительно его проповеди перед юридической корпорацией, готовящей адвокатов, Г. Стеббинг отмечал: «дефект в одной части лояльности, о которой есть слишком много поводов посетовать, я имею в виду отсутствие должного уважения к монарху, которое является очень существенной частью лояльности, и которое, наконец, мы слишком долго оставляли без внимания» [9, с. 264].

Около половины всех проповедей или молчали о необходимости подчинения монархии, или были общепринятыми, и в некоторой степени в их выражении лояльности короне их можно было причислять к провигским. Б. Портеус, епископ Честера и Дж. Батлер, вначале королевский духовник, а затем епископ Оксфорда, были двумя хорошими примерами этого умеренного англиканизма. Оба священника придерживались вигской интерпретации «Пуританской» и «Славной революции» и, поскольку поддерживали политику примирения, были умеренны в восхвалении Георга III. Другие, как Дж. Томас, Т. Дампьер, И. Апторп, Т. Маурис, Э. Бернабе, К. Мурдин и Т. Пенроус, высказывали только общепринятые выражения лояльности Георгу III, стараясь активно не выделяться в крайних формах общественного мнения.

Используемый в англиканских проповедях о монархии язык отражал весь политический спектр, сложившийся к середине второй половины XVIII века. Многочисленные священники отрицали, что они поддерживают идею пассивного повиновения и несопротивления, но даже они стояли на стороне усиления уважения к королевской власти. Большая часть англиканских священников была заинтересована в увеличении почитания короны, а некоторые из них стремились поставить ее власть над властью парламентских палат — общин и лордов.

Т. Новелл, М. Купер, Дж. Флетчер, Дж. Хорн, Дж. Кольридж, Дж. Дарвалл и Р. Нерд могут справедливо быть названы тори. Ими активно выдвигались идеи верховной власти монарха, и их утверждения могут быть использованы в качестве весомого

доказательства того, что в период американского кризиса торийская идеология возродилась вновь. Они убеждали читателей в том, что английское правительство было благороднейшим и справедливейшим на земле не в силу смешанной природы конституции, но правление закона.

Только крайнее вигское духовенство, как, например, Б. Портеус, подчеркивали баланс властей. Свобода не могла существовать посредством простой силы, основа законной свободы есть верховенство закона [10, с. 58]. По мнению Дж. Ганна, этот закон оказался ограничен в соответствии с общественным благом и гарантировал поданным формально определенные свободы. Духовенство обращалось к английским поданным, требуя почитания границ священных законов и твердой непоколебимости основ конституции в его английской короне [10, с. 72].

Пытаясь придать большую устойчивость теории повиновения, англиканские проповедники в ходе революционных восстаний в американских колониях настаивали, например, как К. Мурдин, на том, что «основа всего — право», а точнее неприкосновенность собственности и свобода совести. К критике конституции относились нетерпимо, а политический идеализм в целом высмеивался. Рассуждения духовенства о конституции опирались на его понимание свободы. По их мнению, свобода состояла в «должном подчинении законам и конституции», а удел народа заключается в повиновении и поиске свободы в подчинении.

Социальная основа королевского закона была обнаружена в моральных заповедях церкви. В 1780 году епископ Рочестера в проповеди утверждал, что «общество не может существовать без правительства, правительство без порядка, порядок без законов, законы не могут действовать сами без помощи некоего внутреннего влиятельного принципа, усиливавшего их действие» [11, с. 138]. Влиятельный внутренний принцип обеспечивался поучениями англиканской церкви. Истинная религия давала идеи порядка и вежливости, в чем содействовала повиновению власти. Подчинение законам, уважение власти, терпение в страдании были истинами, выдвигавшимися священниками второй половины XVIII века.

Следует заметить, что сущность консервативной англиканской мысли в течение второй половины XVIII века, не может быть объяснена воззрениями духовенства на сущность английской монархии. Священнослужители придерживались множества мнений относительно природы королевской власти, и только незначительное их число осмеливалось поддержать в проповедях божественные начала королевского правительства. Когда священники обращали внимание на политическую атмосферу Британии, они обнаруживали одну характерную черту — распушенность. Понятие распушенности вошло в себя социальную и политическую реальность действительного беззакония и неуважения к властям. Темы распушенных нравов и различных проявлений аморальности были многолетними объектами проповедей. Эти темы предсказуемо были значимы, например, в проповедях во время деятельности выездной сессии суда присяжных в XVIII в.

В 1770-х годов голос духовенства стал более резким, а тема политического и социального повиновения — более значимой. В ответ на угрозу беззакония величайшей заботой церкви стала стабилизация общественного порядка в Англии. Так, многие англиканские источники, подтверждающие гегемонию конфессионального государства, могут быть использованы для утверждения о том, что трансформация и перемены,

а не статика были основными темами политической культуры конца XVIII века Г. Стеббинг отмечал пороки алчности и роскоши, но подчеркивал, что «безумная неумеренность распущенности и фракций, не более угрожают государству, чем вредны Богу... Найти вину легко, но ошибочно, так как это очень плохая услуга, поскольку с ростом непонимания растет недовольство, а там, где есть отсутствие доверия, не может не присутствовать враждебность» [9, с. 187]. По его мнению, именно из-за пренебрежения законами среди подданных распространяются беспокойство и фракционный дух.

Дж. Кольридж описывал главное зло своего времени как «открытую и хвастливую неверность, которая всюду заражает нашу атмосферу, распущенное презрение всех устоев...» [11, с. 123]. Э. Стиллингфлит описывал радикалов в Ворчестере, когда он обнаружил в нем распущенность, оппозицию законной власти и деление на фракции и партии. Везде он видел дух оппозиции, несогласия и разногласия, а дух независимости распространился в Англии, где каждый стремился быть свободным от подчинения тем, кто поставлен у власти над ним. Т. Пенроуз соглашался, что «народ, который не повинуется своим правителям, жестокий, раздражительный и способный к переменам, не может быть свободным, поскольку жестокость населения, более нетерпима и более разрушительна, чем тирания принца, а мятежное большинство более ужасно, нежели абсолютный монарх» [9, с. 192].

Настоящий дух истины, утверждал Б. Портеус, «уладит все эти несчастные распри, которые столь долго разрывали государство на части, которые имеют одну основную причину наших нынешних несчастий и, если своевременно не будут уничтожены или в конце концов намного смягчены, возможно, приведут к краху» [9, с. 134—135]. По мнению ряда авторов, дух беззакония второй половины XVIII века, прежде всего, выражался в двух формах: непочтительные речи и оформленная парламентская оппозиция. Священники беспокоились из-за свободы устного и письменного слова и размеров, которые она приняла. Г. Стеббинг сообщал, что «умеренные люди скрывали в слишком общих оборотах речи обычных разговоров то, что свобода была не чем иным, как правом оскорблять правительство» [9, с. 93]. Понятия «недовольство» и «фракция», достаточно мягко звучащие сегодня, подвергались абсолютному бичеванию англиканским духовенством, которое обнаружило, что само существование оформленной парламентской оппозиции является проявлением амбиций и нелояльности.

В завершение следует отметить, что в качестве объяснения англиканской настойчивости на повиновении властям можно привести боязнь духовенством современных политических и социальных перемен. Политика имеет дело гораздо чаще с восприятием реальности, чем с самой реальностью. Р. Нибур однажды отметил, что неистовая ортодоксия — это метод для затемнения сомнений.

Существовавшие в XVIII веке слои населения различно реагировали на быстрые перемены в сфере новых религиозных и политических идей. В 1753 году существовали 32 провинциальные газеты, а к 1780 году — около 50, большая часть из которых постепенно переориентировалась на освещение политических событий. *Kentish Gazett*, *Salisbury and Winchester Journal*, *York Courant*, *Newcastle Chronicle*, *Exeter Journal*, *Norwich Gazett*, *Jonson's Coventry Mercury*, *Cambridge Chronicle*, *Newark and Nottingham Journal*, *Leeds Mercury* симпатизировали делу радикалов в 1770-х годах, если не были сами радикальными.

С полной уверенностью можно утверждать, что понимание духовенством быстрой эволюции народной политической культуры отражало достаточно точно политические вызовы 1770-х гг. Это и ряд других обстоятельств, как, например, появление дискуссионных клубов и обществ, вполне объясняет резкость англиканских проповедей. Консервативно настроенные епископы в Палате лордов в период правления Георга III и значительная часть духовенства выражали то, что может быть названо торийскими взглядами на монархию, природу и сущность закона, социальный лоялизм и религиозное подчинение.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Локк Дж. Два трактата о правлении / Дж. Локк. — М.: Мысль, 1988. — Т. 3. — 668 с.
2. Laslet P. Patriarcha and Other Political Works of Sir Rodert Filmer / P. Laslet — Oxford : Basil Blackwell, 1949. — P. 326.
3. Schochet G. J. Patriarchalism in Political Thought / G. J. Schochet — New York: Basic Book, 1975. — P. 480.
4. Style R. The Englishman / R. Style — London: Published by Thomas Crowell Company, 1933. — P. 254.
5. Turberville A. S. The House of Lords in the XVIII century. / A. S. Turberville — Oxford: Clarendon Press, 1927. — P. 675.
6. Temple W. An. Essay upon the Original and the Nature of Government. In 3 vols. / W. An. Temple — Edinburgh : Sage Publications, Inc. in association with the American Academy of Political and Social Science, 1754. — Vol. I — P. 453.
7. Burke E. Reflection on the revolution in France and on the Proceeding in Certain Societies in London Relative to that Event in a Letter Intended to have been sent to a Gentleman in Paris / E. Burke — London: Printed for J. Dodsley, 1790. — P. 537.
8. Paterson J. Commentaries on Liberty of Subject and the Laws of England relating to the Security of Person / J. Paterson — London: Macmillan and Co., 1877. — P. 965.
9. Stebbing H. The Church and its Ministers / H. Stebbing — London: Macmillan and Co., 1844. — P. 276.
10. Price R. Additional Observations of Nature and Value of Civil Liberty, and the War with America / R. Price — London: Printed for T. Cadell, in the Strand, 1778. — P. 143.
11. Sommerville J. P. Politics and ideology in England. / J. P. Sommerville — London: Longman Publishing Group, 1986. — P. 264.

REFERENCES

1. Locc J. Two treatises on government. M.: Мысль, 1988. Vol. 3, 668 p. (in Russian).
2. Laslet P. Patriarcha and Other Political Works of Sir Rodert Filmer. Oxford: Basil Blackwell, 1949. 326 p.
3. Schochet G. J. Patriarchalism in Political Thought. New York: Basic Book, 1975. 480 p.
4. Style, R. The Englishman . London: Published by Thomas Crowell Company, 1933. 254 p.
5. Turberville A. S. The House of Lords in the XVIII century. Oxford: Clarendon Press, 1927. 675 p.
6. Temple W. An. Essay upon the Original and the Nature of Government. In 3 vols. / W. An. Temple — Edinburgh : Sage Publications, Inc. in association with the American Academy of Political and Social Science, 1754. Vol. I, 453 p.

7. Burke E. Reflection on the revolution in France and on the Proceeding in Certain Societies in London Relative to that Event in a Letter Intended to have been sent to a Gentleman in Paris .London: Printed for J. Dodsley, 1790, 537 p..

8. Paterson J. Commentaries on Liberty of Subject and the Laws of England relating to the Security of Person . London: Macmillan and Co., 1877, 965 p.

9. Stebbing H. The Church and its Ministers. London: Macmillan and Co., 1844. 276 p.

10. Price R. Additional Observations of Nature and Value of Civil Liberty, and the War with America. London: Printed for T. Cadell, in the Strand, 1778, 143 p..

11. Sommerville J. P. Politics and ideology in England. London: Longman Publishing Group, 1986. 264 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Пономарева Валерия Владимировна, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин,

Сибирский юридический институт МВД России,

660130, Россия, Красноярск, ул. Рокоссовского, 20.

ORCID: 0000-0002-5170-6893

Чугаев Валерий Валерьевич, кандидат юридических наук, помощник судьи Арбитражного суда Красноярского края,

660049, Россия, Красноярск, ул. Ленина, 1.

ABOUT THE AUTHORS

Ponomareva Valeria Vladimirovna, doctor of law sciences, professor, head of the department of state and law disciplines. Siberian law institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation.

660130, Russia, Krasnoyarsk, Rokossovsky str., 20.

ORCID: 0000-0002-5170-6893

Chugaev Valery Valerievich, candidate of law sciences, assistant judge of the Arbitration Court of the Krasnoyarsk territory. 1 Lenin Street, Krasnoyarsk, 660049, Russia.

Статья поступила в редакцию 25.01.2022; одобрена после рецензирования 01.02.2022; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted 25.01.2022; approved after reviewing 01.02.2022; accepted for publication 25.02.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 1 (100). С. 58. — 67.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022.
Vol. no.1 (100), p. 58—67.

**12.00.02. Конституционное право;
конституционный судебный процесс; муниципальное право**

Научная статья

УДК 342.7

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.19.85.005

**ОСНОВАНИЯ, УСЛОВИЯ И ПРОЦЕДУРЫ
ВВЕДЕНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПОЛОЖЕНИЯ:
ПРОБЛЕМЫ, ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЙ, ПЕРСПЕКТИВЫ**

Ян Анатольевич Антонов

Барнаульский юридический институт МВД России, г. Барнаул, Российская Федерация,
antonovyan9089@mail.ru

Введение: в статье рассматриваются основания, условия и процедуры введения чрезвычайного положения, которые трансформируются вследствие происходящих в мире событий, требуют модернизации и уточнений.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, Федеральный конституционный закон «О чрезвычайном положении», Федеральный закон «О безопасности», постановления Правительства Российской Федерации, распоряжения Правительства Российской Федерации, специальные нормативные правовые акты, международные договоры, соглашения.

Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, также методы правового анализа логической дедукции, индукции, познавательные методы и приемы наблюдения, сравнения, анализа, обобщения и описания. Результаты исследования позволили выделить отдельные положения, относящиеся к закреплению и реализации оснований, условий и процедуры введения чрезвычайного положения.

Результаты исследования позволили выделить отдельные положения, относящиеся к основаниям, условиям и процедурам введения чрезвычайного положения, которые трансформируются вследствие происходящих в мире событий, требуют модернизации и уточнений, а также принципы, пределы и ограничения.

Выводы и заключения: в ходе анализа проблем, трендов и перспектив закрепления и реализации оснований, условий и процедур введения чрезвычайного положения было выявлено, что режим чрезвычайного положения может быть введен не только вследствие открытых угроз, но также и скрытых, в том числе вследствие действий органов власти.

Ключевые слова: чрезвычайное положение, чрезвычайная ситуация, форс-мажор, кризис, трансформация.

Для цитирования: Антонов Я. А. Основания, условия и процедуры введения чрезвычайного положения: проблемы, тенденции изменений, перспективы // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 1 (100). — С. 58.—67.
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.19.85.005

**12.00.02. Constitutional law;
constitutional judicial process; municipal law**

Original article

**GROUND, CONDITIONS AND PROCEDURES FOR THE INTRODUCTION
OF A STATE OF EMERGENCY: PROBLEMS, TRENDS, PROSPECTS**

Yan A. Antonov

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russian Federation, antonovyan9089@mail.ru

Introduction: the article discusses the grounds, conditions and procedures for the introduction of a state of emergency, which are transformed as a result of events taking place in the world, require modernization and clarification.

Materials and methods: the normative basis of the study is formed by the Constitution of the Russian Federation, the Federal Law "On the State of Emergency", the Federal Law "On Security", decrees of the Government of the Russian Federation, orders of the Government of the Russian Federation, special regulatory legal acts, international treaties, agreements.

The methodological basis of the research was the general dialectical method of scientific cognition, which has a universal character, as well as methods of legal analysis of logical deduction, induction, cognitive methods and techniques of observation, comparison, analysis, generalization and description. The results of the study allowed us to identify individual provisions related to the consolidation and implementation of the grounds, conditions and procedures for the introduction of a state of emergency.

The results of the study: allowed us to identify individual provisions relating to the grounds, conditions and procedures for the introduction of a state of emergency, which are being transformed as a result of events taking place in the world, require modernization and clarification, as well as principles, limits and restrictions.

Findings and conclusions: During the analysis of problems, trends and prospects for the consolidation and implementation of the grounds, conditions and procedures for the introduction of a state of emergency, it was revealed that the state of emergency can be introduced not only as a result of open threats, but also hidden, including as a result of the actions of the authorities

Keywords: state of emergency, emergency, force majeure, crisis, transformation.

For citation: Antonov Ya. A. Osnovaniya, usloviya i procedury vvedeniya chrezvychajnogo polozheniya: problemy, tendencii izmenenij, perspektivy [Grounds, conditions and Procedures for the Introduction of a state of Emergency: Problems, Trends of Changes, prospects]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022, vol. no, 1 (100), pp. 58—67. (in Russ.) DOI: 10.55001/2312-3184.2022.19.85.005

В Российской Федерации для обеспечения личной безопасности граждан, надлежащего уровня защиты от преступных посягательств, угроз предусматривается возможность для введения режима чрезвычайного положения. Чрезвычайное положение представляет собой весьма сложный режим, непосредственно затрагивающий права и свободы граждан того государства, в котором он вводится. Необходимо отметить, что, по оценкам экспертов, Россия входит в пятерку стран с высоким риском чрезвычайных ситуаций. Прежде всего, такие ситуации возникают вследствие природных условий [1, с. 237]. Поэтому изучение вопросов, связанных с режимом чрезвычайного положения (его сущностью, основаниями и условиями введения), в том числе правовых аспектов этой темы, является для нас особенно актуальным. Актуальность подтверждает также и то обстоятельство, что, исходя из реалий сегодняшнего дня и той обстановки, которая сложилась не только в Российской Федерации, но и во всем мире, необходимо отметить, что режим чрезвычайного положения в некоторой степени начинает трансформироваться. «Чрезвычайное положение все более и более стремится стать доминирующей управленческой парадигмой современной политики», — писал итальянский философ Дж. Агамбен [2, с. 54] вскоре после терактов 11 сентября 2001 года и объявления Соединенными Штатами Америки «крестового похода» против международного терроризма. Сегодня можно видеть, насколько далеко продвинулось обращение к чрезвычайным средствам не только в политике, но также и в юриспруденции, экономике, социальной сфере вообще.

Прежнее представление о режиме чрезвычайного положения начинает кардинально меняться в связи с тем, что современные угрозы не всегда укладываются в рамки стандартного понимания чрезвычайной ситуации [3, с. 37]. В соответствии с этим вносятся изменения в законодательство, меняется мировая практика. Подтверждением тому служит ситуация с новой коронавирусной инфекцией. Так, например, на фоне пандемии коронавируса COVID-19 Президент Российской Федерации Владимир Путин 1 апреля 2020 года подписал Федеральный закон от 01.04.2020 № 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций»¹, согласно которому право введения режима чрезвычайной ситуации, как на уровне регионов, так и на федеральном уровне получило

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций: федер. закон от 1 апр. 2020 г. № 98-ФЗ: измен. и доп. от 08.06.2020: принят Гос. Думой 31 марта 2020 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» / Компания «Консультант Плюс». — Электрон. дан. — [М.]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349080, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус. — (дата обращения: 17.02.2022).

Правительство Российской Федерации. Отметим, что до принятия данного федерального закона этот режим вводился решением правительственной комиссии по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и обеспечению пожарной безопасности на федеральном уровне или решением региональных и местных властей на отдельных территориях. Президент России может ввести чрезвычайное положение при возникновении чрезвычайной ситуации общенационального масштаба.

Необходимо отметить, что, прежде всего, XXI век можно назвать веком потрясений, или, более точно, в период, который, используя меткую дефиницию К. Шмитта, можно охарактеризовать как «аномальное промежуточное состояние» [4].

Так, с точки зрения Р. З. Рувинского: «Наиболее характерной, бросающейся в глаза чертой того промежуточного состояния, в котором находятся глобальный и национальные правовые порядки в течение последних двух десятилетий, является его хронически чрезвычайный характер, все большее распространение исключительных в своей основе правовых режимов, законодательных норм и актов правоприменения» [5, с. 5].

«Новая нормальность», о которой сегодня повсюду говорят политики, ученые и эксперты [6] и которая, судя по всему, предполагает постепенный и, по крайней мере, частичный отказ от ряда личных свобод (прежде всего, от свободы передвижения и права на неприкосновенность частной жизни) в пользу предполагаемого повышения безопасности биологического существования, ставит ряд вопросов относительно того, как должен обеспечиваться новый, формирующийся правопорядок, какое бремя вынуждены нести в связи с этим современные национальные государства и какая ответственность ложится на плечи сотрудников правоохранительных органов [5].

Правовую основу режима чрезвычайного положения и условий его введения в России, прежде всего, составляют:

- Конституция Российской Федерации¹;
- Федеральный конституционный закон (далее — ФКЗ) «О чрезвычайном положении»²;
- Федеральный закон «О безопасности»³;
- постановления Правительства Российской Федерации;

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» / Компания «Консультант Плюс». — Электрон. дан. — [М.]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус. — (дата обращения: 17.02.2022).

² О чрезвычайном положении: федер. закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ: измен. и доп. от 03.07.2016: одобрен Гос. Думой 16 мая 2001 г. [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» / Компания «Консультант Плюс». — Электрон. дан. — [М.]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349080, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус. — (дата обращения: 17.02.2022).

³ О безопасности: федер. закон от 28 дек. 2010 г. № 390-ФЗ: измен. и доп. от 09.11.2020: принят Гос. Думой 7 дек. 2010 г. [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» / Компания «Консультант Плюс». — Электрон. дан. — [М.]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус. — (дата обращения: 17.02.2022).

- распоряжения Правительства Российской Федерации;
- специальные нормативные правовые акты;
- международные договоры, соглашения.

Отметим, что, в соответствии с российским законодательством, чрезвычайное положение представляет собой вводимый на всей территории Российской Федерации или в ее отдельных местностях правовой режим, который допускает отдельные ограничения прав и свобод граждан России, иностранных граждан, прав организаций и общественных объединений и возложение на них дополнительных обязанностей.

К основаниям введения режима чрезвычайного положения относятся следующие: наличие обстоятельств, которые представляют, как отмечает Д. А. Русинова, «непосредственную угрозу жизни и безопасности граждан или конституционного строя Российской Федерации» [7, с. 199].

Угрозу жизни и безопасности граждан на современном этапе могут составлять: аварии, опасные природные явления, катастрофы, заболевания, стихийные или иные бедствия. Например, пандемия может явиться основанием для введения особого правового состояния — чрезвычайного положения в стране. Руководство нашего государства оснований для введения чрезвычайного положения вследствие пандемии не усмотрело, тем не менее, согласно Указам Президента Российской Федерации от 25 марта 2020 г. № 206 «Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней»¹ и от 2 апреля 2020 г. № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)»² были установлены нерабочие дни, которые, особо следует отметить, не распространялись на суды. В связи с этим возникло много вопросов.

Например, чрезвычайное положение дает право работодателям прекратить трудовые договоры из-за чрезвычайных обстоятельств. Однако является ли пандемия форс-мажором? Много вопросов возникает именно по поводу соотношения режима чрезвычайного положения и форс-мажора. Введение режима чрезвычайного положения отнюдь не составляет документальное подтверждение форс-мажора (обстоятельств непреодолимой силы). Более того, отсутствует какой-либо универсальный документ, подтверждающий возникновение такого обстоятельства (включая справки ТПП и прочие аналогичные документы) [8, с. 143].

По действующему законодательству, отсутствуют ситуации и правовые механизмы, при которых государство автоматически возьмет на себя погашение кредитов, вы-

¹ Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней: указ президента Рос. Федерации от 25 марта 2020 г. № 206 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» / Компания «Консультант Плюс». — Электрон. дан. — [М.]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_348485, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус. — (дата обращения: 17.02.2022).

² О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19): указ президента Рос. Федерации от 2 апр. 2020 г. № 239 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» / Компания «Консультант Плюс». — Электрон. дан. — [М.]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349217, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус. — (дата обращения: 17.02.2022).

плату аренды или заработной платы [9, с. 494]. Вследствие того, что, пока мировое общество не может найти решение проблемы пандемии, не исключено, что еще не раз люди окажутся в ситуации полных локдаунов. В связи с этим в законодательстве должны найти отражение гарантии социального обеспечения при введении чрезвычайного положения в стране. Нарботки и опыт в этом плане есть: льготы и поддержку в период коронавируса получили миллионы граждан.

Вернемся к основаниям введения режима чрезвычайного положения. В качестве угроз конституционному строю Российской Федерации можно привести в пример: насильственный захват или удержание власти, вооруженные мятежи и т. д. Полный список преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства перечислены в главе 29 Уголовного кодекса Российской Федерации¹.

В соответствии с Федеральным конституционным законом «О чрезвычайном положении» оно может вводиться лишь в условиях, когда обстоятельства, служащие основанием для введения чрезвычайного положения, представляют собой реальную и неизбежную угрозу безопасности граждан или конституционному строю страны, устранение которой невозможно без применения чрезвычайных мер.

Отметим, что на сегодняшний момент существуют и другие виды угроз. Например, это может быть кибератака. Такой опыт есть у зарубежных стран. Так, в июле 2021 г. в немецком регионе Ангальт-Биттерфельд в федеральной земле Саксония-Ангальт объявили первый в истории страны режим чрезвычайного положения из-за кибератаки. Кибератака заблокировала работу серверов власти Ангальт-Биттерфельда, в результате чего население региона (157 тысяч) не смогло получить социальные выплаты и получить доступ к другим услугам местной власти².

В апреле 2021 г. Президент США Джо Байден объявил о введении режима чрезвычайной ситуации в связи с «вредоносными действиями» России. В США введение подобных режимов чрезвычайной ситуации позволяет президенту страны принимать дополнительные меры по решению той или иной проблемы. Отменить режим чрезвычайной ситуации, если он посчитает это необходимым, может только Конгресс. Необходимо отметить, что в настоящее время в США действуют более 30 подобных режимов чрезвычайных ситуаций.

Власти Литвы в июле 2021 г. объявили режим чрезвычайного положения в связи с притоком большого количества нелегальных мигрантов из Белоруссии. В Литву хлынули нелегалы из ближневосточных стран. Вслед за Литвой с проблемой нелегальных иммигрантов, переправляемых через Республику Беларусь, столкнулась и Латвия: пра-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: измен. и доп. от 28.01.2022: принят Гос. Думой 24 мая 1996 [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс / Компания «Консультант Плюс». — Электрон.дан. — [М.]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус. — (дата обращения: 17.02.2022).

² В Германии впервые ввели чрезвычайную ситуацию из-за атаки хакеров [Электронный ресурс] // URL: <https://iz.ru/1191424/2021-07-10/v-germanii-vpervye-vveli-chrezvychainuiu-situatsiiu-iz-za-ataki-khakerov>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус. — (дата обращения: 17.02.2022).

вительство страны объявило чрезвычайное положение на белорусской границе и приказало силой выдворять нелегалов.

Указом Президента Российской Федерации на территории, на которой введен режим чрезвычайного положения, назначается комендант территории. Статья 18 ФКЗ «О чрезвычайном положении» полностью посвящена этому лицу, закрепляет его функции. Недостатком является то, что ни в одном нормативно-правовом акте четко не определены цели, задачи, порядок управления территорией, на которой введено чрезвычайное положение.

Справедливости ради следует отметить, что, наряду с серьезными ограничениями, государством введены также определенные гарантии для субъектов права, указанные в гл. 6 ФКЗ «О чрезвычайном положении». Исследователи вопроса подчеркивают, что объем ограничения прав и свобод граждан в условиях чрезвычайного положения должен быть сопоставим с уровнем угрозы безопасности личности [10].

В советский период государство неоднократно принимало и реализовывало нормы о чрезвычайном положении; только в 1980—90-е годы режим чрезвычайного положения вводился более 25 раз, что было связано с чеченским кризисом, с деятельностью незаконных вооруженных формирований на Северном Кавказе, с чернобыльской катастрофой [1, с. 238].

Примером введения чрезвычайного положения в зарубежных странах может служить Египет: с 1981 года по февраль 2011 года (около 30 лет) в этой стране действовало чрезвычайное положение, введенное Хосни Мубараком сразу после вступления в должность президента страны и отмененное после сложения им своих полномочий¹. За всю историю России в нашей стране подобного явления в таком масштабе не наблюдалось.

В период введения режима чрезвычайного положения основную роль выполняют органы местного самоуправления, можно сказать, что идет проверка на выносливость, на эффективность их работы.

Однако само важное, по мнению автора настоящей статьи, то, что режим чрезвычайного положения становится процессом политическим. Режим может значительно ухудшить социальное положение миллионов людей: у одних — остановится бизнес, у других — исчезнет любой источник заработка.

Так, в России предоставление президентом страны права введения чрезвычайного положения Правительству России дало возможность последнему вводить ограничения оптовой и розничной торговли лекарствами, список которых оно само же и утверждало; введение моратория на возбуждение дел о банкротстве и на осуществление мер по поддержке туроператоров.

Все эти аспекты являются важнейшими для жизни государства. Отметим, что до подписания вышеназванного указа Президента России право ввести режим чрезвычайного положения было только у самого главы государства. У Президента России имеются два основных перечня оснований для его введения. Один включает в себя попытки насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации, вооружен-

¹ Египет освободился от подозрений [Электронный ресурс]. — URL: https://www.gazeta.ru/politics/2012/06/01_a_4609089.shtml, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус. — (дата обращения: 17.02.2022).

ного мятежа и т. д. Второй касается чрезвычайных ситуаций иного характера. В то же время возложение ответственности за введение режима чрезвычайной ситуации непосредственно на правительство «повышает уровень ответственности за принимаемые решения и увеличивает оперативность решения вопросов».

Таким образом, на современном этапе идет полное переформатирование значимости мероприятий в рамках чрезвычайной ситуации. Представляется, что режим чрезвычайного положения не должен приобретать политизированный характер. По факту введение чрезвычайного положения превращается в средство манипулирования в социальной сфере, сфере экономики и других сферах. Напомним, что цель введения чрезвычайного положения заключается в том, чтобы устранить те обстоятельства, которые послужили основанием для его введения. На практике введение чрезвычайного положения становится орудием, которое используется в политических, экономических целях, но никак не для устранения основания введения чрезвычайного положения. Представляется, что с целью недопущения политизированности процедуры введения чрезвычайного положения, для предотвращения использования чрезвычайного положения как средства достижения целей, не являющихся основанием для введения чрезвычайного положения отдельными субъектами, необходимо внести изменение в действующее законодательство. Так, необходимо вернуть Президенту Российской Федерации полномочие единолично вводить чрезвычайное положение, это позволит избежать злоупотреблений в праве на введение чрезвычайного положения со стороны федерального правительства.

Наблюдаемые сегодня кризисные тенденции имеют различные варианты развития, но, безусловно, всякий кризис имеет свое разрешение, к лучшему или к худшему. Понимание этих тенденций и готовность к новым вызовам необходимы правоохранительным органам уже сейчас: периоды нестабильности опасны резкими социальными взрывами, попытками перехватить власть, подорвать существующий правопорядок.

Нужно, впрочем, осознавать, что подрыв правопорядка в его основах (правовое государство, режим народовластия, права и свободы личности) может происходить латентно, не обязательно по воле каких-либо экстремистских групп, но в соответствии с политическими решениями, законодательными и правоприменительными актами легальных институтов.

Таким образом, режим чрезвычайного положения в части оснований и условий его введения нуждается в совершенствовании в связи с тем, что новые угрозы становятся латентными, они не всегда прямые, а по большей части скрытые, например, угрозы, которые происходят в виртуальном пространстве. Важно также то, что современные угрозы протекают в условиях так называемых гибридных войн, которые ведутся между странами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шмидт Т. Н. Чрезвычайное правовое регулирование: общетеоретическое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2014 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.susu.ru/sites/default/files/dissertation/dissertaciya_shmidt.pdf (дата обращения: 19.08.2021).
2. Агамбен Дж. Homo sacer. Чрезвычайное положение. — М.: «Европа», 2011. — 256 с.

3. Кочеткова Е. А. Эволюция механизма государства в условиях чрезвычайного положения // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. — 2021. — № 1 (47). — С. 37—42.
4. Шмитт К. Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы. — СПб.: Наука, 2005. — 326 с.
5. Рувинский Р. З. От чрезвычайного положения к «новой нормальности»: Сегодняшний кризис и грядущий правопорядок // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2021. — № 2 (54). — С. 237—240.
6. Schwab K., Malleret T. COVID-19: The Great Reset. Forum Publishing, 2020.
7. Русинова Д. А. Правовые аспекты обеспечения режима чрезвычайного положения // Правовые, социально-экономические, психологические аспекты обеспечения национальной безопасности: мат-лы V всерос. с междунар. участием студ. науч.-практ. конф. АНО ВПО «Прикамский социальный институт». — Пермь, 2021. — С. 199—204.
8. Алексеев А. Ю. Правовое положение лиц, отбывающих наказание, при возникновении чрезвычайной ситуации в сфере здравоохранения // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 3 (124). — С. 143—151.
9. Кузнецова М. Ю. Режимы военного и чрезвычайного положений: сравнительная характеристика // Аллея науки. — 2021. — Т. 1. — № 2 (53). — С. 494—501.
10. Петрянина О. А. Чрезвычайное положение как особый правовой режим защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2016. — № 4 (36). — С. 135—138.

REFERENCES:

1. Schmidt T. N. Chrezvychajnoe pravovoe regulirovanie: obshheteoreticheskoe issledovanie: dis. ... kand. jurid. nauk. [Emergency legal regulation: general theoretical research dis. ... Cand. jurid. sciences]. Barnaul, 2014. URL: https://www.susu.ru/sites/default/files/dissertation/dis_sertaciya_shmidt.pdf (date accessed: 19.08.2021).
2. Agamben J. Homo sacer. State of emergency. M.: "Europe", 2011. — 256 p.
3. Kochetkova E. A. Jevoljucija mehanizma gosudarstva v uslovijah chrezvychajnogo polozhenija [The evolution of the state mechanism in a state of emergency]. *Trudy Orenburgskogo instituta (filiala) Moskovskoj gosudarstvennoj juridicheskoy akademii* — *Proceedings of the Orenburg Institute (branch) of the Moscow State Law Academy*. 2021, no. 1 (47), pp. 37—42.
4. Schmitt K. Diktatura. Ot istokov sovremennoj idei suvereniteta do proletarskoj klassovoj bor'by [Dictatorship. From the origins of the modern idea of sovereignty to the proletarian class struggle]. SPb.: Nauka, 2005, 326 p.
5. Ruvinsky R. Z. Ot chrezvychajnogo polozhenija k «novoj normal'nosti»: Segodnjashnij krizis i grjadushhij pravoporjadok [From a state of emergency to a "new normalcy": Today's crisis and the coming law and order]. *Juridicheskaja nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii* — *Legal Science and Practice* — *Vestnik of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021, no. 2 (54), pp. 237—240.
6. Schwab K., Malleret T. COVID-19: The Great Reset. Forum Publishing, 2020.
7. Rusinova D. A. [Legal aspects of ensuring the state of emergency]. *Pravovye, social'no-jeconomicheskie, psihologicheskie aspekty obespechenija nacional'noj bezopasnosti: mat-ly V vseros. s mezhdunar. uchastiem stud. nauch.-prakt. konf. ANO VPO «Priamskij social'nyj institut»* [Legal, socio-economic, psychological aspects of ensuring national security. materials of the V All-Russian with international participation student scientific and practical conference. ANO VPO "Priamsky Social Institute"]. Perm, 2021, pp. 199—204.

8. Alekseev A. Yu. Pravovoe polozhenie lic, otbyvajushhih nakazanie, pri vzniknovenii chrezvychajnoj situacii v sfere zdravoohraneniya [Legal status of persons serving sentences in the event of an emergency in the health sector]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava — Actual problems of Russian law*. 2021, vol. 16, no. 3 (124), pp. 143—151.

9. Kuznetsova M. Yu. Rezhimy voennogo i chrezvychajnogo polozhenij: sravnitel'naja harakteristika [Regimes of martial law and states of emergency: comparative characteristics]. *Alleja nauki — Alley of Science*. 2021, vol. 1, no. 2 (53), pp. 494—501.

10. Petryanina O. A. Chrezvychajnoe polozhenie kak osobyj pravovoj rezhim zashhity prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossijskoj Federacii [State of emergency as a special legal regime for the protection of human and civil rights and freedoms in the Russian Federation]. *Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii — Vestnik of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2016, no. 4 (36), pp. 135—138.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Антонов Ян Анатольевич, преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел. Барнаульский юридический институт МВД России, 656038, Россия, г. Барнаул, ул. Чкалова, 49.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Antonov Yan Anatolyevich, Lecturer of the Department of Administrative Law and Administrative Activity of Internal Affairs Bodies. Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 656038, Russia, Barnaul, Chkalova str., 49.

Статья поступила в редакцию 27.09.2021; одобрена после рецензирования 04.10.2021; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted 27.09.2021; approved after reviewing 04.10.2021; accepted for publication 25.02.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 4 (99). С. 68—77.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021.
Vol. no.1 (100), p. 68—77.

**12.00.02. Конституционное право.
Конституционный судебный процесс. Муниципальное право**

Научная статья

УДК 342

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.11.43.006

**ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ КАК СУБЪЕКТ,
УЧАСТВУЮЩИЙ В ГАРАНТИРОВАНИИ ПРАВА
НА СВОБОДУ СОВЕСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Анна Евгеньевна Никитина

Омская академия МВД России, г. Омск, Российская Федерация,
skidanova123@mail.ru

Введение: автором рассмотрены правовые и организационные проблемы деятельности органов государственной власти, связанные с охраной права на свободу совести. Проанализированы нормы действующего законодательства, регулирующего полномочия органов государственной власти и их функции в указанной сфере. Также отмечается необходимость комплексного регулирования государственно-конфессиональных правоотношений и потребность в создании единого, согласованного органа государственной власти, который бы стал одним из субъектов гарантирования права на свободу совести.

Материалы и методы: использование в исследовании совокупности общенаучных методов: анализа и синтеза, наблюдения, формально-логического, структурного и системного позволили выделить особенности в деятельности органов государственной власти Российской Федерации при охране права на свободу совести.

Результаты исследования позволили сформулировать предложения о проведении организационно-правовых мер по модернизации работы органов государственной власти Российской Федерации по охране межконфессиональных отношений.

Выводы и заключения: анализ действующего законодательства позволяют автору предложить реформирование Федерального агентства по делам национальностей в единое федеральное агентство по делам национальностей и религии с расширением его функций. Представляется, что осуществление в практической деятельности предложенных рекомендаций по усовершенствованию их деятельности будет способствовать повышению эффективности и укреплению гарантий права на свободу совести в Российской Федерации.

Ключевые слова: конституционно-правовые гарантии, органы государственной власти Российской Федерации, право на свободу совести, полномочия, законодательство.

Для цитирования: Никитина А. Е. Органы государственной власти как субъект, участвующий в гарантировании права на свободу совести в Российской Федерации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2022. — № 1 (100). — С. 68—77.

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.11.43.006

12.00.02. Constitutional law; constitutional judicial process; municipal law

Original article

**THE BODIES OF STATE POWERS AS A SUBJECT OF SECURITY
AND PROTECTION OF THE CONSTITUTIONAL AND LEGAL
GUARANTEES OF THE RIGHT TO FREEDOM OF CONSCIENCE
IN THE RUSSIAN FEDERATION****Anna E. Nikitina**

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russian Federation,
skidanova123@mail.ru

Introduction: The author dwells on the problem of the development of the legislation of the right to freedom of conscience in the Russian Federation. Besides, the author propose to create complex legal regulation of the state-confessional relations and the need to create a uniform and coordinated bodies of state powers, which will be one of main subjects of the guaranteeing the right of the freedom of conscience. The author suggests different ideas for improving Russian legislation in this field thanks to analyze of the current legislation.

Materials and methods: The use of a set of general scientific methods in the study: analysis and synthesis, observation, formal-logical, structural and systematic allowed us to identify the features in the activities of state bodies of the Russian Federation in the protection and protection of the right to freedom of conscience.

The results of the study allowed to formulate proposals for the implementation of organizational and legal measures to improve the activities of state bodies of the Russian Federation for the protection and protection of the right to freedom of conscience.

Findings and conclusions: the analysis of the legislation allows the author to propose the reform of the Federal Agency for Ethnic Affairs into a single federal Agency for Ethnic and Religious Affairs with the expansion of its functions. The author believes that the proposed recommendations will contribute to improving the effectiveness and strengthening the guarantees of the right to freedom of conscience in the Russian Federation.

Keywords: the government agencies of the Russian Federation, right to freedom of conscience, constitution-law guarantees, functions, Russian legislation.

For citation: Nikitina A. E. Organy gosudarstvennoj vlasti kak sub#ekt, uchastvujushhij v garantirovanii prava na svobodu sovesti v Rossijskoj Federacii [The bodies of state powers as a subject of security and protection of the constitutional and legal guarantees of the right to freedom of conscience in the Russian Federation]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022, vol. no, 1 (100), pp. 68—77 (in Russ.).

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.11.43.006

Право на свободу совести предполагает возможность человека обладать, выражать, изменять свое религиозное мировоззрение. Кроме того, оно предполагает возможность самостоятельно или коллективно придерживаться определенной религии или вообще не исповедовать её [1, с. 37].

Следует констатировать возрастание роли религии и религиозных объединений в последнее время. Увеличивается количество верующих и численность религиозных объединений, усложняется их структура, усилена их деятельность. Названные процессы порождают одну из центральных проблем — увеличение количества религиозных объединений, чья деятельность пронизывают идеи деструктивного характера. Согласно статистическим данным МВД России, на территории Российской Федерации сотрудниками правоохранительных органов за 2016—2020 гг. зарегистрировано 2 тыс. 847 преступлений религиозного характера, в том числе в 2016 г. — 669, в 2017 г. — 665, в 2018 г. — 700, в 2019 г. — 371, в 2020 г. — 442 преступлений экстремистской направленности, выразившихся в возбуждении ненависти и вражды, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет, публичном призыве к осуществлению экстремистской деятельности и сепаратизму¹. В этой связи актуальным является изучение субъективного состава возникающих государственно-конфессиональных правоотношений.

Общепринято, что государственно-конфессиональные отношения — устойчивая связь между государством и конфессиями, возникающие в политико-управленческой и идеологической сферах общественной жизни [2, с. 141]. С одной стороны, субъектом государственно-конфессиональных отношений выступает индивид, реализующий право на свободу совести, а также религиозные объединения, проповедующие свои религиозные идеи населению. С другой стороны, субъектом названных правоотношений выступают органы государственной власти, чья деятельность направлена на охрану и защиту прав и законных интересов как индивида, распространяющего религиозные и иные убеждения, так законных интересов религиозных объединений. В этой связи сущность названных правоотношений проявляется во взаимодействии органов государственной власти и религиозных объединений, чья деятельность пронизана религиозным мировоззрением, регулировать которое достаточно сложно. Поэтому рассмотрение деятельности органов государственной власти как субъекта государственно-конфессиональных отношений является достаточно значимым. Так, в соответствии со ст. 4 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», одним из обязательных направлений деятельности органов государственной власти является охрана межконфессиональных отношений. Также органы государственной власти несут ответственность за обеспечение права на свободу совести [3, с. 104; 4, с. 43].

В современной действительности в Российской Федерации реализуется кооперационная модель государственно-религиозных отношений. Это значит, что органы государственной власти активно взаимодействует с религиозными объединениями [5, с. 90]. Поэтому вопрос юрисдикции органов государственной власти по охране права на свободу совести имеет немалое эмпирическое и теоретическое значение [6, с. 102]. Она позволяет определить перечень и уровень закрепления властных полномочий органов государственной власти в указанной сфере; гарантировать легитимность действий должностных лиц; конкретизировать пределы органов государственной власти в межконфессио-

¹ Состояние преступности в России за январь — июль 2020 года [Электронный ресурс]. — URL: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/9fb/sbornik_7_2020.pdf (дата обращения: 23.11.2020).

нальные отношения. По своей сущности, юрисдикция органов государственной власти по охране права на свободу совести складывается из трех направлений: профилактики, предупреждения и пресечения правонарушений религиозной направленности.

Анализ российского законодательства демонстрирует одну из проблем — нормы, регулирующие полномочия органов государственной власти по охране права на свободу совести, закреплены в различных нормативных правовых актах. К их числу относятся Конституция Российской Федерации, Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», постановление Правительства Российской Федерации (далее также — Правительство России) от 18.04.2015 № 368 «О Федеральном агентстве по делам национальностей», постановление Правительства России от 12.08.2011 № 678 «Об утверждении Положения о Комиссии по вопросам, возникающим при рассмотрении заявлений религиозных организаций о передаче имущества религиозного назначения, находящегося в федеральной собственности», постановление Правительства России от 15.07.2006 № 438 «Об утверждении Положения о Комиссии по вопросам, религиозных объединений при Правительстве Российской Федерации».

В соответствии с Федеральным законом от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» деятельность органов государственной власти по гарантированию права на свободу совести осуществляется с учетом основополагающих правил, например, таких как: «равенство религий; отделение религиозных объединений от государства и другие». Таким образом, названные законодательно установленные положения способствуют разрешению задач по обеспечению права на свободу совести в Российской Федерации и претворению в жизнь светской политики государства. Закрепив названные принципы деятельности в качестве основных, законодатель тем самым подчеркнул роль органов государственной власти как одного из главных субъектов, участвующих в укреплении государственно-конфессиональных правоотношений.

С учетом осуществляемых органами государственной власти полномочий представляется целесообразным указанные органы классифицировать на две большие группы: 1) органы государственной власти Российской Федерации, чья деятельность имеет общий характер по охране прав и свобод; 2) органы государственной власти Российской Федерации, обладающие по охране права на свободу совести специализированными полномочиями.

Президент Российской Федерации (далее — Президент России), Федеральное собрание Российской Федерации, Правительство России, органы прокуратуры и судебные органы Российской Федерации относятся к органам государственной власти Российской Федерации, для которых обеспечение права на свободу совести является одним из общих видов деятельности. В сферу их деятельности входит решение круга общих вопросов по защите прав и свобод.

Интересным представляется изучение деятельности российских органов государственной власти, чья деятельность непосредственно направлена на обеспечение права на свободу совести. Анализ действующего законодательства позволяет сделать вывод о том, что на сегодняшний день существуют достаточно большое количество совещательных органов по охране и защите названного права во всех ветвях власти. Так,

например, при Президенте России функционирует Совет по взаимодействию с религиозными объединениями, в законодательной власти при Совете Федерации (далее — Совфед России) Федерального Собрания Российской Федерации совет по межнациональным отношениям и взаимодействию с религиозными объединениями. Кроме того, при Совфеде России функционировала рабочая группа по защите российских граждан от мошеннических действий «сект», чья деятельность направлена на совершенствование законодательства в указанной области, защиту права на свободу совести, а также изучение количества «сектанских» организаций. При Государственной Думе Российской Федерации также работают комитеты по делам национальностей и Комитет по развитию гражданского общества, вопросам общественных и религиозных объединений, чья деятельность направлена на совершенствование законодательства в области свободы совести, а также модернизации правовых основ деятельности религиозных объединений. Органы судебной власти призваны урегулировать конфликт между государством и лицом (религиозными объединениями) по нарушению, восстановлению права на свободу совести.

Значимым является рассмотрение органов, обладающих спецификой по охране права на свободу совести, функционирующие при органах исполнительной власти, поскольку основным их назначением является претворение в жизнь норм права в указанной области. Так, органы, созданные при Правительстве России, имеющие специальные полномочия по обеспечению права на свободу совести, обладают: Федеральное агентство по делам национальностей; Комиссия по вопросам, возникающим при рассмотрении заявлений религиозных организаций о передаче имущества религиозного назначения, находящегося в собственности Российской Федерации при Правительстве России; Комиссия по вопросам религиозных объединений при Правительстве России.

Между тем анализ судебной практики по обращению граждан за восстановлением нарушенного права на свободу совести в Российской Федерации показал, что сегодня органы государственной власти в указанной сфере функционируют в условиях правовых противоречий. Это проявляется в том, что, во-первых, нормативные правовые акты, регулирующие их компетенцию по охране права на свободу совести, достаточно разрозненны и слабо структурированы. Во-вторых, в действующем законодательстве отсутствует комплексный подход к определению того круга вопросов, которые должны решаться органами государственной власти в указанной сфере [7, с. 7]. Объем полномочий этих органов не конкретизирован, и они порою выполняют дублирующие функции. В частности, к полномочиям названных органов относятся: 1) анализ и прогноз развития религиозной обстановки в государстве; 2) надзор за взаимодействием институтов гражданского общества с государственными органами; 3) оказание помощи консультативного характера государственным органам в применении законодательства о свободе совести; 4) определение государственной политики в области межконфессиональных отношений; 5) мониторинг за соблюдением законодательства в указанной сфере.

Осуществление названными органами государственной власти схожих по своей сущности функций приводит к снижению эффективности правоприменительной деятельности в указанной сфере. Следует констатировать, что деятельность названных органов, как правило, носит консультативный, экспертный и совещательный характер, а их представители выступают в качестве экспертов при возникновении спорных ситуаций по религиозным вопросам.

Основным федеральным органом, осуществляющим координацию по охране права на свободу совести, является Федеральное агентство по делам национальностей. Анализ положений, отдельно регламентирующий деятельность названного агентства, позволяет сформулировать вывод о том, что для названного органа государственной власти охрана и защита межконфессиональных отношений является вторичной и дополнительной, поскольку основное направление деятельности — урегулирование межнациональных отношений.

Комиссии по вопросам охраны права на свободу совести, существующие при Правительстве России, имеют специализированные полномочия. Это проявляется, прежде всего, в разработке стратегии по эффективному взаимодействию государства с религиозными объединениями, а также нормализации гражданско-правовых отношений, связанных с имуществом религиозного назначения. Например, Комиссия по вопросам, возникающим при рассмотрении заявлений религиозных организаций о передаче имущества религиозного назначения, находящегося в федеральной собственности при Правительстве России, принимает решения по вопросам: 1) урегулирования разногласий, возникающих при рассмотрении заявлений религиозных организаций о передаче находящегося в федеральной собственности имущества религиозного назначения; 2) рассмотрения заявлений физических и юридических лиц о возможных нарушениях их прав и (или) законных интересов в связи с принятием решения о передаче религиозной организации имущества религиозного назначения либо действиями (бездействиями) уполномоченного органа в связи с рассмотрением заявления религиозной организации.

Комиссия по вопросам религиозных объединений при Правительстве России является органом, регулирующим правоотношения государства и религиозных объединений. Ее сущность проявляется в выполнении ею функций, а именно: оказание взаимодействия с религиозными объединениями; организация анализа законодательства в области свободы совести; а также осуществление иных координационных и методических функций.

Сказанное указывает на необходимость расширения функций по охране права на свободу совести федеральными органами государственной власти Российской Федерации. Представляется, разрешение названной проблемы возможно достигнуть путем переименования Федерального агентства по делам национальностей в Федеральное агентство по делам национальностей и религии с расширением полномочий в межконфессиональной сфере, в структуре которого необходимо включить отдел по вопросам, возникающим при рассмотрении заявлений организаций о передаче имущества религиозного назначения, находящегося в федеральной собственности, а также отдел по вопросам религиозных объединений. Это приведет к расширению функций данного федерального органа применительно к конфессиональной сфере, в частности: 1) контроля и надзора за правонарушениями в области свободы совести в Российской Федерации; 2) анализа и прогноза религиозной ситуации в Российской Федерации.

Так, с целью расширения полномочий реформированного федерального органа по делам национальностей и религии предлагается расширение его функций, а именно: 1) осуществление им нормотворческой функции; 2) контрольно-надзорной функции; 3) экспертно-консультативной функции.

Для обеспечения права на свободу совести значимо важным является вопрос взаимодействия федеральных органов, региональных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления по охране права на свободу совести, поскольку, как справедливо отметил А. В. Пчелинцев, на сегодняшний день ни в Конституции Российской Федерации, ни в действующем законодательстве о свободе совести нет норм, определяющих компетенцию органов государственной власти Российской Федерации, компетенцию региональных государственных органов и органов местного самоуправления [8, с. 33].

Деятельность органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и их подотчетности федеральным государственным органам осуществляется в соответствии со ст. 72 Конституции Российской Федерации. Так, вопросы охраны права на свободу совести находятся в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Нередко федеральные органы государственной власти делегируют полномочия региональным исполнительным органам государственной власти по регулированию межконфессиональных отношений исходя из специфики конкретного региона. В частности, в Омской области функционирует министерство региональной политики и массовых коммуникаций Омской области, осуществляющее общие полномочия, в том числе, по укреплению этноконфессиональных связей; в Тюменской области таким государственным органом власти является комитет по делам национальностей Тюменской области; в Республике Дагестан действует министерство по национальной политике и делам религий, обеспечивающее развитие национальных, межнациональных отношений и решающее конкретные задачи.

Правоприменительная практика свидетельствует о проблемах, возникающих при определении юрисдикции органов государственной власти по охране права на свободу совести. Так, ярким примером является определение № 19-АПГ13-2 от 10 июля 2013 г. Верховного Суда Российской Федерации. Названное решение было связано с запретом ношения религиозной одежды в государственных общеобразовательных учреждениях и муниципальных общеобразовательных учреждениях муниципальных образований Ставропольского края. Обосновывая свою позицию, заявители, в частности, указывали: право человека на свободу совести, может быть ограничено только федеральным законом, но не решением органов государственной власти субъекта Российской Федерации. 10 июля 2013 г. Верховный Суд Российской Федерации, в свою очередь, отразил свою позицию в определении № 19-АПГ13-2 от 10 июля 2013 г., согласно которой принятое решение Правительством Ставропольского края, касающееся ограничение права граждан носить одежду с религиозной символикой и религиозной атрибутикой, не противоречит нормам действующего законодательства о свободе совести и соответствует политике государства.

Таким образом, субъекты Российской Федерации, исходя из региональной и конфессиональной обстановки, вправе самостоятельно решать вопросы, касающиеся аспектов межконфессиональных отношений с целью обеспечения государством принципа религиозной нейтральности и секуляризма.

Получившие широкий общественный резонанс поправки к Конституции Российской Федерации 2020 года создали благоприятную почву для выстраивания товарищеских отношений органов государственной власти и органов местного самоуправления. На му-

ниципальном уровне органы местного самоуправления обладают следующими полномочиями: 1) принятие решения по проведению политики в области охраны права на свободу совести, 2) отказ в проведении религиозного мероприятия, проводимого на территории муниципального образования, 3) согласование проведения религиозного мероприятия, 4) участие в обеспечении охраны правопорядка при проведении религиозных мероприятий, 5) внесения представления в суд о ликвидации религиозной организации или приостановления ее деятельности и др. Так, например, на территории Омской области функционирует Департамент общественных отношений и социальной политики администрации города Омска, Экспертный совет по делам национальностей и религии при администрации г. Омска.

В настоящее время разработан проект Федерального закона «О взаимодействии органов государственной власти и органов местного самоуправления с религиозными организациями», целью которого является создание благоприятной почвы для выражения своего отношения к религии¹. Полагаем, что принятие названного документа укрепит правоотношения государства и его органов с религиозными объединениями, предотвратит и ослабит действие негативных процессов, возникающих по религиозным причинам. Эффективность гарантированности претворения в жизнь права на свободу совести напрямую зависит от уровня взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления.

С учетом сказанного создание единого государственного органа власти на федеральном уровне, наделенного специальными полномочиями по обеспечению права на свободу совести, представляется необходимым, т. к. в процессе реформирования законодательства в области свободы совести образовалась «правовая пустота» которую необходимо «заполнить». Защита личности от правонарушений религиозной направленности обуславливает необходимость повышения уровня гарантированности реализации названного права путем совершенствования российского законодательства.

В этой связи для решения названных проблем существует потребность в разработке единого, согласованного нормативного правового акта, закрепляющего полномочия Федерального агентства по делам национальностей и религии, что послужило бы дополнительной гарантией осуществления права на свободу совести. Совершенствование деятельности должностных лиц органов государственной власти по охране права на свободу совести должно обеспечиваться оптимизацией действующего законодательства. В этой связи логичным представляется принятие единого нормативного акта, регулирующего деятельность усовершенствованного Федерального агентства по делам национальностей и религии.

Кроме того, важным аспектом представляется внесение изменений в Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» с целью структурирования органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления как субъектов гарантирования реализации права на свободу совести, с уточнением их компе-

¹ О взаимодействии органов государственной власти и органов местного самоуправления с религиозными организациями. [Электронный ресурс]. — URL: <https://docviewer.yandex.ru> (дата обращения: 13.09.2020).

тенции на федеральном, региональном и местном уровнях, что позволило бы учитывать всю специфику государственно-конфессиональных отношений и позволило бы повысить уровень деятельности названных органов по обеспечению права на свободу совести в Российской Федерации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тетерятников Н. Ю. Особенности свободы совести в РФ // В кн.: Права и свободы человека в современном мире: сб. мат-в регион. науч.-практ. конф. / Отв. ред. В. В. Пономарева. — 2001. — С. 37—39.
2. Кардашевский А. В. Государственно-конфессиональные отношения и политические режимы // Известия Иркутского государственного университета. серия: политология. Религиоведение. — 2010. — № 2. — С. 141—150.
3. Булавина М. А. Свобода совести и свобода вероисповедания: конституционно-правовой аспект // Вестник Института мировых цивилизаций. — 2019. — Т. 10. — № 3 (24). — С. 104—108.
4. Бучакова М. А. Право на свободу совести и свободу вероисповедания в Российской Федерации // Вестник Омского университета. Серия: Право. — 2017. — № 3 (52). — С. 42—46.
5. Морозов А. А. Взаимодействие государства с религиозными объединениями и проблемы обеспечения свободы совести // Реализация Конституции Российской Федерации: мат-лы всерос. науч.-практ. конф. — 2017. — С. 90—92.
6. Скиданова А. Е. Проблема соотношения правовых категорий “свобода совести” и “свобода вероисповедания” в Российской Федерации / А. Е. Скиданова, Е. В. Кошелев // Психопедагогика в правоохранительных органах. — 2018. — № 3 (74). — С. 100—102.
7. Бучакова М. А. Координация в системе государственного и муниципального управления охраной окружающей среды Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2011. — С. 482.
8. Пчелинцев А. В. Свобода совести и религиозные объединения в Российской Федерации (конституционно-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2012. — С. 57.

REFERENCES

1. Teteryatnikov N. Yu., V. V. Ponomareva (Ed.) [Especially freedom of conscience in Russia]. *V kn.: Prava i svobody cheloveka v sovremennom mire: sb. mat-v region. nauch.-prakt. konf.* [In the book: Human rights and freedoms in the modern world. Collection of materials of the regional scientific and practical conference]. 2001, pp. 37—39.
2. Kardashevskiy A. V. Gosudarstvenno-konfessional'nye otnoshenija i politicheskie rezhimy [State-confessional relations and political regimes]. *News of the Irkutsk State University. series: political science. Religious studies — Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. series: political science. religious studies.* 2010, no. 2. pp. 141—150.
3. Bulavina M. A. Svoboda sovesti i svoboda veroispovedaniya: konstitucionno-pravovoj aspekt [Freedom of conscience and freedom of religion: constitutional and legal aspects]. *Vestnik Instituta mirovyh civilizacij — Vestnik of the Institute of World Civilizations.* 2019. Vol. 10, no. 3 (24), pp. 104—108.
4. Buchakova M. A. Pravo na svobodu sovesti i svobodu veroispovedaniya v Rossijskoj Federacii [The right to freedom of conscience and freedom of religion in the Russian Federation]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo — Vestnik of the Omsk University. Series: Law.* 2017, no. 3 (52), pp. 42—46.

5. Morozov A. A. [Interaction of the state with religious associations and problems of ensuring freedom of conscience] *Realizacija Konstitucii Rossijskoj Federacii: mat-ly vseros. nauch.-prakt. konf.* [Implementation of the Constitution of the Russian Federation. Materials of the All-Russian scientific and practical conference]. 2017, pp. 90—92.

6. Skidanova A. E., Koshelev E. V. Problema sootnoshenija pravovyh kategorij “svoboda sovesti” i “svoboda veroispoveda-nija” v Rossijskoj Federacii [The problem of correlation of legal categories of “freedom of conscience” and “freedom of religion” in the Russian Federation]. *Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah — Psychopedagogy in law enforcement*. 2018, no. 3 (74), pp. 100—102.

7. Buchakova M. A. Koordinacija v sisteme gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija ohranoj okruzhja-jushhej sredy Rossijskoj Federacii: dis. ... d-ra jurid. nauk. [Coordination in the system of state and municipal management of environmental protection of the Russian Federation dis. ... doc. of law]. Moscow, 2011, 482 p.

8. Pchelintsev A. V. Svoboda sovesti i religioznye ob#edinenija v Rossijskoj Federacii (konstitucionno-pravovoe issledovanie): avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. [Freedom of conscience and religious associations in the Russian Federation (constitutional and legal research): autoref. dis. ... cand. Of law]. Moscow, 2012, 57 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Никитина Анна Евгеньевна, преподаватель кафедры криминалистики. Омская академия МВД России, 644092, Россия, г. Омск, ул. Комарова, 7.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikitina Anna Evgenevna, Lecturer of the Department of the Criminalistics. The Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 7, Komarova st., Omsk, Russia, 644092.

Статья поступила в редакцию 28.04.2021; одобрена после рецензирования 01.02.2022; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted 28.04.2021; approved after reviewing 05.05.2021; accepted for publication 25.02.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 1 (100). С. 78—86.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022.
Vol. no.1(100), p. 78—86.

**12.00.02. Конституционное право; конституционный судебный процесс;
муниципальное право.**

Научная статья

УДК 342.72

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.92.96.007

**ГЕНЕЗИС ОТЕЧЕСТВЕННОГО ИНСТИТУТА ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ
ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ**

Анжелика Размиковна Шастина

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация,
shastina.ar@gmail.com

Введение: в статье на основе исторического материала, зарубежного опыта правового регулирования защиты прав и свобод личности анализируется процесс становления отечественного института правовой защиты прав и свобод личности, а также его развитие по настоящий период времени, с учетом возникающих новых задач и государственных приоритетов в сфере прав и свобод человека и гражданина.

Материалы и методы: нормативную основу исследования составили положения Конституции Российской Федерации, а также международные общепризнанные принципы и нормы и международные договоры Российской Федерации. Методологическую основу исследования составили взаимосвязанные между собой общенаучные и частнонаучные методы диалектического познания правовой действительности. Системно-структурный метод позволил осмыслить защиту прав и свобод личности как правовой институт, сравнительно-правовой, сравнительно-исторический методы позволили выявить особенности в законодательном закреплении механизмов правовой защиты прав и свобод личности.

Результаты исследования позволили обосновать естественную связь прав человека и гражданина с правовым механизмом их защиты, а также выделить значимые исторические события, оказавшие как прямое, так и косвенное влияние на становление и развитие отечественного института правовой защиты прав и свобод личности.

Выводы и заключения: права человека — это базовые потребности социальной личности, особо важной государственной задачей является обязанность их защиты. Механизм правовой защиты прав и свобод человека и гражданина — это многокомпонентная система, призванная служить инструментом для оперативного и действенного реагирования на ситуации, в которых происходит нарушение, умаление конституционных прав и свобод. В условиях неизменности положений главы 2 «Права и свободы человека и гражданина» Конституции Российской Федерации появление новых прав человека

в отечественной правовой системе осуществляется через (конституционное) закрепление гарантий осуществления и механизмов их защиты.

Ключевые слова: права и свободы личности, правовая защита, гарантии прав и свобод, Конституция Российской Федерации, международные общепризнанные принципы, международные нормы.

Для цитирования: Шастина А. Р. Генезис отечественного института правовой защиты прав и свобод личности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2022. — № 1(100). — С. 78—86.

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.92.96.007

12.00.02. Constitutional law; constitutional judicial process; municipal law

Original article

THE GENESIS OF THE DOMESTIC INSTITUTION OF LEGAL PROTECTION OF INDIVIDUAL RIGHTS AND FREEDOMS

Anzhelika R. Shastina

Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, shastina.ar@gmail.com

Introduction: based on historical material, foreign experience in the legal regulation of the protection of the rights and freedoms of the individual, the article analyzes the process of formation of the domestic institution of legal protection of the rights and freedoms of the individual, as well as its development to the present period of time, taking into account emerging new tasks and state priorities in sphere of human and civil rights and freedoms.

Materials and methods: the normative basis of the study was made up of the provisions of the Constitution of the Russian Federation, as well as international universally recognized principles and norms and international treaties of the Russian Federation. The methodological basis of the study was made up of interrelated general scientific and private scientific methods of dialectical cognition of legal reality. The system-structural method made it possible to comprehend the protection of individual rights and freedoms as a legal institution, comparative legal, comparative historical methods made it possible to identify features in the legislative consolidation of mechanisms for the legal protection of individual rights and freedoms.

The results of the study made it possible to substantiate the natural connection between human and civil rights and the legal mechanism for their protection, as well as to highlight significant historical events that have had both direct and indirect impact on the formation and development of the domestic institution of legal protection of individual rights and freedoms.

Findings and conclusions: human rights are the basic needs of the social person, the duty to protect them is a particularly important state task. The mechanism for the legal protection of human and civil rights and freedoms is a multi-component system designed to serve as a tool for rapid and effective response to situations where constitutional rights and freedoms are violated, detracted. In the context of the immutability of the provisions of Chapter 2 “Human and Citizen’s Rights and Freedoms” of the Constitution of the Russian Federation, the emergence

of new human rights in the domestic legal system is carried out through (constitutional) consolidation of guarantees for the implementation and mechanisms for their protection.

Keywords: individual rights and freedoms, legal protection, guarantees of rights and freedoms, Russian Constitution, internationally recognized principles, international norms.

For citation: Shastina A. R. Genesis otechestvennogo instituta pravovoj zashhity prav i svobod lichnosti [The genesis of the domestic institution of legal regulation of individual rights and freedoms]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022, vol. no, 1 (100), pp. 78—86. (in Russ.). DOI: 10.55001/2312-3184.2022.92.96.007

Очевидно, права и свободы человека и гражданина, даже будучи признаны государством в качестве высшей ценности, не могут обойтись без специальных механизмов, которые позволят выйти за рамки формальных установок и стать действительно неотъемлемой частью как личности, так и общества в целом. Формирование отечественного института правовой защиты прав и свобод личности в российской правовой системе имеет длительную историю, которая связана не только с Россией. В этом аспекте необходимо уточнить, что категория «личность» встречается в конституционных правовых нормах второй главы. Личность в государстве может выступать (и, как правило, выступает) в двух ипостасях одновременно, а в науке категория «личность» используется как объединяющая двух носителей прав и свобод: человека и гражданина.

Сама природа прав человека, которая продолжает волновать мысли как философов, так и правоведов международного сообщества, неотделима от правовой защиты прав и свобод. Изучая многие древние культуры и традиции, можно найти подтверждение тому, что человек обладает правами по праву существования, и права эти неотъемлемы, таким образом, ошибочно предполагать, что закрепленные в международных правовых актах, в современных конституциях права человека «созданы» современным обществом, «изобретены» в XX веке. Следует признать, что права человека, которые есть норма права, — это отражение того, что можно назвать природой человека, это сама суть человеческого существования, это его базовые потребности как социального явления.

В «Практическом руководстве по правам человека», составленном Советом Европы¹, отмечается, что важными вехами для осмысления прав человека с древних времен являлись: Кодекс Хаммурапи в Вавилонии (Ирак, ок. 2000 г. до н. э.); Хартия Кира (Иран, около 570 г. до н. э.); «Послание о правах» Имама Али ибн эль-Хусейна (начало 8 века н. э.); Хартия Манде и Хартия Курукан Фуга (Западная Африка, 1222 г. и 1236 г. соответственно), указывается на уважение к законам и традициям своих земель фараонами Древнего Египта, на то, что Конфуций построил своё учение на идее сострадания и любви к другому, а в Южной Африке концепция «убунту», которую можно расшифровать как «уважение между людьми», лежит в основе африканского мировоззрения.

Знаковым этапом для утверждения концепции прав человека как сверх ценности для государства стало принятие Всеобщей декларации прав человека² в 1948 г. Всеобщая

¹ Repères: Manuel pour la pratique de l'éducation aux droits de l'homme avec les jeunes. Conseil de l'Europe. 2012 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.coe.int/fr/web/compass/what-are-human-rights-#Key%20values> (дата обращения: 13.04.2021).

² Всеобщая декларация прав человека от 10 дек. 1948 г. (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Рос. газ. — 1995. — № 67.

декларация прав человека была принята Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций (далее — ООН), на её содержание значительное влияние оказали страшные события Второй мировой войны, связанные с беспрецедентными по своим масштабам нарушениями прав человека. Возможно, эта декларация — один из немногих международных правовых актов, который был человечеством единодушно понят и принят.

С тех пор сформулированные Всеобщей декларацией прав человека концептуальные положения в сфере прав человека нашли отражение в многочисленных как в международных, так и национальных правовых документах. Первоначально Всеобщая декларация прав человека была, прежде всего, документом не столько юридическим, сколько политическим, который был предназначен объединить нации, дать им надежду на взаимное уважение и стать прочным фундаментом долгожданного мира. Однако впоследствии общечеловеческие стандарты прав человека, провозглашенные в декларации, были введены в текст различных международно-правовых актов, обладающих обязательной юридической силой. Таким образом, положения Всеобщей декларации прав и свобод человека приобрели статус общепризнанных и неоспоримых.

Таким образом, в момент разработки и принятия Конституции Российской Федерации (далее — Конституция России) в 1993 г.¹ её авторы, очевидно, не могли, руководствуясь демократическими идеями, не имплементировать в текст конституции основные принципы Всеобщей декларации прав и свобод человека, а именно:

1. Права человека неотчуждаемы (п. 2 ст. 17 Конституции России).

Этот принцип неразрывно связан с теорией естественных прав человека, суть которой и заключается в том, что человек не может потерять права, потому что они есть часть его существования. В рамках этого утверждения допускается в исключительных случаях ограничение некоторых прав, но условия этого ограничения строго оговорены (например, в Конституции России три взаимосвязанных условия для ограничения прав и свобод человека перечислены в ст. 55).

2. Права и свободы человека неделимы (п. 2 ст. 17 Конституции России). Это означает, что различные права неразрывно связаны между собой и поэтому не могут рассматриваться независимо друг от друга. В Российской Федерации признаются и гарантируются все права и свободы человека и гражданина, которые относятся к общепризнанным принципам и нормам международного права. Никакое право не преобладает над другим и пользование одним правом зависит от пользования многими другими правами.

3. Универсальность прав и свобод человека (ст. 19 Конституции России), что означает, что они распространяются на всех, без каких-либо ограничений. Каждый может пользоваться всеми провозглашенными правами и свободами независимо от расы или этнического происхождения, цвета кожи, пола, сексуальной ориентации, инвалидности, языка, религии, политического убеждения, социального положения и т. д.

Известно, что в России гарантируются и признаются права и свободы человека и гражданина в соответствии с нормами и принципами международного права. Помимо Всеобщей декларации прав и свобод человека, к таковым можно отнести Женевские

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.09.2021).

конвенции, Устав ООН, Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод, Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, международные пакты 1966 г., и ряд других.

Итак, в Российской Федерации официально признаны основные права и свободы человека, а также естественная природа основных из них. Тем не менее, как показывает многолетний опыт, как российский, так и зарубежный, доступ к этим правам, их реализация не могут осуществляться в полной мере, если в государстве отсутствует эффективный механизм защиты прав и свобод.

Более того, именно совокупность национальных факторов, таких как политическая обстановка, принимаемые законы, заинтересованность власти в соблюдении конституционных положений влияет на реальность существования закрепленных в основном законе государства прав и свобод, а сами эти факторы могут быть рассмотрены как гарантии прав и свобод человека и гражданина.

Третья часть ст. 2 Конституции России устанавливает обязанность государства защищать права и свободы человека и гражданина. Несмотря на то, как отмечает М. В. Мархгейм [1, с. 19], что конституционное употребление слова «обязанность» в единственном числе при фактическом распространении ее (обязанности) на признание, соблюдение и защиту ориентирует на их триединое восприятие и исследование, именно механизм правовой защиты прав и свобод, является ключевым элементом для построения реального правового государства, для укрепления доверия населения к существующим политическим реалиям, для понимания обществом, что права и свободы индивида действительно являются высшей ценностью в нашем государстве.

В самом общем понимании необходимость в защите прав и свобод человека и гражданина возникает в момент их нарушения, умаления [см., напр.: 2, с. 15; 3, с. 32]. И совокупность действий со стороны государства в этом случае должна быть направлена на восстановление прав и свобод человека в том виде, в котором они признаны национальной правовой системой, и на тех условиях, которые обеспечивают их соблюдение. Таким образом, защита прав и свобод человека и гражданина не может рассматриваться как непрерывный процесс, в отличие, например, от соблюдения прав и свобод, и складывается в определенный механизм, участие в котором принимают различные субъекты, и это, помимо государства и его органов, правозащитные организации и межгосударственные органы.

Генезис отечественного института правовой защиты прав и свобод обусловлен тем, что в течение длительного периода менялись представления о том, какова сущность прав человека, расширилось количество этих прав, возникло убеждение о необходимости их защиты, а, самое главное — увеличилось количество лиц, обладающих правами, подлежащих защите, что и было подтверждено конституционным принципом о всеобъемлющем характере прав человека. Не прекращается поиск новых механизмов защиты прав и свобод личности и предпринимаются усилия по повышению эффективности существующих правозащитных инструментов, как на международном, так и на национальном уровне [4, с. 20].

Различные исторические процессы, происходящие в российском государстве и оказавшие существенное влияние на становление отечественного института правовой защиты прав и свобод, по мнению ученых [5, с. 206], можно разделить на несколько этапов. Первый этап формирования института правовой защиты прав и свобод непосредственно связан с появлением объективного права, это самый продолжительный период

времени, обусловленный медленным установлением в общественном сознании понимания естественной природы прав личности. Серьезным шагом в развитии отечественного института правовой защиты прав и свобод личности стала отмена крепостного права, а в целом первый этап продлился до 1917 г., когда появилось социалистическое государство с совершенно новой концепцией организации власти и общества и начались фундаментальные социальные преобразования. Логично, что первая половина XX века в истории СССР может рассматриваться как второй этап формирования отечественного института правовой защиты прав и свобод, поскольку, начиная с 1917 г. и вплоть до 1950 г. социалистическая система развивалась и укреплялась, оказывая непосредственное влияние на права и свободы личности, а, следовательно, и на правовые механизмы их защиты. Третий этап связан с активными международными поисками действенных механизмов защиты прав и свобод и охватывает, как уже упоминалось, послевоенный период с 1950 по 1985 гг. Как отмечает В. В. Чуксина: «принятие международных конвенций по правам человека, Всемирная конференция по правам человека и План действий стимулировали массовый рост национальных правозащитных институтов» [3, с. 32].

Рассуждая о генезисе отечественного института прав и свобод человека, можно прийти к выводу о том, что, помимо закономерной имплементации, в российскую конституцию международных принципов защиты прав и свобод, которые предполагают применение как национальных, так и международных механизмов защиты, следует отметить новую тенденцию в конституционном закреплении обязанностей государства в сфере защиты прав и свобод.

Как указала Т. Я. Хабриева, выступая на X международном конгрессе сравнительного правоведения¹, Конституция России в 2020 г. наполнилась не только новыми гарантиями социальных прав (например, гарантии минимального размера оплаты труда, формирование системы пенсионного обеспечения на основе принципа всеобщности, справедливости, солидарности, индексация пенсий не реже одного раза в год, обязательное социальное страхование граждан — ст. 75 Конституции России), а в поправках в Конституцию России 2020 г. были установлены механизмы защиты тех прав, которые в тексте конституции не были закреплены, но, таким образом, через нормы об их защите, эти права возведены в ранг конституционных ценностей. Отметим, что произошла фактическая конституционная легитимация перечисленных правовых норм, что привело также к расширению конституционного механизма правовой защиты прав и свобод личности.

Например, новым является право на доступную качественную медицинскую помощь, право на сохранение и укрепление общественного здоровья, ведение здорового образа жизни. Также об установлении новых прав можно говорить через закрепление дополнительных социальных обязательств для органов публичной власти (например, ч. «в» п. 1 ст. 114 — Правительство Российской Федерации обеспечивает проведение единой социально ориентированной государственной политики в области культуры, науки, образования, здравоохранения, социального обеспечения, поддержки, укрепления

¹ Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в России в координатах универсального и национального: доклад на X международном конгрессе сравнительного правоведения «Конституционные изменения в России и в современном мире: диалектика универсального и национального» [Электронный ресурс]. — URL: https://www.izak.ru/img_content/conference/doklad-habrievoj-t-ya-konstiucionnaya-reforma-v-rossii.pdf (дата обращения: 04.09.2021).

и защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей, а также в области охраны окружающей среды).

Предположим, что авторы конституционных поправок таким образом решили непростую задачу, в которой, с одной стороны, была обозначена объективная необходимость расширения существующих конституционных прав и свобод человека и гражданина, а с другой стороны, недопустимость внесения изменений в перечень прав и свобод человека и гражданина в главе 2 Конституции России.

Значительное влияние на формирование отечественного института прав и свобод человека и гражданина оказала и правоприменительная практика зарубежных государств, так, в системе правовой защиты прав и свобод человека и гражданина появился институт Уполномоченного по правам человека, через закрепление в Конституции России 1993 г. полномочий Государственной Думы Российской Федерации по назначению кандидатуры на эту должность. Также, в соответствии с действующими международными соглашениями, в Российской Федерации защита прав и свобод человека и гражданина может осуществляться, при соблюдении ряда условий, и на межгосударственном уровне.

Можно сделать вывод о том, что формирование отечественного института правовой защиты прав и свобод личности происходило на фоне разнообразных исторических событий и может быть разделено на следующие периоды:

- до начала XX века — на фоне постепенного осознания основных прав и свобод личности и необходимости их признания и защиты государством;
- до середины XX века — период становления и развития социалистического государства, смещение акцента важности с прав личности на права общества;
- вторая половина XX века — время международного совместного поиска эффективных средств правовой защиты прав и свобод, и дальнейшего утверждения в отечественной правовой системе;
- начало XXI века, когда юридическое (конституционное) закрепление механизмов правовой защиты опережает законодательное установление новых прав, и само служит фактором, подтверждающим наличие таких прав в отечественной правовой системе.

Несмотря на то, что в последние годы существующая международная политика в отношении России не способствует укреплению и развитию межгосударственных правовых институтов, тем не менее количество обращений граждан Российской Федерации за помощью в защите нарушенных прав в такие органы, как Европейский Суд по правам человека и Комитет ООН по правам человека, не снижается. И имеющаяся статистика рассмотрения дел российских граждан на международном уровне, с одной стороны, и общее настроение социума, который охвачен неверием в действенность существующих механизмов правовой защиты требует развития национальной правовой системы, вектор которой состоит не столько в том, чтобы внедрять новые институты защиты прав и свобод человека и гражданина, сколько в том, чтобы повышать эффективность существующих, в том числе через повышение правовой грамотности как граждан, так и правоприменителей, через изучение современных стандартов прав человека. Это даст возможность распознавать нарушения прав человека в юридических актах, на стадии, когда защита должна осуществляться на национальном уровне, что значительно эффективнее, т. к. национальные процедуры всегда более доступны, чем те, которые действуют на международном уровне.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мархгейм М. В. Защита прав и свобод человека и гражданина в современной России: системная конституционная модель, проблемы ее функционирования и совершенствования. моногр. — Ростов н/Д., 2005. — 198 с.
2. Минникес И. А. Правовая защита: понятие и механизм // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). — 2013. — № 6. — С. 15.
3. Чуксина В. В. Новеллы в праве на участие национальных правозащитных институтов в механизмах ООН по правам человека // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). — 2012. — № 3. — С. 32.
4. Левченко И. В. Общие черты и особенности современных национальных правозащитных институтов. // Baikal Research Journal. — 2019. — Т. 10. — № 2. — С. 20.
5. Глущенко П. П. Государственно-правовая защита прав, свобод и законных интересов граждан в Российской Федерации / П. П. Глущенко, В. Я. Кикоть, Д. Ю. Степанов, О. В. Гревцов // Юридический справочник. — СПб: Диграф, 2007. — 485 с.

REFERENCES

1. Markhgaim M. V. Zashhita prav i svobod cheloveka i grazhdanina v sovremennoj Rossii: sistemnaja konstitu-cionnaja model', problemy ee funkcionirovanija i sovershenstvovanija. monogr. [Protection of rights and freedoms of man and citizen in modern Russia: systemic constitutional model, problems of its functioning and improvement. Monograph]. RoD: Rostizdat, 2005, 198 p.
2. Minnikes I. A. Pravovaja zashhita: ponjatie i mehanizm [Legal protection: concept and mechanism]. *Izvestija Irkutskoj gosudarstvennoj jekonomiche-skoj akademii (Bajkal'skij gosudarstvennyj universitet jekonomiki i prava)* — *Proceedings of the Irkutsk State Economic Academy (Baikal State University of Economics and Law)* . 2013, no. 6, 15 p.
3. Chuksina V. V. Novelly v prave na uchastie nacional'nyh pravozashhitnyh institutov v mehanizmah OON po pravam cheloveka [Novelties in the Right to Participation of National Human Rights Institutions in the UN Human Rights Mechanisms]. *Izvestija Irkutskoj gosudarstvennoj jekonomicheskoy akademii (Baj-kal'skij gosudarstvennyj universitet jekonomiki i prava)* — *Proceedings of the Irkutsk State Economic Academy (Baikal State University of Economics and Law)*. 2012, no. 3, 32 p.
4. Levchenko I. V. Obshhie cherty i osobennosti sovremennyh nacional'nyh pravozashhitnyh institutov. [Common features and peculiarities of modern national human rights institutions]. Baikal Research Journal. 2019, Vol. 10, no. 2, 20 p.
5. Gluschenko P. P., Kikot V. Ya., Stepanov D. Y., Grevtsov O. V. Gosudarstvenno-pravovaja zashhita prav, svobod i zakonnyh interesov grazhdan v Rossijskoj Federacii [State-legal protection of rights, freedoms and legitimate interests of citizens in the Russian Federation]. *Juridicheskij spravochnikLegal* — *Reference Book*. Saint-Petersburg: Digraph, 2007, 485 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шастина Анжелика Размиковна — старший преподаватель кафедры правового обеспечения национальной безопасности Института государственного права и национальной безопасности Байкальского государственного университета, 664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11.
 ORCID: 0000-0003-3680-8602
 ResearcherID: ABE-5016-2021

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shastina Anzhelika Razmikovna — Senior Lecturer, Department of Legal Support of National Security, Institute of State Law and National Security, the Federal State Budget Educational Institution of Higher Education “Baikal State University”, 11, Lenin St, Irkutsk, Russia. 664003.

ORCID: 0000-0003-3680-8602

ResearcherID: ABE-5016-2021

Статья поступила в редакцию 27.09.2021; одобрена после рецензирования 04.10.2021; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted 27.09.2021; approved after reviewing 04.10.2021; accepted for publication 25.02.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 1 (100). С. 87—97.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022.
Vol. no. 1 (100), p. 87—97.

**12.00.08. Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право**

Научная статья

УДК: 343.36

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.80.87.008

**СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 303 УК РФ**

Валерий Львович Бердников

ОМВД России по Таймырскому Долгано-Ненецкому району, г. Дудинка, Российская Федерация, valerka.berdnikov79@yandex.ru

Введение: в представленной статье на материалах судебной практики раскрывается содержание субъективной стороны фальсификации доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности (статья 303 Уголовного кодекса Российской Федерации). Показано, что фальсификация доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности может быть совершена как с прямым, так и с косвенным умыслом. В качестве мотивов фальсификации доказательств могут выступать ложно понятые интересы службы, карьеризм, завышения показателей работы, корысть и другие мотивы.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, материалы судебной практики, регламентирующие осуществление деятельности по выявлению и документированию фальсификации. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, также методы логической дедукции, индукции, познавательные методы и приемы наблюдения, сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования: позволили уточнить что субъективная сторона общего состава фальсификации доказательств по уголовным делам всегда выражена прямым умыслом.

Выводы и заключения: исходя из проведенного анализа, следует вывод о том, что субъективная сторона общего состава фальсификации доказательств по уголовным делам при различных, не имеющих для квалификации преступления мотивах (корысть, месть, карьеризм) всегда выражена прямым умыслом. Кроме того, фальсификация доказательств по уголовному делу, повлекших тяжкие последствия, может характеризоваться двумя формами вины: когда лицо стремится к искажению сведений об обстоятельствах, однако не желает, но сознательно допускает наступление подобных последствий. Лицо,

которое совершает указанное преступление, осознает общественную опасность своих преступных действий и желает наступления последствий.

Ключевые слова: фальсификация, доказательства, оперативно-розыскная деятельность, следователь, дознаватель, оперативно-розыскные мероприятия, субъективная сторона, цель, мотив, вина, непричастность, тяжкие последствия.

Для цитирования: Бердников В. Л. Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 303 УК РФ // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2022. — № 1(100). — С. 87—97.

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.80.87.008

12.00.08. Criminal Law and Criminology; criminal executive law

Original article

THE SUBJECTIVE SIDE OF THE CRIME UNDER ARTICLE 303 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Valery L. Berdnikov

Deputy Head of the Department Criminal Investigation Department OMVD of Russia in the Taimyr district, police major, valerka.berdnikov79@yandex.ru

Introduction: the article presents the content of the subjective side of the falsification of evidence and the results of operational investigative activities based on the materials of judicial practice (Article 303 of the Criminal Code of the Russian Federation). It is shown that the falsification of evidence and the results of operational investigative activities can be committed with both direct and indirect intent. Falsely understood interests of the service, careerism, overestimation of performance indicators, self-interest and other motives may act as motives for falsifying evidence.

Materials and methods: the normative basis of the study is formed by the Constitution of the Russian Federation, criminal and criminal procedural legislation, materials of judicial practice, regulating the implementation of activities to identify and document fraud. The methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific knowledge, which is universal in nature, as well as the methods of logical deduction, induction, cognitive methods and techniques of observation, comparison, analysis, generalization and description.

The results of the study: made it possible to clarify that the subjective side of the general composition of falsification of evidence in criminal cases is always expressed by direct intent.

Findings and conclusions: based on the analysis carried out, it follows that the subjective side of the general composition of falsification of evidence in criminal cases with various motives that do not have for qualifying a crime (self-interest, revenge, careerism) is always expressed by direct intent. In addition, falsification of evidence in a criminal case that entailed grave consequences can be characterized by two forms of guilt: when a person seeks to distort information about the circumstances, however, does not want to, but deliberately allows such consequences to occur. The person who commits the specified crime is aware of the social danger of his criminal actions and wants the consequences.

Keywords: falsification, evidence, operational-search activity, investigator, interrogator, operational-search measures, subjective side, purpose, motive, guilt, non-involvement, grave consequences.

For citation: Berdnikov V.L. Sub#ektivnaja storona prestuplenija, predusmotrennogo st. 303 UK RF [The subjective side of the crime under article 303 of the criminal code of the Russian Federation]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022, vol. no, 1 (100), pp. 87—97 (in Russ.).

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.80.87.008

В доктрине уголовного права выделяется несколько элементов состава преступления: объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона. При отсутствии хотя бы одного из этих элементов деяние не будет являться преступлением. Особое значение в элементах состава преступления придается субъективной стороне, поскольку она характеризует вину в виде умысла либо неосторожности, мотив и цель, также субъективная сторона показывает эмоциональное состояние лица, делая акцент на его психическом состоянии во время совершения преступления. Субъективная сторона объясняет, зачем и ради чего человек совершил то или иное деяние. Мотив, цель, эмоции и вина неразрывно связаны между собой, поскольку характеризуют психическую деятельность любого человека. При этом необходимо учитывать роль и значение компонентов субъективной стороны в определенных разновидностях составов преступлений, обозначенных в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). Так, вина — это всегда обязательный признак, в то время как мотив и цель обозначаются как факультативные элементы, а эмоциональное состояние субъекта правонарушения учитывается лишь в некоторых случаях, например, когда человек находится в состоянии аффекта или сильного психического потрясения.

Субъективная сторона является одним из основных элементов, благодаря которым допустимо точное отграничение преступления от невиновного причинения вреда, характеризующее жизненные ситуации, в которых людям не представляется возможным определение последствий своих действий или же осознание их наступления [1, с. 67].

Для того чтобы установить истинные причины преступного поведения личности, ученые и практикующие юристы стремятся определить мотив совершения того или иного деяния. Ведь именно благодаря характеру и специфике человеческой деятельности, связанным с такими характеристиками личности, как изобретательность и целенаправленность, предполагается возможным становление мотива как определяющего психического элемента субъективной стороны.

Значение мотива для определения субъективной стороны уголовных правоотношений стоит рассматривать в зависимости от его сферы и источников толкования. Например, юридическая психология рассматривает мотив преступления как внутреннее побуждение, вызывающее у лица решимость совершить преступление и руководящее им при его осуществлении. При этом в науке уголовного права существует несколько точек зрения на определение понятия «мотив». Например, Б. С. Волков, автор многих психологических научных трудов, считает, что достаточно трактовки мотива, представленной психологической наукой, поскольку психология оперирует объективным результатом

действий человека, основанным на внутреннем механизме побуждений [2, с. 89]. В то же время противоположные высказывания на этот счет можно найти в научных работах Д. П. Котова [3, с. 82], в которых говорится о том, что побудительного явления недостаточно для описания всей масштабности и значимости мотива в определении субъективной стороны преступления. Он был сторонником разработки собственно-научного понимания этого понятия с целью его выделения в уголовном праве.

Мотив выполняет точные функции в определении субъективной стороны, такие как:

- 1) составообразующая функция, заключающаяся в образовании основного, квалифицированного либо привилегированного состава преступления;
- 2) функция, влияющая на назначение уголовного наказания; она образует обстоятельства, отягчающие и смягчающие наказание, а также исключительные смягчающие обстоятельства, позволяющие применить положения ст. 64 УК РФ¹ (назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление);
- 3) функция, оказывающая влияние на исполнение уголовных наказаний; она позволяет дифференцировать и индивидуализировать процесс исполнения уголовного наказания для каждого человека, нарушившего закон [4, с. 213].

Из представленных направлений деятельности мотива можно сделать вывод о том, что он является элементом субъективной стороны состава преступления и выделяет желание как обязательный компонент действий правонарушителя, который находит свое отражение в определенной формулировке достигаемого результата.

Мотив имеет прочную связь с целью совершения уголовно наказуемого деяния, поскольку вместе эти элементы рассматриваются как основные компоненты психологической составляющей субъективной стороны состава преступления. При этом существование цели невозможно без мотива, т. к. мотив определяет, зачем и для чего люди совершают определенные действия, а цель указывает на их направления. Известный специалист в области уголовного права А. Н. Игнатов в своих трудах определяет цель уголовно наказуемого деяния как идеализированное представление желаемого результата совершения преступления, к которому стремится правонарушитель [5, с. 204]. Необходимо сказать о том, что цель не равна последствиям, наступившим в результате совершения преступления, поскольку она возникает на стадии подготовки субъекта к реализации своих действий.

Также следует отметить, что уголовно-правовая оценка преступления определяется не реализацией цели, а ее постановкой [6, с. 128]. В преступлениях, совершаемых определенным лицом с умыслом и неосторожностью, также прослеживаются цель и мотив, ярко выраженную окраску они приобретают в умышленных правонарушениях, поскольку выступают как обязательные элементы состава преступления или предусматриваются на законодательном уровне в качестве смягчающих или отягчающих обстоятельств.

При квалификации каждого преступления определенное значение имеет мотив и цель, которые определяют направленность действий лица, совершившего общественно опасное деяние. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: по сост. на 21 дек. 2021 г. // СЗ РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

(далее — ВС РФ) от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»¹ четко выражено мнение о необходимости полного и объективного исследования обстоятельств дела об убийстве, учитывая формы вины, мотив и цель, для верной правовой оценки и справедливого назначения наказания лицу, совершившему уголовно наказуемое деяние. Именно мотив влияет на квалификацию преступления по статье Особенной части УК РФ. Так, в постановлении «Об убийстве» ВС РФ излагает собственную позицию относительно полимотивации. Она заключается в том, что в одном и том же деянии может быть предусмотрено несколько мотивов, которые позволяют квалифицировать преступление по какому-то одному пункту статьи.

Итак, субъективная сторона представляет собой внутреннюю сторону преступления, психическое отношение лица к совершаемому деянию и его последствиям, которые получают своё выражение в соответствующей форме вины, а также в мотиве и цели общественно опасного посягательства.

Что касается субъективной стороны фальсификации доказательств по уголовным делам — следует отметить следующее: на практике нередко возникают ситуации неверной квалификации рассматриваемого деяния, что свидетельствует о недостаточной компетентности правоприменителя и об отсутствии необходимых теоретических исследований в данной области. Поэтому представляется важным изучить актуальные аспекты установления субъективной стороны фальсификации доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности для единообразия практики применения ст. 303 УК РФ.

Фальсификация доказательств по уголовным делам является одним из наиболее опасных преступлений, наносящих вред системе правосудия. Каждое судебное решение должно быть основано на совокупности объективных доказательств, их фальсификация подрывает доверие граждан ко всей системе правосудия и к государству в целом. Вынесение приговора, основанного на сфальсифицированных доказательствах, вызывает у граждан негативные последствия, которые способствуют формированию правового менталитета, склонного к самоуправству.

Под фальсификацией доказательств по уголовным делам принято понимать искусственное изготовление, изменение, сокрытие доказательств (в том числе путем изготовления документа при отсутствии соответствующего следственного действия, а также их удостоверения полномочным лицом; подмены или изготовления вещественного доказательства; внесения ложных исправлений, дополнений; подделки подписи с нарушением установленного уголовно-процессуальным законом порядка; видоизменения вещественных доказательств; невключения в материалы уголовного дела, незаконного изъятия из материалов уголовного дела, уничтожения и т. п.) из корыстной или иной личной заинтересованности (карьеризм, сокращение объема своей работы, затрат времени и труда, стремление избежать неблагоприятных для себя последствий в служебной деятельности и т. п.).

Для субъективной стороны состава ч. 1 ст. 303 УК РФ характерна вина в форме прямого умысла. Вина является обязательным признаком субъективной стороны любого

¹ О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): постановление Пленума Верховн. суда Рос. Федерации от 27 янв. 1999 г. № 1: по сост. на 3 марта 2015 г.] // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 1999. — № 3.

преступления. Лицо подлежит уголовной ответственности только тогда, когда установлена вина. Невозможно привлечь к уголовной ответственности лицо, у которого отсутствует вина (ч. 1 ст. 5 УК РФ). При этом мотивы и цель преступления значения для квалификации не имеют [7, с. 52].

Сказанное выше подтверждается и материалами судебной практики. Так, в одном из приговоров Советский районный суд города Орска указал, что в целях квалификации содеянного по ч. 1 ст. 303 УК РФ мотивы и цели фальсификации значения не имеют, поскольку основополагающим является осознание виновным подделки доказательства и его желание совершить фальсификацию. В данном случае фальсификацию следует понимать как осознанное искажение представляемых доказательств, совершенную посредством подделки, подчистки, внесения каких-либо исправлений, которыми смысловое значение искажается, либо недостоверных сведений данных доказательств, т. е. искусственным их созданием в чью-либо пользу, создании ложных вещественных доказательств и т. д.¹.

Фальсификация может проявляться в разных формах: внесение ложных сведений в документы; их подделка, подчистка, пометка другим числом. Фальсификация может выражаться и в том, что лицом, участвующим в деле, путем воздействия на материальный носитель информации (внесение изменений и дополнений, уничтожение, создание нового) составляются письменные доказательства, ложные по содержанию, составляется протокол допроса, который не проводился, уничтожаются вещественные доказательства; подделывается заключение эксперта и т. п.².

Для субъективной стороны фальсификации доказательств по уголовному делу лицом, производящим дознание, следователем, прокурором или защитником (ч. 2 ст. 303 УК РФ) также характерна вина в форме прямого умысла. Мотивы и цель не влияют на квалификацию содеянного. Однако неустановление мотивов и целей в приговоре может выступить в качестве условия для его отмены. На это указывает и судебная практика. Так, ВС РФ прекратил производство по делу о фальсификации доказательств вследствие того, что нижестоящим судом мотив, цель и умысел установлены не были. Также не были указаны обстоятельства, при которых в протоколе допроса потерпевшей подпись была выполнена от имени потерпевшей «другим лицом», и роль осужденной при этих обстоятельствах, что свидетельствует о недоказанности и отсутствии в деянии состава преступления³.

Как и в составах ч. 1 ст. 303, ч. 2 ст. 303 УК РФ, фальсификация доказательств по уголовному делу о тяжком или об особо тяжком преступлении (ч. 3 ст. 303 УК РФ) характеризуется виной в форме прямого умысла, при котором виновный осознает общественную опасность фальсификации доказательств по уголовному делу о тяжком или

¹ Приговор Советского районного суда г. Орска Оренбургской области от 30 нояб. 2017 г. по делу № 1-235/2017. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

² Приговор Центрального районного суда г. Челябинска № 1-11/2020 1-184/2019 от 7 мая 2020 г. по делу № 1-11/2020. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

³ Определение Верховного Суда Рос. Федерации от 19 июля 2006 г. № 87-о06-18. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

особо тяжком преступлении и желает наступления общественно опасных последствий [8, с. 22].

Цель фальсификации доказательств на этапе предварительного следствия должна являться обязательным признаком состава преступления наряду со способом фальсификации. Именно эти признаки позволяют отграничить уголовно наказуемое деяние от иного нарушения права. Ю. И. Антонов, А. С. Горелик, В. Л. Кудрявцев выделяют следующие цели преступления, предусмотренного ст. 303 УК РФ: 1) сокращение объема своей работы, затрат времени и труда, связанных с необходимостью организации и проведения следственных действий и окончания расследования (40 % изученных приговоров содержат указания на такую цель); 2) карьеризм, в том числе продвижение по службе (работе); желание получить одобрение руководства; улучшение показателей собственной работы (40 % изученных приговоров); 3) стремление избежать неблагоприятных для себя последствий в служебной деятельности, обусловленных неполнотой расследования и нарушением процессуальных сроков следствия, вероятностью возвращения уголовного дела для дополнительного следствия в этой связи (10 %); 4) корыстная цель, обусловленная, в частности, присвоением вещественных доказательств или получением вознаграждения от потерпевшего, обвиняемого или их представителей (10%).

Опрос, проведенный Ю. Н. Климовой, позволяет сделать вывод о том, что все респонденты (97 %) в качестве основного мотива совершения должностных преступлений следователей, в том числе и фальсификации доказательств, назвали облегчение выполнения своих должностных обязанностей [9, с. 58]. Следовательно, основной причиной фальсификаций, допускаемых следователями, является сложность (прежде всего, вызванная временными затратами) и необходимость соблюдения формальных требований закона. Думается, что их исключение из Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹ (далее — УПК РФ), без нарушения прав и свободы сторон, позволит уменьшить количество совершаемых преступлений.

Характерно, что в качестве основного мотива совершения должностных преступлений следователей, в том числе и фальсификации доказательств, респонденты назвали облегчение выполнения своих должностных обязанностей. Такие результаты опроса свидетельствуют о еще одной крайне важной проблеме в рассматриваемой сфере — чрезвычайно высокой загруженности следственных работников, решить которую можно, прежде всего, не простым увеличением уголовно-правовой репрессии или числа следственных работников, а формированием компетентных, морально устойчивых кадров, имеющих заинтересованность и возможность работы в рамках закона.

Именно указание на выявленные цели (как особый признак субъективной стороны рассматриваемого преступления) должно найти отражение в легальном определении понятия «фальсификация доказательств» применительно к ч. 2 и 3 ст. 303 УК РФ. Помощь в формулировании целей в указанном определении может оказать обобщение информации, содержащейся в приговорах по ч. 2 и 3 ст. 303 УК РФ. Анализ практики позволил выделить следующие цели, преследуемые виновными:

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ: по сост. на 21 дек. 2021 г. // СЗ РФ. — 2001. — № 52. — Ст. 4921.

1) облегчить для себя осуществление предварительного следствия по уголовному делу, путем уменьшения требуемого от следователя объема работы¹;

2) облегчить выполнение своих служебных задач за счет имитации производства следственных действий, сократив затраты своего времени и труда, необходимые для организации и проведения следственного действия²;

3) снизить фактическую нагрузку по уголовным делам, находящимся в производстве, создания видимости полноты проведенного предварительного следствия и др.³;

4) иные цели личного характера (как нехарактерный, исключительный случай можно привести пример, когда в ходе расследования уголовного дела следователь фальсифицировала доказательства по уголовному делу, чтобы помочь обвиняемому, с которым состояла в близких неслужебных отношениях, избежать уголовной ответственности⁴).

Фальсификация доказательств, повлёкшая тяжкие последствия (ч. 3 ст. 303 УК РФ), совершается с прямым умыслом (по отношению к фальсификации доказательств), а в отношении тяжких последствий у виновного может быть прямой либо косвенный умысел. Кроме того, фальсификация доказательств, повлёкшая тяжкие последствия, может быть с двумя формами вины (к действию — прямой умысел, к последствию — неосторожность). В то же время лицо может осознавать общественную опасность своих действий, предвидеть возможность наступления тяжких последствий, не желать, но сознательно допускать такие тяжкие последствия либо относиться к ним безразлично (косвенный умысел).

Диспозиция ч. 2 и 3 ст. 303 УК РФ не содержит иных признаков субъективной стороны состава преступления в отличие от ч. 4 ст. 303 УК РФ.

Для субъективной стороны ч. 4 ст. 303 УК РФ характерна вина в форме прямого умысла, т. е. виновный осознает общественную опасность фальсификации результатов ОРД и желает этого. Обязательным элементом субъективной стороны рассматриваемого состава является «цель», которая в ч. 4 ст. 303 УК РФ является альтернативной:

1) уголовное преследование лица, заведомо непричастного к совершению преступления;

2) причинение вреда чести, достоинству и деловой репутации.

В контексте ч. 4 ст. 303 УК РФ процессуальная деятельность следователя (дознателя) предполагает использование представленных ему результатов оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД), которые в действительности не соответствуют

¹ Приговор Центрального районного суда г. Челябинска № 1-11/2020 1-184/2019 от 7 мая 2020 г. по делу № 1-11/2020. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

² Приговор Тракторозаводского районного суда г. Челябинска № 1-113/2020 от 19 февраля 2020 г. по делу № 1-113/2020. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

³ Приговор Октябрьского районного суда г. Архангельска № 1-37/2019 1-426/2018 от 20 ноября 2019 г. по делу № 1-37/2019. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

⁴ Приговор Петропавловск-Камчатского городского суда № 1-87/2020 от 6 мая 2020 г. по делу № 1-87/2020. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

содержанию информации, касающейся лица, подготавливающего, совершающего либо совершившего преступное деяние, в целях изобличения его в совершении преступного деяния посредством возбуждения уголовного дела в отношении него и (или) производства следственного(-ых) действия(-й) в отношении него и (или) доказывания его причастности к совершению преступного деяния [10, с. 53]. При этом под непричастностью следует понимать неустановленную причастность либо установленную непричастность лица к совершению преступного деяния (п. 20 ч. 1 ст. 5 УПК РФ).

Фальсификация результатов ОРД лицом, которое наделяется полномочиями на производство оперативно-розыскных мероприятий, в целях нанесения вреда чести, достоинству и деловой репутации, представляет собой сознательное желание данного лица, чтобы представленные им результаты ОРД, действительности не соответствующие [11, с. 452].

Таким образом, исходя из вышеизложенного, приходим к следующим выводам:

1) систематизация способов фальсификации доказательств позволяет все деяния фальсификатора отнести к одному из трех подвидов: подделка, сокрытие, уничтожение доказательств; а обобщение целей фальсификатора, излагаемых в приговорах (карьеризм, сокращение объема своей работы, затрат времени и труда, стремление избежать неблагоприятных для себя последствий в служебной деятельности и др.), дает возможность сформулировать следующий признак субъективной стороны — из корыстной или иной личной заинтересованности;

2) рассмотрение проблемных аспектов субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 303 УК РФ, показывает, что остаются нерешенными еще немало вопросов в сфере правотворчества и правоприменения. В связи с чем, учитывая практическую значимость рассмотренных вопросов, ВС РФ необходимо дать по ним конкретные разъяснения, направленные на устранение разночтений при уяснении действительного содержания уголовно-правовых норм.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Назаренко Г. В. Невменяемость: уголовно-релевантные психические состояния / Г. В. Назаренко. — СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2002. — 205 с.
2. Волков Б. С. Мотив и квалификация преступлений / Б. С. Волков. — Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1968. — 166 с.
3. Котов Д. П. Мотив преступлений и их доказывание / Д. П. Котов. — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1975. — 119 с.
4. Коняхин В. П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права / В. П. Коняхин. — СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2002. — 348 с.
5. Игнатов А. Н. Уголовное право России / А. Н. Игнатов. — СПб.: Питер, 2009. — 639 с.
6. Рарог А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам / А. И. Рарог. — СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2002. — 304 с.
7. Кудрявцев В. Л. Некоторые проблемы субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 303 УК РФ «фальсификация доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности» // В сб.: Актуальные вопросы развития российской государственности и публичного права: мат-лы IV всерос. науч.-практ. конф. / Отв. ред. Е. В. Трофимов. — 2018. — С. 52—60.

8. Быкова Е. Г. Субъективная сторона фальсификации доказательств по уголовному делу (ч. 2, 3 ст. 303 УК РФ) // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. — 2016. — № 2 (12). — С. 20—24.

9. Климова Ю. Н. Фальсификация доказательств по уголовному делу: особенности объективных и субъективных признаков // Вестник Владимирского юридического института. — 2020. — № 2 (55). — С. 57—61.

10. Кудрявцев В. Л. Указ. соч. С. 52—60.

11. Кудрявцев В. Л. Фальсификация доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности // Преступления, совершаемые лицами, осуществляющими правосудие, предварительное следствие или дознание, а также сторонами по гражданскому делу (ст.ст. 299—303, 305 УК РФ) // Энциклопедия уголовного права. Т. 28. Преступления против правосудия — Издание профессора Малинина. — СПб: МИЭП при МПА ЕврАзЭС. — СПб., 2017. — С. 451—455.

REFERENCES

1. Nazarenko G. V. Nevmenjaemost': ugovovno-relevantnye psihicheskie sostojanija [Insanity: criminally relevant mental states]. St. Petersburg, Legal Center "Press", 2002, 205 p. (in Russian).

2. Volkov B. S. Motiv i kvalifikacija prestuplenij [Motive and qualification of crimes]. Kazan, Publishing House of Kazan University, 1968, 166 p. (in Russian).

3. Kotov D. P. Motiv prestuplenij i ih dokazyvanie [Motive of crimes and their proof]. Voronezh, Voronezh Publishing House university, 1975, 119 p. (in Russian).

4. Konyakhin V. P. Teoreticheskie osnovy postroenija Obshej chasti rossijskogo ugovovnogo prava [Theoretical foundations of the construction of the General part of the Russian criminal law]. St. Petersburg, Legal Center "Press", 2002, 348 p. (in Russian).

5. Ignatov A. N. Ugolovnoe pravo Rossii [Criminal law of Russia]. SPb, Peter, 2009, 639 p. (in Russian).

6. Rarog A. I. Kvalifikacija prestuplenij po sub'ektivnym priznakam [Qualification of crimes on subjective grounds]. St. Petersburg: Legal Center «Press», 2002, 304 p. (in Russian).

7. Kudryavtsev V. L. [Some problems of the subjective side of the crime under Article 303 of the Criminal Code of the Russian Federation «falsification of evidence and results of operational investigative activities»]. V sb.: Aktual'nye voprosy razvitija rossijskoj gosudarstvennosti i publicnogo prava: mat-ly IV vseros. nauch.-prakt. konf [In the collection: Topical issues of the development of Russian statehood and public law materials of the IV All-Russian scientific and practical conference]. 2018. — pp. 52—60 (in Russian).

8. Bykova E. G. Sub'ektivnaja storona fal'sifikacii dokazatel'stv po ugovovnomu delu (ch. 2, 3 st. 303 UK RF) [The subjective side of falsification of evidence in a criminal case (Part 2, 3 of Article 303 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. *Rassledovanie prestuplenij: problemy i puti ih reshenija — Investigation of crimes: problems and ways to solve them*. 2016, no. 2 (12), pp. 20—24 (in Russian).

9. Klimova Yu. N. Fal'sifikacija dokazatel'stv po ugovovnomu delu: osobennosti ob'ektivnyh i sub'ektivnyh priznakov [Falsification of evidence in a criminal case: features of objective and subjective signs]. *Vestnik Vladimirskogo juridicheskogo institute — Vestnik of the Vladimir Law Institute*. 2020, no. 2 (55), pp. 57—61 (in Russian).

10. Kudryavtsev V. L. Some problems of the subjective side of the crime under Article 303 of the Criminal Code of the Russian Federation "falsification of evidence and results of operational investigative activities" // In the collection: Topical issues of the development of Russian statehood

and public law. Materials of the IV All-Russian scientific and practical conference. Responsible editor E. V. Trofimov. 2018, pp. 52—60 (in Russian).

11. Kudryavtsev V. L. Falsification of evidence and results of operational investigative activities // Crimes committed by persons exercising justice, preliminary investigation or inquiry, as well as by parties in a civil case (Articles 299—303, 305 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Encyclopedia of Criminal Law. Vol. 28. Crimes against justice — Edition of Professor Malinin. — St. Petersburg: MIEP at the IPA EurAsEC. SPb., 2017, pp. 451—455 (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бердников Валерий Львович, Заместитель Начальника Отдела Уголовного розыска ОМВД России по Таймырскому Долгано-Ненецкому району, майор полиции, 647000, Россия, г. Дудинка, ул. Горького, 61.
ORCID: 0000-0002-9574-0508

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Berdnikov Valery Lvovich, Deputy Head of the Department Criminal Investigation Department OMVD of Russia in the Taimyr district, police major. 61 Gorky str., Dudinka, Russia, 647000.
ORCID: 0000-0002-9574-0508

Статья поступила в редакцию 20.01.2022; одобрена после рецензирования 27.01.2022; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted 20.01.2022; approved after reviewing 27.01.2022; accepted for publication 25.02.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 1 (100). С. 98—107.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022.
Vol. no. 1 (100). P. 98—107.

**12.00.08 Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право**

Научная статья

УДК 343.8

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.99.21.009

**ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЯЗЫКОВОГО БАРЬЕРА
В МЕСТАХ ЗАКЛЮЧЕНИЯ**

Юрий Анатольевич Кашуба¹, Татьяна Сергеевна Хван²

¹ Академии ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, koshianatol@yandex.ru

² ФКУ НИИИТ ФСИН России, г. Тверь, Российская Федерация, khvan_t_s@mail.ru

Введение: на сегодняшний день в российских исправительных учреждениях отбывают наказание в виде лишения свободы около 4 % осуждённых иностранных граждан и лиц без гражданства. Такая категория осуждённых до сих пор остается без должного внимания. В 2020 г. исправительная колония № 22 в Республике Мордовия, известная как «тюрьма для иностранцев», даже была перепрофилирована в исправительный центр, а иностранные осуждённые были перенаправлены в иные учреждения. Таким образом, проблемы правового положения, оптимизации средств и методов достижения целей наказания, ресоциализации, постпенитенциарной адаптации или реинтеграции в общество осуждённых иностранных граждан и лиц без гражданства не решаются и остаются актуальными.

Материалы и методы: основу исследования составляет законодательство некоторых стран Европы (Бельгии, Великобритании, Германии, Нидерландов, Норвегии, Финляндии, Швейцарии и др.) и Восточной Азии (Китая, Южной Кореи и Японии), научные исследования зарубежных авторов в области соблюдения прав и законных интересов иностранных граждан в местах заключения. Методологическую основу составляют общенаучные и частнонаучные методы: анализ, синтез, сравнение, обобщение, корреляция, экспертные оценки.

Результаты исследования: авторы пришли к выводу о том, что реализация прав и законных интересов осуждённых иностранцев в местах лишения свободы непосредственно зависит от правильного доведения до них информации о порядке отбывания наказания, а также от реальной возможности выражения воли в устной или письменной форме при обращении осуждённого. В ходе исследования были выявлены наиболее перспективные способы преодоления языкового барьера в местах заключения из практики тюремных систем некоторых стран Европы и Восточной Азии, а также рассмотрена возможность применения такого опыта в деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.

Выводы и заключения: авторами выработаны предложения по совершенствованию деятельности исправительных учреждений в части преодоления языкового барьера при исполнении наказания в отношении осуждённых иностранцев, а именно использование справочника для осуждённых — иностранных граждан и лиц без гражданства, слабо владеющих или не владеющих русским языком (в схемах и изображениях), который будет содержать основные выдержки из Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, а материалы справочника можно переводить на наиболее распространенные среди осуждённых языки.

Ключевые слова: зарубежный опыт, языковой барьер, иностранцы, осужденные, заключенные, тюрьмы.

Для цитирования: Кашуба Ю. А., Хван Т. С. Зарубежный опыт преодоления языкового барьера в местах заключения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2022. — № 1(100). — С. 98—107.

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.99.21.009

12.00.08. Criminal Law and Criminology; criminal executive law

Original article

FOREIGN EXPERIENCE OF OVERCOMING THE LANGUAGE BARRIER IN PRISONS

Yury A. Kashuba¹, Tatyana S. Khvan²

¹ Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, koshianatol@yandex.ru

² Research Institute of Information Technologies of the Federal Penitentiary Service of Russia, Tver, Russian Federation, khvan_t_s@mail.ru

Introduction: to date, about 4 % of convicted foreigners and stateless persons are serving their sentences in Russian correctional institutions. This category of convicts still remains without proper attention. In 2020, correctional colony No. 22 in the Republic of Mordovia, known as the “prison for foreigners”, was even converted into a correctional center, and foreign convicts were redirected to other institutions. Thus, the problems remain relevant of the legal status, optimization of means and methods of achieving the goals of punishment, re-socialization, post-penitentiary adaptation or reintegration into society of convicted foreigners and stateless persons.

Materials and Methods: the basis of the research is the legislation of some European countries (Belgium, Great Britain, Germany, the Netherlands, Norway, Finland, Switzerland, etc.) and East Asia (China, South Korea and Japan), scientific research by foreign authors in the field of observing the rights and legal interests of foreigners in places of detention. The methodological basis is formed by general scientific and specific scientific methods: analysis, synthesis, comparison, generalization, correlation, expert assessments.

The results of the study: the authors came to the conclusion that the realization of the rights and legal interests of foreign convicts in places of deprivation of liberty directly depends

on the correct delivery of information about the procedure for serving sentence, as well as on the real possibility of address convict orally or in writing. The research identified the most promising ways to overcome the language barrier in places of detention from the practice of penitentiary systems in some countries of Europe and East Asia, and also considered the possibility of using such experience in the activities of institutions of the Russian penal system.

Findings and Conclusions: the authors have selected proposals for improving the activity of correctional institutions in terms of overcoming the language barrier in the sentence enforcement in relation to convicted foreigners, namely, the use of a reference book for convicts foreign citizens and stateless persons who have little or no command of Russian (in diagrams and images), which will be contain the main extracts from the Penal Code of the Russian Federation and the Internal Regulations of Correctional Institutions, and the materials of the reference book can be translated into the most common among convicts languages.

Keywords: foreign experience, language barrier, foreigner, convicts, prisoners, prisons.

For citation: Kashuba Y. A., Khvan T. S. Zarubezhnyj opyt preodolenija jazykovogo bar'era v mestah zakljuchenija [Foreign experience of overcoming the language barrier in prisons]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022, vol. no, 1 (100), pp. 98—107 (in Russ.). DOI: 10.55001/2312-3184.2022.99.21.009

Принцип равенства при исполнении наказания имеет двугранное значение. Во-первых, отношение к осуждённым иностранным гражданам со стороны персонала исправительного учреждения не должно быть дискриминационным; во-вторых, у иностранцев должна быть фактическая возможность пользоваться равенством с гражданами Российской Федерации в правах при отбывании наказания.

Успешная реализация прав и законных интересов осуждённых иностранных граждан в местах отбывания наказаний зависит от правильного разъяснения им информации администрацией исправительного учреждения о порядке отбывания наказания, а также от возможности выражения воли в устной или письменной форме при обращении осуждённого, т. е. от уровня языковой компетентности.

Е. В. Муранова рассматривает языковую компетентность как готовность и способность личности применять имеющиеся языковые знания, умения и навыки в различных ситуациях общения для успешной и своевременной реализации поставленных личностью и (или) обществом задач [1, с. 89].

Соглашаясь с П. В. Тепляшиным [2, с. 96], отметим, что успешному исправительному воздействию и снижению постпенитенциарной преступности предшествует укрепление правового статуса осуждённого и уверенность в мерах защиты своих прав, а также формирование положительной самооценки и повышение культурного уровня, а одной из причин этого является формирование языковой компетентности осуждённого.

Некоторые ученые, специалисты по межкультурной коммуникации, выделяют три способа преодоления языковых и культурных барьеров:

- изучение иностранного языка и культуры страны изучаемого языка;
- перевод;
- лингвострановедческий комментарий [3, с. 155].

В связи с тем, что в настоящее время российская уголовно-исполнительная политика в рамках международного сотрудничества направлена на установление и развитие взаимовыгодных отношений с иностранными пенитенциарными системами, вызывает интерес зарубежный опыт по обращению с иностранными заключенными стран — разработчиков международных стандартов, накопивших достаточный опыт демократического развития систем исполнения наказаний (Бельгия, Великобритания, Германия, Норвегия, Финляндия, Швейцария и др.); стран, приводящих организацию систем исполнения наказания в соответствие с международными стандартами и с учетом особенностей национального менталитета (Китай, Корея и др.).

Практически во всех европейских странах и в ряде иных зарубежных странах по отношению к иностранцам самым распространенным видом наказания остается лишение свободы на определенный срок. Согласно данным Совета Европы, на январь 2020 г. численность заключенных в тюрьмах иностранцев по всей Европе в среднем составляла 15,4 %¹. В некоторых странах их численность достигает 100,0 % от общего числа заключенных, например, в Монако, в Люксембурге (74,0 %), в Лихтенштейне (66,7 %), в Андорре (65,9 %); около 50 % — в Греции (59,1 %) и Австрии (54,1 %). Достаточно высокий процент иностранного населения в тюрьмах наблюдается в Бельгии (44,3 %), Эстонии (33,4 %), Италии (32,4 %), Словении (29,3 %) Испании (28,1 %).

В странах Восточной Азии такой показатель варьируется от 0,4 % (в Китае) до 5,8 % (в Японии)².

Отличается средний показатель численности иностранного населения в местах лишения свободы стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС) — около 4,6 %.

В рамках настоящей статьи рассмотрим опыт зарубежных стран по соблюдению прав, касающихся применения родного языка заключенными иностранцами, и вопросов преодоления коммуникационного барьера.

В ходе исследования этого вопроса нами был проведен анализ научных трудов зарубежных ученых, обзоров опыта стран Европейского союза и иных иностранных источников, который показал, что в большинстве развитых стран в целях достойного соблюдения прав заключенных иностранцев и преодоления коммуникационного барьера в тюрьмах используются [4]:

- информационные брошюры на иностранных языках (Великобритания, Германия, Франция, Испания, Швейцария, Эстония);
- буклеты с картинками или значками (Бельгия, Нидерланды);
- языковые курсы (Германия, Испания, Франция, Швеция, Эстония);
- телевизоры с каналами на иностранном языке (Швеция, Эстония, Южная Корея);
- книги на различных иностранных языках в тюремной библиотеке (Бельгия, Швеция, Южная Корея);

¹ Council of Europe Annual Penal Statistics SPACE I. Prison Populations 2020 [Электронный ресурс]. — URL: https://wp.unil.ch/space/files/2021/04/210330_FinalReport_SPACE_I_2020.pdf (дата обращения: 10.02.2022).

² World Prison Brief // Institute for Crime & Justice Policy Research [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.prisonstudies.org/world-prison-brief-data> (дата обращения: 10.02.2022).

— персонал, владеющий иностранными языками (Швеция, Япония, Южная Корея);

— технические системы перевода (Япония).

В Великобритании, Германии, Франции, Испании, Швейцарии и Эстонии осуществляется подготовка информации о тюремных правилах, правах и обязанностях заключенных предоставляется в различных форматах и на разных иностранных языках.

Например, в Великобритании социальное сопровождение осуждённого иностранца заключается в его социокультурной адаптации к новой среде, поэтому в тюрьмах вновь прибывшим заключенным вручают для ознакомления и профилактики адаптационных проблем переведенную на двадцать языков «Зеленую книгу», содержащую описание прав и обязанностей лиц, отбывающих наказания, и предъявляемые к их поведению требования.

В тюрьмах Франции прибывшим иностранцам также предоставляют руководство (информационный бюллетень) об исполнении тюремных приговоров *Je suis en détention*¹ («Я нахожусь в заключении»²), переведенное на десять языков, в том числе на русский.

В Испании при поступлении иностранца в тюрьму выдается 35-страничный буклет *Prison Step by Step* («Тюрьма шаг за шагом») [5], включающий в себя информацию о процедурах приема, посещениях, режимах и процедурах подачи жалоб.

Похожая информационная брошюра есть в Швейцарии, она переведена на девять языков: английский, арабский, испанский, итальянский, немецкий, португальский, сербский, румынский и русский.

В 2019 г. Генеральное консульство и посольства Великобритании в Германии помощью англоговорящих консульских коллег подготовили для своих граждан, заключенных в Германии, «Информационный пакет»³, т.е. брошюру с разъяснениями уголовно-процессуальных норм и законов по предварительному заключению и исполнению приговоров, содержащую также словарь терминов, ключевые фразы (с английского на немецкий язык), полезные термины и информацию о тюрьмах.

В некоторых странах Прибалтики, например, в Эстонии, «Тюремные правила», Закон о тюремном заключении и другие соответствующие законы составлены на трех языках: эстонском, русском и английском.

Помимо письменных информационных пакетов, огромный интерес представляют буклеты с изображениями и символами, отображающими визуально различные пени-

¹ *Je suis en détention. Guide du détenu arrivant* // Официальный сайт Министерства юстиции Франции (Le ministère de la Justice) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.justice.gouv.fr/prison-et-reinsertion-10036/la-vie-en-detention-10039/je-suis-en-detention-guide-du-detenu-arrivant-19214.html> (дата обращения: 10.02.2022).

² Руководство для прибывшего заключенного «Я нахожусь в заключении» // Официальный сайт Министерства юстиции Франции (Le ministère de la Justice) [Электронный ресурс]. — URL: https://www.justice.gouv.fr/art_pix/RFC_Guide_Je_suis_en_detention_V7_FINAL_RUS.pdf (дата обращения: 10.02.2022).

³ *Information Pack for British Prisoners in Germany* // Government of UK [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.gov.uk/government/publications/germany-prisoner-pack> (дата обращения: 10.02.2022).

тениарные правила и процедуры. Тем самым предоставляется возможность преодолеть языковой барьер неграмотным лицам.

В Бельгии сотрудники тюрьмы, указывая на изображения, могут требовать от заключенного исполнения их распоряжений.

Например, буклет с изображениями Image¹ содержит фотографии и значки, показывающие определенные действия («сегодня вы должны убрать камеру», «вы не можете ничего передать в окно камеры» и др.). Такие буклеты печатаются в небольшом формате, чтобы их удобно было носить в карманах форменных рубашек.

Подобный буклет также используется в Нидерландах (Picture it in Prison²), он состоит из более чем 450 изображений, которые классифицируются по темам, а шестьдесят основных слов и предложений переведены на двадцать распространенных языков в тюрьме (английский, арабский, немецкий, русский, итальянский, испанский, португальский, французский, шведский, румынский, голландский, албанский, греческий, польский, китайский, турецкий, японский, суахили, персидский и хинди) (рис. 1).

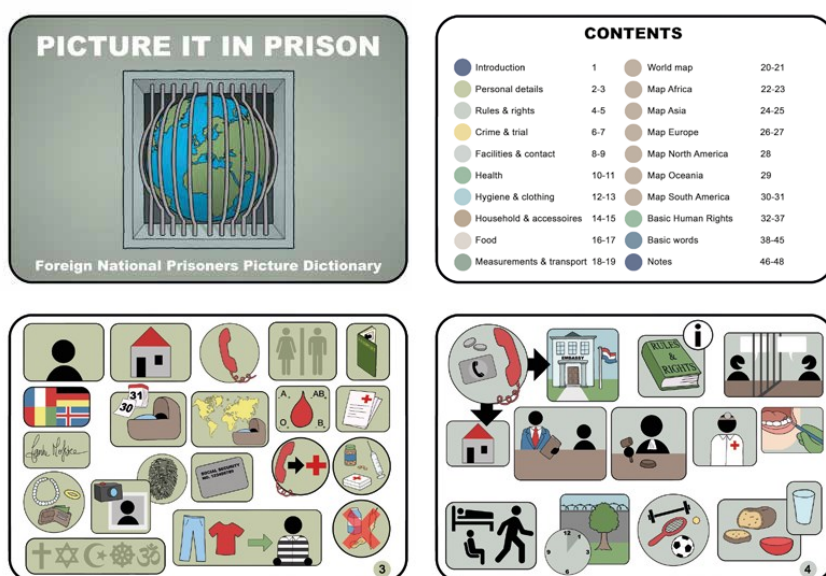

Рисунок 1. Страницы буклета Picture it in Prison (Нидерланды)

Многие европейские страны известны своей толерантной миграционной политикой. В связи с этим тюремное население в таких государствах мультинациональное: например, в одной немецкой тюрьме в начале 2019 г. содержалось 160 иностранных граждан

¹ Good Practice Manual for Working with Foreign Nationals (June 2018) // The EuroPris & CEP Foreign Nationals in Prison and Probation Expert Group [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.europris.org/file/good-practice-manual-for-working-with-foreign-nationals> (дата обращения: 10.02.2022).

² Good Practice Manual for Working with Foreign Nationals (June 2018) // The EuroPris & CEP Foreign Nationals in Prison and Probation Expert Group [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.europris.org/file/good-practice-manual-for-working-with-foreign-nationals> (дата обращения: 10.02.2022).

из 66 стран [6], поэтому образовательный процесс предусматривает языковые курсы; в Швеции все заключенные иностранцы имеют право на языковое обучение¹ для приобретения базовых знаний шведского языка и предоставления взрослым заключенным возможности приобретения базовых навыков чтения и письма; возможность изучения французского языка предоставляется и в пенитенциарных учреждениях Франции [7] в виде постоянно действующих курсов, т. к. деятельность персонала ориентирована на подготовку иностранного заключенного к социальной адаптации в обществе; в Испании все неговорящие по-испански заключенные обязаны посещать языковой класс «Испанский для иностранцев» [5], что предшествует образовательной и культурной программам.

В соответствии с Рекомендациями ООН по обращению с заключенными иностранцами в тюрьме Mariefred в Швеции заключенным разрешается просмотр телевизионных программ с выбором из 25 каналов, в том числе иностранных [5], а один раз в полгода пересматриваются каналы в зависимости от национальности тюремного населения; в выходные дни предоставляются для просмотра три фильма на иностранных языках.

Похожий опыт используется в тюрьмах Эстонии, где заключенные могут смотреть каналы на эстонском, немецком и русском языках; в Южной Корее предлагают спутниковое телевидение на английском, китайском, русском и арабском языках².

Швеция известна своим прогрессивным подходом и хорошо обеспеченной системой уголовного правосудия, высококвалифицированным мультинациональным персоналом тюрем. На 2018 г. около 22,1 % всех заключенных этого государства являлись иностранными гражданами. В Швеции персонал тюрем говорит на иностранных языках, кроме шведского (например, сотрудники тюрьмы Österåker из чилийской общины, поселившиеся в Швеции в 1970-х годах, владеют испанским языком), а в тюрьме Storboda есть шестнадцать сотрудников, говорящих на двадцать одном языке, включая фарси, итальянский, русский и арабский³.

В Южной Корее некоторые сотрудники тюрьмы свободно владеют английским, русским или китайским языками⁴.

В Японии по-другому подошли к проблеме языкового барьера: в настоящее время в штате тюремной системы работают двадцать два переводчика, из них семнадцать — в пяти тюрьмах, они принимают говорящих по-японски иностранцев. По мере необхо-

¹ Good Practice Manual for Working with Foreign Nationals (June 2018) // The EuroPris & CEP Foreign Nationals in Prison and Probation Expert Group [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.europris.org/file/good-practice-manual-for-working-with-foreign-nationals> (дата обращения: 10.02.2022).

² South Korea opens prison for foreign convicts // BBC News [Электронный ресурс]. — URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/8530836.stm> (дата обращения: 10.02.2022).

³ Good Practice Manual for Working with Foreign Nationals (June 2018) // The EuroPris & CEP Foreign Nationals in Prison and Probation Expert Group [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.europris.org/file/good-practice-manual-for-working-with-foreign-nationals> (дата обращения: 10.02.2022).

⁴ South Korea opens prison for foreign convicts // BBC News [Электронный ресурс]. — URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/8530836.stm> (дата обращения: 10.02.2022).

димости эти переводчики осуществляют поездки в тюрьмы для предоставления своих услуг.

Как известно, Япония — достаточно высокотехнологичная страна, поэтому для повышения квалификации сотрудников по работе с иностранцами применяется на практике видеотехника (телевизионные экраны и планшеты), позволяющая обеспечить оперативный перевод при общении с осуждёнными иностранцами [8].

Таким образом, рассмотренный зарубежный опыт свидетельствует о различных способах преодоления языкового барьера в местах заключения.

В целях имплементации международных правил обращения с осуждёнными иностранными гражданами и с учетом указанного зарубежного опыта нами был разработан справочник для осуждённых — иностранных граждан и лиц без гражданства, слабо владеющих или не владеющих русским языком, — «Правила и условия отбывания наказания в исправительных учреждениях России (в схемах и изображениях)» [9, с. 236], который содержит основные выдержки из Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений материалы справочника можно переводить на наиболее распространенные среди осуждённых языки.

Считаем, что такой опыт достаточно полезен для повышения качества деятельности уголовно-исполнительной системы и необходим для совершенствования уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Муранова Е. В. К вопросу о содержании понятий «языковая компетенция» и «языковая компетентность» // Балтийский гуманитарный журнал. — 2015. — № 4 (13). — С. 88—91.
2. Тепляшин П. В. Современные аспекты преференциальной идентичности осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы: опыт компаративистского исследования // Современное право. — 2019. — № 5. — С. 95—100.
3. Власова К. А. Преодоление языковых и культурных барьеров при обучении английскому языку / К. А. Власова // Актуальные проблемы лингводидактики и лингвистики в контексте современных исследований: сб. ст. участников всерос. науч.-практ. конф. — Арзамас: Изд-во Арзамасского филиала ННГУ, 2017. — С. 153—157.
4. Хван Т. С. Зарубежный опыт по обращению с осужденными — иностранными гражданами и лицами без гражданства (на примере европейских стран) // Вестник Кузбасского института. — 2019. — № 3 (40). — С. 103—110.
5. Slade L. (2015). Foreign National Prisoners; best practice in prison and resettlement. Promoting professional Prison Practice // The European Organisation of Prison and Correctional Services (EuroPris) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.prisonwatch.org/assets/best-practices-fnp-2015.pdf> (дата обращения: 03.05.2021).
6. Kern S. (2019). Germany: Number of Foreign-Born Prison Inmates at Record High // Gatestone Institute [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.gatestoneinstitute.org/13711/germany-immigrants-prisons> (дата обращения: 03.05.2021).
7. Пархоменко А. Один день во французской тюрьме // Закония [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.zakonia.ru/analytics/73/52745> (дата обращения: 03.05.2021).

8. Ryujiro Komatsu (2017). New translation system to help foreign inmates rehabilitate // The Asahi Shimbun. Asia and Japan Watch [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.asahi.com/ajw/articles/AJ201709050031.html> (дата обращения: 03.05.2021).

9. Хван Т. С. Отбывание наказания осужденными — иностранными гражданами и лицами без гражданства: дис. ... канд. юрид. наук. — Рязань, 2019. — 243 с.

REFERENCES

1. Muranova E. V. K voprosu o sodержanii ponjatij “jazykovaja kompetencija” i “jazykovaja kompetentnost” [On the content of the concepts “language competence” and “language awareness”]. *Baltiyskij gumanitarnyj zhurnal – Baltic humanitarian journal*. 2015, no 4(13), pp. 88—91.

2. Tepljashin P. V. Sovremennye aspekty preferencial'noj identichnosti osuzhdennyh, otbyvajushhih nakazanie v vide lishenija svobody: opyt komparativistskogo issledovaniya [Modern aspects of preferential identity of convicts serving sentences in the form of imprisonment: the experience of comparative research]. *Sovremennoe pravo — Modern law*. 2019. no 5. pp. 95—100.

3. Vlasova K. A. [Overcoming language and cultural barriers in teaching English] *Aktual'nye problemy lingvodidaktiki i lingvistiki v kontekste sovremennyh issledovaniy: sb. st. uchastnikov vseros. nauch.-prakt. konf.* [Actual problems of linguodidactics and linguistics in the context of modern research: coll. of articles by participants of the All-Russian Scientific Practical Conference]. Arzamas, Izdvo Arzamasskogo filiala NNGU, 2017, pp. 153—157.

4. Khvan T. S. Zarubezhnyj opyt po obrashheniju s osuzhdennymi — inostrannymi grazhdanami i licami bez grazhdanstva (na primere evropejskih stran) [The foreign experience in the treatment of convicts — foreigners and stateless persons: on the example of European countries]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta — Vestnik of the Kuzbass Institute*. 2019, no. 3 (40), pp. 103—110.

5. Slade L. (2015). Foreign National Prisoners; best practice in prison and resettlement. Promoting professional Prison Practice // The European Organisation of Prison and Correctional Services (EuroPris) URL: <http://www.prisonwatch.org/assets/best-practices-fnp-2015.pdf> (date of the address: 03/05/2021).

6. Soeren Kern (2019). Germany: Number of Foreign-Born Prison Inmates at Record High // Gatestone Institute. URL: <https://www.gatestoneinstitute.org/13711/germany-immigrants-prisons> (date of the address: 03/05/2021).

7. Parhomenko A. Odin den' vo francuzskoj tjur'me [One day in a French prison]. Available at: URL: <http://www.zakonia.ru/analytics/73/52745> (date of the address: 03/05/2021).

8. Ryujiro Komatsu (2017). New translation system to help foreign inmates rehabilitate // The Asahi Shimbun. Asia and Japan Watch. URL: <http://www.asahi.com/ajw/articles/AJ201709050031.html> (date of the address: 03/05/2021).

9. Khvan T. S. Otbyvanie nakazaniya osuzhdennymi — inostrannymi grazhdanami i licami bez grazhdanstva: dis. ... kand. jurid. nauk. [Serving sentences by convicted foreign citizens and stateless persons : dis. ... candidate of law]. Ryazan, 2019, 243 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кашуба Юрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-исполнительного права. Академия ФСИН России, 390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, 1.
ORCID: 0000-0003-3181-8780
ResearcherID: AAD-2034-2020

Хван Татьяна Сергеевна, кандидат юридических наук, научный сотрудник отдела проектирования центра развития информационных технологий. ФКУ НИИИТ ФСИН России, 170100, Россия, Тверь, ул. Вагжанова, 17.

ORCID: 0000-0003-0805-9659

ResearcherID: R-5519-2018

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yury A. Kashuba, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Penal law. Academy of the FPS of Russia. Sennaya St., 1, Ryazan, Russia. 390000.

ORCID: 0000-0003-3181-8780

ResearcherID: AAD-2034-2020

Tat'yana S. Khvan, Candidate of Law, Researcher of the Design Department of the Information Technology Development Center. Research Institute of Information Technologies of the Federal Penitentiary Service of Russia. Vagzhanova St., 17, Tver, Russia. 170100.

ORCID: 0000-0003-0805-9659

ResearcherID: R-5519-2018

Статья поступила в редакцию 07.10.2021; одобрена после рецензирования 14.10.2021; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted 07.10.2021; approved after reviewing 14.10.2021; accepted for publication 25.02.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 1(100). С. 108—118.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022.
Vol. no.1 (100). P. 108—118.

**12.00.08. Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право**

Научная статья

УДК 343.3/.7

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.94.90.010

**ЭВОЛЮЦИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ БЕЗОПАСНОГО ТРУДА:
ПРЕДПОСЫЛКИ, ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ, ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ**

Евгений Сергеевич Квасников

Омская академия МВД России г. Омск, Российская Федерация, evgen1219@mail.ru

Введение: в статье рассматриваются законодательные и научные аспекты эволюции безопасного труда и его уголовно-правовой охраны. Приводятся основные этапы развития идей о безопасности в труде, предпосылки признания права на охрану труда в качестве конституционного, история развития уголовно-правового противодействия нарушениям требований охраны труда.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, российское уголовное законодательство. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, исторический метод, а также методы логической дедукции, индукции, познавательные методы и приемы наблюдения, сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования позволили определить закономерность развития уголовно-правовой нормы на конкретных этапах в зависимости от состояния экономики страны; политических и социальных условий в государстве; форм трудовых отношений внутри предприятий, организаций.

Выводы и заключения: анализ истории развития норм об уголовной ответственности за нарушение требований охраны труда в законодательных актах России показал обусловленность стремления законодателя на разных этапах адаптировать уголовное законодательство под существующие реалии. Вместе с тем, ввиду трансформации характера труда в настоящее время, перед законодателем стоит задача совершенствования уголовного законодательства об ответственности за нарушение требований охраны труда.

Ключевые слова: история, этапы развития, уголовное законодательство, охрана труда.

Для цитирования: Квасников Е. С. Эволюция уголовно-правовой охраны безопасного труда: предпосылки, этапы развития, пути совершенствования // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2022. — № 1 (100). — С. 108—118.
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.94.90.010

© Квасников Е. С., 2022

12.00.08. Criminal Law and Criminology; criminal executive law

Original article

THE EVOLUTION OF CRIMINAL LAW PROTECTION OF SAFE LABOR:
PREREQUISITES, STAGES OF DEVELOPMENT, WAYS OF IMPROVEMENT

Evgeny S. Kvasnikov.

Омская академия МВД России, г. Омск, Российская Федерация, evgen1219@mail.ru

Introduction: the article discusses the legislative and scientific aspects of the evolution of safe work and its criminal legal protection. The main stages of the development of ideas about safety at work, the prerequisites for recognizing the right to labor protection as constitutional, the history of the development of criminal law counteraction to violations of labor protection requirements are given.

Materials and methods: the normative basis of the study is formed by the Constitution of the Russian Federation, criminal legislation. The methodological basis of the research was the general dialectical method of scientific cognition, which has a universal character, the historical method, as well as methods of logical deduction, induction, cognitive methods and techniques of observation, comparison, analysis, generalization and description.

The results of the study: allowed us to determine the patterns of development of criminal law norms at specific stages, depending on the state of the country's economy; political and social conditions in the state; forms of labor relations within enterprises, organizations.

Findings and Conclusions: the analysis of the history of the development of norms on criminal liability for violation of labor protection requirements in the legislative acts of Russia has shown the conditionality of the desire of the legislator at different stages to adapt criminal legislation to the existing realities. At the same time, due to the transformation of the nature of work at the present time, the legislator faces the task of improving the criminal legislation on liability for violation of labor protection requirements.

Keywords: history, stages of development, criminal legislation, labor protection.

For citation: Kvasnikov E. S. Jevoljucija ugovovno-pravovoj ohrany bezopasnogo truda: predposylki, jetapy razvitija, puti sovershenstvovanija [The evolution of criminal law protection of safe labor: prerequisites, stages of development, ways of improvement]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022, vol. no, 1 (100) pp. 108 — 118 (in Russ.).

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.94.90.010

Осмысление проблем безопасности в труде исторически прошло несколько этапов. Так, еще в древности имели место идеи о важности гигиены и безопасности труда таких легендарных ученых, как, например, Гиппократ и Великий Косский, который анализировал тяжелые условия труда рабочих на рудниках, приводил перечень «свинцо-

вых» профессий, а также описывал последствия для здоровья от работы со свинцовой пылью; и Аристотеля, который размышлял о труде, опасности, и рабах.

Однако производительность труда в это время превалировала перед его безопасностью, и поэтому осмысление проблем безопасного труда было связано с необходимостью сохранения людского ресурса в целях его эксплуатации.

В период Средневековья юридическая забота государств о безопасности труда зависимых людей, распространенной не была. Однако с ростом производительных сил и ремесла эксплуатация труда в рассматриваемый период также имела место быть. Общность производства повышала собственную ценность рабочих. Для защиты работниками своих интересов последние создавали организации, напоминающие современные профсоюзы: братства, компаньонажи, целью которых являлась борьба с мастерами и взаимопомощь — выдвижение требований о сокращении рабочего дня; забастовки и бойкоты [1, с. 280]. Примечательно, что в данный период наблюдаются «зачатки» формирования охраны труда в дальнейшем. Об этом свидетельствует необходимость сохранения людского ресурса; жалобы рабочих на здоровье, условия труда; выяснение причин таких жалоб; умение врачей анализировать состояние здоровья трудящихся; знания о лечении профессиональных заболеваний; а также самостоятельная защита работников своих интересов.

В эпохи Возрождения и Просвещения представления об охране труда продолжились развиваться. В XVI—XVIII вв. вопросы охраны труда освящались, в частности, в исследованиях областей условий труда отдельных профессий. Например, швейцарский врач и естествоиспытатель, философ, химик, фармацевт, астролог Парацельс (Настоящее имя — Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм) в своей работе «О горной чахотке и других горных болезнях» описал заболевания горняков, определив их причиной непродолжительности жизни в связи с тяжелыми условиями труда и вдыхаемой рабочей пылью. Немецкий учитель, врач, ученый и писатель Георг Агрикола описал встречающиеся у рудокопов заболевания, причинами которых являлись вдыхание газов и пыли в шахтах, большая влажность, и вредное воздействие самих металлов. Особое внимание ученый уделял предупреждению профессиональных заболеваний.

Поскольку человеческий фактор в указанные эпохи стал играть ключевую роль, развивались научные мысли, модернизировалась медицина, появились новые лекарства и изобретения в целях безопасности труда, впервые были выделены профессиональные заболевания. Можно сказать, что увеличение масштабов производства сказалось на рисках получения производственных травм и заболеваний. Тем не менее преимущественным фактором в решении проблемы безопасного труда так и оставалось сохранение людского ресурса для увеличения производительности труда, а не его безопасность.

В России потребность в охране труда была обусловлена возникновением промышленного производства и увеличением его масштабов в XVIII в. Законодательное регулирование охраны труда имело место в фабрично-заводском законодательстве о труде, еще до беспрецедентного по масштабу периода «великих реформ», проведенных в царствование Александра II. Характер взаимоотношений работодателя с работниками изменяется, последние осознают собственную ценность для увеличения производитель-

ности. М. В. Ломоносов внес непосредственный вклад в развитие обеспечения безопасности в труде. В 1742 г. в своем труде «Первые основания металлургии и рудных дел» он рассмотрел различные аспекты безопасности и гигиены труда шахтеров. Так, ученым предлагались следующие мероприятия в целях безопасности труда: необходимость анализа обстановки на местности прежде чем приступать к работе; рекомендации использования соответствующей рабочей одежды; укрепление шахт; разработка теории естественного проветривания; и др.

В дальнейшем освещение острой проблемы рабочего вопроса и принцип гуманизма П. И. Новгородцевым, разработка фундаментальных основ формирования в России подлинно правового государства с гармоничным сочетанием индивидуальной свободы и общественного блага в интерпретации Б. Н. Чичерина (принцип формального равенства), наряду с другими факторами, сыграли немаловажную роль в формировании уже правового института охраны труда.

Законодателем разрабатывались нормы об охране труда работников, в том числе и для их отдельных категорий. Так, например, 24 мая 1835 г. было утверждено «Высочайшее мнение Госсвета „Об отношениях между хозяевами фабричных заведений и рабочими людьми, поступающими на оные по найму“», которое распространялось на Петербург и Москву, «и их окружности» — могло быть применено и в других губерниях; в соответствии с Законом Российской империи от 7 августа 1845 г. «О воспрещении фабрикантам назначать в ночные работы малолетних менее 12-летнего возраста» запрещалось ставить в ночные смены (от 12 часов ночи до 6 часов утра) детей в возрасте до 12 лет. Однако ответственности за нарушение данного положения предусмотрено не было¹.

Как известно, впоследствии рассматриваемое право было признано в качестве конституционного, однако, несмотря на существование законодательства об охране труда еще в дореволюционный период, признание права на безопасный труд и гигиену как одного из наиболее значимого и важного права осуществлялось постепенно.

Ставшие фактически первой конституцией России, Основные государственные законы Российской империи² вовсе не упоминали право граждан на охрану труда. Из пяти конституций в отечественной истории (1918, 1925, 1937, 1978 и 1993 гг.), несмотря на общую трудовую повинность в первых трех, право на безопасный труд впервые упоминается в Конституции РСФСР 1978 г. (в ред. от 12 апреля 1978 г.), где ст. 8 предусматривала улучшение условий труда, в ст. 21 говорилось о заботе государства об охране труда.

Вместе с тем, по мнению ученых, советское законодательство о труде в первую очередь было ориентировано на повышение производительности труда, и второстепен-

¹ Полное собрание законов Российской империи: Собр. второе. Т. 20. Отд. 1. 1845. № 19262. СПб., 1846. Электронная библиотека «Государственная публичная историческая библиотека». — URL: <http://elibrary.shpl.ru/ru/nodes/315-otd-nie-1-ot-18573-19303-1846#mode/inspect/page/595/zoom/4>. С. 591 (дата обращения: 16.06.2021).

² Высочайше утвержденные Основные Государственные Законы от 23 апреля 1906 г. — Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

но — на охрану труда [2, с. 5—27]. По истечении времени охрана труда все же стала рассматриваться как наиболее значимое и важное право каждого. Для действующей Конституции Российской Федерации свойственен приоритет безопасности условий труда по отношению к гарантиям предоставления избранного рода деятельности, на чем делался акцент ранее. Это объясняется констатацией свободы труда, которая проявляется, прежде всего, в договорном характере труда. Полагаем, что основными предпосылками возникновения конституционного права граждан на охрану труда явились: высокий уровень травматизма в процессе трудовой деятельности; осознание работниками собственной ценности и отстаивание своих интересов; увеличение масштабов производства; участие государства в решении вопросов в сфере охраны труда на международной арене [3, с. 70].

История развития норм об уголовной ответственности за нарушение требований охраны труда в законодательных актах России насчитывает 3 этапа: дореволюционный этап, советское время и постсоветский этап.

Уголовные наказания за нарушение требований предписаний о безопасности труда в период возникновения промышленного производства были введены не сразу. По мнению автора настоящей статьи, это обуславливалось приоритетом развития промышленности, нежели заботой о трудящихся. Вместе с тем с расширением первоначального трудового законодательства вопросы о принуждении к соблюдению безопасности труда становились все более существенными.

С принятием Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (в редакциях 1857, 1866 и 1885 гг.)¹ появились отдельные нормы об уголовной ответственности. Так, в разделе VIII глава 8 «О преступлениях и проступках против общественного благоустройства и благочиния» содержала нормы, предусматривающие ответственность за нарушение правил устава строительного. Глава 9 была посвящена ответственности за нарушение правил пожарной безопасности. В главе 10 предусматривалась уголовная ответственность за нарушение правил, установленных для сохранения путей сообщения. Глава 14 содержала нормы об ответственности за нарушение уставов фабричной, заводской и ремесленной промышленности. Следует отметить, что размер наказания за совершенные деяния был дифференцирован в зависимости от последствий — причинения смерти или вреда здоровью, а также от формы вины.

Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г. [4], также содержал нормы, направленные на охрану безопасности труда. В частности, в ст. 66 и 128 основанием для привлечения к ответственности являлось нарушение технических или других правил о постройках, правил о работах на фабриках или заводах, или иных промышленных или торговых заведениях, если такое нарушение угрожало безопасности работников

¹ Т. 15. [Ч]. 1: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Издание 1885 года, со включением статей по Продолжениям 1912, 1913 и 1914 годов; [Ч]. 2: Уголовное уложение... — 1916. Электронная библиотека «Государственная публичная историческая библиотека». — URL: <http://elibrary.ru/nodes/17827#mode/inspect/page/282/zoom/4> (дата обращения: 16.12.2020).

либо повлекло за собой вред здоровью. Наказание было также дифференцировано в зависимости от степени нарушения таких правил.

Уголовное уложение 1903 г.¹ в целом каких-либо существенных изменений в области уголовно-правовой охраны труда не внесло, однако, как отмечает Н. Н. Хилтунов, оно заметно отличается от предыдущего уголовного закона юридической техникой на более высоком уровне и степенью абстракции изложения материала [5, с. 205]. Так, например, ст. 365 и 366 также содержали нормы, ранее известные Уложению 1845 г. — в ст. 365 была предусмотрена ответственность заведующего (и его заместителя) промыслом, заводом, фабрикой, ремесленного заведения за непредоставление малолетним рабочим возможности посещать учебные заведения; ст. 366 предусматривала уголовную ответственность вышеуказанных лиц (причем, субъектный состав такого преступления по сравнению с предыдущим законодательством был расширен — дополнен должностью заместителя) за невыполнение установленных правил о работах малолетних, подростков и женщин. Вместе с тем в Уложение 1903 г. были добавлены следующие немаловажные нормативные положения. Статьи 378—382 Уложения предусматривали уголовную ответственность за все случаи нарушения при проведении строительных работ. Более того, ч. 2 ст. 382 была предусмотрена общая норма, предусматривающая уголовную ответственность за «неисполнение правил, предписанных в ограждение личной безопасности» при производстве строительных работ и обустройстве путей сообщения. Часть 2 ст. 464 данного документа предусматривала уголовную ответственность за неосторожное причинение смерти в результате несоблюдения виновным правил безопасности, установленных законом или обязательным постановлением для соответствующего рода деятельности.

При сравнении Уложений 1845 г. и 1903 г. можно отметить, что, действительно, новое уголовное законодательство отличалось от предыдущего более высоким уровнем юридической техники описания составов преступлений в сфере охраны труда. Заметна в некоторой степени абстракция таких норм. Однако все же нельзя сказать, что на данном этапе развития уголовного закона, нормы об охране труда имели универсальный, всеобщий характер, относящийся к уголовно-правовой охране всех категорий работников.

Произошедшие в 1917 г. революционные события и гражданская война в России повлияли на дальнейшее развитие уголовно-правовой охраны труда. Окончившаяся гражданская война и переход к новой экономической политике (далее — НЭП) вынудили власть в высокой степени использовать эффективность материальных, трудовых, денежных и иных ресурсов, вложенных в предприятия, что не могло не отразиться на социальной составляющей. Для достижения экономической цели государства приоритетными направлениями экономической политики являлись рост производительности, ликвидация безработицы и всеобщая занятость. Следствием этого явились крайне неблагоприятные для рабочих условия труда, в которых процветали производственный травматизм и болезни, несмотря на законодательное закрепление охраны труда: Кодекс законов

¹ Собрание узаконений и распоряжений правительства от 16.04.1903. № 88. Уголовное уложение от 22.03.1903.

о труде РСФСР (далее — КЗОТ РСФСР) 1918 г. определял охрану труда как «охрану жизни, здоровья и труда лиц, занятых какою бы то ни было хозяйственной деятельностью»¹; в КЗОТ РСФСР 1922 г. под охраной труда понималось наблюдение уполномоченными лицами за точным применением и исполнением распоряжений, правил и обязательных постановлений по профессиональной гигиене, фабричной санитарии и технике безопасности². Так, в связи с непригодными условиями труда на одной из фабрик страны в период 1922—1923 гг. уровень заболеваемости (в том числе туберкулезом) составил 28 % из общего числа рабочих, а показатель несчастных случаев (с утратой трудоспособности, тяжелых и смертельных) в общем составил более 70 % [6, с. 385—386].

Одним из способов стимулирования работодателей создавать нормальные условия труда являлось уголовное законодательство. В период НЭПа уголовно-правовая охрана безопасности труда осуществлялась несколькими нормативными правовыми актами. Так, принятые в 1845 и 1903 гг. уголовные Уложения после революции 1917 г. продолжали применяться в части, не противоречащей декретам Центрального исполнительного комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и Рабочего и Крестьянского правительства, а также программам-минимум Российской социал-демократической рабочей партии и партии социалистов-революционеров.

Однако с принятием Уголовного кодекса РСФСР (далее — УК РСФСР) 1922 года³ термин «охрана труда» все же появился в составе «хозяйственного» преступления — в ст. 132 («...нарушение специальных норм об охране труда»), диспозиция которой также являлась бланкетной, как и современная диспозиция ст. 143 УК РФ. В соответствии со ст. 132 наниматель подлежал уголовной ответственности в случае нарушения установленных трудовыми нормативными правовыми актами правил, регулирующих продолжительность рабочего дня, сверхурочные часы, ночную работу, работу женщин и подростков, оплату труда, прием и увольнение, а также нарушение специальных норм об охране труда. Норма содержала простой и квалифицированный составы. Однако имели место и специальные составы преступлений, располагавшиеся в главах «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности» и «Нарушение правил, охраняющих народное здравие, общественную безопасность и публичный порядок».

Следует отметить, что иная конструкция составов преступлений в сфере охраны труда является своего рода прорывом в уголовно-правовом законодательстве: появляются общие и специальные составы преступлений.

¹ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917—1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. — М., 1942. — С. 1229—1248. № 905. Кодекс законов о труде. — URL: <http://istmat.info/node/31919> (дата обращения: 04.02.2021).

² О введении в действие Кодекса Законов о Труде Р.С.Ф.С.Р. изд. 1922 г. (вместе с «Кодексом Законов о Труде Р.С.Ф.С.Р.»): постановление ВЦИК от 09.11.1922. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

³ О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.»): постановление ВЦИК от 01.06.1922. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

Содержание и структура норм, имеющих целью обеспечить безопасность труда в принятом в 1926 году новом УК РСФСР соответствовали той же логике законодателя, но с внесением масштабных изменений, касающихся более широкого охвата нарушающих требования охраны труда деяний, влекущих за собой уголовную ответственность. Так, в уголовном законе появляются материальный и усеченный составы преступлений, относительно рассматриваемого рода деяний [7, с. 103—115]. Объективная сторона преступных нарушений требований охраны труда выражается как в умышленном, так и в неосторожном нарушении установленных специальных правил о безопасности труда, а ответственность за такое деяние дифференцируется.

Впоследствии развитие уголовного законодательства в сфере охраны труда до принятия УК РСФСР 1960 г. значительных изменений не претерпевало. С принятием нового уголовного закона законодатель предусматривает в нем главу 4 «Преступления против политических и трудовых прав граждан», куда был помещен общий состав нарушения требований охраны труда — ст. 140, который по структуре был простым, квалифицированным и особо квалифицированным.

Следует отметить, что преступное нарушение правил охраны труда в указанном уголовном законе было выделено в самостоятельный состав. Так, другие преступления в сфере трудовых отношений (ст. 138 «Нарушение законодательства о труде»; ст. 139 «Отказ в приеме на работу или увольнение беременной женщины или кормящей матери») были сформулированы в виде самостоятельных составов. Примечательно, что в ранее действовавшем уголовном законе (УК РСФСР 1926 г.) такого разграничения не имело места быть. Кроме того, в ст. 140 УК РСФСР 1960 г. прослеживается более четкое определение криминообразующих признаков за нарушение правил охраны труда (относительно субъекта преступления, абстрактного изложения составляющей объективной стороны, и вероятностного характера наступления общественно опасных последствий).

УК РФ 1996 г. продолжил законодательную традицию в сфере регулирования отношений, обеспечивающих охрану труда граждан, сохранив преемственность УК РСФСР 1960 г. в соответствующей части, но со следующими изменениями: ликвидирована формальность состава ч. 1 ст. 143 путем декриминализации вероятности наступления общественно опасных последствий; иначе сформулирована составляющая объективной стороны преступления (деяние было выражено в нарушении правил техники безопасности или иных правил охраны труда); общественно опасными последствиями являлись смерть или причинение тяжкого вреда или вреда средней тяжести здоровью человека; круг субъектов рассматриваемого преступления был существенно расширен.

С внесением федеральным законом¹ изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) в 2003 г. диспозиция ст. 143 не изменилась. В 2013 г. в УК РФ были внесены требуемые в целях наиболее эффективной уголовно-

¹ О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 8 дек. 2003 г. № 162-ФЗ [Электронный ресурс]. — Доступ из справ. — правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 12.07.2021).

правовой защиты прав трудящихся изменения¹, которые актуальны и на сегодняшний день. Так, произошло изменение содержания диспозиции ст. 143 в части отказа от «нарушения правил техники безопасности или иных правил охраны труда» в пользу «нарушения требований охраны труда»; декриминализировано причинение негативных последствий в виде вреда средней тяжести; введено примечание, что следует понимать под требованиями охраны труда.

Итак, анализ истории развития норм об уголовной ответственности за нарушение требований охраны труда в законодательных актах России показал:

1) учитывая давность возникновения вопросов по поводу безопасности труда и гигиены, а также непрерывное осмысление путей их решения учеными и законодателем, регламентацией вопросов охраны труда различными отраслями права, признанием права на безопасный труд в качестве наиболее значимого и важного права, как в отечественном законодательстве, так и на международном уровне, вопросы, касающиеся уголовно-правовой охраны труда не потеряют своей актуальности;

2) становление и развитие уголовного законодательства в сфере охраны труда прямо связано с развитием законодательства иных отраслей права, в частности права трудового и конституционного; характеристикой трудовых отношений внутри предприятий, организаций всех форм собственности; экономикой страны и государственной экономической политикой, экономическими, политическими и социальными условиями существования государства;

3) пройденный исторический путь развития уголовно-правовой охраны труда свидетельствует о стремлении законодателя на разных этапах адаптировать уголовное законодательство под существующие реалии. Законодателем использовались такие средства законодательной техники, как юридические конструкции; конкретизировались объекты преступных деяний; пределы ответственности за их совершение; путем абстрагирования изменялось изложение уголовно-правовых норм, тем самым приспособлявая нормы для применения в гармонии с базовым законодательством;

4) в связи с трансформирующимся характером труда (появление гибких форм занятости, удаленного рынка труда, новых категорий работников, самозанятости и т. д.), сменой традиционных трудовых отношений, перед законодателем стоит задача совершенствования уголовного законодательства об ответственности за нарушение требований охраны труда, во взаимосвязи с экономическими мерами; с другими отраслями права; и особенностями конъюнктуры всей страны, используя при этом накопленный исторический опыт законодательной регламентации и правоприменения.

В этом смысле полагаем, что современные реалии обуславливают необходимость законодательного закрепления понятия безопасного труда; подробной законодательной регламентации прав расширенного в настоящее время субъектного состава трудящихся, в том числе самозанятых. Также, в связи с отсутствием законодательного определения

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О специальной оценке условий труда»: федер. закон от 28 дек. 2013 г. № 421-ФЗ (ред. от 01.04.2019) [Электронный ресурс]. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 12.07.2021).

терминов «специалист по охране труда» и «уполномоченный на выполнение мероприятий по охране труда работник», важно обеспечить соответствие нормы об охране труда в уголовном и трудовом законодательстве, в части уточнения круга субъектов преступного нарушения требований охраны труда.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. История Средних веков: В 2 т. Т. I: учебник / Под ред. С. П. Карпова. 6-е изд. — М.: Изд-во Моск. ун-та: Изд-во «Печатные Традиции», 2008. — С. 280.
2. Иванов С. А. Советская наука трудового права: проблемы и перспективы развития // Проблемы трудового права и права социального обеспечения. — М., 1975. — С. 5—27.
3. Алтынбаева Л. М. Исторические предпосылки возникновения конституционного права граждан на охрану труда / Л. М. Алтынбаева, Е. С. Квасников // Актуальные проблемы юридической науки и практики: мат-лы XVIII междунар. науч.-практ. конф. В 3-х т. — Тольятти: Волж. ун-т им. В. Н. Татищева (институт), 2021. — С. 70.
4. Таганцев Н. С. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями: с дополнениями по 1 января 1879 г.: с прил. мотивов и извлечений из решений Уголовного кассационного департамента Сената / сост. Н. С. Таганцевым [авт. предисл. Н. С. Таганцев]. — 2-е изд., перераб. и доп. С.-Петербург: Тип. М. Стасюлевича, 1879. VIII. Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина. — URL: <https://www.prilib.ru/item/459972> (дата обращения: 17.12.2020).
5. Хилтунов Н. Н. Уголовная ответственность за нарушение требований охраны труда: моногр. — М., 2015. — С. 205.
6. Бурова Н. А. Профсоюз текстильщиков и охрана труда рабочих в годы НЭПа (на материалах Иваново-Вознесенска): мат-лы XIII междунар. науч. конф.: в 2-х ч. — Иркутск, 2014. — С. 385—386.
7. Похлеба Т. И. К вопросу об использовании юридических конструкций в качестве средств законодательной техники в рамках составов нарушения правил охраны труда в истории уголовного права России // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). — 2013. — № 2. — С. 103—115.

REFERENCES

1. Karpov S. P. (Ed.) *Istoriya Srednih vekov* [History of the Middle Ages]. In 2 vols. Vol. I. Moscow: Publishing House of Moscow. un-ta: Publishing House "Printed Traditions", 2008. 280 p.
2. Ivanov S. A. *Sovetskaja nauka trudovogo prava: problemy i perspektivy razvitija* [Soviet science of labor law: problems and prospects of development]. *Problemy trudovogo prava i prava social'nogo obespechenija*. — *Problems of labor law and social security law*. M., 1975. pp. 5—27.
3. Altynbaeva L. M., Kvasnikov E. S. [Historical prerequisites for the emergence of the constitutional right of citizens to labor protection] *Aktual'nye problemy juridicheskoy nauki i praktiki: mat-ly XVIII mezhdunar. nauch.-prakt. konf. V 3-h t.* [Actual problems of legal science and practice: Materials of the XVIII International Scientific and Practical Conference]. Togliatti, 2021, Publishing House: V.N. Tatishchev Volga State University (Institute) (Togliatti). 70 p.
4. Tagantsev N. S. The Statute on punishments imposed by magistrates: with additions to January 1, 1879: with adj. motives and extracts from the decisions of the Criminal Cassation Department of the Senate / by N. S. Tagantsev [author's preface by N. S. Tagantsev]. Ed. 2-epererab.

and additional St. Petersburg: M. Stasyulevich's Type, 1879. VIII. Presidential Library named after B.N. Yeltsin URL: <https://www.prilib.ru/item/459972>. (date of appeal 17.12.2020).

5. Khiltunov N. N. Ugolovnaja otvetstvennost' za narushenie trebovanij ohrany truda: [Criminal liability for violation of labor protection requirements]. M., 2015, 205 p.

6. Burova N. A. [Trade union of textile workers and labor protection of workers during the years of the Nep (Based on the materials of Ivanovo-Voznesensk)]. Proceedings of the XIII International scientific conference: in 2 parts. I. 2014. pp. 385—386.

7. Pohlepa T. I. K voprosu ob ispol'zovanii juridicheskikh konstrukcij v kachestve sredstv zakonodatel'noj tehniki v ramkah sostavov narushenija pravil ohrany truda v istorii ugolovnogo prava Rossii [To the question of the use of legal structures as a means of legislative technique in the framework of the compositions of violation of labor protection rules in the history of criminal law in Russia]. *Aktual'nye problemy ugolovnogo prava na sovremennom jetape (voprosy differenciacii otvetstvennosti i zakonodatel'noj tehniki)* — *Actual problems of criminal law (questions of differentiation of responsibility and legislative technique)*. 2013, no. 2. pp. 103—115.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Квасников Евгений Сергеевич. Адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России, 644092, Россия, г. Омск, ул. Комарова, д.7.

ORCID: 0000-0002-2418-3900

ResearcherID: ABE-4605-2021

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeny S. Kvasnikov. Adjunct. Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Komarova St., 7, Omsk, Russia. 644092.

ORCID: 0000-0002-2418-3900

ResearcherID: ABE-4605-2021

Статья поступила в редакцию 12.07.2021; одобрена после рецензирования 19.07.2021; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted 12.07.2021; approved after reviewing 19.07.2021; accepted for publication 25.02.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 1(100). С. 119—127.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022.
Vol. no.1 (100), p.119—127.

**12.00.08. Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право**

Научная статья

УДК 343.7

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.11.92.011

**ЦИФРОВОЕ РЕЙДЕРСТВО —
НОВЫЙ СПОСОБ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ КРЕДИТОВАНИЯ**

Айнур Тагирович Мурсалимов

Уфимский юридический институт МВД России, г. Уфа, Российская Федерация,
bagautdinov93@yandex.ru

Введение: в статье рассматриваются проблемы уголовно-законодательного урегулирования отношений в сфере кредитования путем противодействия цифровому рейдерству.

Материалы и методы: нормативной основой исследования является действующее уголовное законодательство, регулирующее правоотношения в сфере кредитования.

Результаты исследования: рассмотрена авторская позиция обеспечения информационной безопасности на территории Российской Федерации путем создания границ интернет-пространства и пересмотра действующих принципов уголовного законодательства в рамках противодействия мошенничеству в сфере кредитования и иным преступлениям, совершаемым с использованием дистанционных технологий.

Выводы и заключения: мошенничество в сфере кредитования с использованием дистанционных технологий таит в себе потенциальную опасность причинения существенного вреда населению страны, кредитно-финансовой системе и национальной безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова: мошенничество в сфере кредитования, цифровое рейдерство, противодействие преступности, киберпреступность, теневая экономика.

Для цитирования: Мурсалимов А. Т. Цифровое рейдерство — новый способ мошенничества в сфере кредитования // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 1(100). — С. 119—127.

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.11.92.011

**12.00.08. Criminal law and criminology;
penal enforcement law**

Original article

**DIGITAL RAIDING —
A NEW WAY OF FRAUD IN THE FIELD OF LENDING**

Ainur T. Mursalimov

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russian Federation,
bagautdinov93@yandex.ru

Introduction: the article deals with the problems of criminal and legislative regulation of relations in the field of lending, by countering digital raiding.

Materials and methods: the normative basis of the study is the current criminal legislation regulating legal relations in the field of lending.

The results of the study: the author's position of ensuring information security on the territory of the Russian Federation, by creating the boundaries of the Internet space and revising the current principles of criminal legislation in the framework of countering fraud in the field of lending and other crimes committed using remote technologies, is considered.

Findings and conclusions: fraud in the field of lending using remote technologies is fraught with a potential risk of causing significant harm to the population of the country, the credit and financial system and the national security of the Russian Federation.

Keywords: credit fraud, digital raiding, crime prevention, cybercrime, shadow economy.

For citation: Mursalimov A. T. Cifrovoe rejderstvo — novyj sposob moshennichestva v sfere kreditovaniya [Digital raiding is a new way of fraud in the field of lending]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022, vol. no, 1 (100), pp. 119—127 (in Russ.).

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.11.92.011

Человеческий разум всегда стремится к новизне, прогрессу. Стоит только возникнуть фантастической идее, зафиксированной в текстовом формате либо экранизированном в виде художественного фильма, и ученые всех стран приступают к изучению законов в различных направлениях деятельности, с целью реализации в жизнь увиденного путем создания (производства) совершенно новых технических устройств, решений, произведений искусства, науки и техники. Поэтому установление стратегических направлений деятельности и их нормативное регулирование является залогом качественного прогресса в научной среде при материальной поддержке государства, юридических или физических лиц.

Эпоха постиндустриального общества характеризуется распространенностью предоставления инновационных, высокотехнологичных услуг, развитием цифровых отношений, широким применением во всех сферах деятельности и в управлении обществом достижений искусственного интеллекта, позволяя снижать объем использования человеческого труда путем автоматизации и роботизации.

Обеспечение ускоренного внедрения цифровых технологий в экономику, правовую сферу, промышленность и во все сферы услуг в рамках реализации национальных целей и стратегических задач развития России, установленных Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 [1], стимулирует возникновение новых видов правоотношений с использованием информационно-коммуникационных технологий.

На основании Федерального закона «от 21 декабря 1994 года № 68-ФЗ О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [2], в связи с угрозой распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19 в субъектах Российской Федерации был введен режим повышенной готовности, повлекший за собой переход многих сфер на дистанционное осуществление деятельности и предоставления услуг, в том числе в сфере экономики, образования, социальной защиты, здравоохранения и государственного управления.

Однако система информационной безопасности, существовавшая в организациях, предприятиях, в том числе органах государственной власти и местного самоуправления, не была готова к столь широкомасштабному переводу и увеличению объемов, а также видоизменению и реформированию систем и ценностей, способов обеспечения правоотношений и обмена информацией вследствие отсутствия у пользователей навыков и знаний по обеспечению защиты информации на местах, отсутствия надлежащего технического оснащения, использования незащищенных каналов связи, а также обмену данными в иностранных мессенджерах.

Согласно статистическим данным, размещенным на сайте Генеральной прокуратуры Российской Федерации, ежегодно наблюдается рост преступлений, совершенных с использованием дистанционных технологий. При обеспечении информационной безопасности пользователи сталкиваются с посягательствами на компьютерную безопасность по исследовательскому и образовательному потенциалу, юридическим, техническим и организационным аспектам. Довольно актуальным стало направление деятельности, связанное с обеспечением кибербезопасности и раскрытия, расследования преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий.

Отсутствие у лиц, занятых в теневом секторе экономики, стабильного и постоянного дохода, в силу отказа от официальной регистрации, в рамках обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения спровоцировало переориентирование и без того склонных к поиску коллизий в правовом регулировании субъектов, к отказу от законопослушного поведения и использования своих знаний в образовавшейся и незащищенной цифровой среде, цифровом пространстве. Это стало толчком для развития теневого сектора экономики в области дистанционных технологий и легализации доходов, добытых преступным путем. В настоящее время большинство видов преступлений совершается с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Одним из наиболее распространенных видов преступлений, в которых используются передовые технологии и даже достижения искусственного интеллекта, является сфера собственности. Законодатель, пытаясь обеспечить безопасность граждан в сфере собственности, создал специальные уголовно-правовые нормы, регулирующие отдельные виды хищений, совершенных путем обмана или злоупотребления доверием.

В настоящее время посягательства в сфере собственности направлены не на сбережения граждан, а на кредитоспособность и возможность заключения гражданско-правовых договоров с использованием достижений информационно-телеком-муникационной среды.

Развитие новых правоотношений не могло не сказаться на криминализации и использовании недобросовестными субъектами предпринимательской деятельности в целях извлечения максимальной прибыли.

В информационно-телекоммуникационной системе начали появляться объявления об оказании, предоставлении услуг по собиранию информации, предоставлению доступа и хищению, а также огромное количество программного обеспечения, позволяющего анализировать и предоставлять удаленный доступ к средствам связи, техническим средствам.

Одним из таких общественно-опасных проявлений стало цифровое рейдерство, под которым следует понимать действия, совершенные в целях несанкционированного захвата управленческих функций технических устройств, посредством внедрения скрытых программ, сбора информации и разрешения операций, изменений настроек электронных вычислительных устройств, в целях производства незаконных действий от имени физического или юридического лица либо использования этих сведений для незаконных операций. Одним из инструментариев рейдерства стала цифровая разведка по открытым источникам информации.

Таким образом, специальное программное обеспечение и целые субъекты предпринимательской деятельности стремятся собрать максимальную информацию о человеке, используя поисковые возможности информационно-телекоммуникационных систем.

Оборотной стороной цифрового рейдерства являются «дропперовские» отношения, замаскированные под несанкционированный доступ к техническому устройству, путем реализации своих анкетных данных на «теневой бирже».

Способ цифрового рейдерского захвата используется не только для осуществления хищения информации, вымогательства материальных благ, но и в целях активизации предложений, доступных физическому или юридическому лицу, но не востребованных последними. Например, возможность получения кредита путем использования достижений дистанционного банковского обслуживания клиента и реализации ему услуг электронного оформления гражданско-правовых договоров.

В 2020 году количество и объем операций по переводу денежных средств с использованием электронных средств платежа физических лиц составили 49,6 млрд единиц и 91,08 трлн руб., увеличившись по сравнению с 2019 годом на 23,1 и 28,2 % соответственно. При этом количество операций без согласия клиента увеличилось на 34,0 % (773 тыс. 8 операций за 2020 год против 576 тыс. 897 операций за 2019 год). Объем таких операций вырос на 52,2 %, составив 9777,3 млн руб. (за аналогичный период 2019 года — 6425,8 млн руб.). В 2021 году, согласно статистическим данным, предоставленным Центральным банком России, количество операций без согласия клиентов российских банков в 3 квартале 2021 года составило 256,2 тыс. (+40% в годовом выражении), а объем таких операций превысил 3,2 млрд рублей (+18%) [3].

Статистические данные свидетельствуют о существенном увеличении уровня реализации угроз, в связи с внедрением цифровых технологий в жизнь общества и государства и необходимости изменения подхода к обеспечению безопасности в среде дистанционного предоставления всех видов услуг, независимо от формы собственности.

В интернет-пространстве появляются ссылки на программные обеспечения, позволяющие осуществлять рейдерские захваты технических устройств за определенную плату либо оказание данных услуг, а также обеспечивающие дополнительный заработок для «дропперов» — лиц, оказывающих содействие в совершении преступлений в области дистанционных технологий, либо использование уже сформированных на базе открытых данных информации с целью последующей реализации потребителю (заказчику информации).

Причинами и условиями, способствующими совершению преступлений с использованием дистанционных технологий, являются специальные информационные ресурсы, обучающие либо позволяющие сохранять анонимность, скрывать следы преступлений в информационном пространстве.

Возможность реализации рейдерского захвата технического устройства и управления им путем выполнения необходимых действий и оперативного получения информации позволяет злоумышленникам использовать их для преступных целей.

Так, например, в судебно-следственной практике уже имеются прецеденты оформления заявки на кредит от имени лица, чьи паспортные данные имеются у злоумышленника. Дистанционные способы получения займа и кредита, в соответствии с нормами Гражданского кодекса Российской Федерации, носят одинаковую юридическую силу наряду с обычной письменной формой. Исключением является лишь особенность подписания договора путем использования цифровой подписи либо сканированной копии договора.

Вопросы о перечислении заемных денежных средств осуществляются с использованием достижений онлайн-банкинга.

В последующем кредитные организации обращаются в правоохранительные органы с заявлением по факту наличия в действиях заемщика (кредитополучателя) мошеннических действий в сфере кредитования, в связи с недостоверностью сведений, отраженных в анкете и предоставленных банку.

Если факт подделки или хищения данных, цифровой подписи путем использования цифрового рейдерства не будет установлен, имеется перспектива возбуждения уголовного дела в отношении лица, не участвовавшего в заключении договора кредитования.

Кроме того, данная схема мошенничества с использованием дистанционных технологий в сфере кредитования может сопровождаться использованием «дропперов» — лиц, которые осуществляют продажу своих анкетных данных, копий документов либо данных, ставших им известными в силу выполнения определенных полномочий, фишинга и иных способов хищения необходимой информации или способа организации деятельности организации, обеспечения информационной безопасности.

Согласно судебной практике, оформленной в постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации (далее — ВС РФ) от 30 ноября 2017 года № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [4], в случаях, если лицо,

в целях хищения денежных средств выдавало себя за другое, представив при оформлении кредита чужой паспорт, то основания для квалификации по статье 159.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) [5] отсутствуют.

Если же лицо самостоятельно сообщает заведомо ложные сведения, то данное деяние подлежит квалификации по статье 159.1 УК РФ.

Данная позиция ВС РФ свидетельствует о неоднозначном подходе к одному и тому же деянию, в зависимости от способа ее совершения. Невозможность установления факта цифрового рейдерства порождает проблему квалификации и доказывания деяния как преступного и создает дополнительную коллизию для правоприменителя.

Обращаясь к возможности противодействия преступности в виде цифрового рейдерства и эффективного урегулирования новых правоотношений, необходимо изменение подходов и методов использования достижений уголовного законодательства.

Предлагается отказаться от использования специального состава мошенничества в сфере кредитования — ст. 159.1 УК РФ и возвратиться к оценке квалификации криминального проявления в рамках статьи 159 УК РФ, что упростит систему квалификации и доказывания общественно опасного деяния и сопоставление его с элементами состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой.

Также следует отказаться от квалифицирующих признаков, указанных в статьях особенной части УК РФ об электронном денежном обороте, компьютерной информации, использовании дистанционных технологий и включить их в общую часть в виде обстоятельств, отягчающих деяние, с использованием формулировки: «использование дистанционных технологий и достижений онлайн-банкинга».

Авторское видение проблематики заключается в наличии дублирования одних и тех же квалифицирующих признаков в уголовно-правовых нормах, которое представляется нецелесообразным и нерациональным способом регулирования правоотношений. Имеется возможность перевода данных квалифицированных признаков состава преступления в общую часть уголовного права в виде обстоятельств, отягчающих наказание.

Существование специальных составов порождает у правоприменителя коллизии и пробелы в определении квалификации смежных составов.

При этом некоторые деяния в цифровой среде могут одновременно выполнять элементы нескольких смежных составов преступления и повлечь проблему толкования правовой нормы.

Подтверждением факта неоднозначности толкования правовой нормы является приговор Буденновского городского суда Ставропольского края от 21 августа 2015 года в отношении Исаева А. Р. № 22-5502/15. Исаев А. Р. был признан судом виновным по ч. 3 ст. 159.1 УК РФ за хищение денежных средств у банка путем предоставления ложных сведений.

При рассмотрении жалобы апелляционной инстанцией произведена переквалификация на ч. 1 ст. 176 УК РФ с учетом отсутствия факта хищения денежных средств банка. Обманные действия Исаев А. Р. совершил, будучи индивидуальным предпринимателем, в интересах бизнеса (производства), причинив банку крупный ущерб.

При рассмотрении апелляционной жалобы было заявлено ходатайство о применении амнистии в отношении подсудимого в связи с «70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов».

Суд принял решение об удовлетворении ходатайства и освободил Исаева А. Р. от наказания, снял с него судимость [6].

Аналогичным примером отсутствия единого подхода и наличия правового усмотрения в деянии лиц в сфере кредитования служит решение № 2-248/2021 2-248/2021(2-3011/2020;)~М-2894/20202-3011/2020 М-2894/2020 от 25 марта 2021 года по делу № 2-248/2021 в соответствии с которым указывается факт отказа в возбуждении уголовного дела за отсутствием состава преступления ст. 159.1 УК РФ в отношении неустановленного лица по следующим обстоятельствам: неустановленное лицо, используя анкетные данные заявителя, заключило договор кредитования в микрофинансовой организации. Согласно позиции ВС РФ, рассмотрение материала должно было происходить по статье 159 УК РФ. Правоприменителем условия, указанные в постановлении Пленума ВС РФ от 30 ноября 2017 года № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», не были учтены. Суд же посчитал договор кредитования незаключенным в силу возникновения сомнений в заключении договора истцом [7].

Таким образом, усмотрение, базирующееся на уровне имеющейся профессиональной подготовки, наличии практического опыта, сформировавшейся «местной» практики, ведет к разным результатам принятия решений об ответственности, сказывается на качестве квалификации и судебных решениях о наказании и освобождении от наказания, применении условного осуждения.

В результате отсутствия единого теоретического и прикладного (оценочного) подхода в квалификации мошенничества в сфере кредитования возникают противоречия в деятельности судебно-следственных и надзорных органов, осуществляющих контрольные и правоохранительные функции, а также правосудие.

Кроме того, следует обратиться к возможности правового регулирования цифрового пространства путем создания границ телекоммуникационных систем как на уровне государственно-территориальной целостности, так и на уровне регионов Российской Федерации. Возложение обязанностей на специальное подразделение по обеспечению охраны границ информационно-телекоммуникационных систем позволит упорядочить оборот программного обеспечения и устранить нежелательный или противозаконный контент в цифровом пространстве.

В теории и практике применения уголовного законодательства следует отказаться от выделения специальных составов преступлений применительно к информационно-цифровой среде и киберпространству и применять общие нормы, разработанные законодательством, учитывая использование дистанционных технологий в качестве обстоятельств, отягчающих наказание.

Подводя итог, автор считает необходимым отметить, что проблема выявления, определения, локализации и устранения угроз, в связи с развитием цифровых технологий, создает новые вызовы правоохранительной системе и органам, обеспечивающим национальную безопасность государства, определяя не только внутренние, но и внешние источники опасности.

Пересмотр подходов к законодательному урегулированию и внесение законодательных инициатив в урегулирование новых правоотношений позволит стабилизировать оперативную обстановку, связанную с совершением преступлений в сфере дистанционных технологий.

В рамках авторского видения установлена необходимость отказа от специальной уголовно-правовой нормы статьи 159.1 УК РФ и возможности создания цифровых границ в целях контроля за российским информационно-цифровым пространством с возможностью передачи технического контроля программным обеспечением с внедренной системой искусственного интеллекта.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: указ президента Рос. Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. — URL: [http:// www.pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru) (дата обращения: 19.02.2022).
2. О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: федера. закон от 21 дек. 1994 г. № 68-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. — URL: [http:// www.pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru) (дата обращения: 19.02.2022).
3. Данные центрального банка России // Известия. — 18 янв. 2021 г. [Электронный ресурс]. — URL: <https://iz.ru> (дата обращения: 19.02.2022).
4. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного суда Рос. Федерации от 30 нояб. 2017 г. № 48 // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. — URL: [http:// www.pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru) (дата обращения: 19.02.2022).
5. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. — URL: [http:// www.pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru) (дата обращения: 19.02.2022).
6. Приговор № 22-5502/15 Буденновского городского суда Ставропольского края в отношении Исаева А. Р. от 21 авг. 2015 г. [Электронный ресурс]. — URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 19.02.2022).
7. Решение Шпаковского районного суда Ставропольского края № 2-248/2021 2-248/2021(2-3011/2020;)-М-2894/2020 2-3011/2020 М-2894/2020 от 25 марта 2021 г. по делу № 2-248/2021 [Электронный ресурс]. — URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 19.02.2022).

REFERENCES

1. On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024 : Decree of the President of the Russian Federation No. 204 dated May 07, 2018 // Official Internet portal of legal Information: [website]. Available at: [http:// www.pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru) (accessed 19.02.2022).
2. On the protection of the population and territories from natural and man-made emergencies: Federal Law No. 68-FZ of December 21, 1994 // Official Internet Portal of Legal Information: [website]. Available at: [http:// www.pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru) (accessed 19.02.2022).
3. Data of the Central Bank of Russia : Izvestia of January 18, 2021 // [website]. Available at: <https://iz.ru> (accessed 19.02.2022).
4. On judicial practice in cases of fraud, embezzlement and embezzlement : Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 48 dated November 30, 2017 // Official Internet portal of legal information: [website]. Available at: [http:// www.pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru) (accessed 19.02.2022).
5. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 // Official Internet portal of legal information: [website]. Available at: [http:// www.pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru) (accessed 19.02.2022).

6. Sentence No. 22-5502/15 Budennovsk city court of the Stavropol territory in respect Isayev A. R. of August 21, 2015 [Electronic resource]: Available at: <https://sudact.ru> (accessed 19.02.2022).

7. The decision of the court of Shpakovsky district of Stavropol Krai № 2-248/2021 2-248/2021(2-3011/2020;)~М-2894/2020 2-3011/2020 М-2894/2020 of March 25, 2021, case No. 2-248/2021 [Electronic resource]: Available at: <https://sudact.ru> (accessed 19.02.2022).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мурсалимов Айнур Тагирович, преподаватель кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России, 450074, Россия, г. Уфа, ул. Муксинова, 2.
SPIN-код: 6026-6277

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Mursalimov Ainur Tagirovich, Lecturer of the Department of Constitutional Law of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Muksinova str., 2, Ufa, Russia, 450074.
SPIN-code: 6026-6277

Статья поступила в редакцию 23.03.2021; одобрена после рецензирования 30.03.2021; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted 23.03.2021; approved after reviewing 30.03.2021; accepted for publication 25.02.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 1 (100). С. 128—139.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022.
Vol. no.1 (100), p. 128—139.

**12.00.08. Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право**

Научная статья

УДК 343.9

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.34.42.012

**О НЕКОТОРЫХ СПОСОБАХ И МЕХАНИЗМАХ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ
БЕЗОПАСНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ**

Екатерина Закариевна Сидорова

Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Российская Федерация,
ketrik6@mail.ru

Введение: в настоящее время сфера образования как никогда нуждается в защите и обеспечении безопасности от различных негативных явлений, зачастую носящих криминальный характер. Подтверждением тому выступает недавний трагический случай скулшутинга, произошедший в мае 2021 г. в Казани, когда школьник произвел массовое убийство учащихся и педагогов. Ранее проводимые научные изыскания показали масштабность освещаемой проблематики. В настоящей статье автор обращается к изучению способов и механизмов решения некоторых проблем безопасности образовательной среды.

Материалы и методы: нормативную основу исследования составляют правовые акты федерального уровня, например, Конституция Российской Федерации, письмо Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 13 ноября 2015 г. № 07-3735 «О направлении методических рекомендаций», и регионального уровня, например, постановление Законодательного собрания Иркутской области от 18 мая 2016 г. № 38/33-ЗС «О докладе Уполномоченного по правам ребенка в Иркутской области по вопросам соблюдения прав ребенка». Методологическая основа исследования выражена в общем диалектическом методе научного познания, который характеризуется своей универсальностью. В исследовании использованы также методы логической дедукции, индукции, познавательные методы, сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования позволили обратиться к изучению способов и механизмов решения некоторых проблем безопасности образовательной среды. В зависимости от возможности разрешения проблемы все негативные факторы, влияющие на систему образования, автор подразделяет разрешимые проблемы (например, недостаточность педагогических работников) и неразрешимые (например, невозможность предотвратить влияние всех угроз безопасности образовательной среды). В свою очередь, в зависимости от субъекта, разрешающего возникшую проблему, можно выделить проблемы, разрешаемые государственными и муниципальными органами власти (например, недостаточность и несвоевременность проверок, проводимых в отношении образовательных организаций по вопросам обеспечения безопасности образовательного процесса); проблемы, разрешаемые образовательными организациями и педагогами (например, труднодоступность получения дополнительного профессионального образования или повышения квалификации педагогами, работающими в отдаленных территориях); проблемы, разрешаемые населением (например, правовая неграмотность населения). Для каждого из освещенных видов проблем предложены механизмы их нивелирования.

Выводы и заключения: описание и раскрытие автором способов решения проблем безопасности образовательной среды позволяет сделать вывод о том, что настоящая работа обладает научным потенциалом, которым могут воспользоваться соответствующие субъекты, занимающиеся разработкой государственных программ по обеспечению безопасности образовательной среды.

Ключевые слова: образование, безопасность образовательной среды, противодействие угрозам, защищенность образовательной среды, правовое регулирование, национальная безопасность, проблемы криминологической безопасности.

Для цитирования: Сидорова Е. З. О некоторых способах и механизмах решения проблем безопасности образовательной среды // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2022. № 1 (100). — С. 128—139.

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.34.42.012

12.00.08. Criminal law and criminology; penal enforcement law

Original article

ABOUT SOME METHODS AND MECHANISMS FOR SOLVING PROBLEMS OF SECURITY OF THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT

Ekaterina Z. Sidorova

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: ketrik6@mail.ru

Introduction: currently, the education sector, more than ever, needs protection and security from various negative phenomena, often of a criminal nature. This is confirmed by the recent tragic case of school shooting, which occurred in May 2021 in Kazan, when a schoolboy committed a mass murder of students and teachers. Previously conducted scientific research has

shown the scale of the covered issues. In this article, the author addresses the study of methods and mechanisms for solving some problems of the security of the educational environment.

Materials and methods: the normative basis of the study consists of legal acts at the federal level, for example, the Constitution of the Russian Federation, letter № 07-3735 of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated November 13, 2015 “On the direction of methodological recommendations”, and at the regional level, for example, Resolution № 38/33-ZS of the Legislative Assembly of the Irkutsk Region dated May 18, 2016 “On the report of the Commissioner for Children’s Rights in the Irkutsk Region on the observance of children’s rights”. The methodological basis of the research is expressed in the general dialectical method of scientific cognition, which is characterized by its universality. The research also uses methods of logical deduction, induction, cognitive methods, comparison, analysis, generalization and description.

The results of the study allowed us to turn to the study of methods and mechanisms for solving some problems of the security of the educational environment. Depending on the possibility of solving the problem, all the negative factors affecting the education system, the author divides solvable problems (for example, the lack of teaching staff) and unsolvable problems (for example, the inability to prevent the impact of all threats to the security of the educational environment). In turn, depending on the subject solving the problem, it is possible to distinguish problems solved by state and municipal authorities (for example, insufficient and untimely inspections conducted in relation to educational organizations on issues of ensuring the safety of the educational process); problems solved by educational organizations and teachers (for example, the difficulty of obtaining additional professional education or advanced training by teachers working in remote territories); problems solved by the population (for example, legal illiteracy of the population). Mechanisms of their leveling are proposed for each of the highlighted types of problems.

Findings and conclusions: the author’s description and disclosure of ways to solve the problems of the security of the educational environment allows us to conclude that this work has scientific potential, which can be used by the relevant subjects involved in the development of state programs to ensure the security of the educational environment.

Keywords: education, security of the educational environment, countering threats, protection of the educational environment, legal regulation, national security, problems of criminological security.

For citation: Sidorova E. Z. O nekotoryh sposobah i mehanizmah reshenija problem bezopasnosti obrazovatel'noj sredy [About some methods and mechanisms for solving problems of security of the educational environment]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022, vol. no, 1 (100), pp. (in Russ.)

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.34.42.012

Проводимые нами ранее научные исследования были посвящены освещению основных проблем, препятствующих качественному и эффективному обеспечению безопасности системы образования в нашей стране. Глубокий анализ данных проблем поз-

волил составить общее представление о масштабности данных явлений. Рассматриваемые проблемы (или негативные факторы) автором разделены на несколько категорий в зависимости от того или иного критерия.

Так, в зависимости от возможности разрешения проблемы данные негативные факторы подразделяются на следующие виды:

1) разрешимые проблемы (например, недостаточность педагогических работников);

2) неразрешимые проблемы (например, невозможность предотвратить влияние всех угроз безопасности образовательной среды).

В свою очередь, в зависимости от субъекта, разрешающего возникшую проблему, можно выделить:

1) проблемы, разрешаемые государственными и муниципальными органами власти (например, недостаточность и несвоевременность проверок, проводимых в отношении образовательных организаций по вопросам обеспечения безопасности образовательного процесса);

2) проблемы, разрешаемые образовательными организациями и педагогами (например, труднодоступность получения дополнительного профессионального образования или повышения квалификации педагогами, работающими в отдаленных территориях);

3) проблемы, разрешаемые населением (например, правовая неграмотность населения).

В настоящей статье обратимся к вопросу о том, каким образом возможно разрешить данные проблемы, предложим соответствующую классификацию. Это, полагаем, будет способствовать выработке единой системы преодоления всех существующих проблем в области обеспечения безопасности образовательной среды, которых, как уже говорилось, существует немалое количество. Как справедливо отмечается в научной литературе, теоретическая и практическая значимость подобных исследований определяется тем, что полученные в процессе научной работы выводы расширяют и дополняют систему знаний о мерах обеспечения безопасности системы образования от негативных социальных явлений [1, с. 188].

На примере Иркутской области осветим некоторые из существующих способов снижения потенциала тех негативных факторов, которые влияют на безопасность сферы образования.

1. Решение «разрешимых» проблем безопасности образовательной среды.

В Иркутской области остро стоит проблема недостаточности педагогических работников. Органами государственной и муниципальной власти предпринимаются определенные меры по привлечению в сферу образования молодых специалистов и квалифицированных работников. Однако применяемых мер по-прежнему остается недостаточно. Отчасти это связано с тем, что среди подрастающего учащегося поколения проводится слабая профессиональная ориентационная работа. Осознанный выбор профессии существенно увеличивает производительность труда и уменьшает текучесть кадров. Выпуск-

ник, у которого сформирован необходимый набор компетенций профессионального самоопределения, готов к профессиональной мобильности в динамично меняющихся экономических условиях, в том числе и в наиболее сложных ситуациях, требующих от него организации самозанятости [2, с. 183]. Таким образом, развитие системы сопровождения профессионального самоопределения детей и молодежи будет способствовать повышению качества трудовых ресурсов Иркутской области и ее экономическому росту.

В этой связи Правительством Иркутской области принято постановление от 15 декабря 2014 г. № 648-пп «О совете по профессиональной ориентации». Основной задачей данного совета является содействие созданию эффективной региональной системы профессионального самоопределения и профессиональной ориентации школьников, молодежи и незанятого населения Иркутской области. Совет, в соответствии с возложенной на него задачей, осуществляет такие функции, как:

- 1) выработка общей стратегии в осуществлении профессиональной ориентации граждан и основных направлений ее проведения на территории Иркутской области;
- 2) рассмотрение и подготовка предложений по нормативному правовому регулированию в сфере профессиональной ориентации и занятости;
- 3) рассмотрение предложений и иных материалов по вопросам проведения профессиональной ориентации и совершенствования механизмов обеспечения занятости, поступившие от заинтересованных лиц;
- 4) осуществление подготовки предложений по улучшению реализации мероприятий в области профессиональной ориентации.

При качественно проведенной со школьниками профессиональной ориентационной работе будут выявлены именно те из них, кто действительно способен и хочет заниматься в будущем педагогической деятельностью, а значит, бюджетные средства, направленные на обучение будущих педагогов, не будут потрачены нецелевым образом и дадут положительный результат.

2. Решение «неразрешимых» проблем безопасности образовательной среды.

Невозможность нейтрализовать все существующие в образовательной среде негативные социальные явления, угрожающие ее безопасности, не свидетельствуют о том, что целесообразнее прекратить какие-либо попытки по их нивелированию. Наоборот, необходимо предпринимать все возможные меры по их профилактике и предупреждению и ориентироваться не на абсолютное их «уничтожение», а на максимально возможное снижение.

Не является исключением и профилактика преступности обучающихся. Полностью «искоренить» ее нельзя, но снизить ее показатели можно и нужно. Заниматься названной работой должны соответствующие специалисты. При этом согласно официальным статистическим данным ежегодно в нашей стране увеличивается потребность в работниках для замещения вакантных рабочих мест юристов, служащих органов государственной власти и управления и других специалистов в области права, в том числе

сотрудников правоохранительных органов и работников подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел (табл. 1)¹.

Таблица 1

Потребность в работниках для замещения вакантных рабочих мест специалистов в области права и социальной работы в Российской Федерации в 2016—2020 годах

Год	2016	2018	2020
Потребность в специалистах высшего уровня квалификации в области права для замещения вакантных рабочих мест, тыс. чел.	17,4	17,7	23,4
<i>темп прироста к предыдущему году, %</i>	-	+1,7	+32,2
Потребность в специалистах среднего уровня квалификации в области правовой, социальной работы для замещения вакантных рабочих мест, тыс. чел.	4,6	4,1	5,3
<i>темп прироста к предыдущему году, %</i>	-	-10,9	+29,3

Полученные данные свидетельствуют о необходимости привлечения в сферу профилактики противоправного поведения школьников и студентов соответствующих специалистов. В случае если этому направлению не будет уделено должное внимание, в нашей стране может сложиться неблагоприятная ситуация по острой нехватке соответствующих специалистов, осуществляющих квалифицированную профилактику молодежной преступности. О возможности такой ситуации свидетельствуют официальные статистические данные, согласно которым ежегодно в Центры временного содержания несовершеннолетних правонарушителей направляются около 13 тыс. подростков, в отделы внутренних дел — свыше 200 тыс. несовершеннолетних, в воспитательных колониях содержится более 1 тыс. молодых правонарушителей, а на учете в подразделениях по делам несовершеннолетних МВД России состоит около 500 подростков (табл. 2)².

¹ Официальная статистика «Трудовые ресурсы»: офиц. сайт Федер. службы гос. статистики [Электронный ресурс]. — URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 01.07.2021).

² Официальная статистика «Трудовые ресурсы»: офиц. сайт Федер. службы гос. статистики [Электронный ресурс]. — URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 01.07.2021).

Таблица 2

Количество несовершеннолетних правонарушителей, состоящих на учете
в различных государственных органах, в Российской Федерации
в 2009—2020 годах

Год	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2016	2018	2020
Количество несовершеннолетних, состоящих на учете в ПДН, тыс. чел.	831,2	756,6	667,1	596,1	552,7	527,8	516,6	497,2	469,3
<i>темпы прироста к предыдущему году, %</i>	-	-9,0	-11,8	-10,6	-7,4	-4,5	-2,1	-3,7	-5,6
Количество несовершеннолетних, направленных в Центры временного содержания несовершеннолетних правонарушителей, тыс. чел.	19,7	16,5	14,9	14,0	13,8	13,8	13,4	11,5	8,1
<i>темпы прироста к предыдущему году, %</i>	-	-16,2	-9,7	-6,0	-1,4	0	-2,9	-14,2	-29,6
Количество несовершеннолетних-правонарушителей, доставленных в ОВД, тыс. чел.	775,4	627,8	508,8	433,8	405,3	357,8	314,6	276,8	193,2
<i>темпы прироста к предыдущему году, %</i>	-	-19,0	-19,0	-14,7	-6,6	-11,9	-12,0	-12,1	-30,1
Количество лиц, содержащихся в воспитательных колониях, чел.	5 970	4 053	2 808	2 289	1 983	1 776	1 655	1 310	948
<i>темпы прироста к предыдущему году, %</i>	-	-32,1	-30,7	-18,5	-13,4	-10,4	-6,8	-20,8	-27,6

Колоссальные показатели девиантного поведения подростков, основную массу которых составляют именно школьники и студенты, заставляют задумываться о необходимости изменения подходов к предупреждению преступности среди обучающихся.

Теперь обратим внимание на направления и механизмы решения проблем безопасности образовательной среды в зависимости от субъекта, разрешающего проблему.

1. Решение проблем безопасности образовательной среды, которое реализуют государственные и муниципальные органы власти.

За государственными и муниципальными органами власти закреплено множество полномочий по урегулированию вопросов безопасности сферы образования. Вместе с тем властные структуры не всегда оперативно реагируют на ту или иную возникшую в системе образования проблему. Нередкой причиной этого является то, что чаще всего орган власти ориентируется на решение уже возникшей проблемы и предпринимает меры по устранению уже наступивших негативных последствий.

Однако нейтрализация негативных социальных явлений, угрожающих системе образования, должна строиться в первую очередь на превентивных мерах. В этой связи одним из действенных механизмов по предотвращению различного рода угроз, существующих в сфере образования, которые применяются государственными и муниципальными органами власти, является разработка методических рекомендаций и рекомендательных писем для образовательных организаций. Например, в сентябре 2016 г. в адрес муниципальных образовательных организаций в Иркутской области было направлено рекомендательное письмо, касающееся такой социальной проблемы, как совершение работниками образовательных организаций в отношении обучающихся преступлений, в том числе насильственной и сексуальной направленности. Учитывая актуальность данной проблемы и неединичность подобных случаев на практике, министерство образования Иркутской области обращает внимание муниципальных образовательных организаций на то, что при трудоустройстве работников в образовательные организации необходимо осуществлять проверку кандидатов на должность.

В докладе Уполномоченного по правам ребенка в Иркутской области по вопросам соблюдения прав ребенка в Иркутской области в 2015 г. отмечается, что «в июле 2015 года по инициативе УГИБДД ГУ совместно с министерством образования Иркутской области и Уполномоченным по правам ребенка в Иркутской области разработан совместный план мероприятий по профилактике детского дорожно-транспортного травматизма в Иркутской области на 2015—2016 учебный год. Документ направлен в муниципальные образования области. В настоящее время образовательные учреждения области организуют деятельность по профилактике ДДТТ в соответствии с вышеуказанным планом. В январе 2015 года УГИБДД ГУ направлено письмо в адрес министра образования Иркутской области о необходимости увеличения количества часов на проведение занятий с детьми по безопасности дорожного движения в образовательных организациях. Был получен ответ о том, что по рекомендации министерства образования Иркутской области в большинстве общеобразовательных учреждений организовано проведение внеурочных занятий по безопасности дорожного движения с учащимися 1—9 классов с периодичностью не менее одного часа в неделю»¹.

¹ О докладе Уполномоченного по правам ребенка в Иркутской области по вопросам соблюдения прав ребенка в Иркутской области в 2015 году: постановление Законодательного собрания Ирк. обл. от 18 мая 2016 г. № 38/33-ЗС // Областная. — 2016. — № 62.

2. Решение проблем безопасности образовательной среды, которое реализуют образовательные организации и педагоги.

В настоящее время в целях повышения квалификации педагоги вправе воспользоваться всеми возможными способами получения образования: дистанционно, на онлайн-семинарах, путем заочной формы обучения и т. д. Государством разрабатываются всевозможные механизмы, с помощью которых педагог сможет повысить свою квалификацию, расширить и углубить свои профессиональные знания.

Так, согласно Письму Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 13 ноября 2015 года № 07-3735 «О направлении методических рекомендаций» на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный психолого-педагогический университет» проводятся курсы повышения квалификации педагогов-психологов образовательных организаций по программе «Психологическая профилактика социальных рисков» в дистанционной форме¹.

В регионах нашей страны дистанционное повышение квалификации педагогических работников также имеет место и развивается. Например, на базе Государственного автономного учреждения дополнительного профессионального образования Иркутской области «Институт развития образования Иркутской области» с августа 2016 г. запущено дистанционное обучение педагогов по дополнительной профессиональной программе повышения квалификации «Тьюторское сопровождение образовательной инициативы обучающихся основной и старшей школы на занятиях в рамках реализации ФГОС». Ежегодно около 200 слушателей из разных регионов страны могут ознакомиться с особенностями индивидуализации образовательного процесса, научатся выстраивать образовательную среду в соответствии с ФГОС и освоят тьюторские инструменты для работы с индивидуальным запросом обучающихся. Курсы проходят в течение месяца и завершаются итоговой аттестацией на основании выполненных работ².

Важно отметить, что образовательными организациями может быть разработана и утверждена Программа по профилактике и устранению негативных социальных явлений, существующих в образовательной среде. Названная программа рассматривается как механизм комплексного предотвращения и нейтрализации различного рода угроз, существующих в системе образования. В качестве научного эксперимента на базе Государственного бюджетного профессионального образовательного учреждения Иркутской области «Иркутский техникум транспорта и строительства» была применена такая программа. Ее основные положения и ожидаемый социальный эффект от ее реализации раскрыты в работе автора [3, с. 346].

¹ О направлении методических рекомендаций: письмо Министерства образования и науки Рос. Федерации от 13 нояб. 2015 года № 07-3735 // Вестник образования. — 2016. — № 6.

² С 10 августа запущено дистанционное обучение педагогов: офиц. сайт ГАУДПО Иркутской области «Институт развития образования Иркутской области» [Электронный ресурс]. — URL: <https://iro38.ru> (дата обращения: 01.07.2021).

3. Решение проблем безопасности образовательной среды, которое реализует население.

В настоящее время в России в целом очень актуальной является проблема правовой безграмотности населения [4, с. 235]. Исключением не стала и Иркутская область, в том числе субъекты сферы образования: обучающиеся, не знающие своих прав, педагогические работники, не ознакомленные со своими обязанностями, управленческий персонал образовательной организации, нарушающий правила приема и увольнения сотрудников, и т. д.

Согласно статье 1 Конституции Российской Федерации, Россия является правовым государством¹. Правовое государство предполагает существование в стране нормативно-правовой системы, включающей в себя различные законы, подзаконные акты, правоустанавливающие документы и т. д. Государственными органами соблюдается обязанность по официальному опубликованию нормативно-правовых документов, гражданам дается время для ознакомления с ними. Однако основная часть российского населения не только не читает законов, но иногда даже не знает об их существовании. В этой связи огромная ответственность по ознакомлению с правовой базой страны, в том числе касающейся сферы образования, лежит на членах нашего общества. Каждый гражданин обязан если не интересоваться, то хотя бы знакомиться с вновь принятыми в государстве правовыми актами. С правовой безграмотностью следует бороться на ранних стадиях воспитания и обучения школьников и студентов. Молодежи следует со школьного и студенческого периодов закладывать знания о системе управления в городе, области, стране; о существующих и действующих государственных, региональных и муниципальных нормативно-правовых актах; о правовых возможностях и запретах, существующих в том числе в системе образования.

Кроме этого государством предпринимаются различные меры по снижению правовой безграмотности населения в образовательной сфере. Например, министерство образования Иркутской области в целях реализации Закона Иркутской области от 6 ноября 2012 г. № 105-ОЗ «Об обеспечении оказания юридической помощи в Иркутской области», в соответствии с пунктом 5 Порядка взаимодействия участников государственной системы бесплатной юридической помощи в Иркутской области при оказании бесплатной юридической помощи гражданам, утвержденного постановлением Правительства Иркутской области от 17 декабря 2012 г. № 707-пп, направляет ежеквартальный отчет Губернатору Иркутской области об оказании гражданам бесплатной юридической помощи. Основной тематикой обращений (вопросов, по которым обращаются граждане Российской Федерации) является оплата труда педагогических и иных работников образовательных организаций, расположенных на территории Иркутской области, увольнение работников, выплаты стимулирующего и компенсационного характера, продолжительность педагогического отпуска, учебная нагрузка, выплата стипендий и материальной помощи студентам техникумов, училищ и колледжей.

Подводя итог, следует отметить, что в настоящее время государство нуждается в разработке основных направлений и механизмов решения проблем обеспечения без-

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. // Рос. газ. — 1993. — № 237.

опасности системы образования [5, с. 29]. В связи с большим количеством таких проблем существует и большое количество направлений и механизмов их решения, что объясняет разработанную и предложенную в настоящей статье классификацию названных направлений и механизмов.

Автором освещены указанные механизмы (или способы) снижения потенциала негативных факторов, влияющих на безопасность образовательной среды, на примере Иркутской области. Вместе с тем, полагаем, региональный аспект не снижает научную значимость данного исследования, а наоборот, показывает, что каждую проблему безопасности образовательной среды необходимо разрешать исходя именно из региональных особенностей того или субъекта Российской Федерации. Необходимо учитывать не только общероссийские, но и региональные и даже муниципальные аспекты и тенденции, присутствующие в системе образования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Sidorova E. Z., Tarubarov V. V., Okruzhko V. Y., Vasiliev A. M., Pelevin S. I. Safety issues of the Russian educational system // *Journal of Advanced Research in Law and Economics*. — 2020. — Vol. 11. — № 1. — P. 187—195.
2. Бекирова М. И. Особенности профессионально ориентационной работы с выпускниками школ // *Образование и наука в России и за рубежом*. — 2019. — № 1 (49). — С. 183—187.
3. Сидорова Е. З. Криминалогический паспорт (криминалогическое досье) образовательной организации как специально-криминалогическая мера предупреждения преступности обучающихся // *Современный ученый*. — 2017. — № 6. — С. 346—349.
4. Старунов О. О. О важности правового воспитания личности для формирования демократического правового государства и гражданского общества // *Ростовский научный журнал*. — 2019. — № 1. — С. 235—243.
5. Зайцева Е. А. Развитие системы образования в условиях глобальной информатизации на фоне проблем информационной безопасности // *The scientific heritage*. — 2020. — № 43—4 (43). — С. 29—35.

REFERENCES

1. Sidorova E. Z., Tarubarov V. V., Okruzhko V. Y., Vasiliev A. M., Pelevin S. I. Safety issues of the Russian educational system // *Journal of Advanced Research in Law and Economics*. 2020, Vol. 11, no 1., pp. 187—195.
2. Bekirova M. I. Osobennosti professional'no orientacionnoj raboty s vypusknikami shkol [Features of professional orientation work with graduates of schools]. *Obrazovanie i nauka v Rossii i za rubezhom — Education and science in Russia and abroad*. 2019, no. 1 (49), pp. 183—187.
3. Sidorova E. Z. Kriminologicheskij pasport (kriminologicheskoe dos'e) obrazovatel'noj organizacii kak special'no-kriminologicheskaja mera preduprezhdenija prestupnosti obuchajushihhsja [Criminological passport (criminological dossier) of an educational organization as a special criminological measure for preventing student's crime]. *Sovremennyyj uchenyj — A modern scientist*. 2017, no. 6., pp. 346—349.
4. Starunov O. O. O vazhnosti pravovogo vospitaniya lichnosti dlja formirovaniya demokraticheskogo pravo-vogo gosudarstva i grazhdanskogo obshhestva [On the importance of legal education of the individual for the formation of a democratic rule of law state and civil society]. *Rostovskij nauchnyj zhurnal — Rostov Scientific journal*. 2019, no. 1., pp. 235—243.

5. Zaitseva E. A. Razvitie sistemy obrazovaniya v usloviyah global'noj informatizacii na fone problem informacionnoj bezopasnosti [Development of the education system in the conditions of global information on the background of information security issues]. The scientific heritage. 2020, no. 43—4 (43), pp. 29—35.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сидорова Екатерина Закариевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии. Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

ORCID: 0000-0002-3477-3816

ResearcherID: D-9048-2019

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sidorova Ekaterina Zakariyevna, Candidate of Law, associate professor of Department of Criminal Law and Criminology. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia. 110, Lermontov St, Irkutsk, Russia. 664074.

ORCID: 0000-0002-3477-3816

ResearcherID: D-9048-2019

Статья поступила в редакцию 02.07.2021; одобрена после рецензирования 09.07.2021; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted 02.07.2021; approved after reviewing 09.07.2021; accepted for publication 25.02.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 1 (100). С. 140—151.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022.
Vol. no.1 (100), p. 140—151.

**12.00.08. Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право**

Научная статья

УДК 343.773

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.35.15.013

**ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ УНИЧТОЖЕНИЯ ИЛИ ПОВРЕЖДЕНИЯ
ЛЕСНЫХ НАСАЖДЕНИЙ (СТ. 261 УК РФ)**

Светлана Владимировна Унжакова¹, Роман Алексеевич Забавко²

¹Восточно-Сибирский институт МВД России, unzhakova_sveta@mail.ru

²Юридический институт Иркутского государственного университета,
zrairk@gmail.com

Введение: проблема уголовно-правового противодействия уничтожению или повреждению лесных насаждений, совершаемых посредством поджогов или неосторожного обращения с огнем, является актуальной для отечественного уголовного права. Это обусловлено ростом количества пожаров, большинство из которых имеют техногенный характер, снижением количества возбуждённых уголовных дел и числа лиц, привлечённых к уголовной ответственности, что, по мнению авторов настоящей статьи, обусловлено рядом сложностей правовой оценки преступных деяний, а также отсутствием должной методики квалификации преступлений, предусмотренных ст. 261 Уголовного кодекса Российской Федерации. В статье на основе анализа действующего законодательства, материалов судебно-следственной практики, доктрины уголовного права рассмотрены особенности признаков состава преступления, предусмотренного ст. 261 Уголовного кодекса Российской Федерации, даны конкретные рекомендации по правовой оценке.

Материалы и методы: основу исследования составило законодательство Российской Федерации, научные исследования в области уголовно-правовой охраны лесов от пожаров. Методологической основой исследования выступил общий диалектический метод научного познания, а также методы логической дедукции, познавательные методы и приемы анализа, сравнения, обобщения и описания.

Результаты исследования позволили определить основные проблемы квалификации преступления, предусмотренного ст. 261 Уголовного кодекса Российской Федерации, сформулировать конкретные предложения по преодолению.

Выводы и заключения: сформулированы конкретные предложения по правовой оценке общественно опасного деяния, общественно опасных последствий уничтожения или повреждения лесных насаждений, которые способны значительно повысить каче-

ство уголовно-правовой охраны лесов и повысить эффективность правоохранительных органов в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: лесные насаждения, уголовная ответственность, ущерб, особенности квалификации, экологические преступления.

Для цитирования: Унжакова С. В., Забавко Р. А. Проблемы квалификации уничтожения или повреждения лесных насаждений (ст. 261 УК РФ) // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2022. — № 1 (100). — С. 140—151.

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.35.15.013

12.00.08. Criminal law and criminology; penal enforcement law

Original article

FEATURES OF QUALIFICATION OF DESTRUCTION OR DAMAGE OF FOREST PLANTATIONS (ART. 261 OF THE RUSSIAN CRIMINAL CODE)

Svetlana V. Unzhakova¹, Roman A. Zabavko²

¹East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation, unzhakova_sveta@mail.ru

²Law Institute of the Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, zrairk@gmail.com

Introduction: the problem of criminal law counteraction to the destruction or damage of forest plantations, committed through arson or careless handling of fire, is relevant for domestic criminal law. This is due to an increase in the number of fires, most of which are man-made, a decrease in the number of criminal cases initiated and the number of persons prosecuted, which, according to the authors, is due to a number of difficulties in the legal assessment of criminal acts, as well as the lack of a proper methodology for qualifying a crime under Art. 261 of the Criminal Code of the Russian Federation. In the article, based on the analysis of the current legislation, materials of judicial and investigative practice, the doctrine of criminal law, the features of the signs of a crime under Art. 261 of the Criminal Code of the Russian Federation, specific recommendations are given on legal assessment.

Materials and methods: the basis of the study was the legislation of the Russian Federation, scientific research in the field of criminal law protection of forests from fires. The methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific knowledge, as well as methods of logical deduction, cognitive methods and techniques of analysis, comparison, generalization and description.

The results of the study made it possible to identify the main problems of qualifying a crime under Art. 261 of the Criminal Code of the Russian Federation, to formulate specific proposals for overcoming.

Findings and conclusions: specific proposals have been formulated on the legal assessment of a socially dangerous act, socially dangerous consequences of the destruction

or damage of forest plantations, which can significantly improve the quality of criminal law protection of forests and increase the efficiency of law enforcement agencies in this area.

Keywords: forest plantations, criminal liability, damage, qualification features, environmental crimes.

For citation: Unzhakova S. V., Zabavko R. A. Problemy kvalifikacii unichtozhenija ili povrezhdenija lesnyh nasazhdenij (st. 261 UK RF) [Features of qualification of destruction or damage of forest plantations (art. 261 of the Russian Criminal Code)]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022, vol. no, 1 (100), pp. 140—151 (in Russ.).

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.35.15.013

Проблема лесных пожаров в последние годы является наиболее острой для Российской Федерации. Так, 2021 год стал рекордным по масштабам бедствия охваченных огнем лесных территорий — особый противопожарный режим вводился в 59 регионах, режим чрезвычайной ситуации — в шести¹. Несмотря на то, что сложная противопожарная обстановка обусловлена во многом изменившимися климатическими условиями и глобальным потеплением, большая часть возгораний в лесах обусловлена техногенными причинами.

Анализ судебной практики показывает, что к уголовной ответственности по ст. 261 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), в которой установлена ответственность, в том числе за поджог леса и неосторожное обращение с огнем в лесах, привлекаются в основном лица, которые были непосредственно застигнуты при совершении рассматриваемого преступления, и, соответственно, количество лиц, привлеченных к уголовной ответственности, остается низким. Так, в 2015 г. к ответственности привлечено 62 лица, в 2016 г. — 51, в 2017 г. — 41, в 2018 г. — 43, в 2019 г. — 46, в 2020 г. — 39 лиц. За первое полугодие 2021 года к уголовной ответственности по ст. 261 УК РФ привлечено 5 лиц². При рассмотрении судами уголовных дел анализируемой категории по существу возникает проблема доказывания виновности подсудимых в совершении инкриминируемых деяний [1, с. 35—38], в связи с чем динамика их раскрываемости низкая. Кроме этого лесные пожары в некоторых случаях являются способом сокрытия незаконных рубок лесных насаждений [2, с. 121—127]. Все это создает угрозу окружающей среде и уникальным природным территориям, в частности озеру Байкал [3, с. 33—39], и противоречит международно-правовым подходам к защите от бедствий [4, с. 19—31; 5, с. 28—40].

В этой связи все более актуальным становится вопрос социально-правового противодействия пожарам, в особенности посредством реализации уголовной ответственности за уничтожение или повреждение лесных насаждений. Знание уголовно-правовой

¹ 2021 год стал рекордным по площади пожаров // Отделение международной некоммерческой организации Greenpeace в России: официальный сайт [Электронный ресурс]. — URL: <https://greenpeace.ru/news/2021/08/16/2021-god-stal-rekordnym-po-ploshhadi-pozharov/> (дата обращения 21.12.2021).

² Данные судебной статистики [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде РФ: официальный сайт. URL=<http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения 21.12.2021).

характеристики исследуемого состава позволит следователю не только правильно квалифицировать деяние лица, четко прописать описательную часть постановления о возбуждении уголовного дела, но и позволит эффективно, в полном объеме проводить предварительное расследование. Поэтому правильная квалификация преступлений является необходимым условием их успешного расследования и раскрытия. Точная уголовно-правовая характеристика имеет принципиальное значение и для реализации гражданских исков по делам о нарушениях экологического законодательства, необходимой для экономического обеспечения процесса восстановления лесов [6, с. 269—278; 7, с. 293—301].

Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 442-ФЗ «О внесении изменений в Лесной кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» ст. 261 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность уничтожения или повреждение лесных насаждений, изложена в новой редакции. Вместе с тем в области правовой охраны лесов сохраняется неопределенность. Несмотря на то, что еще в декабре 2010 года ЛК РФ был существенно дополнен положениями об охране лесов от пожаров, до настоящего времени не принят ряд необходимых подзаконных правовых актов. В частности, не утверждены и правила тушения лесных пожаров. Серьезную проблему представляет неурегулированность вопроса лицензирования деятельности по тушению лесных пожаров.

На практике возникают вопросы, связанные с квалификацией исследуемых деяний, установлением ущерба, причиненного в результате преступлений указанной категории, обоснованности расчета ущерба, квалификация при неоконченной преступной деятельности, в соучастии, а также отграничение данного состава от смежных преступлений административных правонарушений.

Таким образом, требующим особо подхода является вопрос, связанный с квалификацией по ст. 261 УК РФ.

Уголовно-правовая характеристика преступлений, связанных с пожарами, за последние годы существенно изменилась. В УК РФ, введенном в 1996 г., были пересмотрены нормы, предусматривающие ответственность за совершение поджогов и нарушение правил пожарной безопасности. Изменились и подходы к правовой оценке обстоятельств, связанных с лесными пожарами, что отражено в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ) № 108 от 5 июня 2002 г.¹

Уголовно-правовая оценка действий виновных лиц зависит от ряда обстоятельств. За умышленное уничтожение или существенное повреждение лесных массивов путем поджога предусмотрена уголовная ответственность по ч.ч. 3—4 ст. 261 УК РФ. Неосторожное обращение с огнем или иными источниками повышенной опасности, в результате которого происходит уничтожение или повреждение лесных насаждений, квалифицируется по ч.ч. 1—2 ст. 261 УК РФ. Объективную сторону данного преступления составляют деяния, в результате которых уничтожается или существенно повреждается лесной массив. Преступление считается оконченным, если уничтожен или существенно поврежден лесной массив. Отметим, что законодатель указал на возможность уничтожения или повреждения лесных насаждений не только с помощью огня,

¹ О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного суда Рос. Федерации № 14 от 5 июня 2002 г. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

но и иных источников повышенной опасности, а также иным общеопасным способом или посредством загрязнения или иного негативного воздействия. Тем самым уголовная ответственность за лесные поджоги является частью ответственности за уничтожение или повреждение лесных насаждений. В рамках данной статьи рассмотрим те составы преступлений, в которых лесные насаждения уничтожаются или повреждаются именно посредством воздействия на них огнем.

Само общественно опасное деяние состоит в совершении действий (реже бездействия), в ходе которого возникает лесной пожар.

Центральной категорией рассматриваемого преступления является дефиниция «лесной пожар», под которым принято понимать стихийное распространение огня в лесу, в результате которого уничтожается или повреждается часть леса (лесной массив). Из данного определения следует, что основными признаками лесного пожара являются стихийность его возникновения и распространения; уничтожение или повреждение лесного массива. Не считается лесным пожаром применение огня при лесовосстановительных работах и для других целей, однако это положение верно лишь до тех пор, пока огонь не вышел из-под контроля.

Последствия лесного пожара, имеющие уголовно-правовое значение, могут выступать в виде уничтожения или повреждения лесов, а равно насаждений, не входящих в лесной фонд. Нарушение правил пожарной безопасности в лесах, не повлекшее за собой указанных последствий, наказывается в административном порядке, за исключением случаев, когда имело место приготовление или покушение на уничтожение или повреждение лесного массива.

Видовым объектом преступления в рассматриваемой статье выступают общественные отношения, обеспечивающие экологическую безопасность и экологический правопорядок, а непосредственным — общественные отношения, обеспечивающие сохранение конкретных лесных насаждений. Предметом данного преступления являются лесные насаждения, т. е. лесная и не входящая в лесной фонд растительность, лес как национальное достояние России, важные в хозяйственном, культурном и рекреационном отношении природные ресурсы.

Объективная сторона преступления выражается в совершении действий (реже бездействия), в результате которого происходит уничтожение или повреждение деревьев, кустарников и лиан, а также иной растительности, произрастающей на участке лесных насаждений или иной местности.

Закон не раскрывает содержание указанных в диспозиции рассматриваемой статьи дефиниций. Более того, термины «уничтожение» и «повреждение» рассматриваются и как общественно опасное деяние, и как общественно опасные последствия. Рассмотрим их более подробно.

Уничтожение и повреждение лесных насаждений как процесс представляет собой совершение действий (бездействия), состоящих в причинении вреда деревьям, кустарникам, лианам и иной растительности лесов, а также почвам, водам и другим элементам экосистемы лесных насаждений. Это может быть, например, нарушение коры стволов деревьев и кустарников, распыление химических веществ, привнесение их в почву или в воды и т. д. Наиболее характерным способом повреждения и уничтожения лесных насаждений является воздействие на них огнем.

Повреждение лесных насаждений включает в себя случаи частичного сгорания насаждений, деградацию их на определенных участках леса до степени прекращения ро-

ста, заражение болезнями или вредными организмами и т. д. Вместе с тем повреждение лесных насаждений следует разграничивать с их незаконной рубкой. Так, в диспозиции ст. 260 УК РФ сказано, что незаконная рубка лесных насаждений может быть совершена посредством повреждения дерева, кустарника или лианы до степени прекращения их роста. Пункт 17 постановления Пленума ВС РФ от 18 октября 2012 года № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» предусматривает, что к таким повреждениям «относятся такие повреждения, которые необратимо нарушают способность насаждений к продолжению роста (например, слом ствола дерева, ошмыг кроны, обдир коры)». Разница между преступлениями, предусмотренными ст. 260 и 261 УК РФ, состоит в том, что в первом случае воздействие происходит на конкретное дерево, кустарник или лиану, а во втором — на весь участок лесных насаждений.

Закон устанавливает имеющие значение для квалификации способы и средства совершения указанных общественно опасных деяний. Уничтожение или повреждение лесных насаждений по неосторожности может быть совершено посредством неосторожного обращения с огнем или источниками повышенной опасности. Неосторожное обращение с огнем включает в себя разведение костров, оставление горящих или тлеющих предметов. Источники повышенной опасности также могут вызвать возгорание. В частности, это может быть использование транспортного средства, оснащенного двигателем внутреннего сгорания без исправной системы отвода отработанных газов, использование источников обогрева временных жилищ при работе в лесу, нарушение правил безопасности при проведении строительных или ремонтных работ, связанных с использованием огня, возведение линий электропередач с нарушением технических нормативов и стандартов, в результате чего может возникнуть короткое замыкание, и т. д.

Поджог как способ совершения умышленного уничтожения или повреждения лесных насаждений представляет собой воспламенение деревьев, кустарников и лиан, а также и иной лесной растительности или предметов, находящихся в лесу или в непосредственной близости с ним. Поджог может быть совершен как посредством использования открытого огня, так и с помощью иных предметов, устройств, механизмов или приспособлений (например, выстрел в лесной массив в сухую погоду из оружия трассирующей пулей).

Уничтожение как последствие представляет собой причинение деревьям, кустарникам и лианам конкретного участка лесных насаждений (или иных участков местности) таких повреждений, которые полностью прекращают их рост и вызывают их гибель, т. е. полное сгорание или усыхание.

Указанные деяния должны находиться в прямой причинной следственной связи с наступившими общественно опасными последствиями в виде уничтожения или повреждения лесных насаждений. Так, оставление непогашенного костра, не ставшего причиной пожара, состава преступлений, предусмотренного ст. 261 УК РФ, не образует.

Тем самым состав преступления по конструкции объективной стороны — материальный.

Субъектом преступления является любое вменяемое лицо, достигшее к моменту совершения преступления 16 лет.

Субъективная сторона рассматриваемого преступления — умысел (при поджоге) или неосторожность (при неосторожном обращении с огнем).

Как правило, поджог совершается при наличии прямого **умысла**. Вместе с тем возможен и косвенный умысел, когда лицо не желает, но сознательно допускает возникновение пожара или сознательно его допускает.

Отсутствие обязанностей и возможности предвидения лицом вредных последствий исключает вину данного лица. В этом случае, независимо от наступивших последствий, лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности. Так, например, лицо не могло предвидеть возникновение пожара, когда в развитие причинно-следственной связи вмешиваются посторонние силы, а само оно не нарушало никаких требований, мер предосторожности [8, С. 14]. Вместе с тем следует помнить, что правила нахождения в лесу предусматривают обязанность каждого бережно относиться к природе, исключать возникновение пожара.

При расследовании любых преступлений, связанных с пожарами, факторы времени учитываются при доказательстве причинно-следственной связи между действиями подозреваемого и наступившим пожаром. Это необходимо даже в тех случаях, когда временной интервал между действиями подозреваемого и началом пожара невелик, а подозреваемый задержан фактически на месте преступления. Для этого исследуются различные моменты времени, динамика пожара, устанавливается последовательность событий. Установление временных характеристик необходимо также при исследовании условий, способствовавших распространению пожара и наступлению тяжких последствий.

Неосторожное уничтожение или повреждение лесов в результате пожара характеризуется тем, что виновный, обращаясь с огнем или иными источниками повышенной опасности, рассчитывает на какие-либо обстоятельства, которые, по его мнению, могут предотвратить наступление вредных последствий. При этом нужно оценивать реальность тех обстоятельств, на которые рассчитывал виновный. Если они реальны и при других условиях способны предотвратить развитие пожара, то тогда преступное деяние следует квалифицировать как неосторожное. Есть и иной вариант — небрежность — при котором виновный не осознает, но в силу определенных обстоятельств (служебное положение, обладание источниками повышенной опасности и т. д.) должен и может их осознавать и предвидеть.

Ответственность за уничтожение или повреждение леса не исчерпывается только нормой об ответственности за уничтожение или повреждение леса путем поджога, в результате неосторожного обращения с огнем или источниками повышенной опасности. Лица, в том числе и должностные, виновные в несоблюдении Правил пожарной безопасности в лесах Российской Федерации, если это повлекло по неосторожности причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью человека, его смерть или иные тяжкие последствия (к тяжкими последствиями наступившим в результате лесного пожара относятся оставление людей без жилья и средств к существованию, длительная приостановка и дезорганизация работы предприятия, организации и т. п., а также причинение крупного ущерба), подлежат уголовной ответственности за нарушение правил пожарной безопасности. Это прямо вытекает из Правил пожарной безопасности в лесах Российской Федерации, утвержденных постановлением Совета Министров — Правительством Российской Федерации от 9 сентября 1993 года № 886 (в ред. постановления Правительства Российской Федерации от 27 декабря 1994 года № 1428). В ст. 2 прямо указывается: «Ответственность за нарушение требований пожарной безопасности в лесах несут должностные лица, осуществляющие руководство работами на отдельных участках лесного

фонда или объектах, либо лица, ответственные за проведение культурно-массовых и других мероприятий в лесу, а также юридические лица и граждане, обладающие правом на осуществление пользования лесным фондом». Указанные правила являются обязательными для всех предприятий, организаций, учреждений, других юридических лиц и граждан. Аналогичное требование по соблюдению Правил пожарной безопасности в лесах содержится и в ст. 86 Лесного кодекса Российской Федерации, где указано на то, что граждане обязаны соблюдать правила пожарной безопасности в лесах, а также другие требования законодательства Российской Федерации. Согласно ст. 25 Лесного кодекса Российской Федерации «Лесопользователи осуществляют права пользования участками лесного фонда и права пользования участками лесов, не входящих в лесной фонд, свободно, если это не ухудшает состояние лесов и земель лесного фонда, не наносит вред окружающей природной среде, а также не нарушает права и законные интересы других лиц». Лесопользователями признаются граждане и юридические лица, которым предоставлены права пользования участками лесного фонда и права пользования участками лесов, не входящих в лесной фонд.

Кроме того, уголовная ответственность за лесной пожар может наступать и при халатности (ст. 293 УК РФ). В практике нередко встречаются случаи, когда в данных о возникновении лесного пожара признаки преступления не усматриваются. Между тем обстоятельства, при которых стало возможным распространение огня в лесу, указывают на такие признаки. Например, лес загорелся от удара молнии или в результате неосторожного обращения с огнем несовершеннолетних, но дальнейшее развитие пожара явилось следствием бездействия лиц, в чью обязанность входит организация его тушения. Или должностное лицо, под чьим руководством производилось тушение лесного пожара, не довело до конца его тушение, не обеспечило охрану места, где был потушен пожар, в связи с чем пожар вновь возобновился и распространился за пределы площади, в которой он был локализован. Поэтому при проверке материалов необходимо обязательно устанавливать сведения о принятых мерах. Такие сведения содержатся в протоколе о лесном пожаре (когда возник пожар, когда и кем обнаружен, когда приступили к его тушению, какие силы и средства при этом применялись, как было организовано его охрана). Если будет установлен факт несвоевременной или ненадлежащей организации тушения пожара, то в таком случае может идти речь о привлечении подобного лица к уголовной ответственности за халатность.

В случаях, если лицо, уничтожая или повреждая лес, имело цель подрыва экономической системы государства, содеянное квалифицируется по ст. 281 УК РФ, как диверсия.

В случае, если в результате лесного пожара будет допущено загрязнение атмосферы вредными продуктами сгорания, преступление необходимо квалифицировать по ст. 251 и 261 УК РФ по совокупности, т. к. одним деянием совершаются два самостоятельных преступления. В данном случае для решения вопроса о возбуждении уголовного дела по ст. 251 УК РФ необходимо зафиксировать величины концентраций вредных веществ в атмосфере, превышающие нормативы качества или уровни их естественного содержания.

Для отграничения преступлений, предусмотренных ст. 261 УК РФ, от смежных административных правонарушений, следует учитывать доктринальные положения учения о понятии и признаках преступлений. Так, в соответствии со ст. 14 УК РФ преступлением признается только виновно совершенное общественно опасное деяние, запре-

щенное УК РФ под угрозой наказания. При этом не является преступлением деяние, хотя формально и содержащее признаки преступления, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности. В таком случае речь может идти о привлечении виновного к другим формам ответственности. Однако следует помнить о том, что, если умысел виновного был направлен на причинение значительного вреда, но по независящим от него обстоятельствам, реально вред был причинен минимальный, то деяние не может быть признано малозначительным. В данном случае уместным рассмотреть одну из ошибок, часто встречающуюся при расследовании уголовных дел о лесных пожарах. Так, следователи и дознаватели при осуществлении расследования уголовных дел этого вида, как правило, принимают во внимание лишь денежное выражение ущерба, причиненного лесу пожаром и не учитывают другие обстоятельства. Так, если за основу вреда, причиненного лесным пожаром, брать только размер ущерба, причиненного конкретному лесному хозяйству или смежным отраслям, тем более, что действующие в настоящее время таксы на древесину на корню не всегда отражают действительную ценность уничтоженной или поврежденной растительности, и не брать в расчет ущерб, причиненный непосредственно лесу с учетом его основного целевого назначения, преобладания тех или иных пород деревьев, удаленности от населенных пунктов и других факторов, то следствием этого явится значительное количество принятых решений об отказах в возбуждении уголовных дел или прекращение уже возбужденных по основанию малозначительности, что сведет на нет эффективное применение уголовно-правовых норм в борьбе с лесными пожарами [9, с. 66; 10, с. 86].

Определенные трудности при квалификации преступлений, связанных с лесными пожарами, как показывает практика, возникают в связи с нечетким уяснением, что же следует понимать под понятием «лес».

Обязательный признак состава преступления, предусмотренного ст. 261 УК РФ, — наступление определенных последствий в виде уничтожения либо повреждения лесных насаждений. Это означает, что в ходе производства по уголовному делу необходимо устанавливать точное количество таких насаждений, их индивидуальные особенности и сумму ущерба, непосредственно причиненного действиями обвиняемых. Практика показала, что на этапе установления количества таких насаждений и этой суммы также возникают проблемы [1, с. 37].

Как следует из положений ч. 1 ст. 261 УК РФ, к уголовной ответственности привлекается лицо за уничтожение или повреждение *лесных* насаждений и иных насаждений в результате неосторожного обращения с огнем или иными источниками повышенной опасности. Согласно примечания к статье 261 УК РФ, крупным ущербом признается ущерб, если стоимость уничтоженных или поврежденных *лесных* насаждений и иных насаждений, исчисленная по утвержденным Правительством Российской Федерации таксам и методике, превышает пятьдесят тысяч рублей, т. е. ущерб определяется подзаконным нормативным актом.

К делам должны быть приобщены надлежащим образом оформленные и заверенные справки о причиненном ущербе, либо об отсутствии потерь древесины и отсутствии ущерба с приведением конкретных расчетов, используемой методики, данных о специалисте, произведшим расчет и обязательным приобщением должностной инструкции данного лица, имеющего такие полномочия.

Так, расчет суммы ущерба лесному фонду производится, как правило, должностными лицами лесничеств, на территории которых произошло возгорание леса, согласно

методике и таксам, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации № 1730 «Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства».

При расчете ущерба не учитывается конкретное количество лесных насаждений, уничтоженных либо поврежденных огнем, учитывается только общая площадь возгорания, в том числе и та, на которой какие-либо насаждения вообще не произрастают, а просто относится к лесным участкам в соответствии с лесным законодательством Российской Федерации.

Кроме того, в соответствии с п. 3 приложения № 4 к указанному правительственному постановлению для определения объема уничтоженных, поврежденных деревьев, кустарников и лиан на площади более 1 гектара используются материалы лесоустройства.

Фактически на практике эта норма позволяет работникам лесничеств производить расчет ущерба без выезда на место пожара, т. е. без учета конкретных особенностей этого места, в том числе количества лесных насаждений, плотности их произрастания, породного состава [1, с. 38].

Недостатком этой методики является и то, что она применяется одинаково как при незаконных рубках, так и при лесных пожарах, а также иных видах уничтожения либо повреждения лесного массива, без учета конкретных особенностей механизма уничтожения и повреждения насаждений.

Таким образом, зачастую при расследовании уголовных дел анализируемой категории, во-первых, невозможно установить, имело ли вообще место повреждение либо уничтожение лесных насаждений, во-вторых, если все-таки деревья пострадали, не всегда удастся установить точное их количество и рассчитать ущерб, причиненный действиями обвиняемого. Как следствие, это неизбежно влечет трудности при составлении постановления о привлечении в качестве обвиняемого и предъявлении к обвиняемому исковых требований о возмещении вреда, причиненного преступлением [1, с. 37]. Анализ уголовных дел, возбужденных по ст. 261 УК РФ, показывает, что при производстве по уголовным делам данной категории часто допускаются ошибки при расчете ущерба.

Согласно п. 14 постановления Пленума ВС РФ от 5 июня 2002 № 14 «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем», вред, причиненный *пожарами* личности и имуществу гражданина либо юридического лица, подлежит возмещению по правилам, изложенным в статье 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), в полном объеме лицом, причинившим вред. При этом необходимо исходить из того, что возмещению подлежит стоимость уничтоженного огнем имущества, расходы по восстановлению или исправлению поврежденного в результате *пожара* или при его тушении имущества, а также иные вызванные *пожаром* убытки (пункт 2 статьи 15 ГК РФ).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тугутов Б. А. Поддержание государственного обвинения по уголовным делам о лесных пожарах / Б. А. Тугутов // Законность. — 2012. — № 6. — С. 35—38.
2. Фиськов И. А. Состояние и динамика преступлений, связанных с незаконным использованием лесов // Аграрное и земельное право. — 2019. — № 3 (171). — С. 121—127.

3. Колобов Р. Ю. Байкал как объект всемирного наследия: история и современность // Пролог: журнал о праве. — № 3. — 2018. — С. 33—39.
4. Лисаускайте В. В. Цели устойчивого развития ООН и международная защита от бедствий: взаимосвязь и реализация // Международное право. — 2020. — № 3. — С. 19—31.
5. Лисаускайте В. В. ООН и реагирование на бедствия: особенности становления механизма и его отдельные элементы // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. — 2019. — № 2. — С. 28—40.
6. Дицевич Я. Б. Анализ судебной практики в сфере охраны окружающей среды в Байкальском регионе / Я. Б. Дицевич, Е. Д. Макрицкая // Вопросы российского и международного права. — 2019. — Т. 9. — № 1В. — С. 269—278.
7. Шорников Д. В. Байкал как объект правовой охраны: задачи и возможности взаимодействия университетской науки и прокурорского надзора / Д. В. Шорников, Я. Б. Дицевич // Вопр. рос. и междунар. права. — 2018. — Т. 8. — № 2В. — С. 293—301.
8. Расследование преступлений, связанных с нарушением правил пожарной безопасности: метод. рек. — М.: ВНИИПО, 2002. — 101 с.
9. Гармышев Я. В., Пузикова А. В. Криминологическая характеристика объекта правовой охраны атмосферы от загрязнения лесными пожарами // Сибирский юридический вестник. — 2020. — № 2 (89). — С. 61—66.
10. Бельков В. А. Тактические аспекты деятельности адвоката при оказании юридической помощи по уголовным делам, связанным с незаконной рубкой лесных насаждений // Сибирский юридический вестник. — 2020. — № 1 — (88). — С. 86—90.

REFERENCES

1. Tugutov B. A. Podderzhanie gosudarstvennogo obvinenija po ugolovnym delam o le-snyh pozharah [Maintaining the state prosecution in criminal cases on forest fires]. *Zakonnost' — Legality*. 2012, no. 6, pp. 35—38.
2. Fiskov I. A. Sostojanie i dinamika prestuplenij, svjazannyh s nezakonnym ispol'zo-vaniem lesov [Status and dynamics of crimes related to the illegal use of forests]. *Ag-rarnoe i ze-mel'noe pravo — Agrarian and land law*. 2019, no. 3 (171), pp. 121—127.
3. Kolobov R. Yu. Bajkal kak ob#ekt vsemirnogo nasledija: istorija i sovremennost' [Baikal as a World Heritage Site: History and Modernity]. *Prolog: zhurnal o prave — Prologue: Journal of Law*. 2018, no. 3, pp. 33—39.
4. Lisauskaite V. V. Celi ustojchivogo razvitija OON i mezhdunarodnaja zashhita ot bed-stvij: vzaimosvjaz' i realizacija [The UN Sustainable Development Goals and International Disaster Protection: Relationship and Implementation]. *Mezhdunarodnoe pravo — International law*. 2020, no. 3, pp. 19—31.
5. Lisauskaite V. V. OON i reagirovanie na bedstvija: osobennosti stanovlenija mehanizma i ego otdel'nye jelementy [UN and disaster response: features of the formation of the mechanism and its individual elements]. *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizacii — International Law and International Organizations*. 2019, no. 2, pp. 28—40.
6. Ditsevich Ya. B., Makritskaya E. D. Analiz sudebnoj praktiki v sfere ohrany okruzha-jushhej sredy v Bajkal'skom regione [Analysis of judicial practice in the field of environmen-tal protection in the Baikal region]. *Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava — Issues of Russian and international law*. 2019, Vol. 9, no. 1В, pp. 269—278.
7. Shornikov D. V. Bajkal kak ob#ekt pravovoj ohrany: zadachi i vozmozhnosti vzai-modejstvija universitet-skoj nauki i prokurorskogo nadzora [Baikal as an object of legal protection: tasks and possibilities of interaction between university science and prosecutorial supervision]. *Vo-*

prosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava — Questions of Russian and international law. 2018, Vol. 8, no. 2B, pp. 293—301.

8. Rassledovanie prestuplenij, svjazannyh s narusheniem pravil pozharnoj bezopasnosti: me-tod. rek. [Investigation of crimes related to violation of fire safety rules: Guidelines]. — М.: VNIPO, 2002. — 101 p.

9. Garmyshev Ya. V., Puzikova A. V. Kriminologicheskaja harakteristika ob#ekta pravovoj ohrany atmosfery ot zagrjaznenija lesnymi pozharami [Criminological characteristics of the object of legal protection of the atmosphere from pollution by forest fires]. *Sibirskij juridicheskij vestnik — Siberian Law Herald*. 2020, no. 2 (89), pp. 61—66.

10. Belkov V. A. Takticheskie aspekty dejatel'nosti advokata pri okazanii juridicheskoy pomoshhi po ugovol'nym delam, svjazannym s nezakonnoj rubkoj lesnyh nasazhdenij [Tactical Aspects of the Lawyer's Activities in Providing Legal Assistance in Criminal Cases Related to Illegal Logging]. *Sibirskij juridicheskij vestnik — Siberian Law Herald*. 2020, no. 1 (88), pp. 86—90.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Унжакова Светлана Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики. Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.
ORCID: 0000-0001-8909-6456

Забавко Роман Алексеевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права. Юридический институт, Иркутский государственный университет, 664003, Россия, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1.
ORCID: 0000-0003-1613-9317

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Unzhakova Svetlana Vladimirovna, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminalistics. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia. 110, Lermontov St, Irkutsk, Russia. 664074.
ORCID: 0000-0001-8909-6456

Zabavko Roman Alekseevich, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law. Law Institute, Irkutsk State University. 1, K. Marx st., Irkutsk, Russia, 664003.
ORCID: 0000-0003-1613-9317

Статья поступила в редакцию 01.09.2021; одобрена после рецензирования 08.09.2021; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted 01.09.2021; approved after reviewing 08.09.2021; accepted for publication 25.02.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 1 (100). С. 152—162.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022.
Vol. no. 1 (100), p. 152—162.

12.00.09. Уголовный процесс

Научная статья

УДК: 343.1

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.45.26.014

СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ТРЕБОВАНИЕ К РЕШЕНИЮ О ПРИМЕНЕНИИ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ

Елизавета Юрьевна Замуруева

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, г. Орел,
Российская Федерация, kibalina1456@yandex.ru

Введение: в статье рассматривается справедливость, как требование, которое должно применяться не только к судебным, но и к иным процессуальным решениям, в том числе об избрании меры пресечения. Автор анализирует справедливость в материально-правовом смысле, делая акцент на том, что все решения дознавателя, следователя и суда при применении обеспечительных мер должны быть основаны на стремлении восстановления баланса интересов виновного и потерпевшего. Именно при избрании мер пресечения справедливость является критерием, позволяющим отличить право от произвола.

Материалы и методы: при проведении исследования были проанализированы нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, международные правовые акты, решения Европейского суда по правам человека и Конституционного Суда Российской Федерации, постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» от 19 декабря 2013 г. № 41, а также изучены мнения ученых и правоприменителей по вопросу о целесообразности включения категории «справедливость» в уголовный процесс. Методами исследования послужили общий диалектический метод научного познания, а также сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования: проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что справедливость при принятии решения о применении меры пресечения должна оцениваться не только исходя из точного определения квалификации преступления, но и при учете обстоятельств уголовного дела, связанных с личностью подозреваемого, обвиняемого, анализа действий преследуемых лиц, предшествующих преступному посягательству, а также их посткриминального поведения.

Выводы и заключения: меры пресечения существенно ограничивают право на свободу и неприкосновенность личности. Избирая меру обеспечения уголовного процесса, должностные лица останавливаются перед выбором той из них, которая будет не только эффективно выполнять пресекательную функцию, но и быть соразмерной совершенному деянию и личности преследуемого, т. е. законно и справедливо ограничивать права и свободы подозреваемого, обвиняемого.

Ключевые слова: меры пресечения, требование справедливости, материально-правовая справедливость, соразмерность, выбор, альтернатива, экономия процессуального принуждения.

Для цитирования: Замуруева Е. Ю. Справедливость как требование к решению о применении мер пресечения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2022. — № 1 (100) — С. 152—162.
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.45.26.014

12.00.09. Criminal proceeding

Original article

FAIRNESS AS A REQUIREMENT TO THE DECISION ON THE APPLICATION OF PRECAUTIONARY MEASURES

Elizaveta Yu. Zamurueva

Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanova, Orel, Russian Federation, kibalina1456@yandex.ru

Introduction: the article examines justice as a requirement that should be applied not only to court decisions, but also to other procedural decisions, including the choice of a preventive measure. The author analyzes justice in the substantive sense, emphasizing that all decisions of the inquiry officer, investigator and court when applying interim measures should be based on the desire to restore the balance of interests of the guilty person and the victim. It is in the selection of preventive measures that justice is the criterion that distinguishes law from arbitrariness.

Materials and methods: during the study, the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, international legal acts, decisions of the European Court of Human Rights and the Constitutional Court of the Russian Federation, the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation «On the practice of applying by courts legislation on preventive measures in the form of detention, house arrest, pledge and prohibition of certain actions» dated December 19, 2013 № 41, as well as the opinions of scientists and law enforcement officials on the advisability of including the category «justice» in the criminal process were studied. The research methods were the general dialectical method of scientific knowledge, as well as comparison, analysis, generalization and description.

The results of the study: the study made it possible to conclude that the fairness when deciding on the application of a preventive measure should be assessed not only on the basis of an accurate definition of the qualification of the crime, but also taking into account the circumstances of the criminal case related to the personality of the suspect, the accused, analysis of the actions of the persecuted persons, preceding criminal encroachment, as well as their post-criminal behavior.

Findings and conclusions: preventive measures significantly limit the right to liberty and security of the person. Choosing a measure to ensure the criminal process, officials stop before choosing the one that will not only effectively perform a suppression function, but also be

proportionate to the committed act and the personality of the victim, i.e. to legally and fairly restrict the rights and freedoms of the suspect, the accused.

Keywords: preventive measures, requirement of justice, substantive justice, proportionality, choice, alternative, economy of procedural compulsion.

For citation: Zamurueva E. Yu. Spravedlivost' kak trebovanie k resheniju o primenении мер пресечения [Fairness as a requirement for the decision on the application of precautionary measures]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022, vol. no, 1 (100) pp. 152—162 (in Russ.)

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.45.26.014

В ст. 7 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) содержатся критерии, которым должны соответствовать принимаемые в уголовном процессе постановления и определения, — законность, обоснованность и мотивированность. Все они относятся и к решениям об избрании¹ меры пресечения.

Законность применения меры пресечения означает соблюдение правоприменителем всех положений нормативных правовых актов, регулирующих этот процессуальный институт. Избранная обеспечительная мера считается законной, если весь комплекс условий, оснований, порядок ее применения, форма и содержание постановления (определения) органов, компетентных принимать данное решение, соответствуют предписаниям уголовного и уголовно-процессуального права.

С законностью тесно связаны и другие требования, в частности «обоснованности». В словаре русского языка под обоснованностью понимается то, что подтверждено фактами, серьезными доводами [1, с. 435]. Эта идея реализуется посредством обязательного указания в соответствующем постановлении (определении) установленных в процессе доказывания оснований избрания мер пресечения, которые являются центральным элементом при принятии решения.

Кроме этого процессуальный акт должен быть мотивированным, т. е. объяснять причины принятия решения, благодаря указанию на побудившие к выбору обстоятельства [2, с. 53—61]. Если перечисление доказательств является признаком обоснованности, то признаком мотивированности остается качество логической связи перечня оснований с общим выводом. Если умозаключения не записаны в акте, то он не будет мотивированным, а значит, не будет соответствовать ст. 7 УПК РФ [3, с. 8].

Вместе с тем еще древнегреческий философ Аристотель уделял большое внимание тому, что все юридические нормы имеют общий характер, тогда как обстоятельства каждого конкретного дела индивидуальны. Мыслитель античного мира пришел к выводу о том, что ни человеческая проницательность, ни наука не могут заранее установить нормы, которые будут подходить ко всем ситуациям, происходящим в будущем. Поэто-

¹ УПК РФ разграничивает понятия «избрание меры пресечения» и «применение меры пресечения» (п. 13 и п. 29 ст. 5). Представляется, что законодательное закрепление данных категорий требует корректировки. В нашем понимании, основанном на общей теории права, применение — это деятельность, которая включает все решения и действия по избранию, изменению, отмене меры пресечения и продлению ее сроков. По этой причине в данной статье термины «избрание» и «применение» используется как синонимы для исключения тавтологии.

му, по его мнению, право должно быть дополнено справедливостью, чтобы помогать принимать решения, имеющие расхождения с формальным правом [4, с. 131].

В русском языке слову «справедливость» придается значение, как «соответствующая действительному положению, объективное отношение к кому-то, чему-то» [1, с. 747]. С точки зрения этического понимания (в числе прочих значений) справедливость — это соотношение деяния и воздаяния (преступления и наказания) [5, с. 333]. В философии «справедливость» — это нравственно санкционированная соразмерность в распределении выгод и тягот между людьми [6, с. 349].

Несмотря на то, что справедливость изучается (разрабатывается) философскими дисциплинами, она имеет существенное правовое значение.

Стоит отметить, что в науке уголовного процесса встречаются различные подходы к трактовке данной категории. Ряд ученых относит справедливость к принципу уголовного судопроизводства.

Например, А. П. Гуляев отмечал, что «одним из существенных недостатков системы принципов уголовного процесса является отсутствие в ней принципа справедливости как общего нравственного требования к уголовно-процессуальной деятельности, в том числе отдельным действиям и решениям» [7, с. 6]. Уважаемый ученый аргументированно доказывал «необходимость включения в УПК РФ требования (идеи) справедливости в качестве принципа уголовного процесса, сопряженного с принципом законности в одной статье с названием „Законность и справедливость уголовно-процессуальной деятельности“» [7, с. 7].

Несомненно, справедливость и законность связаны между собой. Однако знак равенства между этими понятиями поставить нельзя. Ведь справедливости присущи свои особенности, отвечающие целям уголовного процесса [8, с. 21—22].

О. В. Гладышева утверждает, что «справедливость является конструктивной целью уголовного судопроизводства, выполняет функцию системообразующего фактора, в соответствии с содержанием которого формируется вся система уголовно-процессуального регулирования, начиная с совокупности принципов, а также осуществляется процесс правоприменения» [9, с. 25].

Следует упомянуть, что справедливость можно рассматривать с позиции материально-правового и процессуального подходов. Еще П. А. Лупинская писала о том, что справедливость содержит в себе совокупность правовых и нравственных требований. Она должна определять «все производство по делу, поведение лиц, ведущих судопроизводство, содержание и форму принимаемых решений» [10, с. 77—78]. В данном случае ею была обозначена процессуальная, процедурная сторона справедливости.

Процедурная справедливость учитывает весь механизм производства по уголовному делу. Она оценивается по порядку процессуальной деятельности, по соблюдению установленных правил уголовного процесса. Правильно или нет разрешено дело, для такой справедливости не имеет значения. Итоговое решение в этом случае уходит на второй план.

Процессуальный аспект справедливости раскрывается в международных правовых актах, которые посвящены правам человека и средствам их защиты.

Эти положения отражены в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, ст. 6 которой так и называется: «Право на справедливое судебное

разбирательство»¹. Более подробно процедурный аспект справедливости судебного разбирательства раскрыт в положениях ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах². Приоритет отдается неуклонному соблюдению уголовно-процессуальных процедур. В своих решениях Европейский суд по правам человека (далее — ЕСПЧ), оценивая справедливость, не предполагает исследования отдельно взятых процессуальных решений и действий. Позиция ЕСПЧ основана на том, что практически любую неточность можно исправить на последующих этапах процедуры [11, с. 72].

Напротив, материально-правовой подход к пониманию справедливости предполагает рассмотрение этого понятия в диалектическом отношении «цель — результат» [12, с. 274]. При таком аспекте на первое место ставится результат процессуальной деятельности, где итогом разрешения дела является должное уголовно-правовое воздействие, которое обязан претерпевать преступник.

С точки зрения материально-правового подхода большей частью справедливость применяется к результату разрешения уголовного дела по существу [13, с. 104]. В этом значении данный термин употребляется в УПК РФ к приговору, критерием справедливости которого служит справедливое назначение наказания (ч. 2 ст. 6, ч. 4 ст. 226.9, ч. 2 ст. 389.18 УПК РФ).

В ст. 6 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) отмечается, что справедливым должно быть не только наказание, но и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, которое совершило преступление. Для этого они должны соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности преступника.

Стоит заметить, что ряд промежуточных решений при производстве по уголовному делу также могут существенно ограничивать права и свободы человека, в том числе и решение об избрании мер пресечения. Следовательно, оказываясь перед выбором между конкретной обеспечительной мерой, компетентные органы должны учитывать возможность избрания более мягкого уголовно-процессуального средства, соизмеримого с наказанием.

В своих решениях Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно обращает внимание на то, что при применении уголовно-процессуальных мер воздействия должны быть обеспечены требования справедливости и соразмерности³.

В соответствии с разъяснениями Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ)⁴ ограничения прав и свобод могут быть оправданы публичными интере-

¹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. // Бюллетень международных договоров. — 2001. — № 3.

² Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 дек. 1966 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 1994. — № 12.

³ Например, постановление Конституционного суда Российской Федерации от 22 марта 2018 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. А. Костромина». — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

⁴ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: постановление Пленума Верховного суда Рос. Федерации от 19 дек. 2013 г. № 41 (в ред. от 11 июня 2020 г.). — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

сами, если такие ограничения отвечают требованиям справедливости, являются пропорциональными, соразмерными и необходимыми для целей защиты конституционно значимых ценностей.

Таким образом, учитывая, что «применение уголовного закона осуществляется не только в итоговых, но и в предварительных процессуальных решениях» [14, с. 146], считаем, что все процессуальные документы, отражающие избрание, изменение и продление сроков действия мер пресечения, также должны соответствовать критерию справедливости в материально-правовом смысле.

О. И. Цоколова подчеркивает, что в уголовном судопроизводстве справедливость проявляется тогда, когда должностные лица действуют по своему усмотрению, выбирая из нескольких возможных вариантов процессуального решения одно, по их мнению, верное. Уважаемая ученая прямо указывает на то, что «проблема справедливости выбора возникает и при избрании меры пресечения в отношении подозреваемого, обвиняемого» [15, с. 104].

При применении мер пресечения существует выбор наиболее эффективной обеспечительной меры. Справедливость имеет место там, где есть альтернатива, а институт уголовно-процессуального принуждения теснейшим образом связан с ней.

Проведенный опрос субъектов, осуществляющих функцию предварительного расследования, показал, что около 60 % из них считают, что решения, принимаемые в уголовном судопроизводстве, должны быть справедливыми. При этом анкетированные отметили, что именно решения о применении мер пресечения должны отвечать требованиям данной категории, поскольку компетентные органы сталкиваются с выбором одной из них¹.

Однако в научных кругах не все поддерживают позицию включения категории справедливости в уголовный процесс.

И. А. Пикалов придерживается мнения о том, что уголовный процесс — это механизм реализации норм материального права и справедливого решения можно требовать только относительно к наказанию за совершенное деяние. Исходя из самой сущности уголовно-процессуального права оно не может быть справедливым [16, с. 132—133]. Ученый утверждает, что при применении мер уголовно-процессуального воздействия речь о справедливости не может идти, т. к. здесь «в первую очередь учитывается наличие оснований для вывода об опасности дальнейшего пребывания подозреваемого (обвиняемого) вне контроля правоохранительных органов и вида меры пресечения» [16, с. 133]. Однако, думается, что устранение этой опасности возможно именно благодаря мерам процессуального воздействия, которые будут применены к преследуемому лицу.

А. С. Горелик отмечает, что принцип справедливости оценивается как один из аспектов индивидуализации наказания и, следовательно, именно при назначении уголовного наказания учет этих обстоятельств очень важен [17, с. 4].

Полагаем, что в уголовном праве важна индивидуализация наказания, но при этом и при применении мер пресечения необходимо анализировать все сведения о личности

¹ При подготовке статьи было проведено анкетирование 70 следователей и дознавателей территориальных органов внутренних дел Калужской, Новгородской, Орловской, Псковской, Смоленской областей.

подозреваемого, обвиняемого. Считаем, что справедливость должна обеспечивать и неотвратимость уголовной ответственности, и применения к виновному соразмерного наказания, и реализацию уголовно-процессуальных мер воздействия.

При применении отдельных мер пресечения ограничивается право на свободу и личную неприкосновенность. По сути, многие меры уголовно-процессуального воздействия подобны в конституционно-правовом смысле лишению свободы¹. А значит, подход к применению обеспечительных мер в уголовном судопроизводстве должен быть аналогичным назначению наказания, где справедливость будет являться одним из требований, предъявляемых к решению.

Все решения дознавателя, следователя и суда при применении мер пресечения должны быть нравственными, основанными на стремлении восстановления баланса интересов виновного и потерпевшего. Именно при разумном и соразмерном согласовании интересов субъектов уголовно-процессуальных отношений будет достигнут такой результат.

Право по определению справедливо, справедливость же — внутреннее свойство и качество права. Право затрагивает все сферы жизни каждого человека. Несомненно, именно оно определяет меры противодействия посягательствам на существующие общественные отношения. Однако при этом право, как мера свободы людей, бесспорно, включает в себя и справедливость. Именно справедливость определяет баланс между субъектами правоотношений, между личностью и обществом или человеком и государством. Она отражает идеи равенства, свободы. Уголовно-процессуальное принуждение востребовано, когда необходимо обеспечить неотвратимость уголовно-правового воздействия, предотвратить попытки преследуемых лиц избежать уголовной ответственности. На этапе, когда следователь, дознаватель или суд действуют по своему усмотрению и выбирают между несколькими возможными вариантами процессуального решения об избрании той или иной меры пресечения, справедливость является тем самым критерием, позволяющим отличить право от произвола.

С позиции материальной справедливости существует возможность получения объективных знаний. Обычный гражданин освобождается от обязанности самостоятельной защиты своих интересов. Обязанность разобраться, «как все было на самом деле», применить изначально меру пресечения, соразмерную возможным уголовно-правовым последствиям, а позднее назначить наказание, соответствующее обстоятельствам происшедшего и личности, — задача компетентного органа.

Благодаря соблюдению требования справедливости более строгая мера пресечения должна избираться только после обсуждения возможности применения более мягкой меры пресечения. В ч. 1 ст. 105.1, ч. 1 ст. 107 и ч. 1 ст. 108 УПК РФ, в п.п. 3, 4, 8, 36, 42.1, 51.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 41 отражено, что избрание запрета определенных действий, домашнего ареста и заключения под стражу допускает-

¹ По делу о проверке конституционности положений ст. 1070 и 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации и ст. 22 Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» в связи с жалобой гражданки А.»: постановление Конституционного суда Рос. Федерации от 29 ноября 2019 г. № 38-П. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

ся в случаях невозможности применения другой более мягкой меры пресечения. Полагаем, что к минимальному ограничению следует обращаться при избрании всех принудительных мер.

Применение мер пресечения всегда должно соизмеряться с тем наказанием, которое может быть назначено лицу согласно статьям УК РФ. Так, при совершении преступлений, относящихся к тяжким и особо тяжким категориям, есть большая вероятность того, что лицо попытается каким-либо способом воспрепятствовать дальнейшему расследованию уголовного дела, либо скрыться от компетентных органов. Справедливость при принятии решения о применении меры пресечения должна складываться из точного определения квалификации преступления, учета обстоятельств уголовного дела, связанных с совершенным деянием, с личностью подозреваемого, обвиняемого, анализа действий этих преследуемых лиц, предшествующих преступному посягательству, а также их поведения после совершения преступления. Учитывать личность подозреваемого, обвиняемого необходимо не только при назначении наказания, но при выявлении причин противоправного поведения на стадии предварительного расследования и судебного разбирательства [18, с. 386].

Анкетирование следователей и дознавателей показало, что 79 % опрошенных правоприменителей считают, что справедливым является такое решение о применении мер пресечения, если при этом принимаются во внимание положительные обстоятельства, характеризующие личность подозреваемого, обвиняемого, которые в дальнейшем могут смягчить наказание. Опрашиваемым также было предложено ответить на вопрос об учете обстоятельств,отягчающих положение преследуемого лица. Результаты показали, что 69 % сотрудников, осуществляющих предварительное расследование, уверены, что анализ такой информации при индивидуализации уголовно-процессуального воздействия будет вести к справедливому решению.

Благодаря исследованию всех обстоятельств, перечисленных в ст. ст. 97, 99 УПК РФ может достигаться соразмерность грозящему наказанию, экономия процессуального принуждения. Это позволит справедливо принимать решения о применении меры пресечения. Только всестороннее рассмотрение обстоятельств дела позволит законно, обоснованно, мотивированно и справедливо принимать решение о конкретной обеспечительной мере.

Итак, применение мер пресечения связано с существенным ограничением прав и свобод граждан и, прежде всего, права на свободу и неприкосновенность личности. Избирая меру пресечения, должностные лица останавливаются перед выбором того обеспечительного средства, которое будет не только эффективно выполнять пресекательную функцию, но и являться соразмерным тяжести совершенного деяния, учитывая личность преследуемого. Только при соблюдении всех требований, предъявляемых к соответствующим решениям, можно достичь назначения уголовного судопроизводства. Ограничение прав и свобод подозреваемого, обвиняемого при применении меры пресечения должно быть как законным, так и справедливым.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 3-е изд., стер. — Москва: АЗЪ, 1995. — 907 с.

2. Кувалдина Ю. В. Анализ практики прекращения судами уголовных дел по статье 25 УПК РФ // Юридический вестник Самарского университета. — Т. 2. — 2016. — № 3. — С. 53—61.
3. Куприянов А. А. Следователь обязан записывать последовательность своих умозаключений // Уголовный процесс. — 2021. — № 11. — С. 8.
4. Виноградов П. Г. Очерки по теории права. — Б/м, 1915. — 153 с.
5. Гусейнова А. А. Словарь по этике / под ред. И. С. Кона. 6-е изд. — Москва, 1989. — 447 с.
6. Фролова И. Т. Философский словарь. — 4-е изд. — М., 1980. — 559 с.
7. Гуляев А. П. Цели, задачи и принципы как фундаментальные положения уголовно-процессуального права: по закону, теории и практике // Российский следователь. — 2012. — № 16. — С. 5—8.
8. Белкин А. Р. УПК РФ: отменить нельзя поправить? — Т. 1. — М.: Изд-во «Юрайт», 2018. — 287 с.
9. Гладышева О. В. Справедливость и законность в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Краснодар, 2009. — 45 с.
10. Лупинская П. А. Законность и обоснованность решений в уголовном судопроизводстве. — М., 1972. — 79 с.
11. Михеенкова М. А. Принцип справедливого судебного разбирательства по уголовным делам в решениях Европейского Суда по правам человека // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. — 2012. — № 1. — С. 70—78.
12. Воскобитова Л. А. Механизм реализации судебной власти посредством уголовного судопроизводства: дис. д-ра юрид. наук. — М., 2004. — 460 с.
13. Васильев Н. В., Бажанов А. В. Соотношение понятий «материальная» и «формальная» справедливость в уголовном судопроизводстве / Н. В. Васильев, А. В. Бажанов // Современные проблемы законности и справедливости в уголовном процессе: мат-лы междунар.-практ. конф., посв. 80-летию заслуж. юриста Рос. Федерации, д-ра юрид. наук, проф. Анатолия Петровича Гуляева. — М.: МАЭП, 2014. — С. 150—155.
14. Муравьев К. В. Меры процессуального принуждения — особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация: моногр. — Омск, 2017. — 228 с.
15. Цоколова О. И. Есть ли справедливость на досудебных стадиях уголовного судопроизводства? // Современные проблемы законности и справедливости в уголовном процессе: мат-лы междунар.-практ. конф., посв. 80-летию заслуж. юриста Рос. Федерации, д-ра юрид. наук, проф. Анатолия Петровича Гуляева. — М.: МАЭП, 2014. — С. 101—106.
16. Пикалов И. А. Проблемы соответствия превентивного лишения свободы отдельным принципам уголовного судопроизводства: моногр. — М., 2009. — 146 с.
17. Горелик А. С. Реализация принципа справедливости в правилах назначения наказания // Уголовное право. — 2001. — № 1. — С. 3—7.
18. Кудрявцев В. Н. Закон, поступок, ответственность. — Москва, 1986. — 448 с.

REFERENCES

1. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. 3-ye izd., stereotip [Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Explanatory dictionary of the Russian language. 3rd ed., Stereotype]. Moscow: AZ", 1995. 907 p.
2. Kuvaldina Yu. V. Analiz praktiki prekrashcheniya sudami ugovolnykh del po stat'ye 25 UPK RF [Kuvaldina Yu. V. Analysis of the practice of termination of criminal cases by courts un-

der article 25 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation] // Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta. 2016, Vol. 2, no 3. pp 53—61.

3. Kupriyanov A. A. Sledovatel' obyazan zapisyvat' posledovatel'nost' svoikh umozaklyucheniye [Kupriyanov A. A. The investigator is obliged to write down the sequence of his conclusions]. *Criminal process — Ugolovnyy protsess*. 2021, no. 11. pp. 8.

4. Vinogradov P. G. Ocherki po teorii prava [Essays on the theory of law]. B / m, 1915. 153 p.

5. Guseynova A. A., Kona I. S. (ed.). Slovar' po etike [Dictionary of ethics]. Moscow, 1989, 447 p.

6. Frolova I. T. Filosofskiy slovar' 4-ye izd. [Philosophical Dictionary 4th ed]. Moscow, 1980, 559 p.

7. Gulyayev A. P. Tseli, zadachi i printsipy kak fundamental'nyye polozheniya ugolovno-protsessual'nogo prava: po zakonu, teorii i praktike [Goals, objectives and principles as fundamental provisions of criminal procedure law: according to law, theory and practice]. *Rossiyskiy sledovatel' — Russian investigator*. 2012, no. 16, pp. 5—8.

8. Belkin A. R. UPK RF: otmenit' nel'zya popravit'? [Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Cancellation Cannot Be Corrected?] Moscow, «Yurayt», 2018, Vol. 1. 287 p.

9. Gladysheva O. V. Spravedlivost' i zakonnost' v ugolovnom sudoproizvodstve Rossiyskoy Federatsii [Justice and legality in criminal proceedings of the Russian Federation: author. diss. ... doctors of jurid. Sciences]. Krasnodar, 2009. 45 p.

10. Lupinskaya P. A. Zakonnost' i obosnovannost' resheniy v ugolovnom sudoproizvodstve [Legality and validity of decisions in criminal proceedings]. Moscow, 1972. 79 p.

11. Mikheyenkova M. A. Printsip spravedlivogo sudebnogo razbiratel'stva po ugolovnym delam v resheniyakh Yevropeyskogo Suda po pravam cheloveka [Mikheenkova M.A. The principle of fair trial in criminal cases in decisions of the European Court of Human Rights]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo. — Vestnik of Moscow University. Series 11. Right. 2012, no. 1, pp. 70—78.

12. Voskobitova L. A. Mekhanizm realizatsii sudebnoy vlasti posredstvom ugolovnogogo sudoproizvodstva [Mechanism for the implementation of judicial power through criminal proceedings: diss. Doctor of Law sciences]. Moscow, 2004. 460 p.

13. Vasil'yev N. V., Bazhanov A. V. [Correlation of the concepts of «material» and «formal» justice in criminal proceedings]. *Sovremennye problemy zakonnosti i spravedlivosti v ugolovnom processe: mat-ly mezh-dunar.-prakt. konf., posv. 80-letiyu zasluzh. jurista Ros. Federacii, d-ra jurid. nauk, prof. Anatolija Petrovicha Guljaeva* [Modern problems of legality and justice in criminal proceedings. Materials of the international practical conference dedicated to the 80th anniversary of the Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor Anatoly Petrovich Gulyaev]. Moscow, MAEP, 2014, pp. 150—155.

14. Murav'yev K. V. Mery protsessual'nogo prinuzhdeniya – osobyie sredstva ugolovno-pravovogo vozdeystviya: doktrina, primeneniye, optimizatsiya: monografiya. [Measures of procedural compulsion - special means of criminal law impact: doctrine, application, optimization: monograph]. Omsk, 2017. 228 p.

15. Tsokolova O. I. Yest' li spravedlivost' na dosudebnykh stadiyakh ugolovnogogo sudoproizvodstva? [Is there justice at the pre-trial stages of criminal proceedings?]. *Sovremennye problemy zakonnosti i spravedlivosti v ugolovnom processe: mat-ly mezh-dunar.-prakt. konf., posv. 80-letiyu zasluzh. jurista Ros. Federacii, d-ra jurid. nauk, prof. Anatolija Petrovicha Guljaeva* [Modern problems of legality and justice in the criminal process. Materials of the international practical con-

ference dedicated to the 80th anniversary of the Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor Anatoly Petrovich Gulyaev]. Moscow, МАЕР, 2014, pp. 101—106.

16. Pikalov I. A. Problemy sootvetstviya preventivnogo lisheniya svobody ot del'nym printsipam ugovnogo sudoproizvodstva: monografiya [Problems of compliance of preventive imprisonment with individual principles of criminal proceedings: monograph]. Moscow, 2009. 146 p.

17. Gorelik A. S. Realizatsiya printsipa spravedlivosti v pravilakh naznacheniya nakazaniya [Gorelik AS Implementation of the principle of justice in the rules of sentencing] // Criminal law. 2001, no. 1, pp. 3—7.

18. Kudryavtsev V. N. Pravo, delo, otvetstvennost' [Law, deed, responsibility]. Moscow, 1986. 448 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Замуруева Елизавета Юрьевна, адъюнкт адъюнктуры Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова, 302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Zamurueva Elizaveta Yurievna, Adjunct of the Department of Criminal Procedure. Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanova, 302027, Russia, Orel, st. Ignatova d. 2.

Статья поступила в редакцию 10.01.2022; одобрена после рецензирования 17.01.2022; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted 10.01.2022; approved after reviewing 17.01.2022; accepted for publication 25.02.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 4 (99). С. 163—173.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022.
Vol. no.1 (100), p. 163—173.

12.00.09. Уголовный процесс

Научная статья

УДК 343.13

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.45.27.015

ФОРМИРОВАНИЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НЕГЛАСНОГО ХАРАКТЕРА В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ

Юлия Руслановна Фадеева

Волгоградская академия МВД России, г. Волгоград, Российская Федерация,
juliafadd12@gmail.com

Введение: в статье рассматриваются исторические этапы формирования такого правового явления, как «негласные следственные действия». Раскрывается значение указанного понятия, излагаются позиции ученых-процессуалистов, а также сформулирован ответ на вопрос о необходимости названных негласных действий, исходя из особенностей их появления.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют уголовно-процессуальное законодательство России (начиная с законодательства Российской империи и заканчивая законодательством наших дней), научные труды ученых-процессуалистов, а также иные нормативно-правовые акты, имеющие отношение к рассматриваемым вопросам, на основании анализа которых автор пришел к выводам, изложенным в статье.

Методологической основой исследования: являются научные работы в области уголовного судопроизводства по изучаемой проблематике. Основным методом исследования, используемым в представленной работе, является общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер; кроме того, методы логической индукции, дедукции, познавательные методы, а также приемы анализа, сравнения, описания и обобщения.

Результаты исследования: выявлены этапы формирования негласных следственных действий, рассмотрено понятие «негласные следственные действия», а также содержание и порядок их производства в зависимости от этапа их формирования и особенностей нормативной регламентации в уголовно-процессуальном законодательстве.

Выводы и заключения: в связи со значительным ростом потребности населения в использовании электронных устройств, технической оснащенности преступной среды негласные следственные действия становятся важным инструментом деятельности следователя по уголовным делам.

Ключевые слова: негласные следственные действия, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка, контроль и запись переговоров, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами.

Для цитирования: Фадеева Ю. Р. Формирование следственных действий негласного характера в уголовно-процессуальном законодательстве России. // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2022. — № 1 (100). — С. 163—173. DOI: 10.55001/2312-3184.2022.45.27.015

12.00.09. Criminal proceeding

Original article

FORMATION OF UNDERCOVER INVESTIGATIVE ACTIONS IN THE CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION OF RUSSIA

Julia R. Fadeeva

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russian Federation, julafadd12@gmail.com

Introduction: the given article deals with the historical stages of the formation of such a legal phenomenon as “undercover investigative actions”. The author determines the meaning of the given concept states the points of view of procedural scientists as well as proves the necessity to apply the mentioned actions based on the peculiarities of their appearing.

Materials and methods: the legal framework of the given research is formed by the criminal procedure legislation of Russia (data taken from the legislation of the Russian Empire and up to the acting legislation), scientific works of procedural scientists as well as other regulatory legal acts related to the issues under examination. Having analyzed all this facts the author concluded the results to be formulated in the given article.

The methodological basis of the research is scientific works in the field of the criminal proceedings on the given problem. The main research method used in the given work is a general dialectical method of scientific knowledge which is said to be universal. Also the author used methods of logical induction, a deduction, cognitive methods as well as methods of analysis, a comparison, a description and a method of generalization.

The results of the study: the stages of formation of undercover investigative actions were identified; the concept of “undercover investigative actions” was examined as well as the content and procedure for their production depending on the stage of their formation and the specifics of statutory regulation in the criminal procedure legislation.

The results of the study: due to a significant increase in the population’s need to apply electronic devices, technical equipment of the criminal environment, undercover investigative actions are becoming an important factor in the activity of a criminal investigator.

Keywords: undercover investigative actions, arresting mailed and telegraphic items, their inspection and seizure, control and recording of conversations, obtaining information about connections between subscribers and (or) subscriber devices.

For citation: Fadeeva J.R. Formirovanie sledstvennyh deystvij neglasnogo haraktera v ugolovno-processual'nom zakonodatel'stve Rossii [Formation of undercover investigative actions in the criminal procedure legislation of Russia]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022, vol. no, 1 (100), pp. 163—173 (in Russ.). DOI: 10.55001/2312-3184.2022.45.27.015

На современном этапе развития уголовного судопроизводства особое внимание уделяется вопросу, связанному с негласной деятельностью следователя. Ученые задаются вопросами, связанными с ее сущностью и природой, порядком регламентации, условиями осуществления и использования результатов в расследовании. Что же понимается под негласной деятельностью следователя?

В этом вопросе мы полностью солидарны с М. С. Колосович, которая под негласной деятельностью следователя понимает «регламентированные УПК РФ действия следователя (дознателя), производство которых сопряжено с сохранением в тайне от сторон и других участников предварительного расследования данных об их подготовке и о получении в суде разрешения на их производство, а в некоторых случаях самого факта их производства и лиц, их производящих, посредством применения негласных методов и средств оперативно-розыскного характера» [1, с. 347]. Указанное понятие ею классифицируется на три элемента, к которым относятся: негласные следственные действия; относительно негласные действия следователя (дознателя); деятельность следователя (дознателя), осуществляемая на основе конфиденциальности.

Поговорим подробнее о негласных следственных действиях, к которым, по мнению автора настоящей статьи и мнению других ученых, относятся: наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка; контроль и запись переговоров; получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами [2, с. 38; 3, с. 130—134; 4, с. 100]. В уголовно-процессуальной науке ведется дискуссия по поводу нахождения указанных следственных действий в УПК РФ. Одни ученые являются их противниками, другие — сторонниками. К первой группе относится С. А. Шейфер, который считает, что указанные следственные действия являются «беспрецедентно автономными», т. к. начальный и рабочий этап осуществляется не следователем (дознателем), кроме того, негласно. Данное положение вещей, по его мнению, противоречит самой сущности следственных действий [5, с. 117—118]. Аналогичного мнения придерживается О. Я. Баев, который считает, что названные действия не являются следственными, однако их результаты могут быть использованы в доказывании по уголовному делу при условии их проведения в соответствующем уголовно-процессуальном режиме [6, с. 22]. Данное мнение также разделяет Е. А. Зайцева, которая считает, что модернизировать систему следственных действий путем расширения познавательных приемов за счет внедрения в УПК РФ оперативно-розыскных мероприятий нецелесообразно и противоречит концептуальным постулатам общей теории права. Нормы уголовно-процессуального права, по ее мнению, не могут и не должны регулировать оперативно-розыскные мероприятия, т. к. это может привести к снижению правоохранительной и правообеспечительной функции [7, с. 38—42]. Аналогичного мнения также придерживаются С. Б. Россинский [8, с. 50], В. Н. Чернышов А. С. Чернышов [9, с. 35],

В. М. Савицкий [10, с. 55—58], А. М. Ларин [11, с. 26]. Ко второй группе ученых, являющихся сторонниками нахождения рассматриваемых следственных действия в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации, относится, например, В. Ф. Луговик, который считает, что без негласного производства по уголовному делу невозможно эффективное расследование преступления. При этом к негласному производству он относит, в том числе, и негласные следственные действия [12, с. 86—90]. С ним также солидарны такие ученые, как М. С. Колосович [13, с. 138—144], Я. М. Мазунин [14, с. 50—62], которые считают, что деятельности следователя присущи не только гласные признаки, но и негласные. Также представителями указанного мнения являются А. М. Баранов [15, с. 157], А. Ф. Волынский [16, с. 91—94], В. А. Азаров [17, с. 60—65], Р. Г. Зорин [18, с. 40—46].

Существование различных мнений по поводу рассматриваемого вопроса свидетельствует о его актуальности и важности для уголовного процесса. Однако найти пути разрешения этого вопроса непросто. Для этого необходимо не только обладать всем объемом теоретических знаний в рамках заданной темы, а также углубиться в истоки возникновения изучаемых действий и их развития.

Обратившись к истории России, можно заметить, что какое-либо упоминание в отечественном законодательстве о рассматриваемых следственных действиях вплоть до XVII века отсутствует. И только во времена правления Петра I начинает формироваться такое правовое явление, как перлюстрация [19]. Согласно толковому словарю С. А. Кузнецова, под данным термином понимается «тайное вскрытие государственных или иными органами, лицами пересылаемой по почте корреспонденции» [20]. Первоначально это мероприятие проводилось государственными чиновниками с целью получения информации, содержащейся в почтовых отправлениях, присылаемых из-за границы. Указанное действие стало важнейшим средством получения разведывательной, политической и другой важной информации [21, с. 97]. Однако, несмотря на это, порядок производства данного мероприятия не был регламентирован, отсутствовали какие-либо тактические рекомендации по его проведению. Тем не менее можно смело сказать, что перлюстрация стала первым шагом на пути к формированию современного следственного действия — наложение ареста на почтово-телеграфные отправления.

С появлением Устава уголовного судопроизводства 1864 года (Устав) ситуация с регламентацией порядка проведения перлюстрации не изменилась, никаких ограничений на тайну почтовой и телеграфной корреспонденции наложено не было. Однако внесенное в 1878 году в Устав дополнение в виде статьи 368.1 скорректировало имеющееся положение вещей. С этого момента в Уставе содержатся основания, условия и порядок ограничения права на тайну переписки и телеграфных сообщений. Согласно указанной статье, следователь, в случае необходимости проведения указанного действия, осуществлял задержание интересующей его корреспонденции, после чего был обязан направить в суд представление с целью получения разрешения на ее изъятие. Если суд усматривал основания для изъятия корреспонденции, то давал соответствующее разрешение. В ходе выемки отправлений следователь был вправе изымать только то, что имело отношение к делу, а также был обязан сохранять тайну переписок. Как видно, указанное действие имеет схожие черты с современным следственным действием — наложе-

нием ареста на почтово-телеграфные отправления. Однако по своему содержанию оно значительно отличалось от современного следственного действия.

С принятием УПК РСФСР 1922 года рассматриваемое действие надежно закрепилося в уголовно-процессуальном законодательстве в главе XIV «Обыски и выемки». Так, согласно ст. 186, 187 УПК РСФСР 1922 года, следователь сообщает в почтово-телеграфное учреждение о необходимости задержания корреспонденции и получает у прокурора соответствующее разрешение на его производство. Получив его, следователь сообщает почтово-телеграфному учреждению о необходимости доставления ему требуемой корреспонденции или же уведомляет его о времени своего прибытия с целью производства выемки. Рассматриваемое действие проводится следователем в присутствии представителей почтово-телеграфного учреждения и только после предъявления полученного у прокурора соответствующего разрешения. Несмотря на то, что УПК РСФСР 1922 года не содержит исчерпывающей информации об указанном действии, можно заметить его существенные отличия от иных следственных действий. Так, при проведении, например, обыска, порядок которого также закреплён в главе XIV указанного кодекса, лица, участвующие в нем, уведомляются об этом, им разъясняются права и обязанности. При проведении выемки почтово-телеграфной корреспонденции очевидно, что лица, чьи отправления являются объектом наблюдения со стороны правоохранительных органов, не будут знать о происходящем, т. к. в случае обратного не было бы никакого смысла в его проведении. Соответственно, им не будут разъяснены права и обязанности. Исходя из этого можно с уверенностью говорить о том, что на данный исторический период рассматриваемое следственное действие, содержащее элементы негласности, получило закрепление в законодательстве.

В УПК РСФСР 1960 года «выемка почтово-телеграфной корреспонденции» закрепляется в статье 174. Производство комментируемого следственного действия также было возможно только с санкции прокурора. При необходимости его производства следователь выносил мотивированное постановление, которое после санкционирования направлял в почтово-телеграфное учреждение, предлагая тем самым задерживать корреспонденцию, а также уведомлял о времени своего прибытия для производства выемки. В случае необходимости для участия в производстве этого действия приглашался специалист. Данное положение являлось новым, ранее не свойственным рассматриваемому действию. Как можем заметить, на данном этапе в названии изучаемого действия содержалось только слово «выемка», что отличает его от современного наименования «наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их обыск и выемка». Несмотря на различия в названиях, суть обоих действий одна — получение информации, содержащейся в почтово-телеграфной корреспонденции, для использования в качестве доказательств по уголовному делу.

Вплоть до 12 июня 1990 года «выемка почтово-телеграфных отправок» оставалась единственным следственным действием, содержащим элементы негласности. Этого на тот момент было вполне достаточно, т. к. основное общение людей, находящихся на дальних расстояниях друг от друга, осуществлялось посредством писем, телеграмм, посылок и т. д. С развитием технологий и коммуникации возникла необходимость в получении информации, которая передавалась людьми друг другу посредством телефонной связи. Поэтому требовалось процессуальное закрепление нового действия,

позволяющего осуществить возникшую потребность. Так, согласно закону СССР № 1556-1 «О внесении изменений и дополнений в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик», принятому 12 июня 1990 года, в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, введена ст. 35.1 «Прослушивание телефонных и иных переговоров». Согласно данной статье, это действие могло проводиться только по возбужденному уголовному делу и при наличии достаточных оснований полагать, что информация, которая будет получена, имеет значение для уголовного дела. Чтобы произвести его, следователю необходимо было вынести постановление, санкционированное прокурором, или получить определение суда, которое затем направить в учреждение связи. Срок, в течение которого оно могло проводиться, не превышал шести месяцев. Участники действия уведомлялись о его проведении, а также выполнялась необходимость, связанная с разъяснением прав.

Полагаем, часть статьи в части разъяснения прав, относится к таким участникам, как понятые, специалист, но никак не к тем лицам, чьи переговоры интересуют органы расследования, иначе не было бы никакого смысла в проведении данного действия. При прослушивании переговоров могла применяться звукозапись, порядок проведения которой, должен был определяться законодательством союзных республик. После проведения следственного действия составлялся протокол прослушивания и звукозаписи с кратким изложением фонограммы переговоров, имеющих значение для дела. Фонограмма должна была приобщаться к протоколу, а ее ненужная часть подлежала уничтожению после вступления приговора в законную силу. Несмотря на то, что предложенное действие многими признавалось необходимым и достойным внесению в уголовно-процессуальный закон, законодатель так и не решился на этот шаг.

И только в 2001 году Федеральным законом от 21 февраля 2001 года № 26-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации, в связи с ратификацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод» в УПК РСФСР внесена поправка, в соответствии с которой появляется новое следственное действие — «контроль и запись переговоров» (ст. 174—1 УПК РСФСР 1960 года в ред. от 20 марта 2001 года). Основные положения данной статьи совпадают с положениями статьи 35.1 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, но с некоторыми изменениями и дополнениями. Например, новшеством является то, что проведение данного следственного действия возможно только по тяжким и особо тяжким преступлениям, а также на основании письменного заявления участников уголовного судопроизводства, круг которых определен данным законом либо по ходатайству следователя на основании судебного решения.

В отличие от статьи 35.1 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, прокурор не имел права на санкционирование этого следственного действия, он только уведомлялся следователем о его производстве. Кроме того, конкретизировались сроки рассмотрения ходатайства следователя судьей: шесть часов с момента поступления в суд. После рассмотрения суд выносил постановление об осуществлении контроля и записи телефонных и иных переговоров, которое направлялось следователю. Последний направлял его в уполномоченный орган для исполнения. О результатах осмотра и прослушивания следователем составлялся протокол, в котором, в отличие от положений, закрепленных в статье 35.1. Основ уголовного судопроизводства Союза

ССР и союзных республик, по возможности излагалась дословно та часть фонограммы, которая имеет значение для дела. Фонограмма в полном объеме приобщалась к материалам уголовного дела в качестве вещественного доказательства, тогда как, согласно статье 35.1 вышеуказанного документа, фонограмма подлежала уничтожению после вступления приговора в силу.

В принятом УПК РФ в 2001 году данное следственное действие было представлено в аналогичном виде. В дальнейшем в УПК РФ вносились изменения, и указанное действие приобрело современный вид. Рассматриваемое следственное действие, закрепленное в ст. 186 УПК РФ, может проводиться, в том числе и по преступлениям средней тяжести, прекращается на основании постановления следователя, но не позже окончания сроков предварительного расследования по уголовному делу. Кроме того, в статье указана структура ходатайства следователя о производстве данного следственного действия, чего не имелось ранее. Однако и на этом совершенствование УПК РФ не закончилось.

Как видим, рассматриваемые следственные действия появились в уголовном процессе не сразу, а постепенно, по мере необходимости. Так, до появления сотовых телефонов отсутствовал смысл в появлении соответствующих следственных действий. К 2000 году в России начинает активно использоваться мобильная связь. Так, число активных сим-карт, а соответственно пользователей сотовой связью к указанному году составляло 3 тыс. 263 человека, к 2001 году уже 7 тыс. 751 человек, к 2005 году количество увеличилось до 120 тыс. человек, к 2010 году — до 237 тыс. 689 человек¹. По мере увеличения их численности возникла необходимость в прослушивании переговоров, т. к. все больше людей общалось между собой посредством сотовых телефонов, и в них могла содержаться полезная для расследования информация. Вплоть до 2007 года следственного действия, предусмотренного ст. 186 УПК РФ, было вполне достаточно, поскольку в пользовании у граждан находились телефоны без операционных систем и доступа в информационно-телекоммуникационную сеть Интернет (далее — сеть Интернет). Однако, начиная с 2007 годов, в России² активно стали использоваться телефоны с операционной системой, которые обеспечивали возможность выхода в сеть Интернет и открывали новые возможности не только для законопослушных граждан, но и преступников. С этого момента, кроме прослушивания переговоров, возникла необходимость в установлении сведений о времени соединений абонентов между собой, длительности их разговоров, информации о входящих и исходящих звонках, а также базовых станциях и IMEI-номерах. В связи с чем потребовались новые средства противодействия преступности. Поэтому в 2010 году Федеральным законом от 01.07.2010 № 143-ФЗ в УПК РФ было введено новое следственное действие «Получение информации между абонентами и (или) абонентскими устройствами» ст. 186.1 УПК РФ.

Как можем заметить, появление всех трех указанных следственных действий было вполне логично, но необходимо ли?

¹ История сотовой связи в России [Электронный ресурс]. — URL: <https://ria.ru/20110909/433050639.html> (дата обращения: 20.09.2021).

² История мобильных телефонов (1982—2009) [Электронный ресурс]. — URL: https://mobiltelefon.ru/post_1262028062.html (дата обращения: 20.09.2021).

Так, согласно данным правовой статистики, в 2018 году было зарегистрировано 174 тыс. 674 преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в 2019 году — 294 тыс. 409, а в 2020 году уже — 510 тыс. [1]. При этом каждое второе преступление совершается с использованием мобильного телефона. Принимая во внимание тот факт, что количество преступлений в данной сфере растет в геометрической прогрессии, а в уголовно-процессуальной сфере нет иных способов получения информации по данным видам преступлений, их появление не только логично, но и необходимо.

Кроме того, по мнению многих ученых (Б. Я. Гаврилова [22, с. 19—22], Н. В. Павличенко [23, с. 62—69], М. П. Полякова [24, с. 182—184], М. С. Колосович [1, с. 344]), результаты негласных следственных действий являются основой доказательственной базы практически по 100 % уголовных дел, возбужденных по тяжким и особо тяжким преступлениям.

Таким образом, хотелось бы подвести итоги проведенному исследованию. Как видим, появление указанных следственных действий в уголовно-процессуальной науке не случайно, а вполне закономерно. Их появление и развитие в уголовном процессе последовательно и логично, поскольку соответствует истории политического, экономического и технического развития нашей страны на протяжении нескольких столетий. Проведенный нами анализ имеет большое значение для уголовно-процессуальной науки и является первым шагом к разрешению глобального вопроса, связанного с проблемой закрепления рассматриваемых следственных действий в УПК РФ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Колосович М. С. Процессуальные средства обеспечения гласности и тайны в уголовном судопроизводстве: концептуальные основы: дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2019. — 536 с.
2. Баев М. О. УПК РФ 2001 г.: достижения, лакуны, коллизии; возможные пути заполнения и разрешения последних: учеб. пособ. — М. О. Баев, О. Я. Баев. — Воронеж: Воронежский гос. ун-т. — 2002. — 57 с.
3. Колосович М. С. Контроль и запись переговоров — следственно-оперативное мероприятие? / М. С. Колосович, О. С. Колосович // Вестник Волгоградской Академии МВД России. — 2010. — № 3 (14). — С. 130—134.
4. Шейфер С. А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. — М., 1981. — 191 с.
5. Шейфер С. А. Следственные действия — правомерны ли новые трактовки? // Lex Russica. — М.: Изд-во МГЮА. — 2015. — № 10. — С. 117—123.
6. Баев О. Я. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. Следственная тактика: науч. практ. пособ. — М., 2003. — 432 с.
7. Зайцева Е. А. О системе следственных действий / Е. А. Зайцева, С. А. Шейфер // Юридический вестник Самарского университета. — № 4. — 2017. — С. 38—42.
8. Россинский С. Б. Следственные действия: моногр. — М.: Норма, 2018. — 240 с.
9. Чернышов В. Н. Теория система и системный анализ: учеб. пособ. / В. Н. Чернышов, А. В. Чернышов. — Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2008. — 47 с.
10. Савицкий В. М. Правосудие и личность / В. М. Савицкий // Советское государство и право. — 1983. — № 5. — С. 55—62.

11. Ларин А. Нравственно — значит законно / А. Ларин // Известия. — 1990. — С. 25—31.
12. Луговик В. Ф. Оперативно-розыскное законодательство и перспективы его совершенствования // Оперативно-розыскное право: сб. науч. ст. / отв. ред. Н. В. Павличенко. — Волгоград: ВА МВД России, 2013. — С. 86—90.
13. Колосович М. С. Негласная деятельность по уголовному делу // Актуальные проблемы российского права. — 2016. — № 2. — С. 138—144.
14. Мазунин Я. М. О введении результатов оперативно-розыскной деятельности в процесс доказывания // 15 лет Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности»: сб. мат-в всерос. науч.-практ. конф. — Омск, 2010. — С. 50—62.
15. Баранов А. М. Обеспечение законности в досудебном производстве по уголовным делам. — Омск, 2006. — 220 с.
16. Волинский А. Ф. Уголовное судопроизводство, задачи и социальные функции криминалистики в его реформировании // Актуальные проблемы теории и практики уголовного судопроизводства и криминалистики: вопросы современной криминалистики: сб. ст. — М., 2004. — С. 91—94.
17. Азаров В. А. Оправдан ли межотраслевой подход при формировании правовых основ оперативно-розыскной деятельности? // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики России и стран СНГ: мат-лы междунар. научно-практ. конф., посв. 85-летию со дня рожд. проф., д-ра юрид. наук, заслуж. деятеля высш. шк. Ю. Д. Лившица (4 апр. 2014 г.). — Челябинск: Цицеро, 2014. — С. 60—65.
18. Зорин Р. Г., Супытко О. Т. Совершенствование правового регулирования использования результатов ОРД в качестве доказательств и их источников в уголовном судопроизводстве / Р. Г. Зорин, О. Т. Супытко // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2014. — № 4 (55). — С. 40—46.
19. Филиппов А. Н. История Сената в правлении Верховного Тайного Совета и Кабинета. Юрьев, 1895 [Электронный ресурс]. — URL: naukaprava.ru/catalog/411/412/2285/18286 (дата обращения: 25.09.2021).
20. Кузнецов А. С. Большой толковый словарь русского языка, гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург [Электронный ресурс]. — URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov> (дата обращения: 25.09.2021).
21. Соболева Т. А. Тайнопись в истории России. — М., 1994. — 328 с.
22. Гаврилов Б. Я. Проблемы законодательного регулирования легализации результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве. 2018, Иркутск, С. 19—23.
23. Павличенко Н. В., Лобачева Г. К. Инновационные технологии в оперативно-розыскной деятельности: моногр. / Н. В. Павличенко, Г. К. Лобачева. — Волгоград: Бланк, 2014. — С. 112.
24. Поляков М. П. Использование результатов ОРД в доказывании // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: год правоприменения и преподавания: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (27—28 окт. 2003 г.). — М., 2004. — С. 182—184.

REFERENCES

1. Kolosovich M. S. Processual'nye sredstva obespechenija glasnosti i tajny v уголовном судопроизводстве: konceptual'nye osnovy: dis. ... d-ra jurid. nauk. [Procedural Means of Ensuring Transparency and Secrecy in Criminal Proceedings: Conceptual Basis: Dis. of Dr. of Juridical Sciences]. Moscow, 2019, 536 pp.

2. Bayev M. O., Bayev O. Ya. UPK RF 2001 g.: dostizhenija, lakuny, kollizii; vozmozhnye puti zapolnenija i razreshenija poslednih [The Code of the Criminal Procedure of the Russian Federation 2001: Achievements, Gaps, Collisions; Possible Ways to Fill and Solve them]. Voronezh, the Voronezh State University, 2002, 57 pp.
3. Kolosovich M. S., Kolosovich O. S. Kontrol' i zapis' peregovorov — sledstvenno-operativnoe meroprijatie? [Monitoring and Recording of Negotiations — Is it an Investigative and Operative Measure?]. Vestnik of the Volgograd Academy of the Interior Ministry of Russia — Vestnik Volgogradskoj Akademii MVD Rossii. 2010, no. 3 (14), pp. 130—134.
4. Sheifer S. A. Sledstvennye dejstvija. Osnovaniya, processual'nyj porjadok i dokazatel'stvennoe znachenie [Investigative Actions. Basis, Procedure Order and Evidentiary Value]. Moscow, 1981, 191 pp.
5. Sheifer S. A. Sledstvennye dejstvija — pravomerny li novye traktovki? [Investigative Actions — Are the New Interpretations Legal?]. Lex Russica, Moscow, Publishing House of the Moscow State Law Academy. 2015, no. 10, pp. 117—123.
6. Bayev O. Ya. Taktika ugolovnogo presledovaniya i professional'noj zashhity ot nego. Sledstvennaja taktika [Tactics of Criminal Prosecution and Professional Protection from it. Investigative Tactics]. Moscow, 2003, 432 pp.
7. ZaitsevaYe. A., Sheifer S. A. O sisteme sledstvennyh dejstvij [On System of Investigative Actions]. Juridicheskij vestnik Samarskogo universiteta — Legal Vestnik of the Samara University. 2017, no. 4, pp. 38—42.
8. Rossinsky S. B. Sledstvennye dejstvija: monogr. [Investigative Actions: Monograph]. Moscow, Norma, 2018, 240 pp.
9. Chernyshov V. N., Chernyshov A. V. Teoriya sistema i sistemnyj analiz. [System Theory and System Analysis]. Tambov, Publishing House of the Tambov State Technical University, 2008, 47 pp.
10. Savitsky V. M. Pravosudie i lichnost' [Justice and Individual]. Sovetskoe gosudarstvo i pravo — Soviet State and Law. 1983, no. 5, pp. 55—62.
11. Larin A. Nравственно — значит законно [Moral Means Legal]. Izvestiya. 1990, pp. 25—31.
12. Lugovik V. F. [Operative and Search Legislation and Prospects to improve it] Operativno-rozysknoe pravo: sb. nauch. st. [Operational and Search Law: Collection of Scientific Articles]. Volgograd, the Volgograd Academy of the Interior Ministry of Russia, 2013, pp. 86—90.
13. Kolosovich M. S. Neglasnaja dejatel'nost' po ugolovnomu delu [Undercover Activity in a Criminal Case]. Aktual'nye problemy rossijskogo prava — Topical Issues of the Russian Law. 2016, no. 2, pp. 138—144.
14. Mazunin Ya. M. [About Introduction of the Results of Operative and Search Activity in Proving]. 15 let Federal'nomu zakonu «Ob operativno-rozysknoj dejatel'nosti»: sb. mat.-v vseros. nauch.-prakt. konf. [The Federal Law «On Operative and Search Activity» is 15 years: Collection of Materials of All-Russian Scientific and Practical Conference]. Omsk, 2010, pp. 50—62.
15. Baranov A. M. Obespechenie zakonnosti v dosudebnom proizvodstve po ugolovnym delam. [Ensuring the Rule of Law in Pre-Trial Criminal Proceedings]. Omsk, 2006, 220 pp.
16. Volynsky A. F. [Criminal Proceedings, Tasks and Social Functions of Criminalistics in its Reforming] Aktual'nye problemy teorii i praktiki ugolovnogo sudoproizvodstva i kriminalistiki: voprosy sovremennoj kriminalistiki: sb. st. [Topical Problems of Theory and Practice of Criminal Justice and Criminalistics: Issues of Modern Criminalistics: Collection of Articles. Art]. Moscow, 2004, pp. 91—94.

17. Azarov V. A. [Is an Intersectional Approach Justified while forming the Legal Basis in Operative and Search Activity?] *Aktual'nye problemy ugolovnogo processa i kriminalistiki Rossii i stran SNG: mat-ly mezhdunar. nauchno-prakt. konf., posv. 85-letiju so dnja rozhd. prof., d-ra jurid. nauk, zasluzh. dejatelja vyssh. shk. Ju. D. Livshica (4 apr. 2014 g.)* [Topical Problems of the Criminal Procedure and Criminalistics in Russia and ex-USSR Countries: Materials of International Scientific and Practical Conference dedicated to the 85th Anniversary of the Birth of Prof., Doctor of Juridical Sciences, Honored Lecturer of the Higher School Yu.D. Livshits (April 4, 2014)]. Chelyabinsk: Tsitsero, 2014, pp. 60—65.

18. Zorin R. G., Supytko O. T. Sovershenstvovanie pravovogo regulirovaniya ispol'zovaniya rezul'tatov ORD v kachestve dokazatel'stv i ih istochnikov v ugolovnom sudoproizvodstve [Improving Legal Regulation of Applying the Results of Operative and Search Activity as Evidence and their Sources in Criminal Proceedings]. *Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii — Scientific Vestnik of the Omsk Academy of the Interior Ministry of Russia*. 2014, no. 4 (55), pp. 40—46.

19. Filippov A. N. History of the Senate in the Reign of the Supreme Private Council and Cabinet. Yuriev, 1895. URL: naukaprava.ru/catalog/411/412/2285/18286 (Date of Reference: 25/09/2021).

20. Kuznetsov A.S. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka, gl. red. kand. filol. nauk [The Big Explanatory Dictionary of the Russian Language, Chief Ed. by Candidate of Philological Sciences]. St. Petersburg. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov> (Date of Reference: 25/09/2021).

21. Soboleva T. A. Tajnopis' v istorii Rossii [Cryptography in the History of Russia]. Moscow. 1994, 328 pp.

22. Gavrilov B. Ya. Problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya legalizacii rezul'tatov operativno-razysknoj dejatel'nosti v ugolovnom sudoproizvodstve [Problems of Legislative Regulation of Legalization of the Results of Operative and Search Activity in Criminal Proceedings]. 2018, Irkutsk, pp. 19—23.

23. Pavlichenko N. V., Lobachyeva G. K. Innovacionnye tehnologii v operativno-razysknoj dejatel'nosti: monogr. [Innovative Technologies in Operative and Search Activity: Monograph]. Volgograd, Blank, 2014, 112 p.

24. Polyakov M. P. [Using the Results of Operative and Search Activity in Proving] *Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii: god pravoprimerenija i prepodavanija: mat-ly mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (27—28 okt. 2003 g.)* [The Criminal Procedure Code of the Russian Federation: The Year of Law Enforcement and Teaching: Materials of the International Scientific and Practical Conference (27-28 October 2003)]. Moscow, 2004, pp. 182—184.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Фадеева Юлия Руслановна, адъюнкт адъюнктуры Волгоградской Академии МВД России, 400075, Россия, г. Волгоград, ул. Историческая, д. 130.

ORCID: 0000-0003-4882-5506

INFORMATION ON AUTHORS:

Fadeeva Julia Ruslanovna, Postgraduate student of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Istoricheskaya str., house 130.

ORCID: 0000-0003-4882-5506

Статья поступила в редакцию 13.11.2021; одобрена после рецензирования 20.11.2021; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted 13.11.2021; approved after reviewing 20.11.2021; accepted for publication 25.02.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 1 (100). С. 174—186.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022.
Vol. no. 1(100), p. 174—186.

12.00.09. Уголовный процесс

Научная статья

УДК: 343.13

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.66.59.016

Инна Ивановна Яценко

Волгоградская академия МВД России, Российская Федерация,
yas4enkoinna@yandex.ru

ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ И ФУНКЦИИ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТА В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ, НАУКЕ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Введение: в статье автор анализирует законодательные и научные дефиниции электронного документа, содержание этого феномена и его видовые признаки в целях разработки авторского определения, которое будет отвечать потребностям уголовного судопроизводства.

Материалы и методы: нормативную основу исследования составляют уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации, а также правовые акты, закрепляющие понятие электронного документа. Кроме того, работа базируется на теоретических воззрениях ученых, предлагающих собственные варианты дефиниций изучаемого автором объекта. В исследовании были использованы следующие методы научного познания: диалектический, логический, описание, сравнение, анализ, синтез, индукция и дедукция.

Результаты исследования: сформулировано определение и выявлены признаки электронного документа относительно его уголовно-процессуальных функций (как средства фиксации хода и результатов уголовно-процессуальной деятельности и как доказательства по уголовному делу).

Выводы и заключения: авторские дефиниции электронного документа в дальнейшем позволят усовершенствовать уголовно-процессуальное законодательство путем его более эффективного применения.

Ключевые слова: электронный документ, электронная подпись, уголовное судопроизводство, доказательство, дефиниция.

Для цитирования: Яценко И. И. Понятие, признаки и функции электронного документа в российском законодательстве, науке и уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. №. С. 174— 186.

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.66.59.016

12.00.09. Criminal proceeding

Original article

THE CONCEPT, FEATURES AND FUNCTIONS
OF AN ELECTRONIC DOCUMENT IN RUSSIAN LEGISLATION,
SCIENCE AND CRIMINAL PROCEDURE

Inna I. Yashchenko

Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia, yas4enkoinna@yandex.ru

Introduction: the author analyzes legislative and scientific definitions of an electronic document, the content of this phenomenon and its specific features so as to develop her own definition that will meet the needs of criminal proceedings.

Materials and methods: the criminal procedure legislation of Russia as well as legal acts containing the concept of an electronic document constitute the normative basis for the research. Besides, the work is based on theoretical views of scientists who offer their own definitions of the object under analysis. There have been used the following methods of scientific cognition in the research: dialectical, logical, description, comparison, analysis, synthesis, induction and deduction.

The results of the study: the author has formulated the definition and revealed the features of an electronic document in regard to its criminal procedural functions (as a means to record the course and results of criminal procedure and as evidence in a criminal case).

Findings and conclusions: the authors' definitions of an electronic document will later make it possible to improve criminal procedure legislation through its more effective application.

Keywords: electronic document, electronic signature, criminal proceedings, evidence, definition.

For citation: Yashchenko I. I. Ponjatje, priznaki i funkcii jelektronnogo dokumenta v rossijskom zakonodatel'-stve, nauke i ugovno-processual'noj dejatel'nosti [The concept, features and functions of an electronic document in russian legislation, science and criminal procedure]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022, vol. no, 1 (100) pp. 174— 186 (in Russ.) DOI: 10.55001/2312-3184.2022.66.59.016

Понятийный аппарат науки представляет собой ее неотъемлемую часть, без которой становится невозможным познание последней. Например, ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ)¹ содержит в себе регулярно пополняемый либо конкретизирующийся (что свидетельствует о постоянном раз-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (дейст. ред.). — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

витии уголовно-процессуальной деятельности) перечень основных понятий, используемых в приведенном законе. Таким образом, процесс конструирования определений можно считать одним из базовых инструментов ученого, занимающегося разработкой интересующей его проблемы, поскольку, чем точнее они сформулированы, тем объективнее будут отражать действительность и эффективнее применяться в конкретной ситуации.

В рамках темы исследования автор ставит перед собой задачу выработать дефиницию *электронного документа* (далее также — ЭД), которая будет соответствовать современным реалиям, а также отвечать потребностям уголовного процесса. Поскольку в настоящее время человечество активно эксплуатирует ЭД в повседневной жизни, а также использует и во многих науках (что обусловлено повсеместным внедрением достижений научно-технического прогресса), то для формирования понятия *ЭД в уголовно-процессуальном смысле*, необходимо конкретизировать его с учетом специфики этой деятельности.

Поиск существующих определений ЭД проводился в действующем российском законодательстве, а также научной литературе.

Однако прежде, чем говорить об ЭД, необходимо сослаться на законодательную дефиницию самого документа для выявления родовидовых связей между этими феноменами.

Федеральный закон от 29 декабря 1994 № 77-ФЗ раскрывает документ как «материальный носитель с зафиксированной на нем в любой форме информацией в виде текста, звукозаписи, изображения и (или) их сочетания, который имеет реквизиты, позволяющие его идентифицировать, и предназначен для передачи во времени и в пространстве в целях общественного использования и хранения»¹.

ГОСТ Р 7.0.8—2013 приводит весьма краткое понятие документа: «зафиксированная на носителе информация с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать»².

Более свежий ГОСТ Р ИСО 15489—1—2019, который является идентичным международному стандарту ISO 15489—1:2016 Information and documentation — Records management — Part 1: Concepts and principles, IDT (переведен с английского на русский язык), трактует документ в более узком специализированном смысле, закладывая в него юридическую природу: «документированная информация, созданная, полученная и сохраняемая организацией или частным лицом в качестве доказательства и актива для подтверждения правовых обязательств или деловой транзакции»³.

¹ Об обязательном экземпляре документов: федер. закон от 29 дек. 1994 г. № 77-ФЗ. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

² ГОСТ Р 7.0.8—2013. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения (утв. Приказом Росстандарта от 17 окт. 2013 г. № 1185-ст). — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

³ ГОСТ Р ИСО 15489—1—2019. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Информация и документация. Управление документами. Часть 1. Понятия и принципы (утв. приказом Росстандарта от 26 марта 2019 г. № 101-ст). — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

Стоит отметить, что на сегодняшний день термин «документ» имеет более широкое значение, нежели до научно-технического прогресса, и не ограничивается его письменной формой. Так, ранее приведенный ГОСТ Р 7.0.8—2013 содержит следующие интересующие нас определения: письменный документ, текстовый документ, изобразительный документ, фотодокумент, аудиовизуальный документ, кинодокумент, графический документ, фонодокумент, что позволяет включать в содержание понятия «документ» большое количество объектов. Кроме того, понимание сущности документа невозможно без приведения дефиниции реквизита, под которым понимается «элемент оформления документа»¹.

На данном этапе исследования считаем возможным перейти от родового понятия «документ» к видовому ЭД.

Итак, в действующем законодательстве Российской Федерации обнаруживаем несколько дефиниций ЭД.

В ГОСТ Р 7.0.8—2013 под ЭД понимается документ, информация которого представлена в электронной форме². Главным признаком ЭД несомненно выступает его специфическая форма (электронная).

ГОСТ Р 52292—2004, посвященный информационным технологиям и электронному обмену информацией, дает следующее толкование: ЭД — это «форма представления документа в виде множества взаимосвязанных реализаций в электронной среде и соответствующих им взаимосвязанных реализаций в цифровой среде»³, где специфическим для гуманитарных наук языком среди признаков ЭД выделяется его форма (электронная) и специальная среда существования (электронно-цифровая).

В соответствии с п. 11.1 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 № 149-ФЗ ЭД — это «документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах»⁴. В изложенном определении (как

¹ ГОСТ Р 7.0.8—2013. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения (утв. приказом Росстандарта от 17 окт. 2013 г. № 1185-ст). — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

² ГОСТ Р 7.0.8—2013. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения (утв. приказом Росстандарта от 17 окт. 2013 г. № 1185-ст). — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

³ ГОСТ Р 52292—2004. Национальный стандарт Российской Федерации. Информационная технология. Электронный обмен информацией. Термины и определения (утв. и введен в действие Приказом Ростехрегулирования от 29 дек. 2004 г. № 135-ст). — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

⁴ Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

и в приведенных выше) образующим признаком ЭД выступает его особая форма. Кроме того, немаловажным является критерий его восприятия, передачи и обработки при помощи современных технологий.

В статье 6 Федерального закона от 6 апреля 2011 № 63-ФЗ сказано, что «информация в электронной форме, подписанная квалифицированной электронной подписью, признается электронным документом, ..., и может применяться в любых правоотношениях в соответствии с законодательством Российской Федерации»¹. В данном контексте, помимо формы документа в качестве образующего признака, выделяется обязательное наличие электронной подписи (далее также — ЭП). Именно она придает ЭД юридическую силу и делает его полноценным участником общественных отношений правовой сферы.

В пункте 1.6 приложения к Положению об удостоверяющем центре Евразийской экономической комиссии также приводится дефиниция ЭД с указанием на ЭП, как на его неотъемлемую часть: ЭД — «документ в электронном виде, заверенный электронной цифровой подписью (ЭП) и отвечающий требованиям общей инфраструктуры документирования информации в электронном виде»².

Особый интерес с точки зрения уголовно-процессуальной деятельности представляет определение, содержащееся в п. 1.4 приказа Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации (далее — ВС РФ) от 27 декабря 2016 № 251, а также в п. 1 постановления Пленума ВС РФ от 26 декабря 2017 № 57 (приводятся идентичные дефиниции), в которых под ЭД понимается «документ, созданный в электронной форме без предварительного документирования на бумажном носителе, подписанный электронной подписью в соответствии с законодательством Российской Федерации»³.

Вместе с тем в указанных правовых источниках содержится ряд других смежных определений: документ в электронном виде, электронный образ документа (далее — ЭОД), ЭП, простая электронная подпись (далее — ПЭП), усиленная квалифицированная электронная подпись (далее — УКЭП), позволяющих сделать вывод о том, что в данном контексте обязательными признаками ЭД являются: специфическая форма (электрон-

¹ Об электронной подписи: федер. закон от 6 апр. 2011 г. № 63-ФЗ. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

² Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 9 июля 2018 г. № 110 «Об удостоверяющем центре Евразийской экономической комиссии» (вместе с «Положением об удостоверяющем центре Евразийской экономической комиссии»). — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

³ Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа: приказ Судебного департамента при Верховном Суде Рос. Федерации от 27 дек. 2016 г. № 251. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс»; О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов: постановление Пленума Верховного суда Рос. Федерации от 26 дек. 2017 г. № 57. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

ная); отсутствие предварительного документирования на бумажном носителе (если документ был первоначально задокументирован на бумажном носителе, а позже его сканировали и заверили ЭП, то он понимается как ЭОД и не считается ЭД); наличие ЭП (придает ЭД юридическую силу). При этом все признаки являются обязательными и между собой неразрывными.

Подобное разграничение документов в электронном виде говорит о наличии разных подходов при работе с ними. ЭОД не будет тождественен бумажному оригиналу документа, а также, в соответствии с п. 2.6 приказа Росархива от 29 апреля 2011 № 32, не входит в перечни ЭД¹. Кроме того, указанные документы отличаются следующим обстоятельством: право на их удостоверение может быть у разных субъектов (например, одни обладают полномочием подписывать ЭД, другие — заверять подписью ЭОД).

Важным для понимания подхода к работе с ЭД в уголовном судопроизводстве является Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2020 г. № 2009-О², в котором обосновывается отказ в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Российской Федерации Казакова А. М. Последним через официальный сайт суда в форме ЭД была подана жалоба в районный суд. Однако обращение Казакова А. М. было отклонено, поскольку оно не было подписано (заверено) УКЭП, что является нарушением законодательства Российской Федерации и порядка подачи документов. Приведенный пример демонстрирует ситуацию, при которой документ, составленный в электронной форме, не получает статуса ЭД, пригодного для использования в уголовно-процессуальной деятельности, в связи с отсутствием ЭП.

УПК РФ устанавливает возможность изготовления некоторых процессуальных документов в форме ЭД, подкрепленных ЭП, в том числе УКЭП (ст. 393, ст. 474.1 УПК РФ), а также позволяет использовать ЭД в качестве доказательств по уголовному делу. Однако в отличие от правовых норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ), Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ) и Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее — КАС РФ) уголовно-процессуальные нормы прямо не определяют ЭД как доказательства, но, вместе с тем, и не сужают их содержания до письмен-

¹ Об утверждении Рекомендаций по подготовке федеральными органами исполнительной власти перечней документов, создание, хранение и использование которых должно осуществляться в форме электронных документов при организации внутренней деятельности: приказ Росархива от 29 апр. 2011 г. № 32. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Казакова Андрея Михайловича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 474.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и положением пункта 4 статьи 1 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти»: определение Конституционного суда Рос. Федерации от 29 сент. 2020 г. № 2009-О. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

ных (ст. 71 ГПК РФ¹, ст. 75 АПК РФ², ст. 70 КАС РФ³). При толковании содержания ст. 84 УПК РФ можно заключить, что ЭД подпадают под определение иных документов-доказательств, которые при наличии признаков, указанных в ч. 1 ст. 81 УПК РФ, признаются вещественными доказательствами.

Обобщая приведенные в законодательстве дефиниции ЭД, можно выделить 5 его видовых признаков, из которых 3 являются строго обязательными (без них ЭД перестанет существовать как феномен):

- 1) специфическая форма существования (электронная);
- 2) специфическая среда существования (электронно-цифровая);
- 3) создание, обработка, воспроизведение, передача и хранение с применением технических средств, а также 2 признака, являющихся обязательными только в случае прямого законодательного закрепления:

- 4) наличие ЭП (УКЭП);

- 5) отсутствие предварительного документирования на бумажном носителе.

Кроме того, анализируя место и роль ЭД в законодательстве Российской Федерации, можно сделать вывод об отсутствии унифицированного подхода к их толкованию и порядку применения, а также о перманентной работе по внедрению в «тело» различных отраслей отечественного права отдельных положений по их нормативному закреплению, однако, полагаем, недостаточной для соответствия современным потребностям российского общества.

Переходя к поиску определений ЭД в научной литературе, следует еще раз отметить, что последний активно используется в разных видах человеческой деятельности. Исходя из сказанного, целесообразно рассматривать дефиницию ЭД в разрезе нескольких видов наук: гуманитарной, технической и естественной. Среди гуманитарных наук в первую очередь автора интересует юриспруденция, поскольку тема исследования находится именно в этой плоскости, а также документоведение, как область знаний, целенаправленно изучающая документы (в том числе ЭД). Однако стоит учитывать, что «альма-матер» ЭД — это технические науки (его создание, хранение, обработка, воспроизведение), кроме того, естественные науки, а именно физика (его передача во времени и пространстве), вследствие чего ни одно приведенное определение не может обойти его первоначальную природу.

Так, А. А. Косовец понимает под ЭД «набор данных, записанных в компьютеро-читаемом виде, для которых выполнено следующее условие: существует признанная участниками электронного документооборота или утвержденная компетентным органом процедура, позволяющая однозначно преобразовать эти данные в документ традицион-

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ (дейст. ред.). — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

² Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (дейст. ред.). — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

³ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: федер. закон от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (дейст. ред.). — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

ного режима» [4, с. 51]. Приведенная трактовка, думается, является узкой, поскольку трансформация ЭД в традиционный возможна не для всех видов современных ЭД (например, кинодокумент, изобразительный документ).

Говоря об ЭД, А. П. Вершинин подчеркивает, что содержанием он ничем не отличается от документов на других носителях (например, бумажных). Именно электронная форма существования выделяет его среди прочих документов [1, с. 40,42]. Данное им определение соответствует общему понятию документа (документированной информации), которое содержалось в действовавшем на тот момент Федеральном законе от 20 февраля 1995 № 24-ФЗ, а именно: «...зафиксированная на материальном носителе информация с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать¹».

С. И. Семилетов пишет, что ЭД — «это созданный при помощи аналоговых электронно-механических или электронных цифровых программных и аппаратно-технических (ЭВМ) средств документ, в котором выделенная информация с реквизитами представлена и материально зафиксирована в форме аналоговой записи или в форме цифровой записи идентифицируемого файла, идентифицируемой записи в файле (файлах базы данных) или иной выделяемой записи в цифровом коде на каких-либо электронных носителях, доступной для использования, копирования, передачи и получения по телекоммуникационным каналам связи и последующей обработки в информационных системах, а также для однозначного отображения или воспроизведения при визуальном или ином восприятии человеком с помощью этих средств». С. И. Семилетовым утверждается, что «ЭД ... является „письменной формой“ представления информации». [7, с. 8—9]. Ссылка на письменную форму ЭД указывает на его узкое толкование, так как в содержание последнего автоматически не могут быть включены иные документы (например, аудиовизуальные документы и фонодокументы). Кроме того, С. И. Семилетов делает акцент на том, что отображаемый на дисплее какого-либо устройства визуальный образ ЭД не является самим ЭД, поскольку его объективная форма — это запись, которая непосредственно не может восприниматься человеком.

Т. Э. Кукарникова предлагает понимать ЭД в широком смысле: как «объект, несущий информацию, имеющий смысловое значение и существующий только в электронной среде» [5, с. 64]. По её мнению, в содержание ЭД включаются все виды документов (письменные, текстовые, изобразительные, аудиовизуальные и их разновидности), что соответствует законодательной позиции и позволяет считать его обоснованным.

Н. Н. Федосеева подчеркивает, что немалая часть ЭД создается не для целей использования их в электронном документообороте (например, магнитные записи «черных ящиков», аудио-, видеозаписи) и считает, что ЭД — это «вообще любая информация, записанная на перфокарту, перфоленту, магнитный, оптический, магнитооптический накопитель, карту флэш-памяти и иной подобный носитель, которую можно аутентифицировать и/или идентифицировать» (авторская орфография сохранена — И. Я.) [8]. Од-

¹ Об информации, информатизации и защите информации: федер. закон от 20 февр. 1995 г. № 24-ФЗ (утратил силу). — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

нако в таком случае придется признать, например, компьютерную программу в качестве ЭД, что не соответствует действительности, поскольку она представляет собой самостоятельный объект.

В. Б. Вехов, изучая компьютерную информацию, выделяет ЭД как одну из форм её представления, а также ссылается на дефиницию, содержащуюся в ранее действовавшем Федеральном законе от 10 января 2002 № 1-ФЗ, где сказано, что ЭД — это «документ, в котором информация представлена в электронно-цифровой форме» [2, с. 87], и также отмечает, что главной особенностью ЭД является «отсутствие жесткой привязки к конкретному материальному носителю», а также то, что «к нему не применимы такие понятия, как оригинал и копия», поскольку копией ЭД может выступать только «его копия на бумажном носителе — машинограмма» [2, с. 94].

В рамках развития учения об электронных доказательствах в уголовном судопроизводстве П. С. Пастухов, говоря об ЭД, критикует «концепцию аналогии электронного и традиционного (бумажного) документа», кроме того, акцентирует внимание на авторстве ЭД, которое для последнего «остаётся принципиально важным моментом», при этом, по его мнению, для ЭД не является обязательной возможность его «перевода в письменный вид и удостоверение его идентичности традиционными средствами (участием понятых, подписями, „мокрыми печатями“» [6, с. 40, 41].

Г. З. Залаев и В. А. Цветкова предлагают понимать под ЭД «документированную информацию, представленную в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах, имеющая или не имеющая явный физический обособленный носитель» [3, с. 18]. Данная дефиниция частично совпадает с содержащейся в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», приведенной здесь выше по тексту. Однако сами авторы говорят о дискуссионности своего определения, поскольку оно не даёт точного пояснения по некоторым вопросам [3, с. 18]. Вместе с тем, анализируя современные технологии, Г. З. Залаев и В. А. Цветкова, как и В. Б. Вехов, заостряют внимание на таком признаке ЭД, как его весьма условная привязанность к материальному носителю. Кроме того, звучит однозначное утверждение, что некоторые ЭД не могут трансформироваться в традиционный вид.

В разрезе науки документоведения В. Ф. Янковая настаивает на разграничении понятий таких объектов, как ЭД, «рожденный цифровым», т. е. созданный без предварительного документирования на бумажном носителе, и электронная копия документа, которая представляет собой документ, первоначально зафиксированный на бумаге, после чего оцифрованный (в некоторых правовых актах, на которые ссылались выше, под ним понимается ЭОД). Подобная позиция основывается на особенностях ведения делопроизводства в организациях, в частности архивирования документов. Соответственно, по её мнению, ЭД следует трактовать как «документ, созданный в цифровой форме» [9].

Изучив и проанализировав массив приведенных в исследовании законодательных и научных дефиниций ЭД, однозначно не находим единого понимания этого феномена.

Такое положение вещей обусловлено (как уже отмечалось) использованием ЭД в различных областях знаний и сферах деятельности. Однако наблюдаем, что при подходе к их пониманию прослеживаются два подхода:

1) в узком смысле, где ЭД воспринимается как аналог документа на бумажном носителе, существующий в электронно-цифровой среде;

2) в широком смысле, где в качестве ЭД признаются все виды документов без исключения (письменные, текстовые, изобразительные, аудиовизуальные и их разновидности: фото-, фоно-, кино-, видео- и графические документы) с учетом представления содержащейся в них информации в электронной форме.

Полагаем, что первый подход является неактуальным в условиях современности, т. к. не способен отразить всего многообразия содержания ЭД и подходит только для целей отдельных наук. Таким образом, предлагаем придерживаться второго (широкого) подхода к пониманию ЭД.

Обобщив приведенные в работе определения ЭД в российском законодательстве и научной литературе, приходим к выводу о том, что ни одно из них не удовлетворяет исследователя в полной мере относительно применения в уголовно-процессуальной деятельности. Указанный вывод строится в первую очередь на том, что в настоящее время ЭД используется в уголовном судопроизводстве в двух качествах (выполняет две функции):

1) форма процессуального документа, фиксирующего ход и результаты уголовно-процессуальной деятельности (ст. 393, ст. 474.1 УПК РФ);

2) доказательство по уголовному делу (ст. 84 УПК РФ).

Исходя из сказанного, в качестве результата проведенного исследования, основываясь на уже существующих определениях, считаем возможным предложить две дефиниции ЭД, которые, полагаем, будут отвечать потребностям уголовного судопроизводства:

1) электронный документ — это документ в электронной форме, заверенный электронными подписями в соответствии с законодательством Российской Федерации всех необходимых участников уголовного процесса, который создается в целях фиксации хода и результатов уголовно-процессуальной деятельности;

2) электронный документ-доказательство — это любой документ, информация которого представлена в электронной форме, находящийся на материальном носителе, однако не имеющий жесткой привязки к последнему, содержащий любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном уголовно-процессуальным законом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

В первом определении, помимо основных трех признаков ЭД, ранее обозначенных автором настоящей статьи в качестве таковых, ключевую роль приобретает факт удостоверения последнего ЭП. Соответственно без наличия всех необходимых на конкретном процессуальном документе ЭП участников уголовного процесса ЭД не будет приобретать уголовно-процессуального значения и юридической силы. Со своей сути,

такой ЭД выступает как аналог документа традиционного режима, фиксирующего ход и результаты уголовного судопроизводства. Следовательно, посредством ЭД возможно частично, а в дальнейшем полностью заменить бумажное уголовное дело на электронное, как, например, в некоторых иностранных государствах дальнего (США, Саудовская Аравия, Сингапур и т. д.) и ближнего (Казахстан, Грузия, Эстония и т. д.) зарубежья, а также создать с помощью современных IT-инструментов эффективную систему электронного правосудия.

Следовательно, к основным трем признакам ЭД в обозначенном контексте добавляем:

- удостоверение ЭП;
- фиксирование хода и результатов уголовно-процессуальной деятельности.

Второе определение базируется только на видообразующих признаках ЭД, т. е. под ним будет пониматься абсолютно любой документ в электронной форме, что делает содержание данной дефиниции шире по сравнению с первой. Однако для признания ЭД доказательством по уголовному делу требуется соответствие последнего всем критериям, предъявляемым к сведениям, которые могут лечь в основу доказательственной информации расследуемого преступления.

Исходя из сказанного, в рамках рассмотрения ЭД как доказательства автором статьи, кроме прочих, выделяется следующий признак: соответствие критериям, предъявляемым к доказательствам по уголовному делу.

Таким образом, итогом проведенного исследования следует считать выработку двух определений ЭД, а также его внутриотраслевых признаков, выведенных на основании тех функций, которые ЭД выполняют в уголовном судопроизводстве. Выражаем уверенность в том, что российский уголовно-процессуальный закон нуждается в реформировании, в том числе путем расширения возможностей по использованию ЭД. Соответственно, необходимо формулировать четкие правовые механизмы, учитывающие их видовые особенности, способные регламентировать применение последних, как в качестве альтернативы традиционным документам в бумажном виде, так и в качестве доказательств по уголовному делу.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Косовец А. А. Правовое регулирование электронного документооборота // Вестник Московского университета. — 1997. — № 4. — С. 46—60.
2. Вершинин А. П. Электронный документ: правовая форма и доказательство в суде. — М., 2000. — 248 с.
3. Семилетов С. И. Документы и документооборот как объекты правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2003. — 27 с.
4. Кукарникова Т. Э. Электронный документ в уголовном процессе и криминалистике: дис. ... канд. юрид. наук. — Воронеж, 2003. — 204 с.
5. Федосеева Н. Н. Опыт международно-правового регулирования электронного документооборота // Международное публичное и частное право. — 2008. — № 1 (40) [Электронный

ресурс]. — URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/34457-opyt-mezhdunarodno-pravovogo-regulirovaniya-ehlektronnogo-dokumentooborota> (дата обращения: 29.09.2021).

6. Вехов В. Б. Криминалистическое учение о компьютерной информации и средствах её обработки: дис. ... д-ра юрид. наук. — Волгоград, 2008. — 561 с.

7. Пастухов П. С. Модернизация уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2015. — 64 с.

8. Залаев Г. З., Электронные документы и современные технологии / Г. З. Залаев, В. А. Цветкова // Информационные ресурсы России. — 2018. — № 2 (162). — С. 13—19.

9. Янковая В. Ф. Понятия «электронный документ» и «архивный электронный документ» // Делопроизводство. — 2019. — № 3. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

REFERENCES

1. Kosovets A. A. Pravovoe regulirovanie jelektronnogo dokumentooborota [Legal Regulation of Electronic Workflow]. *Vestnik Moskovskogo universiteta — Vestnik of Moscow University*. 1997, no. 4, pp. 46-60.

2. Vershinin A. P. Electronic Document: a Legal Form and Evidence in Court. Moscow, 2000. 248 p.

3. Semiletov S. I. Dokumenty i dokumentooborot kak ob#ekty pravovogo regulirovaniya: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. [Documents and Workflow as Objects of Legal Regulation: Abstract of Thesis ... Cand. of Jurid. Sciences]. Moscow, 2003, 27 p.

4. Kukarnikova T. E. Electronic Document in Criminal Process and Criminalistics: Diss. ... Cand. of Jurid. Sciences. Voronezh, 2003, 204 p.

5. Fedoseyeva N. N. Experience of International Legal Regulation of Electronic Workflow // *International Public and Private Law*. 2008. No. 1 (40). Available from: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/34457-opyt-mezhdunarodno-pravovogo-regulirovaniya-ehlektronnogo-dokumentooborota> (accessed: September 29, 2021).

6. Vekhov V. B. Kriminalisticheskoe uchenie o komp'juternoj informacii i sredstvah ejo obrabotki: dis. ... d-ra jurid. nauk. [Forensic Study on Computer Information and the Means to Process It: Diss. ... Dr. of Jurid. Sciences]. Volgograd, 2008, 561 p.

7. Pastukhov P. S. Modernizacija ugodovno-processual'nogo dokazyvaniya v uslovijah informacionnogo obshhe-stva: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. [Modernization of Criminal Procedural Proving in the Information Society: Abstract of Thesis ... Dr. of Jurid. Sciences]. Moscow, 2015. 64 p.

8. Zalayev G. Z., Tsvetkova V. A. Jelektronnye dokumenty i sovremennye tehnologii [Electronic Documents and Modern Technologies]. *Informacionnye resursy Rossii — Information Resources of Russia*. 2018, no. 2 (162), pp. 13-19.

9. Yankovaya V. F. The Concepts “Electronic Document” and “Archival Electronic Document”. Office Work. 2019, no. 3. Access from the Legal Reference System “ConsultantPlus”.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ященко Инна Ивановна, адъюнкт адъюнктуры Волгоградской академии

МВД России, Российская Федерация.

400075, Россия, г. Волгоград, ул. Историческая, 130.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yashchenko Inna Ivanovna, associate adjunct of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia. 400075, Russia, Volgograd st. Historical, d. 130.

Статья поступила в редакцию 12.10.2021; одобрена после рецензирования 19.10.2021; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted 12.10.2021; approved after reviewing 19.10.2021; accepted for publication 25.02.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 1 (100). С. 187—196.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022.
Vol. no. 1 (100), p. 187—196.

**12.00.11. Судебная деятельность, прокурорская деятельность,
правозащитная и правоохранительная деятельность**

Научная статья

УДК: 351.81

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.50.52.017

**КАТЕГОРИЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ОСНОВА ПРАВООТНОШЕНИЙ
НА ОБЪЕКТАХ ВОЗДУШНОГО ТРАНСПОРТА**

Олег Игоревич Матюхин

Академия управления МВД России, г. Москва, Российская Федерация
olegmat80@mail.ru

Введение: в статье рассматривается деятельность субъектов, обеспечивающих общественную безопасность на объектах воздушного транспорта. Ведомственные нормативные правовые акты должны учитывать государственную стратегию в сфере обеспечения безопасности. От уровня взаимодействия уполномоченных субъектов, участвующих в обеспечении безопасности, зависит и уровень состояния защищенности граждан от различных угроз.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, федеральные законы, постановления и распоряжения правительства Российской Федерации, иные нормативные акты, и концептуальные положения, регламентирующие обеспечение общественной безопасности на объектах транспорта. Методологической основой исследования послужили общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, также методы логической дедукции, индукции, анализ нормативных правовых актов, обобщения и описания.

Результаты исследования: позволили выявить некоторые проблемные вопросы, связанные с правовым регулированием правоотношений субъектов обеспечения безопасности на объектах воздушного транспорта. Раскрыть содержание деятельности и компетенций государственных органов и организаций, осуществляющих правоохранительные функции, установить их взаимосвязь и взаимообусловленность в единой системе обеспечения безопасности на объектах инфраструктуры воздушного транспорта.

Выводы и заключения: проведен анализ действующих нормативных правовых актов и их взаимосвязь в сфере обеспечения общественной, транспортной и авиационной безопасности. Сформулирован вывод о том, что государство — главный субъект обеспечения безопасности, эффективное правовое регулирование государственных правоохранительных органов и других организаций обеспечивается только при системном и комплексном подходе к данному вопросу.

Ключевые слова: органы внутренних дел, взаимодействие, нормативные правовые акты, субъекты обеспечения общественной безопасности, воздушный транспорт, безопасность.

Для цитирования: Матюхин О. И. Категория безопасность как основа правоотношений на объектах воздушного транспорта // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2022. № 1 (100). — С. 187—196.
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.50.52.017

12.00.11. Judicial activity, prosecutorial activity, human rights and law enforcement activities

Original article

CATEGORY SECURITY AS THE BASIS OF LEGAL RELATIONS AT AIR TRANSPORT FACILITIES

Oleg I. Matyukhin

Academy of Management of the Interior Ministry of Russia, Moscow, Russian Federation,
olegmat80@mail.ru

Introduction: the article considers the activities of entities that ensure public safety at air transport facilities. Departmental regulatory legal acts should take into account the state strategy in the field of security. The level of protection of citizens from various threats also depends on the level of interaction of authorized entities involved in ensuring security.

Materials and methods: the normative basis of the study is formed by the Constitution of the Russian Federation, federal laws, resolutions and orders of the Government of the Russian Federation, other normative acts, and conceptual provisions regulating public safety at transport facilities. The methodological basis of the research was the general dialectical method of scientific cognition, which has a universal character, as well as methods of logical deduction, induction, analysis of normative legal acts, generalization and description.

The results of the study: allowed us to identify some problematic issues related to the legal regulation of legal relations of security subjects at air transport facilities. To disclose the content of the activities and competencies of state bodies and organizations performing law enforcement functions. To establish their interrelation and interdependence in a single system of ensuring security at air transport infrastructure facilities.

Findings and conclusions: the analysis of the current regulatory legal acts and their interrelation in the field of public, transport and aviation security is carried out. The conclusion is formulated that the state is the main subject of ensuring security, effective legal regulation of state bodies and other organizations is provided only with a systematic and integrated approach to this issue.

Keywords: internal affairs bodies, interaction, regulatory legal acts, subjects of public safety, air transport, security.

For citation: Matyukhin O. I. Kategorija bezopasnost' kak osnova pravootnoshenij na obektah vozdushnogo transporta [Category security as the basis of legal relations at air

transport facilities]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022, vol. no, 1 (100), pp. 187—196. (in Russ.)

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.50.52.017

Актуальность вопросов обеспечения безопасности на объектах воздушного транспорта имеет принципиальное значение для жизнедеятельности общества и государства. Безопасность присутствует во всех сферах общественных отношений, без которой невозможно почувствовать состояние защищенности, а оно определяет стабильность и устойчивость системы, в частности объектов воздушного транспортного комплекса.

Безопасность как категорию можно рассматривать с различных позиций: официальной, социально-философской и аксиологической.

Безопасность при аксиологическом подходе понимается как ценность и свойство общественного предмета, характеризующее социальное и историческое значение для человека и общества.

При социально-философском подходе безопасность представляется как устойчивая, целостная социальная система, способная эффективно функционировать при негативном воздействии на нее.

Из смысла различных нормативных документов в области безопасности данная категория определяется как состояние защищенности от различного вида опасностей. В стратегии национальной безопасности Российской Федерации безопасность понимается как национальная безопасность, осуществляемая с целью защиты интересов России и угроз внутреннего и внешнего характера.

В Федеральном законе от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» определены такие виды безопасности, как общественная, экологическая, безопасность личности и иные.

В Воздушном кодексе Российской Федерации авиационная безопасность определена как состояние защищенности авиации от незаконного вмешательства в деятельность в области авиации¹.

В Федеральном законе от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» определена транспортная безопасность, под которой понимается состояние защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства. Согласно данному законодательному акту, авиационная безопасность является частью транспортной безопасности.

Обеспечение авиационной безопасности, прежде всего, связано с выполнением соответствующих рекомендаций и стандартов ИКАО и положений международных договоров Российской Федерации в сфере авиационной безопасности [2, с. 117]. Авиационная безопасность предполагает обеспечение безопасности жизни и здоровья людей всех стран, путем предотвращения угроз против воздушных судов, принадлежащих и другим государствам. При таком подходе сущность авиационной безопасности состоит в предотвращении таких угроз, как захват или угон воздушного судна, террори-

¹ Воздушный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ (ред. от 02.07.2021). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

стического акта. Предотвращение вышеперечисленных угроз является частью правоохранительной деятельности.

Таким образом, категория безопасности многообразна, и каждый из ее видов обеспечивается различными органами со своими определенными полномочиями и функциями, не входящими в компетенцию другого субъекта.

Одним из приоритетных направлений государственной стратегии России является обеспечение общественной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры, т. к. транспорт России, в том числе воздушный, играет важную функцию в социально-экономическом развитии страны.

Вместе с этим обеспечение общественной безопасности на объектах инфраструктуры воздушного транспорта охватывает не только защищенность деятельности в области авиации, но и в целом транспортную безопасность, которая намного шире. Однако общественная безопасность является основой национальной безопасности и обязанностью государственных органов защищать интересы личности, общества и государства¹. В этой связи необходимо сказать, что качество обеспечения безопасности во многом зависит от эффективности деятельности не только правоохранительной системы, но и активного участия общественных объединений и организаций [5, с. 128].

Вопрос о монопольности государства как собственника в различных сферах жизни человека и гражданина, в том числе и в безопасности, как это было раньше при советской системе взаимодействия государства и личности, не стоит [1, с. 23]. Соответственно, утверждение о том, что произошла смена парадигм в вопросах обеспечения безопасности «от безопасности государства, к безопасности человека» можно считать правильным [9, с.150].

Но вместе с тем государство является главным субъектом обеспечения безопасности в лице соответствующих органов законодательной, исполнительной и судебной власти. В связи с этим категория «общественная безопасность» неотделима от государственного управления и предопределяет возникновение организационных связей, обеспечивающих подчинение субъектов управления.

Общественная безопасность рассматривается как часть национальной безопасности Российской Федерации и подготовлена с учетом «Концепции социально-экономического развития» (до 2030 года)², а также «Стратегии национальной безопасности России». Однако обеспечение общественной безопасности является относительно самостоятельным направлением в сфере национальной безопасности, тем самым подчеркивается ответственность субъектов управления. Их отношения должны развиваться на основе конструктивного взаимодействия с институтами гражданского общества, где государственное управление призвано играть определяющую роль, законодательно регулируя и гарантируя обеспечение общественной безопасности.

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

² Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года (разработан Минэкономразвития России). — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

Федеральным законом от 28 декабря 2010 года № 390-ФЗ «О безопасности» установлен принцип поддержания общественной безопасности на всей территории Российской Федерации во взаимодействии с уполномоченными государственными органами, органами местного самоуправления и организациями, принимающими участие в обеспечении общественной безопасности.

С философской точки зрения, под взаимодействием понимается процесс непосредственного воздействия объектов или субъектов друг на друга, порождая их изменение и взаимную обусловленность¹.

В отношении организации деятельности органов внутренних дел можно выделить взаимодействие внутриорганизационное (между подразделениями ОВД на транспорте) и внешнеорганизационное (с организациями воздушного транспорта, службой транспортной безопасности и т. д.) [10, с. 174]. Первое заключается в совместном выполнении задач и функций по реализации административно-юрисдикционной деятельности полиции, направленной на повышение эффективности по обеспечению общественной безопасности в аэропортах.

Внешироорганизационное взаимодействие представляет собой взаимодействие между субъектами транспортной инфраструктуры и, в случае необходимости, привлечения дополнительных сил, средств для достижения соответствующих целей и задач, а также получения значимых сведений для обеспечения общественной безопасности.

Субъектами в сфере обеспечения общественной безопасности являются уполномоченные органы государственной власти, в том числе органы внутренних дел на транспорте, а также юридические лица, обладающие соответствующими компетенциями [3].

Наличие необходимой нормативно-правовой базы, определяющей взаимодействие, позволяет говорить об эффективной организации деятельности при обеспечении общественной безопасности. Издание документа, регламентирующего и распределяющего полномочия участников транспортных правоотношений, является важным для реализации политики безопасности на транспорте.

В общем виде нормативно-правовая база, регламентирующая деятельность субъектов обеспечения безопасности на воздушном транспорте, в целом определена и, на первый взгляд, составляет целостность ее обеспечения, но говорить об эффективности взаимодействия и единой целостности между органами внутренних дел и другими субъектами при обеспечении общественной безопасности на воздушном транспорте не приходится.

Можно считать, что Федеральный закон от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» позволил определить объекты транспортной инфраструктуры на законодательном уровне, а также разделить безопасность на таких видах транспорта, как воздушный, железнодорожный, морской, автомобильный [6, с. 131]. Постановление Правительства Российской Федерации от 21 декабря 2020 г. № 2201 «Об утверждении требований по обеспечению транспортной безопасности, в том числе требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий), учитывающих уровни безопас-

¹ Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. — 7-е изд., перераб. доп. — М., 2001. — С. 93.

ности для различных категорий объектов транспортной инфраструктуры дорожного хозяйства» законодательно закрепило дополнительные меры по обеспечению транспортной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 августа 2018 года № 943 «Об утверждении Правил взаимодействия федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, субъектов транспортной инфраструктуры и перевозчиков при проверке информации об угрозе совершения акта незаконного вмешательства на объекте транспортной инфраструктуры и (или) транспортном средстве» установлен перечень действий, совершаемых органами внутренних дел на транспорте, территориальными органами ФСБ России, органами военного управления Министерства обороны Российской Федерации, территориальными органами Федеральной службой по надзору в сфере транспорта, органами исполнительной власти субъекта Российской Федерации, местной администрацией, субъектом транспортной инфраструктуры или перевозчиком. Постановление разграничивает полномочия и устанавливает четкие требования к порядку и объему совершаемых действий для ликвидации угрозы совершения террористического акта¹. Угроза совершения террористического акта является наиболее существенной угрозой, последствия которой имеют широкий общественный резонанс не только в России, но и во всем мире.

Однако, необходимо отметить, что в регулировании взаимодействия органов внутренних дел на транспорте с другими субъектами, осуществляющими общественную безопасность на воздушном транспорте, в настоящий момент присутствуют существенные пробелы.

Механизм реализации комплексных мер по обеспечению транспортной безопасности не конкретизирован в действующих нормативных правовых актах, однако полномочиями по ее обеспечению, как отмечено выше, обладают несколько субъектов.

В научных трудах, посвященных проблематике обеспечения общественной безопасности, наиболее часто рассматриваются в качестве субъектов взаимодействия с органами внутренних дел следующие:

- подразделения транспортной безопасности, осуществляющие защиту объектов от противоправных посягательств и обеспечивающие пропускной режим;
- службы авиационной безопасности, которые проводят предполетный досмотр пассажиров и проверку багажа на предмет обнаружения предметов и веществ, запрещенных к воздушным перевозкам.

¹ Об утверждении Правил взаимодействия федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, субъектов транспортной инфраструктуры и перевозчиков при проверке информации об угрозе совершения акта незаконного вмешательства на объекте транспортной инфраструктуры и (или) транспортном средстве: постановление Правительства Рос. Федерации от 15 авг. 2018 г. № 943 // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: [http:// www.pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru). (дата обращения: 24.01.2022).

Что касается других правоохранительных органов, организаций и других негосударственных формирований, то их деятельность в рамках осуществления взаимодействия с органами внутренних дел в научных трудах недостаточно освещена.

Вместе с тем на объектах воздушного транспорта обеспечивают транспортную безопасность, такие подразделения как Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации, Федеральная служба безопасности Российской Федерации, Министерство обороны Российской Федерации, Федеральная служба по надзору в сфере транспорта, орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации, местная администрация, субъект транспортной инфраструктуры и (или) перевозчик.

При этом их деятельность осуществляется на основании ведомственных нормативно-правовых актов, регламентирующих порядок действий в пределах своих полномочий при возникновении соответствующих обстоятельств на объектах транспорта.

Следует отметить, что, например, полномочия сотрудников Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации близки с полномочиями сотрудников полиции, например, пресечение противоправных действий, преступлений, а также административных правонарушений, производство досмотра транспортных средств, проверка документов, доставление граждан в органы полиции [8, с. 137].

В соответствии Правилами охраны аэропортов и объектов их инфраструктуры¹ подразделениями войск национальной гвардии Российской Федерации осуществляется охрана границ территории международных аэропортов. Указанная функция непосредственно связана с обеспечением общественной безопасности, но при этом, в качестве субъекта обеспечения транспортной безопасности подразделения войск национальной гвардии Российской Федерации не указаны.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что правовое регулирование не ограничивается только Федеральным законом от 9 февраля 2007 года № 16-ФЗ «О транспортной безопасности», а требует обращения ко множеству нормативных правовых актов, регулирующих правоотношения субъектов в сфере обеспечения общественной, транспортной и авиационной безопасности. В настоящее время отсутствует единый нормативный правовой акт, который бы конкретизировал обеспечение общественной безопасности на объектах инфраструктуры воздушного транспорта в качестве единой целостной системы, субъектов ее обеспечения, структуру, порядок взаимодействия при осуществлении полномочий.

Множество нормативных правовых актов, регулирующих вопросы безопасности на воздушном транспорте создает трудности при организации взаимодействия между участниками системы обеспечения авиационной безопасности [7].

Преодоление проблемных моментов возможно посредством совершенствования форм нормотворческой деятельности и конструктивно-критического анализа, систематизации нормативных правовых актов в сфере обеспечения общественной безопасности, усилением контроля за их реализацией. Ведомственное же правовое регулирование - не

¹ Об утверждении Правил охраны аэропортов и объектов их инфраструктуры: постановление Правительства Рос. Федерации от 1 февр. 2011 г. № 42 (ред. от 24.12.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: [http:// www.pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru). (дата обращения: 24.01.2022).

обходимая часть организующего воздействия на сферу общественных отношений, складывающихся в процессе их деятельности.

Совершенствование организационных и правовых основ повысит уровень взаимодействия и координацию всех структур в сфере обеспечения общественной безопасности, соответственно позволит сформировать системный и многоуровневый подход и к обеспечению транспортной и авиационной безопасности.

В заключение можно сказать, что безопасность играет ключевое место во всех сферах жизнедеятельности общества, государства и отдельной личности. Безопасность на объектах воздушного транспорта — это сложная, многоуровневая задача, эффективность решения которой во многом определяется государственной политикой государства и компетентностью органов, ее обеспечивающих. От координации деятельности всех заинтересованных субъектов зависит уровень состояния защищённости от различного вида угроз. Нормативно-правовое регулирование вопросов взаимодействия органов внутренних дел, служб авиационной безопасности, подразделений ведомственной охраны Минтранса России, войск национальной гвардии Российской Федерации позволит на более качественной основе обеспечить состояние защищенности граждан и объектов воздушного транспортного комплекса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Герасимов А. В. Феномен безопасности в социально-философском дискурсе // Философская школа. — 2018. — № 4. — С. 23—30.
2. Гаптрахманова А. В. Международно-правовые основы обеспечения безопасности полетов гражданской авиации международной организацией гражданской авиации (ИКАО). — 2013. — № 3. — С. 117—120.
3. Долгополов А. А. К вопросу об организации взаимодействия органов внутренних дел с другими субъектами обеспечения транспортной безопасности / А. А. Долгополов, А. В. Белоконь // Вестник КРУ МВД России. — 2016. — № 3 (33). — С. 156—161 [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-organizatsii-vzaimodeystviya-organov-vnutrennih-del-s-drugimi-subektami-obespecheniya-transportnoy-bezopasnosti> (дата обращения: 11.09.2021).
4. Кондрашов Б. П. Общественная безопасность и административно-правовые средства ее обеспечения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 1998. — С. 78
5. Пестов Н. Н. Обеспечение органами внутренних дел правопорядка на транспорте: исторические, правовые и организационные аспекты: моногр. / Н. Н. Пестов, В. В. Кирюхин, И. Л. Янченко. — М.: Проспект, 2019. — 128 с.
6. Рязанов Н. С. К вопросу о соотношении понятий «безопасность» и «транспортная безопасность» // Сибирское юридическое обозрение. — 2017. — № 4 (17). — С. 131—136.
7. Сvirкин В. А. К вопросу обеспечения транспортной безопасности на воздушном транспорте // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. — 2013. — № 196. — С. 115—121.
8. Еркина Т. Н. Федеральная служба войск национальной гвардии России. Вопросы участия в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности // Закон и право. — 2019. — № 7. — С. 137—140.
9. Елагин А. Г. Основы теории и управления общественной безопасностью (просто о сложном). — М.: ООО «Сам Полиграфист», 2020. — 150 с.

10. Жигалов П. Н. Взаимодействие подразделений органов внутренних дел на транспорте с иными субъектами обеспечения транспортной безопасности на современном этапе // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2021. — № 2 (57). — С. 174—178.

REFERENCES

1. Gerasimov A. V. Fenomen bezopasnosti v social'no-filosofskom diskurse [The phenomenon of security in the socio-philosophical discourse]. *Filosofskaja shkola — Philosophical school*. 2018, no. 4., pp. 23—30.

2. Gaptrakhmanova A. V. Mezhdunarodno-pravovye osnovy obespechenija bezopasnosti poletov grazhdanskoj aviicii mezhdunarodnoj organizaciej grazhdanskoj aviicii (IKAO) [International legal bases for ensuring the safety of civil aviation flights by the International Civil Aviation Organization (ICAO)]. 2013, no. 3, pp. 117—120.

3. Dolgopopolov A. A., Belokon A. V. K voprosu ob organizacii vzaimodejstvija organov vnutrennih del s drugimi sub#ektami obespechenija transportnoj bezopasnosti [On the issue of the organization of interaction of internal affairs bodies with other subjects of transport security]. *Vestnik KRU MVD Rossii — Vestnik of the KRU of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2016, no. 3 (33), pp. 156—161 [Electronic resource]. — Access mode URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-organizatsii-vzaimodeystviya-organov-vnutrennih-del-s-drugimi-subektami-obespecheniya-transportnoj-bezopasnosti> — Date of application: 11.09.2021.

4. Kondrashov B. P. *Obshhestvennaja bezopasnost' i administrativno-pravovye sredstva ee obespechenija: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk.* [Public safety and administrative and legal means of ensuring it: abstract. dis.... doct. jurid. Sciences]. Moscow, 1998.

5. Pestov N. N., Kiryukhin V. V., Yanchenko I. L. Obespechenie organami vnutrennih del pravoporjadka na transporte: istoricheskie, pravo-vye i organizacionnye aspekty: monogr. [Ensuring law and order in transport by internal affairs bodies: historical, legal and organizational aspects: monograph]. Moscow: Prospekt, 2019, 128 p.

6. Ryazanov N. S. K voprosu o sootnoshenii ponjatij «bezopasnost'» i «transportnaja bezopasnost'» [On the question of the correlation of the concepts of «security» and «transport security»]. *Sibirskoe juridicheskoe obozrenie — Siberian Legal Review*. 2017, no. 4 (17), pp. 131—136.

7. Svirkin V. A. K voprosu obespechenija transportnoj bezopasnosti na vozdušnom transporte [On the issue of ensuring transport security in air transport]. *Nauchnyj vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta grazhdanskoj aviicii — Scientific Bulletin of the Moscow State Technical University of Civil Aviation*. 2013, no. 196, pp. 115—121.

8. Yerkina T. N. Federal'naja sluzhba vojsk nacional'noj gvardii Rossii. Voprosy uchastija v ohrane obshhe-stvennogo porjadka i obespechenii obshhestvennoj bezopasnosti [Federal Service of the National Guard Troops of Russia. Questions of participation in the protection of public order and ensuring public safety]. *Zakon i parvo — Law and right*. 2019, no. 7., pp. 137-140.

9. Elagin A. G. *Osnovy teorii i upravlenija obshhestvennoj bezopasnost'ju (prsto o slozhnom).* [Fundamentals of the theory and management of public security (just about the complex)]. Moscow, ООО «Sam Polygraphist», 2020, 150 p.

10. Zhigalov P. N. Vzaimodejstvie podrazdelenij organov vnutrennih del na transporte s inymi sub#ektami obespechenija transportnoj bezopasnosti na sovremennom jetape [Interaction of divisions of internal affairs bodies on transport with other subjects of ensuring transport security at the present stage]. *Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii — Vestnik of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021, no. 2 (57), pp. 174—178.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Матюхин Олег Игоревич, адъюнкт адъюнктуры Академии управления МВД России, 125171, Россия, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8.

ORCID: 0000-0002-5880-5835

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Oleg I. Matyukhin, postgraduate office of the third faculty, Academy of Management of the Interior Ministry of Russia, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh Street, 8, Moscow, Russia, 125171.

ORCID: 0000-0002-5880-5835

Статья поступила в редакцию 23.09.2021; одобрена после рецензирования 30.09.2021; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted 23.09.2021; approved after reviewing 30.09.2021; accepted for publication 25.02.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 1 (100). С. 197—213.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022.
Vol. no.1 (100). P. 197—213.

**12.00.11. Судебная деятельность, прокурорская деятельность,
правозащитная и правоохранительная деятельность**

Научная статья

УДК 342.951

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.80.20.018

**ПОЛИТИКА СОДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ США**

Вильсур Фирдависович Саэтгараев

Казанский юридический институт МВД России, г. Казань, Российская Федерация,
vilson78@list.ru

Введение: в статье рассматриваются общественные отношения, складывающиеся в сфере взаимодействия полиции США и гражданского общества, укрепление и развитие сотрудничества полиции с институтами гражданского общества официально объявлено важным направлением деятельности полиции во многих странах. Институты полиции и гражданского общества становятся важными субъектами осуществления правоохраны современных государств, партнерами в практике обеспечения охраны общественного порядка и общественной безопасности.

Материалы и методы: основу исследования образуют зарубежные и отечественные научные труды, публикации и нормативные правовые документы. Методологическую основу исследования составили общий диалектический метод научного познания, общенаучные: системный, структурный, функциональный и специальные: формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой методы исследований.

Результаты исследования позволили определить специфику формирования партнерских отношений полиции США и институтов гражданского общества, которая позволяет эффективно противодействовать преступности.

Выводы и заключения: проанализированный опыт взаимодействия полиции США и гражданского общества при реализации правоохранительных задач дал возможность охарактеризовать партнерскую модель взаимодействия.

Ключевые слова: полиция, институты гражданского общества, взаимодействие, партнерские отношения, сотрудничество.

Для цитирования: Саэтгараев В. Ф. Политика содействия гражданского общества в деятельности полиции США // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2022. — № 1 (100). — С. 197—213.

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.80.20.018

**12.00.11. Judicial activity, prosecutor's activity, human rights
and law enforcement activity.**

Original article

**CIVIL SOCIETY ASSISTANCE POLICY
IN THE ACTIVITIES OF THE US POLICE**

Vilur F. Saetgaraev

Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kazan, Russian Federation, e-mail: vilson78@list.ru

Introduction: the article examines the social relations developing in the field of interaction between the US police and civil society; the strengthening and development of cooperation between the police and civil society institutions is officially declared an important area of police activity in many countries. Institutions of the police and civil society are becoming important actors in the implementation of law enforcement in modern states, partners in the practice of ensuring the protection of public order and public safety.

Materials and methods: the basis of the research is formed by international, foreign and domestic normative legal documents, scientific works and publications. The methodological basis of the research was formed by the general dialectical method of scientific knowledge, general scientific: systemic, structural, functional and special: formal legal, historical legal, comparative legal research methods.

The results of the study allowed to determine the specifics of the formation of partnerships between the US police and civil society institutions, which allows you to effectively combat crime.

Findings and conclusions: the analyzed experience of interaction between the US police and civil society in the implementation of law enforcement tasks made it possible to characterize the partnership model of interaction.

Keywords: police, civil society institutions, interaction, partnerships, cooperation.

For citation: Saetgaraev V. F. Politika sodejstvija grazhdanskogo obshchestva v dejatel'nosti policii SShA [Civil Society Assistance Policy in the activities of the US police]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022, vol. no, 1 (100), pp. 197—213 (in Russ.). DOI: 10.55001/2312-3184.2022.80.20.018

Участие гражданского общества в правоохранительной деятельности рассматривается как условие развития правового государства [1, с. 52]. Наибольшей эффективности полиция достигает при поддержке подавляющего большинства общества. Опираясь на сотрудничество с институтами гражданского общества, современная полиция осуществляет правоохранительную деятельность и выполняет свое главное предназначение — служение обществу [2, с. 82—91]. Характерными признаками партнерской модели взаимодействия полиции и институтов гражданского общества в сфере противодействия преступности являются доверие граждан к государственным органам и вовлечен-

ность граждан в деятельность по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности [3, с. 62—63]. Российская полиция идет по мировой практике укрепления партнерской модели взаимоотношений с гражданским обществом, этот вектор получил отражение в Федеральном законе «О полиции» (гл. 2), в частности среди принципов деятельности полиции закреплены такие из них, как открытость и публичность (ст. 8), общественное доверие и поддержка граждан (ст. 9) и взаимодействие и сотрудничество (ст. 10) [4]. В практической деятельности отечественной полиции партнерская модель воплощается при совместной работе по обеспечению правопорядка (охране общественного порядка, обеспечению общественной безопасности, розыске пропавших без вести и т. д.) с различными общественными организациями: добровольными дружинами, волонтерскими объединениями, казачьими обществами и др. Также граждане активно участвуют в противодействии преступности и административным правонарушениям по таким направлениям деятельности МВД России, как оперативно-розыскная, уголовно-процессуальная и административно-правовая деятельность, выступая при этом активными участниками соответствующего процесса (потерпевшими, свидетелями, специалистами, понятыми и т. д.) либо лицами, обладающими сведениями о преступлениях, которые используются в качестве оснований для проведения соответствующих процессуальных и непроцессуальных действий (оперативно-розыскных и профилактических мероприятий, следственных действий).

Согласно экспертным оценкам, по состоянию на 2021 год Соединенные Штаты Америки (индекс преступности 47.81, индекс безопасности 52.19) и Россия (соответственно 39.99 и 60.01) находятся на одном уровне преступности, обозначенном как «умеренный» [5], в связи с чем нашей стране наиболее интересна практика полиции США по реализации партнерской модели сотрудничества с институтами гражданского общества.

США обладают положительным опытом сотрудничества полиции и гражданского общества на основе партнерской модели путем реализации специализированных правоохранительных программ. В США основополагающим принципом деятельности полиции является принцип «активного социального партнерства», предполагающий интеграцию общественной активности в правоохранительную деятельность. Население, обладая соответствующими ресурсами для осуществления самостоятельных действий, осознает свою высокую миссию выполнения гражданского долга по укреплению законности и правопорядка. Среди результативных форм участия граждан в правоохранительной деятельности можно выделить: формирование полицейского резерва (помощников); организацию патрулирования отрядами волонтеров общественных мест; создание общественных правоохранительных формирований.

Полицейский резерв, состоящий из представителей общественности, добровольно и безвозмездно выполняет обязанности по обеспечению общественной безопасности, при этом полицейские обеспечены служебной формой, проходят специальную подготовку и наделены полномочиями по пресечению правонарушений [6]. Популярностью в США пользуются так называемые народные полицейские академии, целью которых является знакомство населения с деятельностью полиции, формирование положительного отношения к полиции и усиление взаимосвязей полиции и граждан. Лица, окончившие такие академии, более четко понимают роль и специфику работы полиции, дей-

ственные помогают полицейским и скорее идут на контакт с ними [7, с. 42]. Широкое общественное признание в США получила программа «Сторож соседского дома» (Neighborhood Watch Program), суть которой заключается в том, что жители, используя телефонную связь и информационно-телекоммуникационную сеть Интернет для помощи полицейским, сообщают о преступлениях, в том числе через социальные сети (Twitter или др.). В районах действия этой программы количество преступлений существенно уменьшается [8, с. 17—19].

В США на федеральном уровне полиции как таковой нет. Полиция в США — это полицейские формирования штатов, которые к тому же устроены неодинаково [9, с. 307]. Десятая поправка к Конституции США ограничивает полномочия федеральной исполнительной власти и обеспечивает развитие местного самоуправления, на ней и основывается юрисдикционная дифференциация полиции. Основной объем правоохранительных функций несут на себе полицейские структуры муниципалитетов и местного самоуправления, создаваемые нормативными актами штатов, которые самостоятельно формируют программы подготовки полицейских.

Организация деятельности полиции США основывается на социальной доктрине «нулевой терпимости к преступлениям», согласно которой правонарушение должно быть пресечено, а совершенное преступление наказано. В отношениях с общественностью полиция руководствуется идеями community policing («полиция на службе общества»), пришедшая на смену традиционной профессиональной политике общения с общественностью, позиционирующей как упрощенный метод работы офицеров полиции. Эта политика зачастую воспринималась как стереотип, описывающий полицейских, которые сидят и ждут сигналов о происшествиях в своих патрульных автомобилях, отвечая на «призывы к службе». В связи с чем традиционный метод работы полиции часто преподносился как неэффективный и дискредитирующий. Однако руководство полиции США постоянно работает над поиском наиболее эффективных путей улучшения качества работы ведомства, одним из которых является внедрение политики содействия гражданского общества (далее — политика содействия) в деятельности полиции, получившая широкую поддержку и среди самих офицеров полиции.

Следует отметить, что система оценки деятельности полицейских департаментов находится в конфликтной ситуации одних показателей с другими. С одной стороны, существуют стандартные статистические показатели, удобные для бюрократической отчетности: количество раскрытых дел, уровень преступности в округе, количество рецидивов. С другой стороны, с распространением концепции community policing все больше внимания уделяется оценке, которую дают деятельности полиции сами местные жители. Поэтому, параллельно с традиционной системой полицейской отчетности, существует практика опросов местного населения.

Преувеличение слабых сторон традиционных методов работы полиции тоже оказали ей «медвежью услугу», в связи с чем длительное время политика содействия общественности не получала поддержки среди офицеров полиции. Хотя на практике традиционные методы работы полиции тоже дают хороший результат, чем просто ответы на вызовы; они эффективно осуществляют помощь нуждающимся гражданам. Преувеличенная критика и надуманные высказывания длительное время мешали реализации философии политики содействия. Длительное время полицейские руководители недо-

оценивали практическую ценность так называемой философии полиции. Однако эта философия, заключающаяся в руководящих принципах надлежащего поведения полицейских, имеет существенное значение для всего полицейского департамента.

Философия полиции — это оценка убеждений, отношения и моральных ценностей, которые определяют действия и рациональность полиции. Если вопрос «Куда вы идете?» еще актуален, тогда смысл философии полиции помогает дать ответ на вопрос «Как вы туда дойдете?», политика содействия полиции предлагает это направление. Полицию без смысловой философии можно сравнить с кораблем без навигационной системы.

Правильно администрированная политика содействия имеет множество преимуществ, среди которых следует выделить ценностный ориентир на решение служебных задач. По этой причине полиции необходимо тесно работать с гражданским обществом, чтобы определять проблемы и пути их решения. Главное в политике содействия — оказание методической помощи в поведении и действии полицейских [10, с. 5]. Основа политики содействия — метод работы на территории оперативного обслуживания, где для предотвращения преступлений необходимо проверять квартал за кварталом, район за районом. Это, в свою очередь, подтверждает, что миссия полиции гораздо шире, чем «обеспечение правопорядка», т. к. полиция — это часть огромной социальной сети. «Политика работы с общественностью перспективна не потому, что это более приятный и добрый метод, а из-за того, что она требует больших ресурсов, реализует индивидуальные решения и направляет настоящие и принятые проблемы» [11, с. 55]. Офицеры полиции и граждане, сотрудничающие в процессе решения правоохранительных проблем, развивают взаимопонимание. Политика содействия и полицейские программы патрулирования имеют весомый потенциал для развития взаимодействия. Основным компонентом партнерства в политике содействия является введение метода решения задач с целью предотвращения преступлений в обществе. Проявление доверия — важная цель успешного партнерства, т. к. сотрудничество — ключ к успешному предотвращению преступлений и взаимному уважению.

Одна из главных проблем, затрагивающих политику содействия — ее недостаточно четкое определение. Некоторая терминология была взаимозаменяема и входила в общую философию политики содействия. Например, общую философию политики содействия можно найти в формах и методах работы с общественностью. Политика содействия представляет широкую философскую позицию. Методы работы с общественностью и программы патрулирования района применяют эту философию через проактивное участие граждан. Методы решения задач — стратегические и тактические способы достижения цели.

Как полагает Уиллард М. Оливер: «Выражение „политика содействия“ это всеобъемлющая идея, фокусирующаяся на простой цели: уменьшение уровня преступности и страха мирных граждан... Политика содействия — термин, у которого нет конкретного определения» [12, с. 46]. Молли Уэзеритт акцентирует внимание на неоднозначности ее восприятия: «Политика содействия — это множество разных понятий для множества разных людей. Политика содействия — гибкий термин, который часто применяют для поверхностной согласованности широких и разрозненных действий полиции и различных форм общения в коллективе полиции» [13, с. 153—175]. Политика содействия имеет

разные уровни значения, которые необходимо выделить. М. Уэзеритт утверждает следующее: «На одном уровне политика содействия — это развитие набора программ или действий для полиции: пеший патруль, предотвращение преступлений при содействии граждан, способы консультирования общественности о существующих проблемах и способах работы полиции, которые они выбирают. Акцент делается на прагматичность и мелкомасштабность... На другом уровне политика содействия — это содействие улучшению взаимоотношений полиция — общественность и лучшему имиджу полиции... Это предпринято, потому что действия политики содействия кажутся хорошими сами по себе... Политика содействия — это также изменение в этосе полиции для выделения понятия службы, гибкости, ответственности граждан, примирения, консультации и договоренности» [13, 53—54].

Политика содействия вовлекает общественность в активное партнерство с полицией. Джером Х. Сколник и Дэвид Х. Бэйли отмечают, что эта политика не является новшеством, своими корнями она уходит в систему содействия Hue and Cry, основоположниками которой являются полицейские комиссионеры: Роберт Пил в 1829 году и Артур Вудс в 1914 году в городе Нью-Йорке, которые в свое время отстаивали систему содействия в полиции [15, с. 37]. Ли П. Браун в своем «Отчете адвоката дьявола» подтверждает, что «быстрый рост силы полиции произошел благодаря взаимной работе полиции и общественности. Победа зависит от усилий команды. Эта философская и организационная стратегия позволяет полиции и общественности работать вместе разными способами. Они вместе решают проблемы преступлений и беспорядков» [15, с. 1—5].

Исследователи современной перспективы общественной полиции Роберт Троянович и Бонни Букеру отмечают: «Офицеры полиции и граждане, работающие вместе разными способами, могут помочь решить текущие проблемы общественности, связанные со страхом перед преступлениями, физическими расправами и погромами районов. Философия основывается на убеждении, что достижение этих целей требует от департамента полиции развития новых отношений с законопослушными людьми, предоставляя им право голоса в установке приоритетов местной полиции и вовлекая их в деятельность по улучшению общего качества жизни в их районах. Это сдвигает работу полиции от решения беспорядочных вызовов до решения проблем общественности» [16, 5]. С одной стороны — это не новая концепция для принципов, перенятых из старых традиций полиции... «Новая идея, что политика содействия — это не особенная программа внутри какого-то отдела департамента, а наоборот, должна стать доминирующей философией по всему департаменту» [16, с. 5]. Следовательно, политика содействия — не программа, а философия полиции.

Р. Троянович и Б. Букеру выделили девять «П», которые помогают раскрыть сущность политики содействия:

ПОЛИЦЕЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ. Основывается на убеждении, что текущие задачи требуют от полиции предоставления всего комплекса услуг, проактивных и реактивных, путем вовлечения граждан напрямую как партнеров в процессе идентификации, установки приоритетов и решения проблем. В эти проблемы входят сами преступления, страх перед преступлениями, нелегальные наркотики, социальные и физические бесчинства, разбой в районе. Обязательства всего департамента подразумевают перемены в политике и процедурах.

ПЕРСОНАЛИЗАЦИЯ. Предоставляя общественности собственного офицера полиции, политика содействия разрушает анонимность обеих сторон — офицеры полиции и жители района знают друг друга по именам.

ПОЛИТИКА. Политика содействия поддерживает строгое соблюдение закона. Участковые офицеры полиции принимают звонки и производят аресты как любые другие полицейские, но они также концентрируются на проактивном решении проблем.

ПАТРУЛИРОВАНИЕ. Участковые полицейские должны патрулировать свои районы. Чтобы освободить их от изоляции в патрульной машине, используются другие виды транспорта, например, велосипеды, скутеры или лошади, или пеший обход.

ПОСТОЯНСТВО. Политика содействия требует назначения полицейских на постоянной основе, чтобы у них было время и возможность для постоянного создания новых партнерских контактов. Постоянство означает, что участковые не будут выбиваться из своих обязанностей.

ПОЗИЦИЯ. Неважно какая, вся юрисдикция разбивается на определенные районы. Политика содействия децентрализует полицейских, часто привлекая к работе следователей. Участковые отличаются тем, что помимо обходов, они могут отвечать на нужды и запросы района. Более того, политика содействия децентрализует принятие решений. Это дает полицейским автономию и свободу действия, и уполномочивает полицейских участвовать в решении проблем в районе.

ПРОАКТИВНОСТЬ. Предоставляя весь спектр услуг, политика содействия уравнивает реагирование полицейских на совершаемое преступление и срочность. Политика содействия также помогает предупреждать проблемы до их появления.

ПАРТНЕРСТВО. Политика содействия поддерживает взаимодействие между полицией и людьми, основанное на взаимном уважении и поддержке.

ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЕ. Политика содействия определяет миссию полиции как концентрацию на решении проблем для того, чтобы успех или неудача зависели от качественных результатов (решенных проблем) больше, чем от количественных (совершенных арестов, напечатанных допросов — так называемые учетные записи). Необходимы и качественные, и количественные показатели.

Таким образом, политика содействия — это философия полного комплекса услуг персонализированной полиции, где один полицейский постоянно патрулирует и работает в одном районе в проактивном содействии с гражданами для обнаружения и решения проблем [16, с. 3—4].

Философия работы с общественностью предполагает общую защиту, а не специфическую, реализуемую в процессе исполнения служебного долга. Герман Гольдштайн разработал проблемно-ориентированную концепцию политики решения проблем, которая помогает ответить на вопрос «Как мы дойдем туда?». Его подход к решению проблем и оцениванию фокусируется на происшествиях. Традиционная полиция опирается на возникающие ситуации и реагирования на вызовы, а не на проблему. «В огромном большинстве департаментов полиции телефон, гораздо больше, чем любое решение общественности или менеджмента, продолжает диктовать, как будут использованы ресурсы» [17, с. 20]. «Первичный пункт работы в профессиональной модели — это происшествие, то есть изолированное событие, которое требует реагирования полиции. Служба

911 значительно повысила спрос на услуги полиции и публичные ожидания, что полиция среагирует быстро» [17, с. 20].

«Часто полиция ограничена в повышении открытости, что является досадным симптомом проблемы. Предполагается, что полиция более продуктивная, если она реагирует на происшествия как симптомы, лежащие в основе проблем общественности. Проблема — это совокупность схожих, взаимосвязанных или повторяющихся происшествий, а не единичный случай, основная забота общественности и часть работы полиции. Однажды обнаруженная проблема может привлечь усилия полиции на решение возможных случаев таких проблем.

Метод решения проблем возлагает большие надежды на привлечение граждан. Полиции необходимо делать больше, чем она делала в прошлом для привлечения гражданских лиц в выполнение общих задач полиции... Общественность сама должна защищать себя. Полиция, в лучшем случае, может только помогать» [17, с. 20].

Метод решения проблем пытается нормализовать то, что многие годы делали правоохранительные органы. Он использует анализ преступлений, критическое мышление, традиционную и нетрадиционную технологии для раскрытия преступлений и решение адресных проблем. Полицейские должны применять процесс решения проблем и принятия решений для определения наиболее частых случаев преступлений в их районах и кварталах, затем проанализировать проблему, разработать операцию и оценить результат проведенной операции.

Полицейские, пользующиеся этим методом, пытаются раскрыть корень преступлений. Система быстрого реагирования была разработана с целью локализовать серийные преступления, связанные с повторяющимися насильственными действиями. Например, наркопреступления можно отнести к регулярным грабежам в определенном квартале. При обладании этими базовыми знаниями основной проблемы можно использовать информацию для поддержки полицейских участков и зачисления граждан для сотрудничества. Акцент делается не на реакцию на серию преступлений, а на методы борьбы с ними. Главное — анализ основных случаев преступного поведения для предотвращения их от повторения.

Метод или стратегия решения проблем состоит из четырех четких частей: сканирование, анализ, реагирование и оценка [17, с. 66]. Информация собирается и анализируется для того, чтобы разработать инновационные технологии решения проблем. Образцы преступлений могут потребовать нетрадиционные подходы, основанные на стратегиях работы с общественностью, т. е. обсуждение указов, предотвращение преступлений и сотрудничество с другими публичными и частными агентствами.

Многие департаменты полиции с разнообразным населением реализуют философию метода решения проблем в своих районах. Можно ли применять и политику содействия, и метод решения проблем вместе? Ответ «да». Каждый подход усиливает ожидаемые цели и эффект другого. Они являются взаимодополняющими компонентами. В то время как политика содействия — это концепция зонта, метод решения проблем включает специфические стратегии и тактику. Лучшая система комбинирует философию политики содействия и метод решения проблем. Основа решения проблем лежит в программах патруля кварталов. Суть политики содействия состоит в необходимости тесной

работы полиции со всеми сторонами общества, чтобы выявить причины и найти наиболее эффективные решения.

Исследователь программ соседских дозоров Д. П. Розенбаум, отмечает, что зачастую осуществляющаяся в планах политики содействия программа «Сторож соседского дома» хотя и привлекает к себе внимание, однако, как отмечают эксперты, редко обсуждаются шаги, ведущие к успеху. Многие департаменты полиции осуществляют программу «Сторож соседского дома» с большим успехом; тем не менее некоторые испытывают трудности в личной инициативе и умении поддержать отряды. К сожалению, это особенно заметно в тех кварталах, где больше всего нужна помощь. Кварталы, где проживают жители, относящиеся к среднему классу, испытывают меньше страха перед преступностью и поддерживают усилия полиции. С другой стороны, кварталы, где проживают люди с низким доходом, испытывают трудности в содержании отрядов, созданных из жителей квартала, даже в периоды повышенной преступности [18]. Практически разработка и поддержка гражданского участия в программах «Сторож соседского дома» остается трудной задачей для руководителей полиции. Продолжительность существования отрядов патрулирования достаточно низка, да и сама программа весьма проблематична. Формирование новых групп осуществляется постоянно. Программа поддерживается новыми участниками, которые заменяют ушедших по причине разочарования или считающих, что их проблемы уже решены.

Без доверия и сотрудничества граждан полицейские работают в информационном вакууме и недостатке сыска, необходимой для выполнения основных обязанностей. Выявление основных случаев преступления зависит, по большому счету, от граждан, которые замечают и сообщают о незаконных действиях. Полицейские исполнители должны вознаграждать за это граждан и предпринимать определенные шаги для поддержки помощи и сотрудничества со стороны граждан.

Философия разделяемого с общественностью предотвращения преступлений имеет большие перспективы, но требует от руководства большого вклада и по отношению к гражданам, и по отношению к полицейским. Некоторые администраторы проводят эти программы с привлечением гражданского населения без спешки и с осторожностью. Эти руководители, придерживаются концепции пяти шагов развития и поддержки программ «Сторож соседского дома». Без правильной базы программы выходят из-под контроля. Эти шаги устанавливают фундамент для повышения участия, сотрудничества и удержания членов программы «Сторож соседского дома».

Шаг первый: планирование стратегии. Прежде чем привлекать общественность, организаторы должны разработать стратегии работы со схожими преступлениями и сформировать правильные стратегии взаимодействия общественности и полиции.

Шаг второй: обучение полицейских. Подготовленные офицеры полиции становятся ключевыми примерами для руководства управления по борьбе с преступностью и вносят существенный вклад в успех программы «Сторож соседского дома».

Шаг третий: оценка нужд населения. Этот шаг включает эффективную оценку отношения и мнения общественности, касающиеся службы полиции и специфику программ «Сторож соседского дома».

Шаг четвертый: подбор и обучение волонтеров. Руководители полиции должны предоставлять качественное обучение участникам Программы «Сторож соседского до-

ма». Департаменты должны предоставлять время для обучения более чем один раз и в удобное время, чтобы все лидеры от кварталов могли посетить их. Впоследствии они сами станут инструкторами для новых членов программы «Сторож соседского дома».

Шаг пятый: разработка значимых проектов. Кураторам предписывается учитывать интересы и способности членов группы, мотивировать творческий подход по рекрутированию жителей. Этот шаг поддерживает заинтересованность местных жителей к программе.

Взаимоотношения между полицейскими и местными жителями, участвующими в профилактике преступности, значительно улучшаются при четком определении соответствующих ролей. «Мотивированный гражданин работает больше с, чем для полицейского, который является в основном ресурсом, доступным для гражданина, а не наоборот. В пределах законодательства превентивные действия гражданина ни в коем случае не направляются полицией. Он не может подчиняться, наоборот, они оба должны сотрудничать как партнеры. Поэтому там, где правильно разработаны стратегии участия населения, не приходится конфликтовать по вопросам контроля над Программой» [19, с. 201]. При распределении ролей кураторами патрулирования на первоначальном этапе планирования, конфликты значительно уменьшаются. Если этого не сделано, то теряется интерес участников, вследствие возникновения недопонимания личной миссии.

Бывает, что кураторы программ опускают руки на начальных стадиях программ патрулирования. Они часто говорят о злости или апатии членов отряда, что является самой трудной частью введения программы патрулирования. Полицейским необходимо преодолеть эти чувства и прислушаться к жалобам отряда. Если полицейские будут оставаться спокойными, то эти проблемы исчезнут. Участвующим полицейским нужно предугадывать, когда члены отряда готовы выйти в патрулирование. Может понадобиться какое-то время, чтобы волонтеры приобрели уверенность, без неё они не захотят участвовать в проектах. Незащищенность некоторых волонтеров может исходить из слабой подготовки и неправильного обучения. Лидеры полиции и патрульные координаторы должны постоянно оценивать уровень уверенности волонтеров и их способность решать поставленную задачу и достигать цели.

Организаторы волонтерского патруля в первую очередь должны создать правильный фундамент, иначе отряд не сможет развиваться с самого начала. Поэтому, лидеры программы «Сторож соседского дома» должны проводить мониторинг своих отрядов, разъяснять недопонимания и не спешить перескакивать через стадии развития. Развитие отряда имеет четыре стадии:

1) формирования. На этой стадии отряды патрулирования обычно не организованы и не уверены, поэтому основное внимание уделяется профессиональной ориентации и обучающим программам;

2) штурмования. Эта стадия связана с преодолением конфликтов среди членов группы, чтобы волонтеры научились справляться с конфликтами в будущем, отбрасывая вопросы личного характера для решения общественных интересов;

3) нормирования. Характеризуется развитием сплоченности и уверенности отряда, влияющие на успех отряда в работе;

4) выполнения задач. Психологи Джон П. Хауэлл и Дэн Костли отметили, что стадия выполнения задач ориентирована на командную работу; лидеры должны опреде-

лить роли, а члены должны быть готовы к более высоким уровням кооперации и работы. Другими словами, отряд, будучи единой командой, держится вместе, чтобы осуществлять основные цели и задачи [20].

Климат доверия, убирающий нервное напряжение, страх или волнение на стадиях формирования и штурмования, помогут при переходе к стадиям нормирования и выполнения задач. Позитивное общение, точная информация и игнорирование сплетен остаются важными во время этих стадий, чтобы поддержать положительное развитие отряда. За счет чего работает философия политики содействия и метод решения задач? Полицейские-практики понимают, что политика содействия — это философская позиция, а не решение. Офицеры полиции воспринимают мир реалистично; они редко бывают утопистами. Политика содействия не является ни новой, ни теоретической, а больше сдвигом в традиционной полиции. Жаргон может быть новым, а практика — такой же старой, как и концепция содействия.

При всех положительных аспектах организации совместной деятельности полиции США и гражданского общества необходимо обратить внимание на вопросы социальной сегрегации и неоднородности социальной структуры в этой стране. События, начавшиеся в США 26 мая 2020 года в городе Миннеаполисе, где при осуществлении задержания полицейскими погиб темнокожий гражданин, повлекли к погромам и массовым беспорядкам в разных городах страны. Одним из ключевых лозунгов бунтовщиков, в своей массе преимущественно темнокожих, стал: «Снять с финансирования полицию», в результате чего часть общественности противопоставила себя силам правопорядка.

Официально расовой сегрегации в США давно нет, ее отмена произошла в 1960-е годы XX века как раз благодаря активному общественному движению. Однако и в настоящее время многие белые и темнокожие американцы живут, практически не пересекаясь друг с другом. У афроамериканцев — собственная идентичность, которая в некоторых аспектах не только не пересекается с идентичностью общеамериканской, но и противоречит ей. Наличие различных правил для «белых» и «черных» ведет к объединению афроамериканцев для противостояния их дискриминации. В их сознании укореняется образ полицейских-расистов, ищущих любой повод привязаться к невинным темнокожим. Отсюда недоверие так называемых цветных к стражам порядка. Впрочем, действиям полицейских при выполнении должностных обязанностей тоже имеется объяснение: согласно уголовной статистике, темнокожие ответственны за половину всех убийств и ограблений в стране, хотя они составляют только 12 процентов населения. О причинах данного явления в США идут горячие дискуссии, действенных механизмов решения этой проблемы, очевидно, еще не выработано [21].

Среди причин возникновения социальной сегрегации в США принято считать результат исторических межрасовых противоречий. Однако среди бунтовщиков в мае 2020 года наблюдалось немало и белых лиц, недовольных государственной политикой. Возникает вопрос — почему? Отдельные авторы отмечают, что сегрегация в США носит не столько расовый или классовый характер, а в её основе — деление на «неудачников» и «удачников», продиктованное протестантской религией и духом американского промышленного капитализма. Обозначая проблему в том, что за прошедшие десятилетия в США сформировалось слишком много «неудачников», они стали громадным социальным слоем, слились с теми меньшинствами, которые находятся внизу социальной пира-

миды. В результате чего можно наблюдать в этой стране «марксистскую» революцию [22]. Если в США не найдутся пути преодоления социальной сегрегации, можно с уверенностью прогнозировать рост массовых беспорядков и преступности.

Среди населения США имеются представители многих национальностей: индейцев, европейцев, афроамериканцев, мексиканцев, азиатов и др. Согласно статистическим данным, количество преступлений, совершаемых людьми с белой кожей, насчитывается меньше всего, на первом месте по количеству противоправных действий стоят афроамериканцы, на втором — выходцы из Латинской Америки [22].

На причины такого разрыва есть две точки зрения. Криминологи считают, что из-за дискриминации афроамериканцев им очень сложно найти работу и постоянное жилье. Многочисленные мигранты без денег постоянно пополняют ряды криминального мира. От безвыходности они идут на преступления. С другой стороны, численный перевес в Америке сейчас у афроамериканцев. Страна постепенно перестает быть государством «белых людей».

В США действуют бандитские группировки, которые известны организованностью и жестокостью. На их территории не хотят появляться даже полицейские. Ряды известных американских банд (Bandidos — мексиканцы, Crips и Bloods — банды афроамериканцев, Aryan Brotherhood — заключенные с пожизненным сроком, MS-13 — беженцы из Сальвадора) в 2013 году, после оглашения оправдательного приговора для убийцы афроамериканского подростка, пополнилось новым деструктивным гражданским движением Black Lives Matter (BLM — «черные жизни важны»), целью которого является подготовка революции и свержение власти. Началу движения был положен всего лишь хэштег в социальных сетях, затем активисты Великобритании и Америки вышли в час пик на оживленные дороги и заблокировали движение. Из-за дерзости поступка общественность восприняла движение негативно. У Black Lives Matter нет официального лидера, оно борется за права всех небелых рас, характеризуется тотальной децентрализацией. Пик популярности зафиксирован в конце мая 2020 года, сразу после скандального убийства белым полицейским афроамериканца. Движение получило колоссальную общественную поддержку, в протестных мероприятиях участвовало до 26 млн американцев по всей стране, включая даже Аляску. Это событие стало пусковым механизмом массовых протестов по всей стране. По последним данным, 50 % граждан США поддерживает движение, а 36 % — относится негативно. К сочувствующим примыкают люди с белой кожей, хотя в части штатов региональное отделение BLM не допускает их на свои собрания. Они мотивируют отказ тем, что с расизмом надо бороться в среде белых граждан [23].

Эффективное управление полицейскими структурами предполагает, что полицейские процедуры не должны основываться на ложных предположениях относительно тенденций в обществе. Полицейским необходимо налаживать партнерство с исследователями, свободными от идеологических влияний. Эти отношения совершенно необходимы, чтобы определять точную политику содействия и процедуры. Много времени уйдет на тщательное планирование, чтобы изменить «статус кво».

Томас Э. Бейкер отмечает, что исследователи, ученые и практики пытаются дифференцировать работу с общественностью, работу на квартале и политику решения проблем. Все подходы основаны на общепринятой теме взаимодействия и коммуникации

«полиция — граждане», непререкаемые концепции полиции. Все они связаны философией, практикой и правоприменением [19, с. 24]. Философский фундамент политики содействия определяет цель для департамента полиции и отражает рациональный взгляд на три основных вопроса:

1. Куда вы идете?
2. Как вы туда доберетесь?
3. Как вы узнаете, когда вы прибыли?

Последнее будет определено более формально через политику решения проблем, стратегическое планирование и процесс развития. Политика содействия и политика решения проблем воплощаются вместе и показывают себя как наиболее эффективный метод для будущего [25, с. 12—18.] Совершенно точно отметили С. Е. Пролетенкова и А. П. Беликов: «...при выстраивании системы обеспечения общественной безопасности с привлечением общественных структур следует признать, что формирование негосударственного сегмента обеспечения общественной безопасности вопрос длительного времени и кропотливой работы. Важнейшим принципом в этом отношении должна стать добровольность и заинтересованность институтов гражданского общества и отдельных граждан» [26, с. 257]. Отличительной чертой организации полиции США является ее децентрализованная система. Наличие широкой автономии полицейских структур, подкрепленное взаимодействием и сотрудничеством с гражданским обществом, обеспечивает их оперативность и результативность в реализации задач охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности.

В результате распространения концепции *community policing*, появились разнообразные попытки привязать оценку деятельности полицейских подразделений к удовлетворенности граждан, и к общему влиянию полиции на благополучие общества. Одно из следствий — повышенное внимание к функциям, относящимся скорее к категории сервиса для населения, чем к категории выявления преступлений и наказания нарушителей. В целом полиция в США подотчетна исключительно местному населению — напрямую или через выборные органы, в основном самого низшего уровня. Принятые в разных местах формальные индикаторы качества ее деятельности вторичны по сравнению с прямой удовлетворенностью населения работой полиции в пределах населенного пункта или района. Крайняя децентрализация полиции чрезвычайно затрудняет сравнительный анализ, а в определенной степени и делает его бессмысленным. Между тем именно эта децентрализация обеспечивает беспрецедентный уровень доверия к полиции на местах, структурную гибкость, и высокий авторитет полицейского в глазах общественности [27].

Население в США отличается высокой степенью бдительности. В обществе считается нормой информировать полицию, если возникли подозрения в незаконной деятельности родственников или друзей. Эта особенность менталитета американских людей позволяет предотвращать множество преступлений еще до момента их совершения. Во многих городах функционируют народные отряды (*Neighborhood Watch*), в составе которых граждане добровольно патрулируют улицы и следят за соблюдением правопорядка. Отечественный исторический опыт правоохранительных органов показывает, что подобная модель взаимодействия милиции и общественности эффективно сохраняла правопорядок в СССР и следует отметить, что прогрессивные США идут по советскому

пути, вовлекая население в предотвращение преступлений, снижая уровень преступности в стране. На современном этапе органы внутренних дел Российской Федерации активно возрождают накопленный положительный отечественный и зарубежный опыт взаимодействия с институтами гражданского общества, учитывая новые угрозы правопорядку.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Нижник Н. С. Полиция и гражданское общество: поиск вектора взаимодействия // Полицейская деятельность. — 2018. — № 5. — С. 52—66. DOI: 10.7256/2454-0692.2018.5.23796 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=23796 (дата обращения: 13.04.2021).
2. Меньшикова Н. С. Партнерская модель взаимодействия государства и гражданского общества: содержание, признаки и условия создания // Вопросы государства и права: сборник научных трудов / Под общ. ред. Л. В. Карнаушенко. Вып. 2. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2016. — С. 82—91.
3. Нижник Н. С., Государственные органы и институты гражданского общества: формирование модели партнерских взаимоотношений по реализации правоохранительной функции российского государства / Н. С. Нижник, Н. С. Меньшикова // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2014. — № 2 (36). — С. 62—63.
4. О полиции: федер. закон Рос. Федерации от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ // СЗ РФ. — 2011. — № 7. — Ст. 900.
5. Рейтинг стран по уровню преступности [Электронный ресурс]. — URL: <https://no-news.co/directory/lists/countries/crime-index> (дата обращения: 08.10.2021).
6. Столичная полиция США. 2016. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.uscp.gov/the-department/bureaus-and-offices> (дата обращения: 26.11.2020).
7. Киричѐк Е. В. Совершенствование деятельности полиции по обеспечению конституционных прав и свобод человека и гражданина и взаимодействию с институтами гражданского общества: комплексные меры // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2014. — № 4 (30). — С. 40—49.
8. Случевская Ю. Зарубежный опыт партнерских отношений между полицией и населением // Профессионал. — 2011. — № 3. — С. 17—20.
9. Глушков М. Р. К вопросу о регулировании досудебного производства в США // Библиотека криминалиста. — 2016. — № 2 (25). — 305—318.
10. U. S. Department of Justice, Bureau of Justice Assistance, Understanding Community Policing (Washington DC: GPO, 1995), 5.
11. U. S. Department of Justice, Bureau of Justice Assistance, Neighborhood — Oriented Policing in Rural Communities: A Program Planning Guide (Washington, 1994), 55.
12. Willard M. Oliver, Community Policing Defined, (LawandOrder, 1992): 46.
13. Mollie Weatheritt, Community Policing: Rhetoric or Reality, In Community Policing: Rhetoric or Reality, ed., Jack R. Green and Stephen D. Mastrofski (New York: Praeger Publishers, 1991), 153—175.
14. Jerome H. Skolnick and David H. Bayley, National Institute of Justice, Community Policing: Issues and Practices Around the World (Washington, DC: GPO, 1988): 37.
15. Lee P. Brown, National Institute of Justice, Community Policing: A Report From The Devil's Advocate (Washington, DC: GPO, 1985): 1—5.
16. Robert Trojanowicz and Bonnie Bucqueroux. Community Policing: A Contemporary Perspective (Cincinnati, Ohio: Anderson Publishing Company, 1994).

17. Herman Goldstein, Problem Oriented Policing: A Practical Guide for Police Officers (New York: McGraw-Hill Publishing Company, 1990).
18. D. P. Rosenbaum, The Theory of Research Behind Neighborhood Watch, Crime and Delinquency (33. 1987): 103—134.
19. National Crime Prevention Institute, Understanding Crime Prevention (MA, Butterworth Publisher, 1986), 201.
20. Jon P. Howell and Dan Costley, Understanding Behavior for Effective Leadership (Upper Saddle River, New Jersey: Prentice Hall, 2001).
21. Теперь запрещено белым. В США развивается расизм наоборот — РИА Новости, 24.02.2019 [Электронный ресурс]. — URL: <https://ria.ru/20190224/1551248219.html> (дата обращения: 06.10.2021).
22. Соединённые Сегрегирующие Штаты — Fitzroy Недовольные в Америке: полиция Трампа и социальная сегрегация [Электронный ресурс]. — URL: <https://fitzroymag.com/mir/-soedinjonnye-segregirujushhie-shtaty/> (дата обращения: 06.10.2021).
23. Практики оценки деятельности полиции в США [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.openpolice.ru/docs/doctype/31/> (дата обращения: 06.10.2021).
24. Уровень преступности в США 2021 году: причины и рост по штатам. [Электронный ресурс]. — URL: <https://usaprosto.ru/gosudarstvo/pravo/prestupnost-v-ssha.html#i-8> (дата обращения: 06.10.2021).
25. Baker, Thomas E. Effective Police Leadership : moving beyond management / Thomas E. Baker- 3rd Edition Paperback, 2013.
26. Thomas E. Baker, Jane P. Baker, and Ralph Zezza, Neighborhood Watch: Leadership Challenge, The FBI Law Enforcement Bulletin (February 1999): 12—18.
27. Пролетенкова С. Е. О концептуальных основах обеспечения общественной безопасности в Российской Федерации / С. Е. Пролетенкова, А. П. Беликов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2021. — № 1 (96). — С. 249—259.

REFERENCES

1. Nizhnik N.S. Policija i grazhdanskoe obshhestvo: poisk vektora vzaimodejstvija [Police and civil society: search for a vector of interaction]. *Policejskaja dejatel'-nost'*— *Police activity*. 2018, no. 5, pp. 52 — 66. DOI: 10.7256 / 2454-0692.2018.5.23796 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=23796.
2. Menshikova N.S. Partnerskaja model' vzaimodejstvija gosudarstva i grazhdanskogo obshhestva: sodержание, priznaki i uslovija sozdaniya [Partner model of interaction between the state and civil society: content, signs and conditions of creation]. *Voprosy gosudarstva i prava: sbornik nauchnyh trudov* — *Questions of state and law: collection of scientific papers*. Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016, pp. 82—91.
3. Nizhnik N.S., Menshikova N.S. Gosudarstvennye organy i instituty grazhdanskogo obshhestva: formirovanie modeli part-nerskih vzaimootnoshenij po realizacii pravoohranitel'noj funkcii rossijskogo gosudarstva [State Bodies and Civil Society Institutions: Formation of a Model of Partnership Relations for the Implementation of the Law Enforcement Function of the Russian State]. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* — *Vestnik of the Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2014, no. 2 (36), pp. 62—63.
4. Federal Law of 07.02.2011 No. 3-FZ “On the Police” // Collected Legislation of the Russian Federation. 02/14/2011. No. 7. Art. 900.

5. Rating of countries in terms of crime rate. Available at: <https://nonews.co/directory/lists/countries/crime-index> (date accessed: 10/08/2021).
6. US Metropolitan Police. 2016. Available at: <https://www.uscp.gov/the-department/bureaus-and-offices> (date accessed: 11/26/2020).
7. Kirichyok E. V. Sovershenstvovanie dejatel'nosti policii po obespecheniju konstitucionnyh prav i svobod cheloveka i grazhdanina i vzaimodejstviyu s institutami grazhdanskogo obshchestva: kompleksnye mery [Improving the police activity to ensure constitutional human and civil rights and freedoms and interaction with civil society institutions: comprehensive measures]. *Juridicheskaja nauka i pravoohranitel'naja praktika — Legal Science and Law Enforcement Practice*. 2014, no. 4 (30), pp. 40—49.
8. Sluchevskaya Yu. Zarubezhnyj opyt partnerskih otnoshenij mezhdu policiej i naseleнием [Foreign experience of partnership between the police and the population]. *Professional — Professional*. 2011, no. 3, pp. 17—20.
9. Glushkov M.R. K voprosu o regulirovanii dosudebnogo proizvodstva v SShA [On the issue of regulation of pre-trial proceedings in the USA]. *Biblioteka kriminalista — Criminalist Library*. 2016, no. 2 (25), pp. 305—318.
10. U. S. Department of Justice, Bureau of Justice Assistance, Understanding Community Policing (Washington DC: GPO, 1995), 5.
11. U.S. Department of Justice, Bureau of Justice Assistance, Neighborhood- Oriented Policing in Rural Communities: A Program Planning Guide (Washington, 1994), 55.
12. Willard M. Oliver, Community Policing Defined, (Lawand Order, 1992): 46.
13. Mollie Weatheritt, Community Policing: Rhetoric or Reality, In Community Policing: Rhetoric or Reality, ed., Jack R. Green and Stephen D. Mastrofski (New York: Praeger Publishers, 1991), p. 153—175.
14. Jerome H. Skolnick and David H. Bayley, National Institute of Justice, Community Policing: Issues and Practices Around the World (Washington, DC: GPO, 1988): 37.
15. Lee P. Brown, National Institute of Justice, Community Policing: A Report From The Devil's Advocate (Washington, DC: GPO, 1985): 1—5.
16. Robert Trojanowicz and Bonnie Bucqueroux. Community Policing: A Contemporary Perspective (Cincinnati, Ohio: Anderson Publishing Company, 1994).
17. Herman Goldstein, Problem Oriented Policing: A Practical Guide for Police Officers (New York: McGraw-Hill Publishing Company, 1990).
18. Rosenbaum D. P. The Theory of Research Behind Neighborhood Watch, Crime and Delinquency (33.1987): 103—134.
19. National Crime Prevention Institute, Understanding Crime Prevention (MA, Butterworth Publisher, 1986), 201.
20. Jon P. Howell and Dan Costley, Understanding Behavior for Effective Leadership (Upper Saddle River, New Jersey: Prentice Hall, 2001).
21. Now white is forbidden. In the United States, racism is developing on the contrary — RIA Novosti, 02.24.2019. URL: <https://ria.ru/20190224/1551248219.html> (date accessed: 06.10.2021).
22. United Segregating States — Fitzroy Disaffected in America: Trump Police and Social Segregation. URL: <https://fitzroymag.com/mir/soedinjonnye-segregirujushhie-shtaty/> (date accessed: 06.10.2021).
23. The practice of assessing police performance in the United States. URL: <https://www.openpolice.ru/docs/doctype/31/> (date of access: 06.10.2021).

24. Crime rate in the USA 2021: causes and growth by state. URL: <https://usap-rost.ru/gosudarstvo/pravo/prestupnost-v-ssha.html#i-8> (date accessed: 06.10.2021).

25. Baker, Thomas E. Effective Police Leadership: moving beyond management / Thomas E. Baker-3rd Edition Paperback, 2013.

26. Thomas E. Baker, Jane P. Baker, and Ralph Zezza, Neighborhood Watch: Leadership Challenge, The FBI Law Enforcement Bulletin (February 1999): 12—18.

27. Proletenkova S. E., Belikov A. P. O konceptual'nyh osnovah obespechenija obshchestvennoj bezopasnosti v Rossijskoj Federacii [On the conceptual foundations of ensuring public safety in the Russian Federation]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. — 2021. — No. 1 (96). — P. 249—259.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Саетгараев Вильсур Фирдависович, преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности. Казанский юридический институт МВД России, 420059, Россия, г. Казань, ул. Оренбургский тракт, 130.

ORCID: 0000-0001-8209-5098

ResearcherID: ABE-3515-2021

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Saetgaraev Vilsur Firdavisovich, Lecturer at the Department of Operational-Investigative Activities. The Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 130, Orenburgskii trakt, Kazan, Russia. 420059.

ORCID: 0000-0001-8209-5098

ResearcherID: ABE-3515-2021

Статья поступила в редакцию 24.05.2021; одобрена после рецензирования 31.06.2021; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted 24.05.2021; approved after reviewing 31.06.2021; accepted for publication 25.02.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 1 (100). С. 214—225.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022.
Vol. no. 1 (100), p. 214—225.

**12.00.12. Криминалистика; судебно-экспертная деятельность;
оперативно-розыскная деятельность**

Научная статья

УДК: 343.98

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.75.36.019

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ
МЕРОПРИЯТИЙ ПРИ ДОКУМЕНТИРОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
О НЕЗАКОННОМ ОБОРОТЕ НАРКОТИКОВ, СОВЕРШЕННЫХ
БЕСКОНТАКТНЫМ СПОСОБОМ, И ОЦЕНКА ИХ РЕЗУЛЬТАТОВ**

Владислав Игоревич Малик

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, г. Орел,
Российская Федерация, maalya04@gmail.com

Введение: в статье предпринята попытка рассмотреть некоторые особенности и трудности в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий и использования таких результатов при раскрытии и расследовании уголовных дел о незаконном обороте наркотических средств, совершенных бесконтактным способом, вследствие чего автор выделяет определенные проблемы организационно-правового характера и предлагает некие пути их решения, а также приходит к соответствующим теоретическим и прикладным выводам в обозначенной сфере.

Материалы и методы: для проведения исследования были использованы общенаучные и специальные методы научного познания, такие как системный, сравнительно-правовой, метод логической дедукции и индукции, а также методы толкования, структурного анализа и наблюдения. Нормативно-правовую основу исследования составили законодательные акты, регламентирующие деятельность по выявлению и предупреждению наркопреступлений, совершаемых бесконтактными способами.

Результаты исследования позволили выявить основные проблемы, с которыми сталкиваются сотрудники оперативных подразделений при документировании наркопреступлений, а также определить наиболее распространенные ошибки в сфере проведения оперативно-розыскных мероприятий по делам о незаконном обороте наркотических веществ бесконтактным способом.

Выводы и заключения: проведенный анализ оперативно-служебных документов по делам о незаконном обороте наркотиков указывает на объективную необходимость дальнейшей разработки теоретических положений и предложений практического характера при документировании преступной деятельности, связанной с незаконным оборотом наркотических средств, совершенных дистанционным способом.

Ключевые слова: оперативно-розыскные мероприятия, проверочная закупка, оборот наркотиков, дистанционный сбыт, виртуальный наркобизнес.

Для цитирования: Малик В. И. Некоторые аспекты проведения оперативно-розыскных мероприятий при документировании преступлений о незаконном обороте наркотиков, совершенных бесконтактным способом, и оценка их результатов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2022. — № 1(100). — С. 214—225. DOI: 10.55001/2312-3184.2022.75.36.019

12.00.12. Criminalistics; forensic expertise; operatively-search activity

Original article

ASPECTS OF CONDUCTING OPERATIONAL-SEARCH MEASURES WHEN DOCUMENTING CRIMES OF ILLEGAL TRAFFICKING IN DRUGS DONE IN A CONTACTLESS METHOD, AND ASSESSMENT OF THEIR RESULTS

Vladislav I. Malik

Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanova, Orel, Russian Federation, maalya04@gmail.com

Introduction: the article attempts to consider some of the features and difficulties in the course of operational-search activities and the use of such results in the disclosure and investigation of criminal cases on illegal drug trafficking in a non-contact way, as a result of which the author highlights certain organizational and legal problems and suggests some ways to solve them, and also comes to the corresponding theoretical and applied conclusions in the designated area.

Materials and methods: for the study, general scientific and special methods of scientific knowledge were used, such as systemic, comparative legal, the method of logical deduction and induction, as well as methods of interpretation, structural analysis and observation. The legal basis of the study was legislative acts regulating the identification and prevention of drug crimes committed by contactless means.

The result of the study identified the main challenges faced by operational staff in documenting drug offences. and to identify the most common errors in the conduct of operational-search measures in cases of illegal trafficking in narcotic substances by a contactless method.

Findings and conclusions: the analysis of operational documents on drug trafficking cases indicates the objective need to further develop theoretical provisions and practical proposals when documenting criminal activities related to illicit drug trafficking committed by remote means.

Keywords: operational search activities, test purchase, drug trafficking, remote distribution, virtual drug business.

For citation: Malik V. I. Nekotorye aspekty provedeniya operativno-rozysknykh meropriyatij pri dokumentirovanii prestuplenij o nezakonnom oborote narkotikov, sovershennykh beskontakt-nym sposobom, i ocenka ih rezul'tatov [Some aspects of conducting operational-search measures when documenting crimes of illegal trafficking

in drugs done in a contactless method, and assessment of their results]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022, vol. no, 1 (100), pp. 214—225 (in Russ.).

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.75.36.019

Наркотики выступают в качестве основного детерминанта деградации любого общества, а средства, полученные от незаконного оборота наркотических средств, наносят как существенный ущерб экономики конкретным государствам, так и негативным образом сказывается на безопасности международного сообщества в целом.

Согласно отчету о состоянии преступности в Российской Федерации, подготовленного Главным информационно-аналитический центром МВД России, в январе - декабре 2021 года выявлено 179,7 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков¹. При этом злоумышленники, осуществляющие незаконную деятельность по сбыту наркотиков, разрабатывают новые инструменты их совершения, позволяющие «замаскировать» свою причастность, и тем самым у них возникает возможность избежать привлечения к уголовной ответственности.

Ранее, в 90-х и начале 2000-х наркоторговец непосредственно представляет из рук в руки покупателю необходимые вещества и соответственно, документирование преступной деятельности осуществлялось посредством таких оперативно-розыскных мероприятий, как наблюдение и проведение проверочной закупки. Сегодня, в основном, исходя из практики оперативных подразделений и суда, преобладает *бесконтактный способ* [1, с. 106] передачи наркотических средств, или как его иногда именуется еще — *дистанционный*².

Такой способ заключается в том, что покупатель наркотических средств не встречается очно (лично) с продавцом, а обговаривает условия сделки с помощью информационно-телекоммуникационных технологий. Как правило, в качестве таковых выступают «теневые интернет-сайты, на которых размещаются соответствующие объявления о продаже наркотических средств в рамках форумов (например, *Hydra*) либо используется система мгновенных сообщений (Telegram посредством созданных каналов)» [2, с. 45]. После того как стороны договорились об условиях сделки, покупатель приобретает интересующий его наркотик через электронную платежную систему³ (*Qiwi*, *ЮMoney* и т. д.) [3, с. 20] или напрямую через цифровую валюту (*Bitcoin* и др.) [4; 5].

Приведенные обстоятельства создают серьезные трудности для органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, для избличения лиц, участвующих в совершении «наркопреступлений». Однако это не означает, что успешных примеров

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2021 года. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. — URL: <https://мвд.рф/reports/item/28021552/> (дата обращения: 17.02.2022).

² От авт.: В настоящем исследовании понятия «бесконтактный» и «дистанционный» способ используются как равнозначные, несмотря на их некоторое семантическое различие.

³ О Национальной платежной системе: федер. закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115625 (дата обращения: 17.02.2022).

у отечественных правоохранительных органов в борьбе с таким социальным злом не имеется.

Как представляется, именно по этим причинам российский законодатель включил в Уголовный кодекс Российской Федерации п. «б» в ч. 2 ст. 228.1, из которого усматривается уголовная ответственность за незаконный сбыт наркотических средств, психотропных веществ или аналогов, совершенный с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет¹.

В то же время обобщение приговоров по уголовным делам о незаконном обороте наркотических средств дистанционным способом демонстрирует тот факт, что в большинстве случаев к уголовной ответственности привлекаются либо сами покупатели, либо лица, выполняющие технические функции, связанные с размещением товара (наркотиков) в обозначенном неизвестным лицом месте. Такие лица в оперативно-розыскной практике именуются «закладчиками» [6, с. 114]. Следовательно, проведение такого классического оперативно-розыскного мероприятия, как «проверочная закупка» [7] по преступлениям указанной категории, крайне сложно.

Так, в 2016 году неустановленным лицом (или группой лиц) было принято решение об организации незаконного сбыта наркотических средств на территории г. Кирова Кировской области Российской Федерации наркотических средств лицам, их потребляющим, с целью извлечения материальной выгоды. В этих целях была проработана общая схема преступной деятельности, согласно которой распространение наркотических средств должно было осуществляться бесконтактным способом, то есть через сокрытие места, в форме «интернет-магазина», с использованием программ персональной связи, в том числе, систем мгновенных сообщений — Telegram, и учетных записей сервиса Visa QIWI Wallet для получения оплаты за наркотические средства.

В результате комплексных оперативно-розыскных мероприятий, проведенных Управлением по контролю за оборотом наркотиков Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации Кировской области, была установлена причастность «закладчиков» М. и Н. в незаконном обороте наркотических средств [1].

В юридической литературе выделяется множество проблем, связанных с выявлением и пресечением преступлений по бесконтактному сбыту наркотических средств [8; 9]. Среди наиболее значимых можно отнести следующие:

1) использование для размещения интернет-сайтов серверы, которые находятся за пределами юрисдикции Российской Федерации, что во многих случаях делает невозможным получения оперативно-значимой информации, которая позволит идентифицировать преступных лиц;

2) подмена фактического (физического) IP-адреса виртуальным с помощью различных программных сервисов, находящихся в свободном доступе и в то же время располагающихся за рубежом;

¹ О внесении изменений в отдельные акты Российской Федерации: федер. закон от 1 марта 2012 г. № 18-ФЗ [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_126740 (дата обращения: 17.02.2022).

3) расположение оперативно значимой информации в так называемой невидимой сети, которая в ряде случаев не определяется отечественной системой технических средств для обеспечения функций оперативно-розыскных мероприятий. «В России система технических средств для обеспечения функций оперативно-розыскных мероприятий состоит из СОПМ 1 — система прослушивания телефонных переговоров; СОПМ 2 — система протоколирования обращений к сети Интернет и СОПМ 3 — система, обеспечивающая сбор информации со всех видов связи и ее долговременное хранение — три года» [10, с. 42—43];

4) в качестве средств платежа задействуется цифровая валюта (криптовалюта), которая создает серьезные препятствия для правоохранительных органов по установлению лиц, производящих оплату [11, с. 27—28].

Вместе с тем доктриной и практикой предлагается ряд вариантов по решению указанных проблем. В частности, видится обоснованным предложение (а) о повсеместном использовании единого алгоритма создания интернет-сайтов для выявления лиц, причастных к незаконному обороту наркотических средств; (б) перманентное совершенствование тактических приемов, направленных на обнаружение интернет-платформ, созданных в целях незаконной продажи наркотических средств; (в) привлечение высококвалифицированных специалистов для изучения электронных носителей информации, содержащей оперативно значимую информацию; (г) создание криминалистического учета, целью которого является обобщение оперативной значимой информации по линии борьбы с незаконным оборотом наркотических средств; (д) внедрять в правоприменительную деятельность все новые технические средства, способные оптимизировать оперативно-розыскную деятельность в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств [12, с. 51—52; 13].

Безусловно, многие обозначенные предложения, как думается, должны быть определены при выработке государственной уголовной политики в широком понимании этого слова.

Между тем многие сотрудники оперативных подразделений (в основном только поступивших на службу) сталкиваются с трудностями относительно того, какой именно комплекс оперативно-розыскных мероприятий, указанных в Федеральном законе от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — ФЗ «Об ОРМ»), следует проводить относительно документирования преступной деятельности, связанной с незаконным сбытом наркотических средств.

Анализ следственно-прокурорской и судебной практики, а также доктрины позволяет высказать тезис о том, что в большинстве ситуаций по делам оперативного учета и расследуемым уголовным делам проводятся «проверочная закупка», «оперативный эксперимент», «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств», «наблюдение», «прослушивание телефонных переговоров», «снятие информации с технических каналов связи» и недавно законодательно закрепленное мероприятие — «получение компьютерной информации» [14, с. 84—138].

Очевидно, что тактическими задачами для проведения указанных оперативно-розыскных мероприятий выступает установление всех возможных связей относительно сбыта и приобретения наркотических средств определенными лицами и их надлежащее документирование, а также предупреждение и пресечение таких преступлений.

При этом важным условием проведения оперативно-розыскных мероприятий является отсутствие провокационных действий со стороны правоохранительных органов, связанных с документированием деятельности, которая формально является преступлением, но, которая без подстрекательств, склонений или побуждений в прямой или косвенной форме не была бы реализована (ст. 5 ФЗ «Об ОРМ») [15; 16].

Стоит отметить, что ФЗ «Об ОРМ» не раскрывает понятие и содержание каждого вида оперативно-розыскного мероприятия, по сравнению с отечественным уголовно-процессуальным законом применительно к следственным действиям. В то же время ведомственные документы закрытого характера, принятые органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, содержат ответы на эти вопросы, но они варьируются в зависимости от специфики правоохранительной деятельности. Они (акты) в большей степени посвящены организации и тактике проведения того или иного мероприятия. В связи с чем согласимся с Ю. П. Гармаевым и О. В. Викуловым в том, что все вышеназванное влечет различные общие негативные последствия применительно к документированию преступной деятельности, в частности:

1) налицо широкое разнообразие и противоречивость практики в регионах по поводу порядка проведения оперативно-розыскных мероприятий, оценка допустимости их результатов. Например, в одном субъекте Российской Федерации некоторые действия оперативных подразделений признаются провокацией, а в другом — нет;

2) подмена одного оперативно-розыскного мероприятия другим. Особенно это проявляется в случаях, когда проводится «наблюдение», а при изучении дел оперативно-го учета выясняется, что на самом деле проводился «оперативный эксперимент». В свою очередь, при проведении такого оперативно-розыскного мероприятия, как «опрос», зачастую изымаются образцы для сравнительного исследования и т. д.;

3) отсутствие единообразного подхода к формированию документов, содержащих в себе результаты оперативно-розыскных мероприятий, за исключением только тех, форма которых закреплена в открытых ведомственных и межведомственных документах [17, с. 20—21].

Как показывает практика, по делам о незаконном обороте наркотиков в качестве оперативно-служебных документов выступают следующие:

а) рапорт оперативного сотрудника об обнаружении признаков преступления либо сообщение о результатах оперативно-розыскной деятельности;

б) рапорт оперативного работника об имеющейся в распоряжении информации, связанной с незаконным оборотом наркотиков с адресованной просьбой к руководителю оперативного подразделения о даче согласия на проведение проверочной закупки. В случае получения такого разрешения прилагаются следующие документы:

- документ, который отражает план проведения проверочной закупки;
- постановление о проведении проверочной закупки;
- акт досмотра «закупщика» перед проведением оперативно-розыскного мероприятия;
- акт приема-передачи и пометки денежных средств;
- акт приема-передачи технических и иных средств;
- акт проверочной закупки;

— документ, свидетельствующий факт изъятия денежных средств и изобличения сбытчика;

— документ, фиксирующий факт изъятия наркотического средства у «закупщика» (как правило, акт досмотра);

— акт, подтверждающий факт изъятия и осмотра технических и иных средств;

в) рапорт (иногда объяснения) сотрудников оперативных подразделений, непосредственно участвовавших при проведении оперативно-розыскных мероприятий;

г) направление на исследование наркотического средства;

д) стенограмма переговоров, изготовленная по результатам проведения прослушивания телефонных переговоров или негласной аудиовидеозаписи;

е) копии постановления судьи (при ограничении конституционных прав);

ж) постановление о рассекречивании сведений, составляющих государственную тайну, и их носителей;

з) постановление о предоставлении результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю или следователю.

К указанным документам прилагаются также изъятые наркотические средства (будущие вещественные доказательства), аудио-, видеозаписи и др.

В случае, если по факту незаконного оборот наркотических средств было возбуждено уголовное дело по материалам органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, то все указанные выше документы и приложения направляются следователю согласно Инструкции «О порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд», утверждена приказом МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013.

Обобщение правоприменительной деятельности и мнений ученых [18, с. 24] указало также на ряд распространенных ошибок в сфере проведения оперативно-розыскных мероприятий по делам о незаконном обороте наркотиков бесконтактным способом. К ним стоит отнести следующие:

1) постановление о проведении проверочной закупки утверждено не надлежащим лицом. Например, в нарушение ч. 7 ст. 8 ФЗ «Об ОРД», оно (постановление) подписывается не руководителем органа, осуществляющего оперативно-розыскные мероприятия (например, начальник отдела в управлении территориального органа МВД России по контролю за оборотом наркотиков, при условии, что он не является заместителем)¹;

2) отсутствуют основания для проведения того или иного оперативно-розыскного мероприятия. В основном это усматривается из оперативно-служебных документов. Тем самым игнорируется ст. 7 ФЗ «Об ОРД». Например, не указывается конкретный вид преступления, связанного с незаконным оборотом наркотиков, без указания статьи Уго-

¹ Например, в органах внутренних дел на этот счет имеется приказ МВД России от 19.06.2012 № 608 «О некоторых вопросах организации оперативно-розыскной деятельности в системе МВД России». — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

ловного кодекса Российской Федерации¹. В некоторых случаях видится, что основания появились для проведения оперативно-розыскных мероприятий после того, как лицо стали разрабатывать;

3) усматривается налицо провокация со стороны оперативных подразделений;

4) подмена одного оперативно-розыскного мероприятия другим. Как правило, в регионах имеется разнородная практика относительно получения дистанционным способом информации, содержащейся в мессенджерах (систем мгновенных сообщений — WhatsApp, Telegram, Viber и др.). В одних субъектах проводится такое мероприятие, как снятие информации с технических каналов связи, а в других — в рамках получения компьютерной информации. Данный вопрос нашел свое отражение в одном из последних документов закрытого характера в органах внутренних дел;

5) при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий, связанных с ограничением конституционных прав (неприкосновенности жилища или тайны переговоров и др.) не соблюдается установленный порядок.

Например, при проникновении негласно в жилище, где проживает сбытчик наркотиков для получения оперативно значимой информации, сотрудники правоохранительных органов без получения предварительного согласия проживающих, не получают предварительно судебное решение на его проведение или прикладывают его постфактум, свыше 48 часов с момента начала проведения данного оперативно-розыскного мероприятия. При этом такое проникновение не было продиктовано случаями, не терпящими отлагательства².

В рассматриваемом ключе особый интерес представляет вопрос о необходимости получения судебного решения при проведении осмотра содержимого на электронном носителе информации (например, переписки относительно сбыта наркотиков в мессенджере).

В данном случае, как представляется, имеет силу правовая позиция, изложенная Конституционным Судом Российской Федерации в определении от 25.01.2018 № 189-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прозоровского Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 176, 177 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»³. Однако такая позиция иногда

¹ В одном из дел оперативного учета была указана формулировка: «Гр-н И. осуществлял сбыт кокаина бесконтактным способом через Telegram-канал под названием «@**right» (архив автора).

² В статье 8 ФЗ «Об ОРД» предусматривается возможность проведения оперативно-розыскных мероприятий, связанных с ограничением конституционных прав (неприкосновенности жилища, тайны переписки и др.), без судебного решения на основании мотивированного постановления одного из руководителей органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, в случаях, которые не терпят отлагательства и могут привести к совершению тяжкого или особо тяжкого преступления, а также при наличии данных о событиях и действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481 (дата обращения 17.02.2022).

критикуется с точки зрения соблюдения международного стандарта, гарантирующего право на тайну переписки;

б) ненадлежащим образом оформлены изъятые наркотические средства. Это выражается в первую очередь в отсутствии подписей на упаковке, в которой находятся наркотики и т. д.;

7) технические ошибки (например, в оперативно-служебных документах встречается вместо термина «проверочная закупка» словосочетание «контрольная закупка»; неправильно делаются ссылки на законодательные акты, приводятся судебные решения, санкционирующие проведение оперативно-розыскного мероприятия по другому делу оперативного учета и др.).

Разумеется, приведенный перечень ошибок, который допускается при документировании преступной деятельности, связанной с незаконным оборотом наркотических средств, совершенных дистанционным способом, не является исчерпывающим, поскольку обозначены только наиболее распространенные из них.

Резюмируя изложенное выше, автор предлагает сделать ряд выводов как теоретического, так и прикладного характера¹.

1. Незаконный оборот наркотических средств, особенно связанный со сбытом, на сегодняшний день перешел на иной уровень, нежели ранее. В первую очередь это связано с системным и неутрачиваемым развитием информационно-телекоммуникационных технологий в обществе, которые используют в преступных целях и лица, занимающиеся сбытом наркотических средств. Подобные обстоятельства делают затруднительным выявление и пресечение такой преступной деятельности.

2. Одним из возможных вариантов решения указанных в исследовании проблем является совершенствование:

а) *технических средств*, позволяющих своевременно перехватывать (1) информацию о создании торговых площадок (форумов) на интернет-сайтах; (2) переписку и прикрепленные файлы к ней (например, фото местонахождения наркотического средства) либо аудио-, видеозаписи, содержащейся в системе мгновенных сообщений (мессенджерах);

б) *правовой основы* проведения тех или иных оперативно-розыскных мероприятий и устранения двусмысленностей при толковании положений ФЗ «Об ОРД»;

в) *тактики и методики* проведения оперативно-розыскных мероприятий, в том числе путем перенимания положительного зарубежного опыта посредством обмена информацией между правоохранительными органами России и иностранными государствами, за исключением сведений, составляющих государственную тайну.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дудник И. С. Особенности проведения оперативно-розыскных мероприятий при документировании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических веществ,

¹ От авт.: при подготовке статьи нами были проинтервьюированы 29 сотрудников оперативных подразделений по контролю за оборотом наркотиков Министерства внутренних дел Российской Федерации в различных субъектах, из которых 27 поддержали авторские выводы с точки зрения практики, а 2 респондента сообщили об отсутствии такой необходимости.

осуществляемых бесконтактным способом // Право и государство: теория и практика. — 2020. — № 7 (187). — С. 104—109.

2. Васюков В. Ф. Расследование дел о сбыте наркотиков с использованием мессенджеров и криптовалюты // Уголовный процесс. — 2019. — № 9 (177). — С. 44—49.

3. Дикарев В. Г. Особенности противодействия бесконтактному способу сбыта наркотиков с использованием сети Интернет / В. Г. Дикарев, Ю. Б. Гаврюшкин // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. — 2016. — № 2 (38). — С. 19—25.

4. Чирков Д. К. Совершенствование законодательства в сфере незаконного оборота наркотиков в связи с появлением криптовалюты как анонимного платежного средства // Наркоконтроль. — 2018. — № 2. — С. 14—17.

5. Ализаде В. А. Судебная практика по делам о преступлениях преступных сообществ (преступных организаций) в сфере незаконного оборота наркотиков с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет и криптовалюты / В. А. Ализаде, А. Г. Волеводз // Библиотека криминалиста: науч. журн. — 2017. — № 6 (35). — С. 281—299.

6. Малабаева А. Г. Основные особенности структур организованных преступных сообществ в сфере незаконного оборота наркотиков // Закон и право. — 2019. — № 4. — С. 114—118.

7. Чечетин А. Е. Проверочная закупка наркотиков и права личности // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2013. — № 4 (27). — С. 133—140.

8. Батоев В. Б. Противодействие бесконтактному сбыту наркотиков: проблемы и пути решения / В. Б. Батоев, С. В. Тимофеев // Алтайский юридический вестник. — 2019. — № 3 (27). — С. 104—108.

9. Переверзева Д. С. Правовые проблемы противодействия бесконтактному сбыту наркотиков в интернет-пространстве / Д. С. Переверзева, И. А. Семенцова // Актуальные исследования. — 2021. — № 1 (28). — С. 82—85.

10. Клевцов К. К. Переписка в мессенджерах как доказательство. Способы получения и оформления // Уголовный процесс. — 2020. — № 10. — С. 42—45.

11. Полуянов С. А. Некоторые вопросы выявления и пресечения сбыта наркотиков бесконтактным способом с использованием сети Интернет / С. А. Полуянов, В. А. Филатова // Актуальные проблемы противодействия наркотрафику на современном этапе: сб. мат-в междунар. науч.-практ. семинара (2—3 апр. 2020 г.). — Красноярск: Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. — С. 26—31.

12. Глушков Е. Л. Сбыт наркотических средств бесконтактным способом посредством сети Интернет: пути выявления и раскрытия // Проблемы правоохранительной деятельности. — 2018. — № 2. — С. 45—52.

13. Петухов А. Ю. Проблемы документирования бесконтактных способов сбыта наркотиков // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. — 2013. — № 2 (13). — С. 36—40.

14. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». С приложением решений Конституционного Суда Российской Федерации и обзоров практики Европейского Суда по правам человека / [отв. ред. В. С. Овчинский]; вступ. ст. В. Д. Зорькина. — 3-е изд. доп. и перераб. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. — 576 с.

15. Жарких И. А. Провокация преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2021. — № 1 (96). — С. 78—91.

16. Клевцов К. К. Уголовные дела о наркопреступлениях. Как различить провокация и законное возбуждение // Уголовный процесс. — 2019. — № 9. — С. 29—33.

17. Гармаев Ю. П. Ошибки и нарушения в сфере оперативно-розыскной деятельности. Вып. 1: практ. пособ. / Ю. П. Гармаев, О. В. Викулов. — М.: Изд-во «ТилКом», 2020. — 110 с.

18. Гармаев Ю. П. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности при расследовании уголовных дел о незаконном обороте наркотиков: практ. пособ. / Со вступ. ст. проф. А. Ю. Шумилова. — М.: Изд. дом Шумиловой И.И., 2005. — 83 с.

REFERENCES

1. Dudnik I. S. Osobennosti provedeniia operativno-rozysknykh meropriiatiy pri dokumentirovani pre-stuplenij, svjazannykh s nezakonnym oborotom narkoticheskikh veshhestv, osushhestvlyaemykh beskontaktnym sposobom [Features of operational-search measures when documenting crimes related to illicit trafficking in narcotic substances carried out in a contactless way]. *Pravo i gosudarstvo: teoriia i praktika — Law and state: theory and practice*. 2020, no. 7 (187), pp. 104—109.
2. Vasyukov V. F. Rassledovanie del o sbyte narkotikov s ispol'zovaniem messendzherov i kriptovaljuty [Investigation of drug trafficking cases using instant messengers and cryptocurrency]. *Ugolovnyj process — Criminal process*. 2019, no. 9 (177), pp. 44—49.
3. Dikarev V. G., Gavryushkin Yu. B. Osobennosti protivodejstvija beskontaktnomu sposobu sbyta narkotikov s ispol'zovaniem seti Internet [Features of counteracting the contactless method of drug marketing using the Internet]. *Vestnik Vserossijskogo instituta povysheniia kvalifikacii sotrudnikov Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii — Vestnik of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*. 2016, no. 2 (38), pp. 19—25.
4. Chirkov D. K. Sovershenstvovanie zakonodatel'stva v sfere nezakonnogo oborota narkotikov v svyazi s pojavleniem kriptovaljuty kak anonimnogo platezhnogo sredstva [Improving legislation in the field of drug trafficking in connection with the emergence of cryptocurrency as an anonymous means of payment]. *Narkokontrol' — Drug control*. 2018, no. 2., pp. 14—17.
5. Alizade V. A., Volovodz A. G. Sudebnaja praktika po delam o prestuplenijah prestupnykh soobshhestv (prestupnykh organizacij) v sfere nezakonnogo oborota narkotikov s ispol'zovaniem informacionno-telekommunikacionnoj seti Internet i kriptovaljuty [Judicial practice in cases of crimes of criminal associations (criminal organizations) in the field of drug trafficking using the Internet information and telecommunications network and cryptocurrency]. *Biblioteka kriminalista: nauch. zhurn — Criminologist's Library. Scientific journal*. 2017, no. 6 (35), pp. 281—299.
6. Malabaeva A. G. Osnovnye osobennosti struktur organizovannykh prestupnykh soobshhestv v sfere nezakonnogo oborota narkotikov [The main features of the structures of organized criminal groups in the field of drug trafficking]. *Zakon i pravo — Law and right*. 2019, no. 4, pp. 114—118.
7. Chechetin A. E. Proverochnaja zakupka narkotikov i prava lichnosti [Verification of the purchase of drugs and personal rights]. *Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii — Vestnik of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2013, no. 4 (27), pp. 133—140.
8. Batoev V. B., Timofeev S. V. Protivodejstvie beskontaktnomu sbytu narkotikov: problemy i puti reshenija [Opposition to contactless drug sales: problems and solutions]. *Altajskij juridicheskij vestnik — Altai Legal Bulletin*. 2019, no. 3 (27), pp. 104—108.
9. Pereverzeva D. S., Sementsova I. A. Pravovye problemy protivodejstvija beskontaktnomu sbytu narkotikov v internet-prostranstve [Legal problems of counteracting the contactless sale of drugs in the Internet space]. *Aktual'nye issledovanija — Current research*. 2021, no. 1 (28), pp. 82—85.
10. Klevtsov K. K. Perepiska v messendzherah kak dokazatel'stvo. Sposoby poluchenija i oformlenija [Correspondence in instant messengers as evidence. Methods of receipt and registration]. *Ugolovnyj process — Criminal process*. 2020, no. 10, pp. 42—45.
11. Poluyanov S. A., Filatova V. A. [Some issues of identifying and suppressing the sale of drugs in a contactless way using the Internet]. *Aktual'nye problemy protivodejstvija narkotrafiku na sovremennom etape: sb. mat-v mezhdunar. nauch.-prakt. seminara (2—3 apr. 2020 g.)*. [Collec-

tion of materials of the International Scientific and Practical Seminar “Current Problems of Countering Drug Trafficking at the Present Stage” (April 2—3, 2020)]. Krasnoyarsk: Publishing House “Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation”, 2020, pp. 26—31.

12. Glushkov E. L. Sbyt narkoticheskikh sredstv beskontaktnym sposobom posredstvom seti Internet: puti vyjavleniya i raskrytiya [Marketing of narcotic drugs in a contactless way through the Internet: ways to identify and disclose]. *Problemy pravoohranitel'noj dejatel'nosti — Problems of law enforcement*. 2018, no. 2., pp. 45—52.

13. Petukhov A. Yu. Problemy dokumentirovaniya beskontaktnykh sposobov sbyta narkotikov [Problems of documenting contactless methods of drug marketing]. *Vestnik Sibir-skogo juridicheskogo instituta FSKN Rossii — Vestnik of the Siberian Law Institute of the Federal Drug Control Service of Russia*. 2013, no. 2 (13), pp. 36—40.

14. Commentary on the Federal Law “On Operational-Search Activities”. With the annex of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and reviews of the practice of the European Court of Human Rights/[ext. ed. V.S. Ovchinsky]; a leap. Art. V.D. Zorkina. — 3rd ed. additional and processing. — M.: Norma: INFRA-M, 2018. — 576 p.

15. Zharikh I. A. Provokacija prestuplenij v sfere nezakonnogo oborota narkoticheskikh sredstv [Provocation of crimes in the field of drug trafficking]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021, no. 1 (96), pp. 78—91.

16. Klevtsov K. K. Criminal cases of drug crimes. How to distinguish provocation and lawful initiation//Criminal process. — 2019. — № 9. — PP. 29—33.

17. Garmaev Yu. P., Vikulov O. V. Oshibki i narusheniya v sfere operativno-rozysknoj dejatel'nosti. [Mistakes and violations in the field of operational-search activities]. Moscow, Publishing house “TilCom”, 2020, 110 p.

18. Garmaev Yu. P. Ispol'zovanie rezul'tatov operativno-rozysknoj dejatel'nosti pri rassledovanii ugo-lovnykh del o nezakonnom oborote narkotikov [Using the results of operational-search activities in the investigation of criminal cases of drug trafficking]. Moscow, Publishing house of Shumilova I. I., 2005, 83 p.

19. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation [Electronic Resource] // Reference Information System Consultant Plus <https://www.consultant.ru>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Малик Владислав Игоревич, адъюнкт адъюнктуры Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова, 302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова д. 2.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Malik Vladislav Igorevich, Adjunct. Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanova, 302027, Russia, Orel, st. Ignatova d. 2.

Статья поступила в редакцию 11.10.2021; одобрена после рецензирования 18.10.2021; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted 11.10.2021; approved after reviewing 18.10.2021; accepted for publication 25.02.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022 № 1 (100). С. 226—237.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022
Vol. no. 1 (100). p. 226—237.

**12.00.12. Криминалистика; судебно-экспертная деятельность;
оперативно-розыскная деятельность**

Научная статья

УДК 343.985

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.99.42.020

**ТАКТИЧЕСКОЕ ПРЕИМУЩЕСТВО:
ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ, ВЗАИМОСВЯЗЬ
СО СМЕЖНЫМИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИМИ КАТЕГОРИЯМИ**

Елена Ильинична Попова

Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Иркутск, Российская Федерация, porovaelena03@yandex.ru

Введение: в статье обращается внимание на то, что такое часто используемое понятие, как «тактическое преимущество», до настоящего времени не было предметом всестороннего изучения, не сформулировано его понятие, практически не уделено внимание соотношению этой категории со смежными с ней.

Материалы и методы: при проведении исследования за основу был принят диалектический метод научного познания. Кроме того, автором была использована целая группа общенаучных методов — анализа, синтеза, индукции, дедукции, системный, аналогии и др.

Результаты исследования позволили определить соотношение категории «тактическое преимущество» с другими криминалистическими категориями, а также сформулировать его определение. Кроме того, установлено, что тактическое преимущество следует отличать от преимущества, предоставляемого законом (уголовным, уголовно-процессуальным, иным), поскольку последнее прямо закреплено в законе, а первое в той или иной мере производно от него, но не идентично ему.

Выводы и заключения: предложено авторское определение категории «тактическое преимущество», под которым предлагается понимать основанную на предоставляемых законом преимуществах (но не идентичную им) выгоду, которую получает участник уголовного судопроизводства в соответствии со своей правовой позицией, интересами и целями, в результате принятия им тактического решения в определенной следственной ситуации.

Ключевые слова: тактика, тактическое преимущество, криминалистические категории, язык криминалистики.

Для цитирования: Попова Е. И. Тактическое преимущество: понятие, сущность, взаимосвязь со смежными криминалистическими категориями // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2022. — № 1 (100). — С. 226—237.

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.99.42.020

**12.00.12. Criminalistics; forensic expert activity;
operational and investigative activities**

Original article

**TACTICAL ADVANTAGE: CONCEPT, ESSENCE, RELATIONSHIP
WITH RELATED FORENSIC CATEGORIES**

Elena I. Popova

East Siberian Branch of the Russian State University of Justice, Irkutsk, Russian Federation,
popovaelena03@yandex.ru

Introduction: the article draws attention to the fact that such a frequently used concept as “tactical advantage” has not been the subject of comprehensive study until now, its concept has not been formulated, and practically no attention has been paid to the relationship of this category with related ones.

Materials and methods: during the research, the dialectical method of scientific cognition was adopted as a basis. In addition, the author used a whole group of general scientific methods — analysis, synthesis, induction, deduction, system, analogy, etc.

The results of the study allowed us to determine the ratio of the category “tactical advantage” with other forensic categories, as well as formulate its definition. In addition, it is established that the tactical advantage should be distinguished from the advantage provided by the law (criminal, criminal procedure, other), since the latter is directly enshrined in the law, and the former is more or less derived from it, but not identical to it.

Findings and conclusions: the author’s definition of the category “tactical advantage” is proposed, by which it is proposed to understand the benefits based on the advantages provided by law (but not identical to them) that a participant in criminal proceedings receives in accordance with his legal position, interests and goals, as a result of making a tactical decision in a certain investigative situation.

Keywords: tactics, tactical advantage, forensic categories, the language of criminology.

For citation: Popova E. I. Takticheskoe preimushhestvo: ponjatie, sushhnost', vzaimosvjaz' so smezhnymi kriminalisticheskimi kategorijami [Tactical advantage: concept, essence, relationship with related forensic categories]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022, vol. no, 1 (100), pp. 226—237 (in Russ.).

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.99.42.020

Толкование тех или иных категорий терминов, понятий на сегодняшний день стало практически неотъемлемым для многих сфер общественной жизни. Разъяснения содержания тех или иных слов или словосочетаний можно встретить даже в детских изданиях, в учебниках начальной школы. Раскрывается содержание тех или иных терминов, используемых при изложении положений действующего законодательства во многих нормативных актах — ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

(далее — УПК РФ), примечание 1 ст. 158, примечания 1—4 ст. 285 и др. Уголовного кодекса Российской Федерации, ст. 1 Водного кодекса Российской Федерации, ст. 2 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» и многие другие.

Научное знание также вряд ли может развиваться поступательно, не оперируя теми или иными понятиями. В ряде случаев это является неотъемлемой частью той или иной теории. Терминология нужна не для того, чтобы впечатлить или запутать собеседника или читателя. Знание содержания тех или иных терминов позволяет глубже понять те или иные явления, процессы, с которыми сталкивается исследователь.

Криминалистика, как и любая иная состоявшаяся наука, оперирует достаточно большим категориальным аппаратом. Развивая теорию, ученые излагают свои взгляды на те или иные термины, формулируют определения и т. д. Этот процесс вполне закономерен, способствует приращению научного знания.

По мнению Р. С. Белкина, формирование и развитие языка криминалистики обусловлено как минимум следующими тенденциями:

1. Расширение круга употребляемых определений. Указанное реализуется в двух направлениях: а) в увеличении числа криминалистических определений, которыми оперирует только криминалистическая наука (например, ситуалогия, криминалистическая характеристика, дактилоскопия), б) в увеличении числа криминалистически интерпретированных определений, употребляемых в научном или естественном языке (например, криминалистическая интерпретация понятий, широко используемых другими науками — признак, след, инсценировка, тактика, методика, диагностика).

2. Изменение определений, которой проявляется, с одной стороны — заменой одних определений другими, с другой — уточнением используемых определений, а значит, и обозначающих их терминов и знаков.

3. Дифференциация (классификация) определений.

4. Унификация терминологии криминалистики. Это тенденция проявляется, во-первых, в сокращении числа терминов, обозначающих один и тот же объект, во-вторых, в замене нескольких принятых терминов одним новым, который будет существовать не наряду со старыми терминами, а вместо них.

5. Разработка знаковых систем криминалистики. Эта тенденция проявляется в попытках создать унифицированные системы математических и иных символов, обозначающих или выражающих определенные криминалистические понятия [1, с. 114—118].

Более того, как верно замечает Д. А. Степаненко: «Формирование и развитие языка науки связано и с необходимостью разрешения противоречий, которые со временем возникают в устоявшихся, казалось бы, теориях науки» [2, с. 225].

И хотя современную криминалистику критикуют за так называемый птичий язык [3], тем не менее, полагаем, подобного рода высказывания вряд ли могут быть оценены как бесспорные. Автор настоящей статьи разделяет мнение о том, что «язык криминалистической науки является ее смысловым ядром, поскольку позволяет как передавать основную, содержательную информацию, понимать друг друга в процессе общения и передачи информации, так и упорядочивать научные знания. Именно на терминах, понятиях, категориях строится любая система подачи информации» [4, с. 10]. «Сформиро-

ванность понятийно-терминологического аппарата науки является одним из показателей, характеризующим ее качественное состояние на текущий момент времени» [5, с. 178].

К настоящему времени ученые предложили определения подавляющему большинству терминов, используемых криминалистами. Именно подавляющему большинству, но не всем. Анализ имеющихся публикаций позволил заключить, что такое часто используемое понятие как «тактическое преимущество» до настоящего времени не было предметом всестороннего изучения, не сформулировано его понятие, практически не уделено внимание соотношению этой категории со смежными.

Действительно, в профильной литературе упоминание о «тактическом преимуществе» не редкость. Так, например, А. Р. Ратинов в учебнике по судебной психологии пишет, что следователь вправе создавать и использовать *тактические преимущества* (здесь и далее курсив наши — Е. П.), применять для выяснения истины определенные психологические хитрости [6, с. 208]. Уделяя внимание критериям допустимости тактических приемов, В. Н. Бортнев и Ю. И. Лавров обратили внимание на то, «что следователи могут и должны использовать при производстве следственных действий *тактические преимущества* применять определенные “психологические хитрости”» [7, с. 88]. В докторской диссертации, анализируя эмпирические данные по делам об убийствах, А. С. Князьков приходит к выводу, что в числе несомненных *тактических преимуществ* доказывания по такого рода уголовным делам следует назвать получение и использование несогласованных показаний обвиняемых, в том числе для проведения оперативно-розыскных мероприятий [8, с. 476]. Ю. А. Саламаха замечает: «подозреваемый должен присутствовать при обыске только тогда, когда вероятность обнаружения искомого имущества достаточно высока, ибо положительный результат обыска дает *преимущество* следователю в дальнейшем расследовании, а отрицательный — недобросовестному подозреваемому» [9, с. 18]. По мнению И. И. Артамонова, «следователь лишь тогда сможет получить *преимущество* в борьбе — этом своеобразном поединке, если будет обладать более высоким уровнем рефлексии, то есть более высокими имитационными способностями, если он наиболее верно отражает обстановку реальной борьбы, более точно оценивает информацию, которая поступает к нему в ходе расследования» [10, с. 24]. Приведенные рассуждения далеко не единичны. Можно найти и иные публикации, в которых авторы активно используют такое понятие, как «тактическое преимущество» [11, с. 16—17; 12, с. 81].

В результате складывается довольно интересная и во многом не свойственная современной криминалистике ситуация, когда достаточно часто используемое понятие употребляется авторами фактически на некоем интуитивном уровне. Причем, как показывает анализ публикаций, большая часть авторов понимает под ним разнообразные ситуации, при которых следователь для решения задач расследования эффективно использует тактический арсенал и получает то или иное превосходство над иными субъектами.

Здесь целесообразно обратиться к тому значению, которое придается слову «преимущество» специалистами в области русского языка. Так, например, в одном из значений «преимущество» трактуется как количественное превосходство, перевес над кем-либо, чем-либо [13, с. 139]. В словаре С. Н. Евграфовой рассматриваемое понятие определяется достаточно просто: «выгода, превосходство» [14]. В большом современном толковом словаре русского языка под преимуществом понимается: «1. Качество, дающее

кому-либо, чему-либо перевес над кем-либо, чем-либо; превосходство; 2. Качество, свойство, выгодно отличающее кого-либо от других» [15]. Антонимами «преимущества» являются — «недостаток», «минус», «изъян», «препятствие» [16]. В свою очередь, среди синонимичных понятий называются — «важность», «сила», «достоинство», «первенство», «выгода», «превосходство» [17].

Сказанное позволяет заключить, что в целом понятие «тактическое преимущество» следует рассматривать и раскрывать во взаимосвязи с такими криминалистическими категориями, как «тактические задачи», «следственная ситуация», «тактические решения», «тактические риски» и др. Следует отметить, что тактические преимущества, с одной стороны достигаются путем осуществления тактических приемов, их комплексов, тактических операций, с другой — позволяют их успешно реализовывать.

Следователь всегда действует в условиях конкретной следственной ситуации, под которой понимается «такое положение в расследовании преступлений, которое характеризуется наличием тех или иных доказательств и информационного материала, а также возникающими в связи с этим конкретными задачами его собирания и проверки» [18, с. 214]. Должностное лицо в любом случае (осознанно или интуитивно) оценивает ее, в том числе с позиций благоприятности для решения задач расследования. Если ситуация благоприятна, опытный следователь эффективно использует ее для решения задач расследования (промежуточных или даже общей). Неблагоприятную, используя действующее законодательство, тактический арсенал и пр., следователь стремится трансформировать в благоприятную. При этом «везде, где есть хотя бы элементы потенциальной или реальной конфликтности, где есть необходимость предупреждать или преодолевать чье-либо противодействие — есть тактика» [19, с. 169]. Для преодоления конфликтов следователь принимает решения о необходимости предпринять те или иные действия (в ряде случаев, когда это тактически верно, прибегает к бездействию). Такие решения имеют, как правило, тактический характер. Мнения исследователей на то, что же представляет собой тактическое решение, разнятся. Ряд авторов, раскрывая это понятие, связывают его с теми или иными следственными действиями [20, с. 222; 21, с. 199]. Однако, как верно отмечал Р. С. Белкин, тактическое решение следует трактовать шире. Ученый обоснованно считал, что «Тактическое решение — это выбор цели тактического воздействия на следственную ситуацию в целом или отдельные ее компоненты, на ход и результаты процесса расследования и его элементы, и определение методов, приемов и средств достижения этой цели» [22, с. 76]. Такое решение может относиться к прогнозированию следственной ситуации, к организационно-техническим мероприятиям, к организации самого расследования [23, с. 111]. При этом, в основном, принятое решение оценивается как верное, если оно дает следователю определенное тактическое преимущество. Последние во многом позволяют более эффективно решать тактические задачи — совокупность конкретных вопросов тактического характера, необходимость решения которых вытекает из возникшей следственной ситуации [24, с. 27].

Принимая то или иное тактическое решение и оценивая его с точки зрения того, позволит ли оно добиться преимущества над теми или иными субъектами (прежде всего, субъектами противодействия), следователь прибегает к криминалистическому прогнозированию. Н. П. Яблоков называет его стратегическим следственным прогнозированием

и определяет как «предвидение хода и результативности главных задач предварительного расследования (ст. 6 УПК РФ), а также перспективности расследования по конкретному уголовному делу в целом» [25, с. 84]. Вместе с тем прогнозирование не всегда связано с предвидением результатов расследования в целом, оно может касаться и отдельных следственных, иных процессуальных действий. «Прогнозирование всегда содержит возможность „неучтенного варианта“, не дает следователю ограничивать усилия строго определенным ходом событий. С другой стороны, наличие неопределенности „неучтенного варианта“ вовсе не значит, что прогнозировать не следует» [26, с. 65].

Как известно, расследование, хотя и осуществляется по определенным правилам, порой бывает непредсказуемым. Принимаемые решения не всегда бывают верными, следственная ситуация становится неблагоприятной, выявляются новые, ранее не известные обстоятельства, обостряется противодействие со стороны тех или иных заинтересованных в исходе уголовного дела лиц и т. д. Именно поэтому в криминалистике устоялось мнение о том, что расследование всегда связано с определенными рисками. В большей степени криминалисты уделяют внимание именно рискам тактическим, связывая их с принятием тех или иных тактических решений. «Тактический риск является закономерным компонентом расследования. Сама специфика расследования делает принятие решений в условиях тактического риска типичным явлением. Стремление вообще избежать риска нереально; задача заключается в том, чтобы избрать стратегию наименьшего тактического риска, предвидеть возможные отрицательные последствия своего решения и заранее продумать меры по ликвидации или ослаблению этих последствий, минимизировать риск» [22, с. 84].

В свою очередь, тактические риски, как известно, связаны с тактическими ошибками. Под ними автор статьи, вслед за Г. А. Зориным, понимает «недостижение следователем запланированного результата вследствие избрания неадекватных форм деятельности при восприятии информации и ее переработке, оценке следственной ситуации и принятии решений, реализации принятых решений» [27, с. 285]. Нужно учитывать, что именно добросовестное заблуждение отличает ошибку в судопроизводстве от профессиональных упущений, нарушений, должностных проступков и даже преступлений против правосудия. Всякое заведомо неправильное действие, суждение, нарушение установленных норм закона не является ошибкой и требует иного, нежели на ошибку, реагирования [28, с. 116]. Зачастую тактическая ошибка приводит к утрате тактического преимущества.

Тактическое преимущество тесно взаимосвязано с процессуальной позицией и интересами соответствующего субъекта. Оно является результатом осознания и целенаправленного их отстаивания.

Следует обратить внимание и на то, что тактическое преимущество:

— может появиться, условно говоря, спонтанно, в том числе в результате промахов стороны защиты, в результате получения новых доказательств и пр.;

— может быть результатом осознанных и последовательных действий следователя, направленных на создание наиболее благоприятной для него следственной ситуации. Ранее автором настоящей статьи уже описывался как нельзя лучше иллюстрирующий этот вариант действий следователя пример, полученный в рамках интервьюирования одного из адвокатов. Гр. М., подозревался в совершении серии убийств и вымога-

тельств в составе организованной преступной группы (далее — ОПГ), заключил соглашение с защитником. Совместно они приняли решение придерживаться тактики отрицания причастности М. к совершению преступлений. Прямых свидетелей причастности М. к инкриминируемым ему деяниям не было. Расследование осложнялось тем, что, во-первых, преступления совершались на протяжении более чем 10 лет, многие вещественные и иные доказательства было невозможно получить. Во-вторых, большей части «подельников» М. уже не было в живых. Тем не менее данные, полученные оперативным путем, указывали на то, что М. был лидером ОПГ, под его непосредственным руководством и при его участии совершались преступления. Стороне обвинения необходимо было получить тактическое преимущество, подтолкнуть М. к принятию решения о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, с тем, чтобы получить доказательства причастности не только самого М., но и иных членов ОПГ к организации и совершению преступлений. С этой целью, в ходе одной из встреч адвоката и следователя, последний показал защитнику фрагмент бревна, вырезанного из стены дома. На этом фрагменте отчетливо были видны нарисованная мишень и следы пристрела огнестрельного оружия. При этом следователь как будто ненароком поинтересовался, известно ли адвокату, для чего использовалась стена дома. Кроме того, следователь озвучил, что фрагмент бревна изъят недалеко от места убийств. В дальнейшем защитник, находясь в следственном изоляторе во время обсуждения ситуации с М., озвучил ему, кроме прочего, обстоятельства встречи со следователем. Услышав о фрагменте бревна с нарисованной мишенью со следами пристрела, а также месте его изъятия М. спросил у адвоката о возможности заключения соглашения со следствием, а также сообщил защитнику, что следы от пуль на обозначенном фрагменте бревна оставлены именно им, что он проверял пистолет перед убийством троих лиц. Далее М. высказал суждения о том, что раз следствие располагает обозначенными доказательствами его причастности к совершению убийств, то, скорее всего, установлены все обстоятельства убийств. Обсудив сложившуюся ситуацию, подозреваемый и защитник приняли решение ходатайствовать о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, следователь и прокурор его удовлетворили. При этом в ходе интервьюирования адвокат отметил, что дальнейшее осмысление приведенных выше обстоятельств дает основание полагать, что следователь намеренно показал ему фрагмент бревна, назвал условия его изъятия с той целью, чтобы подтолкнуть М. к принятию решения о сотрудничестве с органами уголовного преследования и заключения досудебного соглашения. В результате правильной тактики органа следствия и заключения досудебного соглашения были раскрыты эпизоды убийств 17 человек [29, с. 114].

Приведенный пример иллюстрирует проявление особого вида мыслительной деятельности следователя — рефлексии. Речь идет об его умении предвидеть поведение своего соперника, регулируя тем самым и собственное поведение, а также активно влиять на рассуждения «противника», формировать у него основания для принятия желательного следователю решения. По мнению Г. А. Зорина, «диапазон рефлексии бесконечен во времени и пространстве, более того, он может переходить из сознательного в бессознательное, доминировать по определенной тематике». Развивая свою мысль, ученый предлагает трехранговую модель рефлексивного поведения. По его мнению, первый ранг включает, с одной стороны, отражение следователем самого себя, с другой, —

отображение себя партнером по общению по каналам обратной связи. Второй ранг предполагает анализ внешних форм поведения, мыслей, чувств с позиции самого следователя, во-вторых, анализ процессов отображения этого должностного лица глазами участника следственного действия, в-третьих, анализ процессов взаимоотражения следователя и участника следственного действия с позиции нейтрального лица с учетом точек зрения самого следователя и его партнера. Третий ранг, по мнению Г. А. Зорина, означает, что следователь и участник следственного действия рефлексировать друг друга на уровне второго ранга и находятся примерно в равноинформированных состояниях. В этих условиях следователь должен настолько погрузиться в интеллектуальные и эмоциональные процессы своего партнера, чтобы в каждое мгновение общения принимать относимую информацию и давать ей верную оценку. Для этого в пирамиде рефлексировующих участников он должен занять оба места, чтобы контролировать ситуацию с учетом всех своих позиций и позиций партнера [30, с. 191]. Однако, как отмечает сам ученый, в реальной следственной практике третий ранг имеет место быть весьма редко. Во многом это объясняется тем, что, как справедливо замечал Р. С. Белкин, рефлексия как управляемый (а следовательно, осознаваемый) метод познания не может переходить в бессознательное, за исключением случаев, когда она осуществляется на уровне интуиции [28, с. 156].

В обоих из названных вариантов (когда тактическое преимущество появляется неожиданно и когда оно является результатом целенаправленной деятельности следователя) принципиально важным является, с позволения сказать, «не упустить шанс» и, используя имеющееся тактическое преимущество, постараться решить промежуточные или даже ключевые задачи расследования. В целом его наличие не гарантирует успеха, но значительно повышает шансы на достижение поставленных субъектом целей.

Обратим внимание и на то, что тактическое преимущество не всегда связано с превосходством над кем-либо, но всегда обозначает превосходство над тем состоянием защищенности интересов, которое имело бы место без принятия соответствующего тактического решения. Исходя из изложенного, тактическое преимущество можно определить как основанную на предоставляемых законом преимуществах (но не идентичную им) выгоду, которую получает участник уголовного судопроизводства в соответствии со своей правовой позицией, интересами и целями, в результате принятия им тактического решения в определенной следственной ситуации. Как видно из определения, тактическое преимущество следует отличать от преимущества, предоставляемого законом (уголовным, уголовно-процессуальным, иным), поскольку последнее прямо закреплено в законе, а первое в той или иной мере производно от него, но не идентично ему. Предложенное определение, вероятно, небесспорно, но может дать импульс для дальнейших исследований в этом направлении.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Белкин Р. С. Курс криминалистики: учеб. пособ. для вузов: в 3-х т. Т. 1. — 3-е изд., доп. — М., 2001. — 194 с.
2. Степаненко Д. А. К вопросу о языке науки криминалистики // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2020. — № 2 (92). — С. 225.

3. Александров А. С. Семь смертных грехов современной криминалистики [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.iaaj.net/node/342> (дата обращения: 13.04.2021).
4. Белицкий В. Ю. Понятийно-категориальный аппарат криминалистической науки // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2020. — № 1 (13). — С. 9—15.
5. Берестенев М. А. Криминалистическая характеристика преступления: терминологические подходы, содержания понятия // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2016. — № 3—2. — С. 176—185.
6. Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. — М., 1967. — 290 с.
7. Болтнев В. Н., О «психологических хитростях» в следственной тактике / В. Н. Болтнев, Ю. И. Лавров // Следственная практика. — 1966. — № 71. — С. 88—92.
8. Князьков А. С. Тактико-криминалистические средства досудебного производства: дисс. ... д-ра юрид. наук. — Томск, 2014. — 507 с.
9. Саламаха Ю. А. Основы организации тактических операций: учеб.-практ. пособ. — Екатеринбург: Изд-во УрЮИ МВД России, 2003. — 64 с.
10. Артамонов И. И. Психологический анализ возможностей теории игр в следственной тактике / Вопросы судебной психологии. — Минск, 1972. — С. 16—32.
11. Давыдов В. О. Методика расследования транснациональной преступной деятельности экстремистского характера: моногр. / под науч. ред. А. Ю. Головина. — М.: Юрлитинформ, 2017. — 436 с.
12. Якушин С. Ю. Тактические приемы при расследовании преступлений. — Казань, 1983. — 104 с.
13. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — Т. 3. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. — С. 166.
14. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: Св. 136000 словар. ст., ок. 250000 семант. единиц: [В 2 т.] / Т. Ф. Ефремова. — М.: Рус. яз., 2000. — 27 см. — (Библиотека словарей русского языка: А). Т. 2: П — Я. — 1084 с.
15. Большой современный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. — URL: <https://slovar.cc/rus/tolk.html> (дата обращения: 13.04.2021).
16. Словарь антонимов русского языка [Электронный ресурс]. — URL: <https://sinonim.org> (дата обращения: 13.04.2021).
17. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / под. ред. Н. Абрамова, М.: Русские словари, 1999 [Электронный ресурс]. — URL: <https://sinonim.org/a> (дата обращения: 13.04.2021).
18. Колесниченко А. Н. Научные и правовые основы методики расследования отдельных видов преступлений. — Харьков, 1967. — 28 с.
19. Баев О. Я. Криминалистика. Лекционный курс: учеб. пособ. / О. Я. Баев. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Юстиция, 2017. — 372 с.
20. Князьков А. С. Тактическое решение как предпосылка тактико-криминалистических средств // Актуальные проблемы российского права. — 2011. — № 3. — С. 219—226.
21. Образцов В. А. Криминалистика: модели средств и технологий раскрытия преступлений: курс лек. — М., 2004. — 397 с.
22. Белкин Р. С. Курс криминалистики: учебное пособие для вузов: в 3-х т. Т. 3. — 3-е изд., доп. — М., 2001. — 235 с.
23. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории — к практике. — М.: Юрид. лит., 1988. — 304 с.

24. Князьков А. С. Тактическая задача как элемент поисково-познавательной деятельности субъектов доказывания по уголовному делу // Вестник Томского государственного университета. — 2011. — № 2. — С. 12—31.
25. Яблоков Н. П. Криминалистика: учебник. — М.: Норма, 2009. — 781 с.
26. Коновалова В. Е. Следственная тактика: принципы и функции / В. Е. Коновалова, А. М. Сербулов. — Киев, 1983. — 265 с.
27. Зорин Г. А. Теоретические основы криминалистики. — Минск, 2000. — 416 с.
28. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. — М., 2001. — 237 с.

REFERENCES

1. Belkin R. S. Kurs kriminalistiki [Course of criminology]. Moscow, 2001, vol. 1., 194 p. (in Russ.).
2. Stepanenko D. A. K voprosu o jazyke nauki kriminalistiki [On the question of the language of the science of criminology]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020, no. 2 (92), p. 225. (in Russian).
3. Alexandrov A. S. Sem' smertnyh grehov sovremennoj kriminalistiki [The seven deadly sins of modern criminology]. Available at: <https://www.iaaj.net/node/342> (in Russian).
4. Belitsky V. Yu. Ponjatijno-kategorial'nyj apparat kriminalisticheskoy nauki [Conceptual and categorical apparatus of criminalistic science]. *Kriminalistika: vchera, segodnja, zavtra — Criminalistics: yesterday, today, tomorrow*. 2020, no. 1 (13), pp. 9—15. (in Russian).
5. Berestenev M. A. Kriminalisticheskaja harakteristika prestuplenija: terminologicheskie podhody, soderzhaniya ponjatija [Criminalistic characteristics of crime: terminological approaches, content of the concept]. *Izvestija Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Jekonomicheskie i juridicheskie nauki — Proceedings of Tula State University Economic and legal sciences*. 2016, no. 3—2, pp. 176—185 (in Russian).
6. Ratinov A. R. Sudebnaja psihologija dlja sledovatelej [Forensic psychology for investigators]. Moscow, 1967, 290 p. (in Russian).
7. Boltnev V. N., Lavrov Yu. I. O "psihologicheskikh hitrostjah" v sledstvennoj taktike [About "psychological tricks" in investigative tactics]. *Sledstvennaja praktika — Investigative practice*. 1966, no. 71, pp. 88—92. (in Russian).
8. Knyazkov A. S. Taktiko-kriminalisticheskie sredstva dosudebnogo proizvodstva: diss. ... d-ra jurid. nauk. [Tactical and forensic means of pre-trial proceedings: diss. ... Dr. jurid. sciences']. Tomsk, 2014, 507 p. (in Russian).
9. Salamakha Yu. A. Osnovy organizacii takticheskikh operacij [Fundamentals of the organization of tactical operations]. Yekaterinburg, Publishing House of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2003, 64 p. (in Russian).
10. Artamonov I. I. Psihologicheskij analiz vozmozhnostej teorii igr v sledstvennoj taktike [Psychological analysis of the possibilities of game theory in investigative tactics]. *Voprosy sudebnoj psihologii — Questions of forensic psychology*. Minsk, 1972, pp. 16—32. (in Russian).
11. Davydov V. O. Metodika rassledovaniya transnacional'noj prestupnoj dejatel'nosti jekstremistskogo haraktera: monogr. [Methods of investigation of transnational criminal activity of extremist nature: monograph]. Moscow, Yurлитinform, 2017, 436 p. (in Russian).
12. Yakushin S. Yu. Takticheskie priemy pri rassledovanii prestuplenij [Tactical techniques in the investigation of crimes]. Kazan, 1983, 104 p. (in Russian).

13. Evgenieva A. P. (ed.) Slovar' russkogo jazyka [Dictionary of the Russian language].: In 4 volumes / edited by . — 4th ed., ster. — Vol. 3. — Moscow: Rus. yaz.; Polygraph Resources, 1999. — P. 166. (in Russian).
14. Evgrafova S. N. (ed.) Novyj slovar' russkogo jazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj [New Dictionary of the Russian language. Explanatory-word-formation]. Moscow, Russian language, 2000,: Available at: URL: <https://www.efremova.info/> (accessed 10.02.2022)
15. Bol'shoj sovremennyyj tolkovyy slovar' russkogo jazyka [Large modern explanatory dictionary of the Russian language]. Available at: <https://slovar.cc/rus/tolk.html> (accessed 10.02.2022)
16. Slovar' antonimov russkogo jazyka [Dictionary of Russian antonyms]. Available at: <https://sinonim.org>. (accessed 10.02.2022) (in Russian).
17. Abramov N. (ed) Slovar' russkih sinonimov i shodnyh po smyslu vyrazhenij [Russian Dictionary of Synonyms and expressions similar in meaning]. Moscow, Russian Dictionaries, 1999, Available at: <https://sinonim.org/a>. (accessed 10.02.2022)
18. Kolesnichenko A.N. Nauchnye i pravovye osnovy metodiki rassledovaniya otдел'nyh vidov prestuplenij [Scientific and legal bases of the methodology of investigation of certain types of crimes]. Kharkiv, 1967, 28 p.
19. Baev O. Ya. (Ed.) Kriminalistika [Criminalistics]. Moscow, JUSTICE, 2017, 372 p. (in Russian).
20. Knyazkov A. S. Takticheskoe reshenie kak predposylka taktiko-kriminalisticheskikh sredstv [Tactical decision as a prerequisite of tactical and forensic means]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava — Actual problems of Russian law*. 2011, no. 3, pp. 219-226. (in Russian).
21. Obratstov V. A. Kriminalistika: modeli sredstv i tehnologij raskrytija prestuplenij [Criminalistics: models of means and technologies of crime detection]. Moscow, 2004, 397 p. (in Russian).
22. Belkin R. S. Kurs kriminalistiki [Course of criminology]. Moscow, 2001, Vol.3., 235 p. (in Russian).
23. Belkin R.S. Kriminalistika: problemy, tendencii, perspektivy. Ot teorii — k praktike [Criminalistics: problems, trends, prospects. From theory to practice]. Moscow, Yurid. lit., 1988, 304 p. (in Russian).
24. Knyazkov A. S. Takticheskaja zadacha kak jelement poiskovo-poznavatel'noj dejatel'nosti sub#ektov dokazyvaniya po ugovnomu delu [Tactical task as an element of search and cognitive activity of subjects of evidence in a criminal case]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta — Vestnik of Tomsk State University*. 2011, no. 2, pp. 12-31. (in Russian).
25. Yablokov N. P. Kriminalistika [Criminalistics]. Moscow, Norm, 2009, 781 p. (in Russian).
26. Konovalova V. E., Serbulov A.M. Sledstvennaja taktika: principy i funkcii [Investigative tactics: principles and functions]. Kiev, 1983, 265 p. (in Russian).
27. Zorin G. A. Teoreticheskie osnovy kriminalistiki [Theoretical foundations of criminalistics]. Minsk, 2000, 416 p.
27. Belkin R. S. Kriminalistika: problemy segodnjashnego dnja [Criminalistics: problems of today]. Moscow, 2001, 237 p. (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Попова Елена Ильинична, доктор юридических наук, доцент, старший научный сотрудник, доцент кафедры «Организации судебной и правоохранительной деятельности» Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия, 664074, г. Иркутск, ул. Ивана Франко, д. 23 а

ORCID: 0000-0003-2050-2633

Researcher ID: U-2235-2017

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Popova Elena Ilyinichna, Doctor of Law, Associate Professor, Senior Researcher, Associate Professor of the Department of “Organization of Judicial and Law Enforcement Activities” East Siberian Branch of the Russian State University of Justice, 664074, Irkutsk, Ivan Franko str., 23 a

ORCHID: 0000-0003-2050-2633

Researcher ID: U-2235-2017

Статья поступила в редакцию 24.12.2021; одобрена после рецензирования 29.12.2021; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted 24.12.2021; approved after reviewing 29.12.2021; accepted for publication 25.02.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 1 (100). С. 238—252.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022.
Vol. no.1 (100). p. 238—252.

**12.00.14. Административное право;
административный процесс**

Научная статья

УДК 342.9

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.21.64.021

**ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В ОХРАНЕ
ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА: ОПЫТ РОССИИ И КАЗАХСТАНА**

Светлана Анатольевна Баранова¹, Лейла Тимуровна Культемирова²

¹Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия,
svetlana.myshenko@gmail.com

²Алматинская академия МВД Республики Казахстан им. М. Есбулатова, Алматы, Казахстан, lelkultemirova@mail.ru

Введение: в статье рассматриваются современные формы участия граждан в охране общественного порядка, а также правовой статус лиц, принимающих участие в данной общественно полезной деятельности в России и Казахстане.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют нормы действующего российского и казахстанского законодательства, закрепляющие организационные основы содействия населению органам внутренних дел по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности.

Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, методы логической дедукции, индукции, познавательные методы, сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования позволили сформулировать обобщения и предложения, направленные на повышение эффективности участия граждан в охране общественного порядка.

Выводы и заключения: анализ нормативно-правового закрепления организационных основ участия граждан в охране общественного порядка в России и Казахстане позволил сформулировать следующие выводы: 1) в отличие от России, индивидуальные формы участия граждан в обеспечении общественного порядка в Казахстане охватывают только деятельность профилактической и просветительской направленности, а коллективные формы обеспечивают непосредственное участие граждан в мероприятиях по охране порядка; 2) основные направления взаимодействия граждан с органами внутренних дел в России и Казахстане представляются достаточно схожими и в общем виде осуществляются в мероприятиях по охране порядка и профилактических мероприятиях, а также в информационном взаимодействии; 3) имеются различия в правовом статусе

лиц, принимающих участие в охране общественного порядка, по российскому и казахстанскому законодательству в части применения физической силы. Представляется целесообразным расширить полномочия российских народных дружинников в части оснований для применения указанной меры принуждения и внести соответствующие изменения в действующее законодательство.

Ключевые слова: общественная безопасность, общественный порядок, охрана общественного порядка, добровольные народные дружины, внештатное сотрудничество.

Для цитирования: Баранова С. А., Культемирова Л. Т. Организационные основы участия граждан в охране общественного порядка: опыт России и Казахстана. // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2022. — № 1 (100). — С. 238—252. DOI: 10.55001/2312-3184.2022.21.64.021

12.00.14. Administrative law; administrative process

Original article

ORGANIZATIONAL BASIS OF THE PARTICIPATION OF CITIZENS IN THE PROTECTION OF PUBLIC ORDER: EXPERIENCE OF RUSSIA AND KAZAKHSTAN

Svetlana A. Baranova ¹, Leila T. Kultemirova ²

¹ East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation, svetlana.myshenko@gmail.com

² Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named M. Esbulatova, Almaty, Kazakhstan, lelcullemirova@mail.ru

Introduction: the article examines modern forms of citizens' participation in the protection of public order, as well as the legal status of persons taking part in this socially useful activity in Russia and Kazakhstan.

Materials and methods: the normative basis of the study is formed by the norms of the current Russian and Kazakh legislation governing public relations that are emerging in the field of public assistance to the internal affairs bodies to ensure public order and public safety. The methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific knowledge, which is universal in nature, the methods of logical deduction, induction, cognitive methods, comparison, analysis, synthesis and description.

The result of the study allowed to formulate generalizations and proposals aimed at consolidating the organizational basis for the assistance of the population to the internal affairs bodies to ensure public order and public safety.

Findings and conclusions: analysis of the legal and regulatory framework for the participation of citizens in the maintenance of public order in Russia and Kazakhstan made it possible to formulate the following conclusions: 1) unlike Russia, individual forms of citizen participa-

tion in protection of public order in Kazakhstan cover only preventive and educational activities, and collective forms ensure the direct participation of citizens in measures to protect of order; 2) the main directions of interaction of citizens with the internal affairs bodies in Russia and Kazakhstan seem to be quite similar and, in general, are carried out in measures for the protection of public order and preventive measures, as well as in information interaction; 3) there are differences in the legal status of persons taking part in the protection of public order, according to Russian and Kazakh legislation in terms of the use of physical force. It seems expedient to expand the powers of the Russian people's squads in terms of the grounds for the application of this coercive measure and to make appropriate changes to the current legislation.

Keywords: public safety, public order, protection of public order, voluntary people's squads, freelance cooperation.

For citation: Baranova S. A., Kultemirova L. T. Organizacionnye osnovy uchastija grazhdan v ohrane obshhestvennogo porjadka: opyt Rossii i Kazahstana [Organizational basis of the participation of citizens in the protection of public order: experience of Russia and Kazakhstan]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022, vol. no, 1 (100), pp. 238—252 (in Russ.).

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.21.64.021

Для эффективного поддержания порядка в общественных местах необходимы консолидированные усилия всех многочисленных представителей институтов гражданского общества. Содействие граждан органам внутренних дел в данной сфере имеет большое значение, поскольку с их участием удастся задерживать за совершение преступлений злоумышленников, пресекать тысячи административных правонарушений [1, с. 221].

В Федеральном законе от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» установлены конкретные формы участия населения в охране общественного порядка, определен правовой статус лиц, участвующих в данной общественно-полезной деятельности в каждой из установленных законом форм участия.

Одной из форм участия граждан является содействие органам внутренних дел (полиции) и иным правоохранительным органам. Указанным законом регламентировано, что граждане вправе в целях содействия органам внутренних дел осуществлять строго определенные действия: информировать органы внутренних дел о правонарушениях и об угрозах общественному порядку; участвовать в мероприятиях по охране общественного порядка (по приглашению органов внутренних дел); участвовать в охране общественного порядка при проведении спортивных, культурно-зрелищных и иных массовых мероприятий (по приглашению их организаторов); участвовать в работе координационных, консультативных, экспертных и совещательных органов по вопросам охраны общественного порядка, создаваемых в органах внутренних дел.

Следующей формой участия граждан в охране правопорядка выступает участие в поиске лиц, пропавших без вести. Граждане, принимающие участие в поисковой деятельности, вправе оказывать помощь в мероприятиях по поиску лиц, а также получать

информацию о пропавших лицах, месте их предполагаемого поиска и др. Вместе с тем на граждан, принимающих участие в поиске лиц, пропавших без вести, возлагается ряд обязанностей: прежде всего, они не должны своими действиями создавать препятствия при осуществлении поисковой деятельности; сообщать информацию, имеющую значения для поиска; оказывать первую помощь.

В качестве одной из важнейших форм участия граждан в охране общественного порядка выступает также внештатное сотрудничество с полицией. Согласно п. 4 Инструкции по организации деятельности внештатных сотрудников полиции, утвержденной приказом МВД России от 10 января 2012 г., внештатные сотрудники полиции привлекаются к сотрудничеству по следующим направлениям деятельности полиции:

- 1) защита личности, общества, государства от противоправных посягательств;
- 2) предупреждение и пресечение преступлений, а также административных правонарушений;
- 3) поиск лиц;
- 4) обеспечение правопорядка в общественных местах;
- 5) обеспечение безопасности дорожного движения;
- 6) осуществление экспертно-криминалистической деятельности.

Требования к внештатным сотрудникам полиции, их правовой статус достаточно подробно регламентированы действующим законодательством. Основным условием для привлечения гражданина в качестве внештатного сотрудника полиции является достижение им 18-летнего возраста. Более того, существует ряд ограничений, при наличии которых гражданин не может осуществлять внештатное сотрудничество с полицией. Так, в качестве ограничений выступает неснятая или непогашенная судимость, признание недееспособным или ограниченно дееспособным, совершение действий экстремистской направленности; наличие психического расстройства, заболевание наркоманией или алкоголизмом, наличие гражданства иностранного государства, несоответствие требованиям к состоянию здоровья внештатных сотрудников полиции и др.

Правовой статус внештатного сотрудника полиции подробно регламентирован действующим законодательством. Так, при осуществлении охраны общественного порядка внештатный сотрудник полиции наделен следующими правами: требовать прекращения противоправного деяния от граждан и должностных лиц, принимать меры по охране места происшествия, знакомиться с документами, регламентирующими его правовой статус, а также оказывать содействие полиции при реализации ей своих функций по охране общественного порядка.

Вместе с тем внештатный сотрудник полиции обязан: знать и соблюдать положения законодательства в сфере охраны общественного порядка, выполнять распоряжения уполномоченных сотрудников полиции, соблюдать права и законные интересы граждан и организаций, оказывать первую помощь, иметь при себе удостоверение и предъявлять его гражданам, к которым обращено требование о прекращении противоправного поведения.

Следующей формой участия граждан в охране общественного порядка выступает участие граждан в деятельности общественных объединений правоохранительной нап-

равленности. Основными направлениями деятельности общественных объединений правоохранительной направленности являются:

- 1) содействие органам внутренних дел (полиции) и иным правоохранительным органам в охране общественного порядка;
- 2) участие в предупреждении и пресечении правонарушений;
- 3) распространение правовых знаний, разъяснение норм поведения в общественных местах.

Рассматриваемые объединения для выполнения возложенных на них функций по обеспечению правопорядка и общественной безопасности наделяются установленными законом правами и обязанностями. Общественные объединения, участвующие в охране правопорядка, имеют право: информировать органы внутренних дел о правонарушениях и об угрозах общественному порядку, оказывать содействие указанным органам при их обращении в мероприятия по охране общественного порядка. Основной обязанностью общественных объединений правоохранительной направленности является соблюдение действующего законодательства, а также положений их учредительных документов.

Самой распространенной и зарекомендовавшей себя с советских времен формой участия граждан в охране общественного порядка является деятельность добровольных народных дружин. Для вступления граждан в ряды народной дружины существует ряд ограничений, идентичных ограничениям для внештатных сотрудников полиции (за исключением требований, касающихся состояния здоровья).

При участии в охране правопорядка и обеспечении общественной безопасности на определенной территории дружинники имеют следующие права: требовать прекращения противоправного поведения, принимать меры по охране места происшествия, обеспечивать сохранность вещественных доказательств противоправного деяния с их последующей передачей сотрудникам полиции, оказывать содействие полиции при реализации ею своих функций по охране общественного порядка, применять физическую силу. Обязанности народных дружинников в целом схожи с обязанностями внештатного сотрудника полиции.

Анализ элементов правового статуса народного дружинника вызывает дискуссии в отношении необходимости и целесообразности применения меры принуждения в виде применения физической силы. Данный проблемный аспект был отмечен рядом авторов [2, с. 205; 3, с. 145—146; 4, с. 166—167; 5, с. 367], что подтверждает актуальность его рассмотрения и скорейшего разрешения. Необходимо обратить внимание на то, что отсутствие оснований для применения физической силы как меры принуждения для задержания лица и его последующего доставления не позволяет дружиннику в полном мере реализовать свое право на требование прекращения противоправного поведения, поскольку в случае невыполнении указанного законного требования должно последовать применение меры специального характера, к которой относится применение физической силы. В связи с этим представляется возможным наделить дружинников полномочием по применению физической силы в целях пресечения противоправного поведения. При этом следует отметить, что большинство исследователей сходится во мнении, кото-

рое заслуживает поддержки, о том, что народные дружинники должны проходить качественную практическую подготовку для формирования данного навыка [6, с. 35; 7, с. 133].

Таким образом, организационные основы участия граждан в охране общественного порядка в России представлены рядом законодательно закрепленных форм, для которых характерны свои особенности: сущность, ограничения, права и обязанности лица, принимающего участие в охране правопорядка в конкретной организационной форме.

В настоящее время в Республике Казахстан в политической сфере общественной жизни главенствующую роль занимает идея построения «слышащего государства», то есть такого государства, где приоритетное значение имеют интересы граждан, налажен такой механизм взаимодействия между государством и обществом, при котором население вовлечено в процесс принятия решений и осуществления контроля за их выполнением. Концепция «слышащего государства» предполагает оперативное и эффективное реагирование органов власти на потребности своих граждан. Справедливым и отражающим сущность представляется следующее определение слышащего государства как «организации политической власти, осуществляемой в человеческом обществе сформированными надлежащим образом органами, выборными и назначенными должностными лицами, которые действуют на основе принципов добросовестности, справедливости, взаимопонимания и уважения Прав Человека и граждан» [8, с. 212].

Вместе с тем, наряду с построением концепции «слышащего государства», политикообразующим направлением выступает также провозглашенный принцип «нулевой терпимости», который предполагает нетерпимое отношение ко всем, даже самым незначительным правонарушениям. И здесь первоочередная роль отводится общественности как гаранту гражданской солидарности, поэтому активность граждан в вопросах противодействия правонарушениям относится к числу определяющих задач, стоящих перед обществом. При этом, независимо от формы участия граждан в профилактике правонарушений, и, как следствие, в обеспечении правопорядка в стране, их вклад зависит не только от правовых, но и от организационных основ [9, с. 253].

В самом общем виде организационные аспекты участия граждан в охране общественного порядка урегулированы в Законе Республики Казахстан от 29 апреля 2010 г. № 271-IV «О профилактике правонарушений». Согласно ст. 17 данного закона, участие граждан и организаций в профилактике правонарушений может осуществляться в организации правовой пропаганды; в работе консультативно-совещательных и экспертных органов; в содействии другим субъектам профилактики правонарушений.

Непосредственным правовым актом, регулирующим вопросы добровольного участия граждан Республики Казахстан в обеспечении общественного порядка, является Закон Республики Казахстан от 9 июля 2004 г. № 590 «Об участии граждан в обеспечении общественного порядка». Следует отметить, что указанный законодательный акт сформировал правовую базу для добровольного участия населения в борьбе с противоправными деяниями, фундаментальные принципы, которые лежат в основе данной деятельности, закрепил ограничения, связанные с участием граждан в охране правопорядка, а также их основные права и обязанности.

Принятый в целях совершенствования работы органов внутренних дел по привлечению гражданского населения к участию в обеспечении общественного порядка, приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан от 27 ноября 2004 г. № 641 «Об утверждении Правил привлечения граждан к мероприятиям по обеспечению общественного порядка их форм и видов, не связанным с контрольными и надзорными функциями» как раз направлен на конкретизацию выше указанных законов. В данном правовом акте раскрыты индивидуальные и коллективные формы участия граждан в обеспечении общественного порядка.

Так, индивидуальное участие граждан в обеспечении общественного порядка осуществляется путем оказания ими содействия органам внутренних дел в:

- 1) сообщении о ставших известными им фактах готовящихся, совершаемых или совершенных правонарушений;
- 2) выявлении лиц, подлежащих постановке на профилактические учеты участковых инспекторов полиции и подразделений по делам несовершеннолетних;
- 3) профилактике правонарушений среди несовершеннолетних и предупреждении детской безнадзорности и беспризорности;
- 4) пропаганде Правил дорожного движения;
- 5) пропаганде правовых знаний и др.

Коллективное участие осуществляется в следующих направлениях:

- 1) обеспечение общественного порядка на улицах, площадях, вокзалах, транспортных магистралях и других общественных местах, а также при проведении различных спортивных, культурно-массовых и развлекательных мероприятий — под непосредственным руководством сотрудников органов внутренних дел;
- 2) оказание неотложной помощи лицам, пострадавшим от несчастных случаев, дорожно-транспортных происшествий и правонарушений, а также находящихся в беспомощном состоянии;
- 3) спасение людей, имущества при стихийных бедствиях и других чрезвычайных ситуациях;
- 4) обеспечение безопасности дорожного движения и предупреждении дорожно-транспортных происшествий;
- 5) охрана пастбищ и других мест выпасов и стойбищ скота и др.

Интересно отметить, что в Республике Казахстан законодательно также закреплены такие формы участия граждан как внештатный сотрудник полиции и народный дружинник, только в отличие от российского законодательства данные понятия применяются исключительно в отношении граждан, задействованных в охране Государственной границы.

В частности, согласно постановлению Правительства Республики Казахстан от 27 августа 2013 г. № 866 «Об утверждении Правил привлечения граждан к защите Государственной границы Республики Казахстан в пределах пограничного пространства» лица привлекаются к защите Государственной границы в следующих формах:

- 1) в качестве внештатных сотрудников;
- 2) индивидуальной — в качестве добровольного дружинника;

3) коллективной — в составе добровольной дружины.

Причем в указанных правилах закреплены понятия внештатного сотрудника, который привлекается к защите государственной границы для решения долгосрочных задач или при возникновении необходимости, и народного дружинника, выполняющего под руководством представителей подразделения воинской части добровольно взятые на себя обязанности по участию в защите государственной границы. Особенностью правового статуса лиц, привлеченных к охране границ в данных организационных формах, является наделение их правом на самостоятельное пресечение правонарушения в пограничном пространстве, применение физической силы и других средств в целях пресечения правонарушений и задержания правонарушителей, задержания и доставки лиц, совершивших противоправные деяния в пограничном пространстве.

Следует отметить, что в Российской Федерации также граждане могут привлекаться к охране государственной границы в таких же формах в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 1995 г. № 339 «О порядке привлечения граждан к защите Государственной границы Российской Федерации». В отличие от казахских коллег, российские внештатные сотрудники и дружинники (по защите границы) не обладают вышеуказанными правовыми возможностями и могут только оказывать содействие пограничным нарядам в задержании лиц, подозреваемых в нарушении режима Государственной границы Российской Федерации, пограничного режима, и доставке задержанных в распоряжение соответствующих подразделений пограничных органов, штабы народных дружин или другие места для выяснения их личности и обстоятельств нарушения. Более того, наряду с указанными организационными формами существует и так называемое российское казачество, которое в установленном порядке принимает участие в охране общественного порядка, обеспечении экологической и пожарной безопасности, защите Государственной границы Российской Федерации, борьбе с терроризмом [10, с. 18].

Таким образом, в законодательстве Республики Казахстан имеет место подразделение на индивидуальные и коллективные формы участия граждан в обеспечении общественного порядка с перечнем конкретных действий, раскрывающих сущность индивидуального участия или в коллективе единомышленников. Более того, терминологически схожие с российскими формами участия внештатные сотрудники и народные дружинники привлекаются только для охраны порядка в пограничном пространстве.

В соответствии со статьей 5 Закона Республики Казахстан от 9 июля 2004 г. № 590 «Об участии граждан в обеспечении общественного порядка» не допускаются к участию в обеспечении общественного порядка граждане, не достигшие совершеннолетия, и лица, в отношении которых проводится досудебное расследование либо имеющие непогашенную или неснятую в порядке, установленном законом, судимость, а также состоящие на учетах в наркологическом, психоневрологическом диспансерах либо признанные по решению суда недееспособными или ограничено дееспособными. Дополняет этот список эта же статья указанного закона, которая называет в качестве оснований для прекращения участия гражданина в обеспечении общественного порядка, например, привлечение к уголовной ответственности; неоднократное (два и более раза в течение года)

совершение умышленных административных правонарушений; выезд на постоянное место жительства за пределы Республики Казахстан; наступление обстоятельств, исключających его дальнейшее участие в обеспечении общественного порядка (психическое, поведенческое расстройство, болезнь, представляющая опасность для окружающих, смерть).

Статья 7 Закона Республики Казахстан от 9 июля 2004 г. № 590 «Об участии граждан в обеспечении общественного порядка» закрепляет общие права и обязанности граждан, участвующих в обеспечении общественного порядка независимо от конкретной формы участия.

Так, граждане, участвующие в обеспечении общественного порядка, имеют право: оказывать содействие органам внутренних дел в мероприятиях по обеспечению общественного порядка; предупреждать и пресекать уголовные и административные правонарушения; участвовать в оказании медицинской помощи, осуществлять разъяснительную и правовую работу по профилактике правонарушений, немедицинского употребления психоактивных веществ, требовать от граждан соблюдения общественного порядка. Следует отметить, что данные права, предоставленные лицам, участвующим в охране общественного порядка в Казахстане, схожи с правами, предусмотренными российским законодательством. Однако следует обратить внимание на право применения физической силы по казахстанскому законодательству, а именно в целях пресечения правонарушений и задержания правонарушителей, если иными способами достичь указанных целей не представляется возможным. Также важным представляется право задерживать и доставлять в правоохранительные или иные органы государственной власти лиц, совершивших уголовное или административное правонарушение.

Граждане, участвующие в обеспечении общественного порядка, обязаны: соблюдать конституционные права и свободы граждан; незамедлительно информировать органы внутренних дел о ставших известными им фактах готовящихся либо совершенных уголовных правонарушений; предъявлять по требованию граждан удостоверение, разъяснять гражданам, задержанным за совершение уголовного или административного правонарушения, основания применяемых к ним принудительных мер; проходить правовую подготовку перед участием в мероприятиях по обеспечению общественного порядка.

Подразделения местной полицейской службы, пользующиеся содействием граждан в обеспечения общественного порядка, должны провести для них разъяснительную работу. Полицейское подразделение заводит на зарегистрировавшегося гражданина учетное дело, оформленное в соответствии с правилами о регистрации граждан, участвующих в охране общественного порядка. Дело заносится в соответствующий журнал регистрации. Если происходят регистрационные действия коллективного образования граждан, то заводится одно наблюдательное дело. Впоследствии такое дело заносится в журнал регистрации наблюдательных дел общественной самодеятельности.

Следует отметить, что руководитель полицейского подразделения ведет общий учет и координацию деятельности граждан и объединений при обеспечении указанными субъектами общественного порядка. Не реже одного раза в квартал участвующие

в поддержании общественного порядка и должным образом зарегистрированные граждане должны проходить наркологический, психоневрологический и прочий учет.

На подразделения местной полицейской службы района или города возложены функции по реализации учетно-регистрационных действий, а также сопутствующих им организационно-технических мероприятий (выдача удостоверений, нагрудных знаков граждан, участвующих в деятельности правоохранительной направленности).

Необходимо указать, что граждане, участвующие в обеспечении общественного порядка, обязаны иметь при себе и предъявлять по требованию граждан удостоверение общественного помощника и отличительный нагрудный знак. Более того, лицам, задействованным в обеспечении правопорядка в участковом пункте полиции выдается нарукавная повязка при осуществлении охраны общественного порядка.

Подразделения местной полицейской службы, в чьи полномочия входит ведение учетных дел граждан, участвующих в охране правопорядка, раз в месяц подводят итоги такой деятельности и по их результатам формируют предложения о поощрении лиц, добившихся значительных успехов при осуществлении правоохранительной деятельности. Данные мотивированные предложения оформляются в виде аналитической справки. Впоследствии данные справки в обобщенном виде рассматриваются на совещании у руководства горрайоргана. В ходе проведения совещания принимается решение о выдвижении наиболее активных и проявивших себя лиц в процессе участия в обеспечении правопорядка. В отношении таких граждан готовится ходатайство, которое содержит подробное описание оснований, имеющих решающее значение для представления лица к поощрению с приложением табеля учета результатов работы данного гражданина (по установленной форме).

Министерство внутренних дел Республики Казахстан уделяет особое внимание вопросам установления различных форм сотрудничества с институтами гражданского общества и вовлечения граждан в охрану общественного порядка.

По данным статистики Комитета административной полиции МВД Республики Казахстан, в целом по стране в охране общественного порядка ежегодно принимают участие свыше 29 тыс. человек, которые объединены в 4,5 тыс. общественных формирований правоохранительной направленности. Например, в сельской местности функционируют отряды «Сақшы», которые в основном ориентированы на предупреждение скопированных краж, с их участием раскрываются ежегодно свыше 1000 краж.

В современном мире волонтерские проекты — это существенная движущая сила. В первую очередь волонтерство — это неравнодушие. Свою активную жизненную позицию казахстанские волонтеры наглядно продемонстрировали в трудный период для страны время, в период пандемии. Значителен их вклад, который сегодня вносят волонтеры в поддержание общественного порядка, поиск без вести пропавших людей, проводимые мероприятия по профилактике правонарушений в молодежной среде, особенно в части профилактики наркомании и дорожной безопасности, т. к. эта проблема остается и в настоящее время.

Стоит отдельно отметить работу в качестве волонтеров, направленную на поиск без вести пропавших людей, когда сегодня основные силы полиции направлены

на мероприятия, связанные с условиями пандемии. Возможности социальных сетей и интернет-ресурсов сегодня активно используются волонтерами, позволяя в считанные минуты распространять информацию о пропавшем человеке, а затем оперативно сообщать в полицию информацию о его возможном местонахождении. Такая практика совместного проведения поисковых мероприятий продолжает приносить результаты.

В учебных заведениях действуют «Студенческие отряды», которые патрулируют территории студенческих городков и общежитий, пресекают мелкие правонарушения, проводят разъяснительную работу среди студентов, и с их участием также раскрываются преступления.

Активную работу по охране общественного порядка проводят «Общественные помощники полиции», тесно взаимодействуя с участковыми инспекторами полиции и патрульной службой. Кроме того, в общеобразовательных учебных заведениях есть «Юные помощники полиции» (далее — ЮПП). Основная задача ЮПП — оказывать содействие школьному инспектору полиции в укреплении дисциплины, правопорядка и профилактике правонарушений на территории школ, активно участвовать в правовом воспитании учащихся.

Согласно составленному плану работы на учебную четверть, отряды ЮПП осуществляют дежурства внутри и на территории школы во время перемен, ведут учет опоздавших и проводят с ними беседы, для установления причин нарушения Устава школы. Кроме того, совместно со школьными инспекторами полиции обходят близлежащие места торговли, с целью предупреждения об административной ответственности за продажу алкогольной и табачной продукции несовершеннолетним.

Члены отряда включены в состав Совета профилактики школы, где рассматривают вопросы противоправного поведения отдельных учеников, где учитывается их мнение и предложения при принятии конкретных мер воспитательного воздействия на школьника.

Отряды ЮПП активно участвуют по выявлению детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, знакомят учащихся с телефонной линией доверия для детей и молодежи «150». Создание отряда — одна из форм взаимодействия полиции и школы в деле профилактики правонарушения. Деятельность общественных и юных помощников полиции направлена на поддержку правопорядка в обществе, укрепление доверия граждан к полиции, пропаганды законопослушного поведения.

Таким образом, анализ нормативно-правового закрепления основных организационных форм участия граждан в охране общественного порядка в России и Казахстане позволил сформулировать следующие обобщения и выводы.

Во-первых, по общему правилу в России и Казахстане к участию в охране общественного порядка допускаются граждане, достигшие совершеннолетия. Более того, предусмотрен перечень достаточно схожих ограничений, выраженных в состоянии здоровья (больные алкоголизмом, наркоманией, недееспособные, ограниченно дееспособные и др.), уголовно-процессуальных ограничениях (неснятая, непогашенная судимость и др.), административно-процессуальных ограничениях (неоднократное совершение в течение определенного срока административных правонарушений). Кроме того, перечень

ограничений, препятствующих участию в охране правопорядка в России дополнен наличием в действиях лица доказанных в судебном порядке признаков экстремистской или террористической деятельности.

Во-вторых, одной из форм участия граждан в охране общественного порядка в России выступают добровольные народные дружины, а в Казахстане народные дружины задействованы только в охране государственной границы, во всех остальных случаях отсутствуют специальные требования к учредителям коллективных объединений по охране общественного порядка. Для осуществления указанной деятельности граждане проходят регистрацию, после чего имеют право коллективно участвовать в обеспечении общественного порядка. При этом наименование таких общественных формирований определяется гражданами самостоятельно.

В-третьих, индивидуальные формы участия граждан в обеспечении общественного порядка в Казахстане охватывают только формы профилактической и просветительской направленности, а коллективные формы обеспечивают непосредственное участие граждан в мероприятиях по охране порядка. В России индивидуальные формы представлены шире и, например, могут включать в себя деятельность по предупреждению и пресечению преступлений, административных правонарушений, поиску лиц, осуществлению экспертно-криминалистической деятельности (для внештатного сотрудника полиции) и др.

В-четвертых, основные направления взаимодействия граждан с органами внутренних дел в России и Казахстане представляются достаточно схожими и осуществляются, в частности:

1) в мероприятиях по охране порядка (обеспечение правопорядка в общественных местах, охрана общественного порядка при проведении спортивных, культурно-зрелищных и иных массовых мероприятий, обеспечение безопасности дорожного движения);

2) в информационном аспекте (информирование о противоправных деяниях и угрозах общественному порядку);

3) в профилактическом (просветительском) аспекте (распространение правовых знаний, по законодательству Республики Казахстан данный аспект урегулирован более подробно и дополнительно включает в себя профилактику правонарушений среди несовершеннолетних и предупреждении детской безнадзорности и беспризорности, пропаганду правил дорожного движения).

В-пятых, имеются различия в правовом статусе лиц, принимающих участие в охране общественного порядка, по российскому и казахстанскому законодательству в части применения мер принуждения. Так, в Казахстане добровольные помощники полиции наделены правом применить физическую силу в целях пресечения правонарушений и задержания правонарушителей, задержать правонарушителя, в исключительных случаях проводить осмотр задержанного лица и доставлять его в органы власти. В России вопрос применения физической силы народным дружинником только в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости либо для устранения опасности является дискуссионным. Отсутствие оснований для применения физической силы как меры при-

нуждения для задержания лица и его последующего доставления не позволяет дружиннику в полном мере реализовать свое право на требование прекращения противоправного поведения, поскольку в случае невыполнении указанного законного требования должно последовать применение меры специального характера, к которой относится применение физической силы. В этой связи представляется целесообразным расширить полномочия народных дружинников по применению физической силы и внести изменения в статью 19 Федерального закона от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка», а именно сформулировать п. 1 данной статьи следующим образом: «Народные дружинники при участии в охране общественного порядка могут применять физическую силу в целях пресечения правонарушений и задержания правонарушителей, если иными способами достичь указанных целей не представляется возможным в пределах, установленных законодательством Российской Федерации».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Добров А. Н. Об эффективности отдельных организационно-правовых мер по привлечению граждан к охране общественного порядка / А. Н. Добров, С. А. Баранова, Д. Н. Рачёв // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2019. — № 4 (91). — С. 219—226.
2. Потанин А. В. К вопросу о закреплении за народными дружинниками специальных прав и обязанностей и отдельных проблемах их реализации // Юрист-Правовед. — 2017. — № 1 (80). — С. 202—206.
3. Горбунов В. Ю. Дефекты механизма реализации гражданами полицейских полномочий в области охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2015. — № 4 (34). — С. 140—147.
4. Новиков Д. О. Применение физической силы негосударственными субъектами охраны общественного порядка // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. — 2016. — № 4 (4). — С. 164—172.
5. Закопырин В. Н. Актуальные вопросы применения народными дружинниками мер административного принуждения // Теоретические и практические проблемы развития уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации и за рубежом: сб. тез. выступлений и докладов участников междунар. науч.-практ. конф. — 2018. — С. 364—369.
6. Щербаков О. Н. Подготовка народных дружин к мероприятиям по охране общественного порядка: проблемы теории и практики // ВБ: Административное право и практика администрирования. — 2018. — № 4. — С. 32—37.
7. Гуз О. М. О некоторых социально-педагогических аспектах подготовки народных дружинников в России // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2019. — № 2 (56). — С. 129—133.
8. Токтар Е. Б. К определению понятия слышащего государства // Е. Б. Токтар, Е. К. Нуртазин // Вестник науки Южного Казахстана. — 2020. — № 4 (12). — С. 212—217.
9. Добров А. Н. Правовое регулирование участия граждан в охране общественного порядка: опыт России и Казахстана / А. Н. Добров, Л. Т. Культемирова // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2021. — № 4 (99). — С. 248—258.
10. Кононов С. А. Актуальные вопросы участия граждан в защите государственной границы в составе добровольных народных дружин и добровольных казачьих дружин // Военное право. — 2020. — № 1 (59). — С. 16—22.

REFERENCES

1. Dobrov A. N., Baranova S. A., Rachev D. N. Ob jeffektivnosti otдел'nyh organizacionno-pravovyh mer po privlecheniju grazhdan k ohrane obshhestvennogo porjadka [On the efficiency of certain organizational-legal measures to attract citizens to the public order protection]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the Eastern Siberian Institute of the Ministry of the Internal Affairs of Russia*. 2019., no.4 (91), pp.219—226.
2. Potanin A. V. K voprosu o zakreplenii za narodnymi družinnikami special'nyh prav i objazannostej i otдел'nyh problemah ih realizacii [To the issue of affording of special rights and duties to the voluntary people's guard and some problems of their enforcement]. *Jurist#-Pravoved# — Jurist-Pravoved*. 2017, no. 1 (80), pp. 202—206.
3. Gorbunov V. Y. Defekty mehanizma realizacii grazhdanami policejskih polnomochij v oblasti ohrany obshhestvennogo porjadka i obespechenija obshhestvennoj bezopasnosti [Defects in the mechanism of implementing police powers by citizens in the field of maintaining public order and ensuring public safety]. *Juridicheskaja nauka i pravoohranitel'naja praktika — Legal Science and Law Enforcement Practice*. 2015, no. 4 (34), pp. 140—147.
4. Novikov D. O. Primenenie fizicheskoy sily negosudarstvennymi sub#ektami ohrany obshhestvennogo po-rjadka [The use of physical force by non-state actors in public order protection]. *Social'no-jekonomicheskij i gumanitarnyj zhurnal Krasnojarskogo GAU — Socio-economic and humanitarian journal of the Krasnoyarsk State Agrarian University*. 2016, no. 4 (4), pp. 164—172.
5. Zakopyrin V. N. [Topical issues of the application of administrative coercion measures by the people's guards]. *Teoreticheskie i prakticheskie problemy razvitija ugolovno-ispolnitel'noj sistemy v Rossijskoj Federacii i za rubezhom: sb. tez. vystuplenij i dokladov uchastnikov mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Theoretical and practical problems of the development of the penal system in the Russian Federation and abroad: collection of articles. abstracts of speeches and reports of participants of the international scientific-practical conf.]. 2018, pp. 364—369.
6. Shcherbakov O. N. Podgotovka narodnyh družin k meroprijatijam po ohrane obshhestvennogo porjadka: problemy teorii i praktiki [Preparation of people's squads for measures to protect public order: problems of theory and practice]. *NB: Administrativnoe pravo i praktika administrirovaniya — NB: Administrative law and practice of administration*. 2018, no. 4, pp. 32—37.
7. Guz O. M. O nekotoryh social'no-pedagogicheskikh aspektah podgotovki narodnyh družinikov v Rossii [About some social and pedagogical aspects of the training of people's guards in Russia]. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii — Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2019, no. 2 (56), pp. 129—33.
8. Toktar E. B., Nurtazin E. K. K opredeleniju ponjatija slyshashhego gosudarstva [To the definition of the concept of a hearing state]. *Vestnik nauki Juzhnogo Kazakhstana — Vestnik of Science of South Kazakhstan*. 2020, no. 4 (12), pp. 212—217.
9. Dobrov A. N., Kultemirova L. T. Pravovoe regulirovanie uchastija grazhdan v ohrane obshhestvennogo porjadka: opyt Rossii i Kazakhstana [Legal Regulation of the participation of citizens in the protection of public order: experience of Russia and Kazakhstan]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021, no. 4 (99), pp. 248—258.
10. Kononov S. A. Aktual'nye voprosy uchastija grazhdan v zashhite gosudarstvennoj granicy v sostave dobro-vol'nyh narodnyh družin i dobrovol'nyh kazach'ih družin [Topical issues of citizens' participation in the protection of the state border as part of voluntary people's squads and voluntary Cossack squads]. *Voennoe parvo — Military law*. 2020, no. 1 (59), pp. 16—22.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Баранова Светлана Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права и административной деятельности ОВД. Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

ORCID: 0000-0001-5631-4138

Культемирова Лейла Тимуровна, кандидат юридических наук, ассоциированный профессор (доцент), начальник кафедры профессионально-психологической подготовки и управления ОВД. Алматинская академия МВД Республики Казахстан им. М. Есбулатова. 50060, Казахстан, Алматы, ул. Утепова, 29.

ORCID: 0000-0002-1436-5567

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Baranova Svetlana Anatolievna, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activity of the internal affairs bodies. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 110, Lermontov str., Irkutsk, Russia, 664074.

ORCID: 0000-0001-5631-4138

Kultemirova Leila Timurovna, Candidate of Science (Law), Associate Professor, Head of the Department of Professional and Psychological Training and Department of Internal Affairs, Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named M. Esbulatova. 29, Utepova St., Almaty, Kazakhstan, 50060.

ORCID: 0000-0002-1436-5567

Статья поступила в редакцию 01.09.2021; одобрена после рецензирования 08.09.2021; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted 01.09.2021; approved after reviewing 08.09.2021; accepted for publication 25.02.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 1 (100). С. 253—263.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022.
Vol. no.1 (100), p. 253—263.

**12.00.14. Административное право;
административный процесс**

Научная статья

УДК 343.9

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.46.89.022

**ОСОБЫЕ ПРАВОВЫЕ РЕЖИМЫ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ
ПРАВИТЕЛЬСТВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ
КОРОНОВИРУСА COVID-19**

Алексей Александрович Сысоев

Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Российская Федерация,
daosss1972@yandex.ru.ru

Введение: в статье рассмотрены особенности реализации особых правовых режимов в период пандемии коронавируса COVID-19 региональными правительствами Забайкальского края, Бурятии и Иркутской области. Анализируются региональные особенности применения ограничительных мероприятий, предусмотренных особыми правовыми режимами повышенной готовности для территориальных подсистем единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций.

Материалы и методы: методология научной работы обуславливалась ее целью и задачами, ее основу составляют методы диалектического материализма и анализа, принципы научности и развития, обеспечившие комплексный характер исследования.

Результаты исследования: выявлена зависимость динамики распространения и масштабов поражения коронавирусом COVID-19 населения Восточной Сибири в 2020 г. от эффективности применения особых правовых режимов.

Выводы и заключения: в рассматриваемый период на территории Восточной Сибири в соответствии с решениями глав субъектов были введены режимы функционирования повышенной готовности для территориальной подсистем единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций. Данные решения были оформлены в виде подзаконных нормативно-правовых актов, обязательных к исполнению. В числе ограничительных мер применялись обязательные 14-дневные карантинные мероприятия в специально оборудованных учреждениях для лиц, прибывавших из стран со сложной эпидемиологической обстановкой. Была практически полностью прекращена деятельность целого ряда предприятий и производств. Ограничивалось проведение спортивных состязаний, массовых мероприятий, собраний и митингов. Для граждан определенной возрастной группы вводился режим самоизоляции. В обществен-

ных местах предусматривались условия для соблюдения социального дистанцирования. Образовательные организации были переведены на дистанционные формы обучения.

Последовательная реализация вышеуказанных мер и контроль за их выполнение и позволили минимизировать последствия распространения инфекции и снизить количество инфицированных граждан относительно среднероссийских показателей на 0,41—0,47 %.

Ключевые слова: особые правовые режимы, ограничительные мероприятия; пандемия; запрет; особый порядок; инфекция; правительство; общественные отношения, административные границы, безопасность.

Для цитирования: Сысоев А. А. Особые правовые режимы в интерпретации региональных правительств во время пандемии коронавируса COVID-19 // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2022. — № 1 (100). — С. 253—263. DOI: 10.55001/2312-3184.2022.46.89.022

12.00.14. Administrative law; administrative process

Original article

SPECIAL LEGAL REGIMES IN THE INTERPRETATION OF REGIONAL GOVERNMENTS OF EASTERN SIBERIA DURING THE COVID-19 CORONAVIRUS PANDEMIC

Aleksey A. Sysoyev

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation, daosss1972@yandex.ru.ru

Introduction: the article considers the features of the implementation of special legal regimes during the COVID-19 coronavirus pandemic by the regional governments of the Trans-Baikal Territory, Buryatia and the Irkutsk Region. The regional peculiarities of the application of restrictive measures provided for by special legal regimes of high readiness for territorial subsystems of the RSF are analyzed.

Materials and methods: the methodology of scientific work was determined by its purpose and objectives, it is based on the methods of dialectical materialism and analysis, the principles of scientific character and development, which provided a comprehensive nature of the research.

The results of the study: the dependence of the dynamics of the spread and extent of the COVID-19 coronavirus infection in the population of Eastern Siberia in 2020 on the effectiveness of the application of special legal regimes was revealed.

Findings and conclusions: in the period under review, in accordance with the decisions of the heads of the subjects, high-readiness operating modes were introduced for the territorial subsystems of the RSChS, in accordance with the decisions of the heads of the subjects. These decisions were issued in the form of subordinate regulatory legal acts that are mandatory for ex-

ecution. Among the restrictive measures, mandatory 14-day quarantine measures were applied in specially equipped institutions for persons arriving from countries with a complex epidemic situation. The activities of a number of enterprises and industries were almost completely discontinued. Sports competitions, mass events, meetings and rallies were restricted. A self-isolation regime was introduced for citizens of a certain age group. In public places, conditions were provided for observing social distancing. Educational organizations were transferred to distance learning. The consistent implementation of the above measures and monitoring of their implementation made it possible to minimize the consequences of the spread of infection and reduce the number of infected citizens relative to the national average by 0.41—0.47 %.

Keywords: special legal regimes, restrictive measures; pandemic; prohibition; special order; infection; government; public relations, administrative borders, security.

For citation: Sysoyev A.A. Osobyie pravovye rezhimy v interpretacii regional'nyh pravitel'stv vo vremja pan-demii koronavirusa COVID-19 [Special legal regimes interpreted by regional Governments during the COVID-19 coronavirus pandemic]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022, vol. no, 1 (100), pp. 253—263 (in Russ.).

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.46.89.022

События 2020 г. продемонстрировали уязвимость современной цивилизации перед лицом опасных биолого-социальных явлений. Инфекционное заболевание COVID-19 оказало глобальное воздействие на жизнедеятельность всего мирового сообщества. Продолжительный инкубационный период, в течение которого носитель распространяет вирус, высокая контагиозность, бессимптомное протекание у определенной части пораженных, значительные темпы мутаций и возможность повторного инфицирования — это далеко не полное описание крайне опасных свойств коронавируса COVID-19.

Динамика распространения и масштабы поражения населения оказали шоковое воздействие на экономику большинства развитых стран всего мирового сообщества. В первоначальный период борьбы с инфекцией оказались бездейственны высокие технологии, развитые экономики и достижения медицинской науки.

Однако практически с первых дней противостояния COVID-19 вирусологи всего мира заявляли, что одним из эффективнейших инструментов борьбы с опасными инфекционными заболеваниями является введение режимных ограничений в социальной и экономической сферах, позволяющих снизить динамику распространения заболевания и, как следствие, получить временные резервы для разработки медикаментов и вакцин.

По оптимистическим оценкам отечественных исследователей последующие события показали, что особые правовые режимы дали возможность сгладить эпидемиологическую кривую и не допустить острого пика заражений, который мог оказаться непосильным для действующей системы здравоохранения [1, с. 7].

Мировая юридическая практика показала все многообразие различных правовых ограничений, направленных на локализацию очагов поражения, пресечение контактов населения с потенциально инфицированными гражданами и, как следствие, на миними-

зацию ущерба от поражения COVID-19. В связи с этим можно выделить несколько направлений, нашедших отражение в особых правовых режимах, вводимых за рубежом.

Международная изоляция территории государства от контактов с гражданами иных стран как первоочередная ограничительная мера реализовывалась большинством стран мира и выражалась в запрете пересечения границ на любом типе транспорта. В ряде государств, в зависимости от категории претендентов, въезд разрешался при условии обязательного двухнедельного карантина в специально оборудованных учреждениях. Установление запрета на перемещение внутри страны, как одна из эффективных ограничительных мер, нашла свое наиболее яркое воплощение в ряде регионов и городов Китайской Народной Республики.

Введение ограничения на перемещение в определенных временных промежутках в виде комендантского часа реализовали во Франции по распоряжению президента Эмманюэля Макрона «О дополнительных ограничениях в связи с пандемией коронавируса».

В ряде европейских государств была практически полностью прекращена деятельности предприятий и производств. В частности, указ правительства Италии от 11 марта 2020 г. приостановил коммерческую деятельность на всей территории страны.

Одним из наиболее значимых для всей мировой общественности стало решение правительства Японии об отмене летних олимпийских игр в Токио. При этом следует отметить, что запрет на проведение спортивных состязаний, массовых мероприятий, собраний и митингов, как ограничительная мера применялся большинством стран.

Введение норм социального дистанцирования вплоть до самоизоляции граждан являлось наиболее радикальной ограничительной мерой и применялось на территории стран, население которых по ряду причин оказалось наиболее уязвимым к возбудителям COVID-19. В частности, драматический сценарий распространения инфекции в ряде регионов Испании вынудил правительство этой страны реализовать именно этот тип социального ограничения.

В зависимости от складывавшейся обстановки, введение тех или иных режимных ограничений оказывало определенное влияние на распространение COVID-19. Снижалась динамика и масштабы поражения населения. Однако обратной стороной ограничений оказалась стагнация в мировой экономической сфере и повышенное социальное напряжение, выражающееся в массовых беспорядках и недоверии к властным структурам.

На сегодняшний день, по оценкам иностранных экспертов, экономические потери, вследствие введения особых правовых режимов, привели к снижению размеров валового внутреннего продукта в таких развитых странах, как Италия, Франция и Великобритания на 11 %. При этом, по ближайшим прогнозам, в случае ухудшения эпидемиологической ситуации, ВВП стран Западной Европы может снизиться еще на 14 % [2].

В такой неблагоприятной экономической ситуации население стран Старого света продемонстрировало самые масштабные социальные протесты. Несанкционированные

протестные акции в течении 2020 г. были организованы в Нидерландах (5 мая в Гааге), в Италии (22 октября в Неаполе), в Германии (19 апреля в Берлине).

Очевидно, что события прошедшего года являются ключевыми для переосмысления проделанной работы и определения стратегии и возможных перспективных направлений в ликвидации последствий таких опасных биолого-социальных явлений, как коронавирус COVID-19. Не вызывает сомнений и потребность в выработке соответствующих юридических норм, позволяющих существенно минимизировать либо полностью исключить экономические и социальные противоречия, неизбежно возникающие при введении особых правовых режимов [3, с. 58].

В этом отношении интересен путь, апробированный Россией — федеративным государством, занимающим первое место по территории и девятое по количеству населения. В отличие от большинства мировых держав, правительство нашей страны пошло по иному пути, предоставив определенную свободу в применении режимных ограничений каждому отдельно взятому субъекту федерации. Однако введение различных мер принуждения населения к режимным ограничениям не всегда коррелировало с федеральным законодательством, в некоторых случаях носило противоречивый характер и не давало желаемого эффекта.

Цель настоящего исследования заключается в сравнительной оценке эффективности и целесообразности нормативно-правового регулирования при организации особых правовых режимов на отдельных территориях Российской Федерации в 2020 г. Данная проблематика уже рассматривалась современными исследователями [4]. Однако, по мнению отечественных правоведов, она требует дальнейшей разработки [5, с. 4].

Объектом исследования является законотворческая деятельность на уровне отдельных субъектов Российской Федерации в сфере правового регулирования жизнедеятельности населения в особых условиях.

Для сравнительного анализа использовался опыт Иркутской области, Забайкальского края и Республики Бурятия. Территориальные границы исследования обуславливались относительной схожестью климатических условий, экономическим потенциалом, плотностью населения и его этническим составом.

Практически идентичные социально-экономические условия проживания граждан в данных регионах [6] позволяют провести критическую оценку ситуации, сложившейся на протяжении 2020 г. в результате распространения коронавируса COVID-19 и дают возможность с высокой степенью объективности выявить положительный и отрицательный опыт применения особых правовых норм местными администрациями.

Хронологически исследуемому периоду предшествовали федеральные законодательные акты и ряд подзаконных правовых актов, имеющих нормативный характер, обязательных для исполнения на всей территории Российской Федерации. Так, 16 марта 2020 г. вступило в действие распоряжение Правительства Российской Федерации № 635-р «О временном ограничении въезда в Российскую Федерацию иностранных граждан и лиц без гражданства и временном приостановлении оформления и выдачи виз и приглашений». 25 марта 2020 г. был издан Указ Президента Российской Федерации № 206 «Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней», в соответствии с которым

на всей территории страны объявлялись нерабочими дни с 30 марта по 3 апреля. 27 марта 2020 г. в связи с распоряжением Правительства Российской Федерации № 763-р «О временном ограничении движения через автомобильные, железнодорожные, пешеходные, речные и смешанные пункты пропуска через государственную границу Российской Федерации, а также через сухопутный участок российско-белорусской государственной границы», были приняты ограничительные меры на пограничных пунктах пропуска, направленное на минимизацию рисков экспорта вируса из-за рубежа.

1 апреля 2020 г. были обнародованы Федеральный закон № 99-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» и Федеральный закон № 100-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», предусматривающие введение на всей территории страны административной ответственности за действия, представляющие опасность для окружающих в период осуществления ограничительных мероприятий, и уголовной ответственности за нарушение санитарно-эпидемиологических правил, повлёкших массовое заболевание людей.

2 апреля 2020 г. был издан Указ Президента Российской Федерации от № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)». В соответствии с данным указом были объявлены нерабочими дни с 4 по 30 апреля. При этом на глав субъектов федерации возлагались обязанности по определению границ, в которых следовало реализовать комплекс ограничительных мероприятий, направленных на обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия населения. Указ предусматривал приостановление на определенных главами субъектов территориях деятельности отдельных организаций независимо от организационно-правовой формы и формы собственности и установление особого порядка передвижения лиц и транспортных средств. Данный подзаконный правовой акт не только позволил существенно ограничить динамику распространения вируса и исключить инфицирование граждан при выполнении обязанностей по месту работы и учебы, но и делегировал главам субъектов ряд полномочий по введению режимных ограничений.

Вступивший в силу 11 мая 2020 г. Указ Президента Российской Федерации от № 316 «Об определении порядка продления действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения в субъектах Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» продлил полномочия высших должностных лиц в субъектах Российской Федерации и определил основные направления в стратегии борьбы с проявлениями коронавирусной инфекции.

Таким образом, федеральное правительство определило стратегию избирательных ограничений, которые вводились в отдельно взятых субъектах в зависимости от эпидемиологической ситуации. При этом вся полнота ответственности за своевременное проведение тех или иных режимных мероприятий возлагалась на высших должностных лиц данных субъектов.

В Забайкальском крае решение о введении ограничительных мер было принято губернатором А. М. Осиповым 8 апреля 2020 г. В соответствии с постановлением губер-

натора Забайкальского края № 30 «О введении режима повышенной готовности на территории Забайкальского края и комплексе ограничительных и иных мероприятий по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV)», на территории региона с 00 часов 00 минут 19 марта 2020 г. вводился режим повышенной готовности, в соответствии с которым к проведению ограничительных мероприятий привлекались силы и средства территориальной подсистемы единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций Забайкальского края.

Общее руководство ограничительными мероприятиями по предотвращению угрозы распространения на территории Забайкальского края коронавирусной инфекции вменялось исполняющему обязанности заместителя председателя Правительства Забайкальского края. Исполнительным органам государственной власти Забайкальского края указывалось обеспечивать организацию проведения проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Органам государственной власти, и органам местного самоуправления рекомендовалось: максимально сократить проведение деловых мероприятий, приостановить личный прием граждан, организовать мероприятия по усилению режима текущей дезинфекции в местах массового скопления людей.

Постановление утверждало «Комплекс ограничительных и иных мероприятий по предотвращению угрозы распространения коронавирусной инфекции». Предлагаемые к исполнению ограничительные мероприятия касались в первую очередь граждан в возрасте старше 60 лет, а также граждан, имеющих ряд хронических заболеваний. Данная категория жителей края должна была соблюдать режим полной самоизоляции по месту проживания либо в иных помещениях, в том числе в жилых и садовых домах.

Иным категориям граждан разрешалось покидать свое место проживания в строго определенных случаях, при этом они обязывались соблюдать дистанцию не менее 1,5 метра. На территории Забайкальского края было запрещено проведение культурных, спортивных, физкультурных, зрелищных и иных массовых мероприятий с числом участников более 50 человек. Розничная продажа алкогольной продукции ограничивалась и запрещалась с 18 часов 00 минут до 09 часов 00 минут. До 1 июня 2020 г. приостанавливался прием и размещение граждан в пансионатах, домах отдыха, санаторно-курортных организациях, санаторно-оздоровительных детских лагерях круглогодичного действия.

Приостанавливалась деятельность организаций и индивидуальных предпринимателей в сфере общественного питания. Образовательные организации обязывались реализовывать образовательные программы с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий.

Гражданам, прибывающим в регион из других местностей, рекомендовалось незамедлительно сообщать о месте и датах пребывания, а также свои адреса проживания и контактные данные. Данная категория граждан обязывалась обеспечивать свою самоизоляцию на дому на срок 14 календарных дней со дня возвращения.

Был установлен особый порядок передвижения на территории Забайкальского края транспортных средств по межмуниципальным и муниципальным маршрутам. Дол-

жностные лица, обеспечивающие данные вид перевозки пассажиров, обязывались контролировать эксплуатацию транспортных средств при условии их загрузки не более 50 %.

В результате реализации предложенных губернатором Забайкальского края ограничительных мероприятий в течение 2020 г. из 1 млн 597 тыс. 50 человек, проживающих в регионе, было выявлено 27 тыс. 239 инфицированных, из которых было госпитализировано 1 тыс. 609 и впоследствии скончались 386 чел. Усредненные показатели относительно общего количества проживающего в крае населения составили 2,57 %, 0,15 % и 0,03 % соответственно.

В Иркутской области решение о введении особого правового режима было принято 18 марта 2020 г. Указом губернатора Иркутской области № 59 «О введении режима функционирования повышенной готовности для территориальной подсистемы Иркутской области единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций».

В соответствии с этим указом на территории региона с 20.00 часов 18 марта 2020 г. вводился режим функционирования повышенной готовности для территориальной подсистемы. Руководителем мероприятий по предупреждению чрезвычайных ситуаций назначался председатель Правительства Иркутской области. Данным указом были утверждены «Методические рекомендации по режиму труда исполнительных органов государственной власти Иркутской области, органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области, государственных и муниципальных учреждений, осуществляющих деятельность на территории Иркутской области».

В соответствии с требованиями указа переносились театральные-зрелищные, культурно-просветительские, зрелищно-развлекательные, спортивные и другие массовые мероприятия, ограничивался выезд организованных групп обучающихся за пределы Иркутской области. Гражданам, проживающим на территории области, рекомендовалось воздержаться от поездок за пределы региона, посещения массовых мероприятий и предприятий общественного питания. Всем прибывшим из стран, где были зарегистрированы случаи заболевания коронавирусной инфекцией, предписывалось обеспечить самоизоляцию на дому на срок 14 дней со дня возвращения.

Работодателям, осуществляющим деятельность на территории Иркутской области, рекомендовалось провести мероприятия, направленные на выявление работников с признаками инфекционного заболевания. В случае получения информации о заболевании сотрудника коронавирусной инфекцией работодатели обязывались проводить мероприятия по дезинфекции помещений, где находился инфицированный работник.

Проводить мероприятия с участием иностранных граждан разрешалось только по поручению временно исполняющего обязанности Губернатора Иркутской области И. А. Кобзева. Отменялись все командировки за пределы территории Российской Федерации, за исключением командировок, носящих неотложный характер и организованных во исполнение поручений Президента и Правительства Российской Федерации.

Реализация в течение 2020 г. ограничительных мер, введенных указом исполняющего обязанности губернатора Иркутской области, привела к тому, что из 2 млн 391 тыс. 200 человек, проживающих в регионе, удалось выявить 40 тыс. 519 инфицированных,

из которых было госпитализировано 2 тыс. 683 и впоследствии скончались 1 тыс. 220 человек. Усредненные показатели относительно общего количества проживающего в крае населения составили 1,69 %, 0,11 % и 0,05 % соответственно.

В Бурятии ограничительные мероприятия стали проводиться с 13 марта 2020 г. в соответствии с Указом главы Республики Бурятия № 37 «О дополнительных мерах по защите населения и территории Республики Бурятия от чрезвычайной ситуации, связанной с возникновением и распространением инфекции, вызванной новым типом коронавируса (2019-nCoV)».

В соответствии с этим указом граждане, посещавшие территории, где были зарегистрированы случаи инфекции, обязывались сообщать о своем возвращении в Российскую Федерацию, месте, датах пребывания и соблюдать постановления главных государственных санитарных врачей о нахождении в режиме изоляции на дому. Работодатели данной категории граждан должны были оказывать им содействие в обеспечении соблюдения режима самоизоляции на дому.

Исполнительным органам государственной власти Республики Бурятия, главам муниципальных районов и городских округов в Республике Бурятия предписывалось ограничивать проведение массовых мероприятий с международным участием и обеспечивать контроль подведомственных учреждений по усилению дезинфекционного режима.

Данные ограничительные мероприятия позволили минимизировать количество пораженных COVID-19 в Бурятии до 25 тыс. 724 человек из 985 тыс. 431 человек, проживающих на территории республики. При этом скончалось 591 чел. Относительно общего количества проживающего в регионе населения показатели составили 2,6 %, инфицированных и 0,05 % скончавшихся.

Таким образом, во всех трех рассмотренных нами субъектах Российской Федерации решениями их глав, оформленными в виде подзаконных нормативно-правовых актов, обязательных к исполнению на территории регионов, в течение марта и апреля 2020 г. были введены режимы функционирования повышенной готовности для территориальной подсистемы единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, предусматривающие непрерывный сбор и обработку данных, информирование населения о приемах и способах защиты и принятие оперативных мер по предупреждению возникновения и развития чрезвычайных ситуаций.

В числе ограничительных мер применялись обязательные 14-дневные карантинные мероприятия в специально оборудованных учреждениях для лиц, прибывавших из стран со сложной эпидемической обстановкой. Была практически полностью прекращена деятельность целого ряда предприятий и производств. Ограничивалось проведение спортивных состязаний, массовых мероприятий, собраний и митингов. Для граждан определенной возрастной группы вводился режим самоизоляции. В общественных местах предусматривались условия для соблюдения социального дистанцирования. Образовательные организации были переведены на дистанционные формы обучения.

Последовательная реализация вышеуказанных мер и контроль за их выполнением и позволили руководству Иркутской области минимизировать последствия распростра-

нения инфекции и снизить количество инфицированных граждан относительно среднероссийских показателей на 0,41 %.

Данное обстоятельство свидетельствует о высокой степени координации органов местного самоуправления при реализации требований Указа № 59 губернатора Иркутской области. В то же время по количеству летальных исходов заболевания COVID-19 статистические показатели в Иркутской области превысили средние по стране на 0,02 %.

Забайкальский край и Республика Бурятия превысили среднестатистические показатели по инфицированным гражданам на 0,47 % и 0,5 % соответственно, что свидетельствует о недостаточном контроле за реализацией предписанных к исполнению ограничительных мероприятий по противодействию распространению коронавирусной инфекции. При этом в целом биолого-социальная обстановка, сложившаяся на территории Восточной Сибири в течение 2020 г., свидетельствует о достаточно высоком уровне мониторинга эпидемиологической ситуации и своевременности введения ограничительных мероприятий, предусмотренных особыми правовыми режимами повышенной готовности для территориальных подсистем РСЧС во всех трех субъектах Российской Федерации, рассмотренными в нашем исследовании.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Калинин А. М. Политика изоляции населения во время пандемии COVID-19: какие стратегии выгодны государству? / А. М. Калинин, Л. С. Засимова, М. Г. Колосницына, Н. А. Хоркина // Вопросы государственного и муниципального управления. — 2020. — № 4. — С. 5—12.
2. Дробот Е. В. Мировая экономика в условиях пандемии COVID-19: итоги 2020 года и перспективы восстановления // Экономические отношения. — 2020. — Т. 10. — № 4. — С. 937—960.
3. Домрин А. Н. Государственно-правовой институт чрезвычайного положения. Постановка проблемы // Конституционный вестник. — 1992. — № 1. — С. 58—62.
4. Барбин В. В. Конституционно-правовые режимы в Российской Федерации: моногр. / В. В. Барбин. — М.: Академия управления МВД, 2017. — 195 с.
5. Пчелинцев С. В. Проблемы ограничения прав и свобод граждан в условиях особых правовых режимов. — М.: Изд-во Норма, 2006 (М.: Тип. "Полимаг"). — 479 с.
6. Башалханова Л. Б. Роль ресурсов климата в инвестиционной привлекательности регионов Восточной Сибири / Л. Б. Башалханова, И. А. Башалханов, В. Н. Веселова // География и природные ресурсы. — 2003. — № 4. — С. 122—129.

REFERENCES

1. Kalinin A. M., Zasimova L. S., Kolosnitsyna M. G., Khorkina N. A. Politika izoljacji naselenija vo vremja pandemii COVID-19: kakie strategii vygodny gosudarstvu? [The policy of isolation of the population during the COVID-19 pandemic: what strategies are beneficial to the state?]. *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija — Issues of state and municipal administration*. 2020, no. 4, pp. 5—12.
2. Drobot E. V. Mirovaja jekonomika v uslovijah pandemii COVID-19: itogi 2020 goda i perspektivy vos-stanovlenija [The world economy in the context of the COVID-19 pandemic: the results of 2020 and prospects for recovery]. *Jekonomicheskie otnoshenija — Economic relations*. 2020, Vol.10, no. 4, pp. 937—960.

3. Domrin A. N. Gosudarstvenno-pravovoj institut chrezvychajnogo polozhenija. Postanovka problemy [State Legal Institute of the State of Emergency. Statement of the problem]. *Konstitucionnyj Vestnik — Constitutional Vestnik*. 1992, no. 1, pp. 58—62.

4. Barbin, V. V. Konstitucionno-pravovye rezhimy v Rossijskoj Federacii: monogr. [Constitutional and legal regimes in the Russian Federation: monograph]. Moscow, Akad. UPR. MIA, 2017, 195 p.

5. Pchelintsev S. V. Problemy ogranichenija prav i svobod grazhdan v uslovijah osobyh pravovyh rezhimov [Problem of restricting the rights and freedoms of citizens in the context of particular legal regimes]. Moscow, Publishing house Norma, 2006, 479 p.

6. Bashalkhanova L. B., Bashalkhanov I. A., Veselova V. N. Rol' resursov klimata v investicionnoj privlekatel'nosti regionov Vostochnoj Sibiri [The role of climate resources in the investment attractiveness of the regions of Eastern Siberia]. *Geografija i prirodnye resursy — Geography and natural resources*. 2003, no. 4, pp. 122—129.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сысоев Алексей Александрович, кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры тактико-специальной подготовки. Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

ORCID: 0000-0002-0473-4365

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sysoev Alexey Alexandrovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Tactical and Special Training. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 110, Lermontov str., Irkutsk, Russia, 664074.

ORCID: 0000-0002-0473-4365

Статья поступила в редакцию 22.09.2021; одобрена после рецензирования 29.09.2021; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted 22.09.2021; approved after reviewing 29.09.2021; accepted for publication 25.02.2022.

Информация для авторов

1. Журнал является научным периодическим изданием, выходит ежеквартально.

2. Все публикуемые материалы проходят научную экспертизу.

3. Журнал имеет раздел на официальном сайте Восточно-Сибирского института МВД России (далее — Институт) в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, содержащем его полнотекстовую версию.

4. Общее руководство, определение политики формирования и издания научно-практического журнала осуществляет редакционный совет.

5. Регламентацию требований к представляемым материалам и условиям их опубликования в журнале, а также решение иных вопросов выхода издания в свет осуществляет редакционная коллегия.

6. Научный материал (статья, обзор, рецензия, отзыв и иное) должен быть оригинальным, ранее не опубликованным в предоставленной редакционной коллегии в других печатных и (или) электронных изданиях.

7. Научный материал должен сопровождаться необходимым инструментарием: ссылками на законодательство, актами официального толкования права, материалами правоприменительной практики, научной литературой, статистическими, информационно-аналитическими и иными данными, подтверждающими их научную обоснованность.

8. Для опубликования научных материалов в журнале необходимо представить в адрес редакционной коллегии надлежащим образом оформленные: рукопись научного материала (статьи, обзора, рецензии, отзыва и иное); заявку на опубликование; лицензионный договор; к статье адъюнкта, аспиранта должен быть приложен отзыв научного руководителя, рекомендующего данную статью к опубликованию. Подпись должна быть заверена кадровым аппаратом соответствующей организации.

9. Научный материал, заявка на опубликование и лицензионный договор (для адъюнкта прилагается отзыв научного руководителя) должны быть предоставлены в редакционную коллегию не позднее двух месяцев до опубликования очередного выпуска журнала.

10. Научный материал, заявка на опубликование и лицензионный договор (для адъюнкта прилагается отзыв научного руководителя) предоставляются

по электронной почте либо почтовой связью с приложением электронного варианта научного материала, рецензии и заявки на опубликование.

11. Ответственность за достоверность цифр, фактов, цитат и иной информации, приводимой в научном материале, возлагается на автора.

12. Автор научного материала заключает с Институтом лицензионный договор, по которому на безвозмездной основе предоставляет права на использование научного материала.

13. Требования к оформлению научного материала, заявки на опубликование и рецензии помещаются в каждом выпуске издания в разделе журнала и на официальном сайте Института в информационно-коммуникационной сети Интернет.

14. Все публикуемые в журнале научные материалы подлежат внутреннему рецензированию.

15. Рецензии хранятся в редакции издательства в течение пяти лет.

16. При поступлении научного материала, заявки на опубликование, лицензионного договора, а также отзыва научного руководителя (для адъюнкта, аспиранта), редакционная коллегия определяет их соответствие предъявляемым требованиям и организует рецензирование научного материала.

17. В целях проведения экспертной оценки поступивших материалов определяется рецензент из состава редакционной коллегии и (или) редакционного совета, исходя из направления научной работы.

18. Члены редакционного совета и (или) редакционной коллегии осуществляют рецензирование представленного научного материала.

19. Заседание редакционного совета и редакционной коллегии журнала проводятся в соответствии с локальным правовым актом Института (положением).

20. При определении рецензентов учитываются их научная квалификация, опыт проведения фундаментальных и прикладных научных исследований, направления научной работы, количество публикаций по теме полученного научного материала за три года.

21. При подготовке рецензии на научную статью адъюнкта, аспиранта учитывается оценка научного материала, содержащаяся в прилагаемом отзыве научного руководителя.

22. Рецензия даёт всестороннюю и объективную оценку научному материалу и включает элементы описания рецензируемого труда.

23. В рецензии указываются место работы, должность, учёная степень, учёное звание, фамилия и инициалы рецензента. Рецензия распечатывается, подписывается, заверяется печатью и передаётся рецензентом для учёта и хранения (в течение пяти лет).

24. По результатам рецензирования принимается одно из следующих решений: об опубликовании научного материала в журнале; о направлении научного материала автору на доработку; об отклонении.

25. Принятое решение, копия рецензии доводится до сведения автора по электронной почте или факсимильной связью.

26. В случае принятия решения о направлении научного материала автору на доработку, к доработанному автором научному материалу предъявляются общие требования. На повторно направляемый автором для опубликования в журнале доработанный научный материал заново оформляется заявка на опубликование, рецензирование поступающих материалов осуществляется в установленном порядке.

27. При поступлении соответствующего запроса из Министерства образования и науки Российской Федерации направляются копии рецензий.

Требования, предъявляемые к материалам

Для опубликования научных статей, сообщений, обзоров, рецензий и иных материалов в журнале необходимо представить надлежащим образом оформленные материалы, заявку, отзыв научного руководителя (для адъюнкта, аспиранта), справку автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, а также подписанный автором лицензионный договор.

Заявка на опубликование представляется в распечатанном и электронном виде. Лицензионный договор представляется в распечатанном виде. Бланк договора размещён на сайте издания. Договор предусматривает безвозмездную передачу неисключительных прав на произведение. Лицензионный договор является типовым, собственноручно заполняется и подписывается автором.

Требования к оформлению статей

Минимальный объем — 7 страниц печатного текста, оформленного в соответствии с указанными ниже требованиями.

Максимальный объем — 15 страниц печатного текста, оформленного в соответствии с указанными ниже требованиями.

1. Требования к оформлению печатного текста

Формат файла: doc.

Шрифт: Times New Roman (Сут).

Размер шрифта: 13 кегль.

Междустрочный интервал: 1.

Поля: все по 2 см.

Абзацный отступ: первая строка (отступ 1,25 мм).

Не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «Пробел». Выравнивание устанавливать «По ширине». Сноски (если есть) — концевые, нумерация сквозная.

Фотографии, рисунки представлять отдельными файлами в формате jpg (без сжатия) в чёрно-белом или цветном изображении, с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм).

Графики, схемы, таблицы, диаграммы и другие графические иллюстрации не представлять как сканированное изображение (т. к. изображение уже невозможно отредактировать).

Затекстовые библиографические ссылки оформляются как «Список источников». Внутритекстовые ссылки на источники приводятся по тексту в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника в списке источников (затекстовых ссылках) и страниц, на которые ссылается автор (*например, [2, с. 46]*).

Список источников оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5—2008 (обязательно с указанием издающей организации (издательства) и полным количеством страниц). Список источников оформляется по степени упоминания в тексте (не по алфавиту) в соответствии с ГОСТ Р 7.0.7—2021.

НАСТОЯТЕЛЬНО РЕКОМЕНДУЕМ ИСПОЛЬЗОВАТЬ: SNOSKA.INFO — онлайн-ресурс, с помощью которого можно быстро оформить основные типы источников. В тексте ссылки нумеруются в квадратных скобках, номер указывает на источник в списке литературы.

В конце текста автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения».

2. Обязательные реквизиты

В начале статьи, перед ее названием, автор должен указать: УДК, свою фамилию, имя, отчество, место работы, должность, учёное звание, учёную степень, контактные телефоны, адрес электронной почты (если нет личной электронной

почты, указывается электронный адрес места работы (кафедры, института и т. п.), по которому с автором можно связаться).

Аннотацию (не менее 500 знаков, включая пробелы), ключевые слова (пять-семь основных слов статьи без расшифровки понятий, через запятую, характеризующих проблематику статьи). Аннотация должна содержать следующие разделы: введение, материалы и методы, результаты исследования, выводы и заключения (при этом данные разделы не должны дублировать слово в слово текст разделов научной статьи). Образец оформления статьи размещен на сайте журнала в сети Интернет: www.vestnikesiirk.ru

Фамилия, имя, отчество, место работы, ученая степень, ученое звание, аннотация в научной статье приводится на русском и английском языках.

3. Требование к указанию научной отрасли

В статье должна быть указана научная специальность (специальности), которой соответствует тематика статьи. Научная специальность определяется в соответствии с утверждённой приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 23 октября 2017 г. № 1027 номенклатурой научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени.

4. Требования к отзывам на научную статью адъюнктов, аспирантов

В отзыве должны получить отражение следующие аспекты работы: актуальность и оригинальность статьи, теоретическая цельность и практическая значимость статьи, использование материалов, опубликованных по теме статьи, степень структурированности материала статьи, полнота и правильность прилагаемого списка использованной литературы, ясность и понятность стиля изложения текста статьи для читателя, наличие ошибок и технических погрешностей, соответствие выбранной методологии исследования поставленным целям работы, обоснованность выводов, представленных в статье. Отзыв не является рецензией на статью, а лишь помогает рецензенту всецело оценить научный материал.

5. Требование к соблюдению режима секретности

Журнал является открытым источником для опубликования научных материалов. Требования к соблюдению режима секретности регламентированы действующим законодательством Российской Федерации и нормативными правовыми актами МВД России.

К представленному научному материалу должна прилагаться **справка автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати**, заверенная личной подписью.

6. Порядок направления рукописей и издания журнала

Статья представляется в адрес Института в виде принтерной распечатки с приложением электронной версии (на CD), соответствующей бумажному варианту.

При этом рукопись статьи должна быть пронумерована и подписана лично автором.

Рукопись, ее электронная копия, отзыв научного руководителя (для адъюнктов, аспирантов), справка автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, может быть направлена по электронной почте в адрес: **esiirk-vestnik@mvd.gov.ru**. При этом оригиналы направленных по электронной почте документов должны быть предоставлены не позднее двух недель со дня направления их по электронной почте.

Гонорары за публикацию статей не выплачиваются. Электронные версии выпусков настоящего журнала размещаются в открытом доступе на странице сайта www.esiirk.mvd.ru

ВЕСТНИК
ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА
МВД РОССИИ

Научно-практический журнал
№ 1 (100) 2022

Редактор: А. В. Андреев
Технический редактор: Л. Е. Ким
Редактор-переводчик: Е. С. Фидель
Дизайн обложки: М. А. Полянская

НИиРИО ФГКОУ ВО ВСИ МВД России,
г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110